

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
вильдграф

Ричард Длинные Руки —
вильдграф

Охота
на магов
началась!

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сенъор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — грессграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркиграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф

Ригард Длинные Руки —
вильдграф

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
вильдграф

ЭКСМО
Москва
2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.
О-66 **Ричард Длинные Руки — вильдграф: фантастический роман / Гай Юлий Орловский.** — М.: Эксмо, 2009. — 448 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-38906-3

Гандерсгейм — таинственный край, откуда постоянно угрожают королевству Сен-Мари. Но вторгаться крестоносному войску вслепую опасно, потому сэр Ричард быстро и умело, пользуясь своими особыми умениями, составляет подробнейшую карту дорог, мостов, переправ, крепостей, городов...

Попутно завязывает связи с ограми, троллями и кентаврами. Осталось только подвести могучее рыцарское войско к границам.

Есть ли сила, способная помешать вторжению?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-38906-3 © Орловский Г. Ю., 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Все, что Господь делает, делает хорошо.
Хоть и непонятно.

Ричард — вильдграф

Часть 1

Глава 1

Ярл Растенгерк, как и я, провожал беспомощным взглядом рыдающую принцессу Вики. Мириам ушла следом и с силой захлопнула за собой дверь, король со страдальческим лицом смотрел вслед дочери. Я попятился, чувствуя себя лишним, со скрипом царапнул шипами на голове и гребнем шеи верх слишком узкого для меня дверного проема.

Как только оказался вне зала, жаркое солнце принялось с жарким сочувствием прогревать костяные плиты по всей спине. Шипы по хребту красиво заискрились, приятный жар во всем теле начал вытеснять горечь и неприятное чувство, что незаслуженно обидел двух чистых замечательных девушек. Лапы поспешно изготовились метнуть грузное тело вверх, а там по воздуху мощно ударят жилистые перепончатые крылья и швырнут меня еще выше, пока внизу облачное поле не покажется заснеженной равниной. Я сделал все, что мог, кто умеет лучше — пусть делает... И пусть ухитрится сделать меньше ошибок, если такой умный.

Голос ярла прозвучал сбоку, как жужжание комара, на которого можно не обращать внимание:

— Господин дракон...

Я проревел нетерпеливо:

— Что еще?

— Я не хотел бы, — произнес Растенгерк, — выглядеть обманщиком.

Он опустил взгляд, коричневое от загара лицо дрогнуло, и хотя солнечные лучи бьют с такой силой, что глазам больно, Растенгерк помрачнел, словно на него пала густая тень от грозовой тучи с дождем и градом.

— Вы были правы, — проговорил он, стараясь не отводить полные стыда глаза, — насчет моего положения в племени...

— Еще бы, — прорычал я. — Конечно, я прав всегда. Кроме тех случаев, когда не прав. И что там в племени?

— За эти десять лет, — сказал он, — власть перешла к моему брату, но он погиб, затем к младшему, нас трое, однако вожди сумели его сместить... Ассиры — это не племя, а союз, и хотя мы всегда выступаем, как одно целое, голос племенных вождей звучит громко и значит для нас много.

Я ощутил сильнейшее желание сесть на землю и почесать, как собака, задней левой за правым ухом. Десяток воинов рассыпались по краям площади, челядь то и дело выглядывает из окон и дверей испуганно, как суслики из норок. Все стараются держаться подальше, дракон есть дракон, кто знает, что у него на уме, вдруг укусит. Растенгерк серьезен и бледен, как покойник, но выпрямляет спину и старается не показать, как сильно нуждается во мне, гордость не позволяет, совсем не умеет врать здешний народ. Я могу и с охотой бы научил, врать — это признак цивилизованности, но некогда, некогда.

— Это меняет многое... — пробормотал я. — Но, надеюсь, не помешает вашему браку?

Он медленно опустил голову.

— Для Мириам мое положение ничто не значит.

Он бросил быстрый взгляд в сторону нахмурившегося Франсуа Меченого. Его Величество, хоть и не смотрит в нашу сторону, однако подобрало губы, лицо стало строгим и требовательным.

Я прорычал сочувственно:

— Отец у нее не просто родитель. Любой рекс старается браком укрепить свои владения. Так не просто принято, а...

разумно. Впрочем, тебе не понять, ты ради любви бросил все на свете... Сочувствую, но... зато у вас любовь! Что-то теряем, что-то находим. Разве найти ее не важнее, чем сесть на трон объединения ассирских племен?

Растенгерк наконец поднял голову и посмотрел исподлобья. Во взгляде недоверие, серьезно ли говорю, дурак какой-то, а не дракон.

— Да, господин дракон, — проговорил он. — Что ж, буду стараться найти свое место в этом... изменившемся по моей вине мире. Спасибо, что выслушали. Я просто хотел предупредить...

— О чем?

— К сожалению, можете рассчитывать только на мою личную преданность и поддержку. За Мириам я для вас сделаю все!

Я прорычал:

— В ваших племенах власть выборная?

Он молча покачал головой. Франсуа наконец повернулся к нам, тоже мрачный, как туча с градом.

— Вы уже поняли, — буркнул он, — наследственная.

— Просто хотел убедиться, — ответил я. — А племя... вернее, объединение, велико?..

— Одно из самых крупных, — заверил Растенгерк. На короля он старался не смотреть, чтобы и того не ставить в неловкое положение. — Но мне туда лучше не соваться.

— Вам придется нелегко, — посочувствовал я. — Однако у меня дела...

— Нужно отбыть именно сегодня? — спросил он.

Я прорычал:

— У меня несколько дней в запасе. Но я еще не посмотрел места обитания кентавров, огров и троллей, которых вы сумели привлечь даже в войско. Это удивительно. Мне очень надобно знать, как вы это сделали. В других странах сотрудничество с нелюдьми кажется немыслимым. Как вам это удалось?

— Я могу показать вам их земли, — предложил он. —

Нет, только кентавров!.. Я бывал возле тех мест. Я даже знаю, откуда приходят тролли, что были в нашем войске!..

— А огры?

— Огры, — сказал он неохотно, — не знаю. Это горный народ, а мы — степняки.

Я поинтересовался:

— Но откуда-то огры услышали про ваш великий поход?.. И кто-то уговорил их присоединиться?.. Не думаю, что это просто. Огры, как я слышал, нелюдими.

Король кашлянул, лицо недовольное и в то же время несчастное, пробормотал нехотя:

— Ходят слухи, их призвал волшебник Сьюманс.

— Да, — подтвердил Растенгерк. — Я слышал тоже. Хотя волшебникам вроде бы нет дел до нашего быта.

Я поинтересовался:

— Этот волшебник в пределах досягаемости?

Король пожал плечами, Растенгерк ответил быстро:

— Тоже в горах. Но недалеко.

— Кто-нибудь знает, где именно?

— Я знаю, — ответил он и прямо посмотрел мне в глаза.

Я подумал, буркнул:

— Хорошо. Я сэкономлю время на поисках, если покажете мне дорогу к этому колдуну. А я подумаю, чем могу помочь вам... если это меня не затруднит... слишком. И не отнимет времени. У меня не больше недели в запасе. Но отсюда надо убраться немедленно.

Он зыркнул на меня исподлобья.

— Я понимаю вас, господин дракон. Я все покажу. Но надо предупредить Мириам...

— Нет!

— Хотя бы попрощаться...

— Нет! — отрезал я еще резче.

— Но почему?

Я пояснил зло:

— Не знаю, какой из вас лев, но Мириам — львица. Она вскарабкается на мою спину раньше вас. Так что ваши сло-

ва любви и возможной верности ей передаст Его Величество. Передадите, Ваше Величество?.. Ну вот, а вы говорите, короли всегда врут. Мириам будет больше уважать вас, если сумеете оторваться от нее в такой день ради долга и чисто мужских дел!

Он растерянно смотрел в сторону двери. Я хмыкнул и повернулся в сторону площади для разбега. Воины и слуги указывали в мою сторону пальцами, я в ярком солнечном свете сверкаю, как начищенный слиток металла, мои лапы сделали первый шаг, ярл с внезапным криком решимости бросился ко мне, ухватился за колено, но я мстительно начал разбег, и ему пришлось с трудом на ходу карабкаться на спину и цепляться там за острые шипы гребня.

Я мощно оттолкнулся всеми четырьмя и взмыл в воздух. Крылья ощутили тугие струи воздушного океана, их распластало так, что прикрыли тенью королевский двор.

Ярл прижался к костяным плитам спины всем телом, я чувствовал, как дрожат руки, а пальцы впились в щели с такой силой, что вот-вот прорастут туда корнями.

— Я держусь, держусь! — крикнул он. — За меня не беспокойтесь!

— Там есть веревки, — проревел я.

— Нашел, — ответил он.

— Больше не отвлекай, — рыкнул я. — Мыслить буду.

— Хорошо, господин дракон!

Все еще злюсь, снова кому-то помогаю, хотя на самом деле больше потакаю себе, но лучше бы только себе, не влезая в мелкие человеческие страстишки. Вообще-то говорю и думаю, как заправский дракон, но если по правде, то любой мыслящий человек... или нечеловек, неважно... должен презирать мелкие страстишки и уважать стремление к великому. Я вот уважаю и стремлюсь, но только ничего для этого не делаю... хотя это уже мелочь. Важно стремление, а не результат.

В предвкушении, что скоро увижу Брабант и обниму Дженнифер, я шел так, словно и нет плотной стены возду-

ха. Встречный ветер ревет в ушах, а я мчусь, как исполинская живая стрела, пугая скользящей внизу тенью птиц и отдыхающие стада грациозных газелей.

Ярл держится тихо, осваивается, молодец, все-таки первый полет на драконе, но мужчины всему учатся быстро, это женщинам нужно повторять долго и много раз, но зато они и запоминают лучше. Я иногда поглядывал на него, не поворачивая головы, выпуклые глаза позволяют видеть и то, что сзади, синхронизировать два изображения в одно не приходится, просто угол зрения шире, иначе бы просто рехнулся.

Земля внизу тонет в радостном солнечном блеске. С этой высоты кажется, там мертво или хотя бы безлюдно, одни камни, но присмотревшись замечал, как облачко сдвигается по долине, это очередное несметное стадо овец меняет пастбище, вон там зелень чересчур ровными квадратами, чувствуется рука земледельцев, недавних кочевников...

В лощинах крохотные яркие точки шатров, можно разглядеть даже места кострищ. Возле колодцев обычно все вымощено камнями, чуть дальше всегда буйная зелень...

Несколько раз внизу проплывали станы кочевников по сотне шатров, я смотрел на множество коней, ослов, все равно не понимаю, чем питаются в таких голых и безлюдных местах.

Дальше пошли песчаные барханы, по большей части из-за сильных ветров вытянутые, издали смотрятся как женские тела, слегка подрумяненные солнцем, но иногда причудами вихря творится такое, что я видел даже совершенной формы женские груди, устремленные вершинками в небо.

Нередко небольшие и четкой формы, девичьи, так сказать, но чаще принадлежат зрелым сочным женщинам: крупные расплывшиеся от собственной тяжести, но не ставшие менее зовущими. Я заметил, и Растенгерк поглядывает на них несколько странно и непроизвольно облизы-

вает губы, словно уже теребит ими, но тут же спохватывается, бормочет что-то отгоняющее наваждение, бросает быстрые взгляды на небо и по сторонам.

Я устремил взгляд в сторону горизонта, там далеко Брант, а еще дальше Сен-Мари, оно же Орифламме, а также Арндское королевство, сверху раздался вопль:

— Вот она!

Растенгерк указывал рукой и возбужденно вопил, перекивая свист и взрывывания ветра. Среди зеленых холмов гордо поднялась и начала приближаться с каждым взмахом крыльев настоящая башня, созданная природой. Отвесные ровные стены, хотя и слоистые, уже почти могу отличать мезозой от триаса или палеозоя, а на самом верху громоздится массивнейшая глыба размером с трехэтажное здание.

— Это его башня! — закричал Растенгерк.

— Чья?

— Того волшебника! Я ее сразу узнал... по описаниям.

— Который ладит с ограми?

— Да! Это он сумел их понудить пойти с нашим войском.

— Неплохое убежище, — пробормотал я.

— Это не убежище!

— А что?

— Его башня власти!

Я изменил угол наклона крыльев, башня послушно поплыла по кругу, с молчаливым достоинством давая себя осмотреть со всех сторон. Место в самом деле неприступное, как только сам чародей поднимается, скалолаз чертов, не сидит же безвылазно всю жизнь...

Блеснула отполированной поверхностью часть стены, а перед ней словно бы порожек на пару шагов. Не такая площадка, как перед пещерой, где я держал Мириам, здесь даже присесть не смогу в драконьем обличье.

— Вот там он и живет! — крикнул Растенгерк. — Чело- веку туда не попасть, да ему никто и не нужен!.. Даже дра- кон может лишь уцепиться... вон там выступ у входа!.. и ви-

сеть там, надеясь, что чародей выйдет взглянуть на небо. Или восхочет подышать свежим воздухом.

Я прорычал:

— Значит, рискну...

— Но маг может не выходить годами!

— Значит, — сообщил я, — буду висеть годами, пока не выйдет и не заметит. Это так на меня похоже!

Он озадаченно умолк, уловив сарказм, а я сделал еще круг над горой, как пчела, что запоминает расположение улья. Меня подняло выше, Растенгерк выжидающе помалкивает, но вертит шеей, глаза как блюдца, когда еще придется подняться выше орлов и соплеменных. Будет чем потом хвастаться.

Наконец я сказал с удовлетворением:

— Хорошо, дорогу теперь знаю. А теперь подумаем, куда сбросить тебя.

Он сказал с натянутой улыбкой:

— Я вроде бы летать не умею...

— А если с большой высоты? — предложил я. — Может быть, успеешь научиться?..

— Вряд ли, — ответил он.

— Почему?

— Трезвый слишком.

— А-а-а, ну, Мириам от вина отучит быстро. Хорошо, если придется лететь к твоим... как они называются?

— Айсоры? — перепросил он. — У нас гордый и отважный народ, однако айсоров мало. Рядом уарты и саргоны, одних больше всемеро, а других в двенадцать раз.

— Воюете? — спросил я с интересом.

— А как иначе?

— И вас еще не истребили?

Он ответил с достоинством:

— Мы степной народ, но когда прижимают к горам, уходим на самые вершины. По ночам нападаем... Любой враг несет такие потери, что в ужасе бежит с наших земель!

— Стойкий вы народ, — пробормотал я.

— И самый отважный!

— Ну-ну, где эти айсоры?

— Надо за вон ту горную цепь, — сказал он неохотно, — там две долины, заняты урартами и саргонами. Мне там лучше не появляться, у нас кровная вражда.

— А в обход?

Он потряс головой.

— На беду, айсоры вроде камешка в кипящем море. Они не подчинились совету старейшин ассиров.

— Понятно. Теперь в изоляции?

— Да.

— Твой младший брат здесь?

— Элькреф? — переспросил он. — Нет, он в королевстве Тиборре. Что-то у нас в роду такое... Я обезумел от любви к принцессе народа глиноедов, так у нас зовут горожан, а мой младший брат тоже влюблен в такую же, где в ее городе и нашел теперь убежище. Но ему повезло больше, чем мне.

— В чем?

Он сказал с некоторой завистью:

— Не пришлось гоняться десять лет за невестой, чтобы объясниться. Он любит и любим, собираются сыграть свадьбу.

Я прорычал насмешливо:

— А не помешает, что он уже не великий вождь?

Он крикнул:

— Тиборра — самое крупное здесь королевство! В нее входит десять городов и часть сел. Его король Жильзак Третий не нуждается в укреплении связей через брак, ему хватает торговых. А еще его дочь Элеонора Гордая умеет настаивать на своем.

Я рыкнул мощно:

— Элькрефу повезло, а вот тебе... может, вообще не стоит стремиться в свое племя?

— Айсоры мне верны, — ответил он просто. — Я должен разделить судьбу с ними.

Я спросил коварно:

— А как же Мириам?

Он даже зажмурился, на лице отразилась внутренняя борьба между чувствами попроще, их зовем любовью, и высокими, типа долга, чести и любви к Отечеству.

— Мириам меня поймет, — ответил он наконец. — Она предпочтет, чтобы я погиб, пытаясь вернуть себе трон, чем вернулся к ней опозоренным.

Я пробормотал:

— И почему это люди чести и долга воюют между собой? Даже обязаны драться!.. А люди без чести и доблести умеют договариваться?

Земля внизу не проплывает, а проносится, словно меня несет по идеальному и абсолютно прозрачному льду. Растенгерк то и дело свешивается то с одной стороны, то с другой, рассматривает местность, лицо напряженное, глаза вспыхивают огнем — когда испугиваем стадо газелей или пасущихся в траве диких свиней.

— А теперь, — спросил он напряженным, как струна, голосом, — возвращаетесь в свое заоблачное королевство?

Я шумно вздохнул, выпустив с дыханием и малость сизого дыма.

— Увы, нет.

— Еще дела?

— Да, — ответил я. — Я ж сказал, еще не видел, как тут живут кентавры, тролли, огры... Интересно, как вы сумели с ними ужиться.

Растенгерк посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— С жителями городов сумели же? А с людьми ужиться всегда труднее.

— Ну, то люди...

— С кентаврами то же самое, — сказал он твердо. — После первого сражения, когда две трети их осталось на поле бездыханными, кентавры признали, что мы сильнее. Нашим вождям этого достаточно. То же с троллями и ограми, хотя война с ними затянулась на два поколения. Они на-

много сильнее, однако нас больше, в седла коней убитых героев вскакивают их дети...

Я кивнул, это понятно, даже если истребить всех-всех мужчин в этих степных племенах, через десять-пятнадцать лет у них будет новая грозная армия. В каждой семье по семь-десять, а то и больше детей, а у кочевников каждый мужчина — воин. У троллей, тем более у огров, рождаемость, как догадываюсь, не в пример скромнее, в затяжных войнах они проиграют точно.

Глава 2

Крылья несут мощно и красиво, я непроизвольно забилрался выше и выше, мир становится шире, а я кажусь себе просто всесильным. Под нами проплывают зеленые пятна, которые даже мне кажутся лугами, хотя это обширные леса из могучих деревьев.

Растенгерк всматривался с повышенным вниманием, опасно свешивался с боков, заставляя меня одним из крыльев работать чуточку больше.

— Можно чуть ниже? — попросил он.

— Можно, — буркнул я.

Показалась узкая полоска извилистой реки, за ней встопорщилась, как гребень рассерженной ящерицы, каменистая насыпь. Справа и слева вызывающе ярко желтеют барханы песка, а дальше два изумрудных пятна небольших оазисов.

— Вон там! — закричал он.

Я застопорил крылья в растопыренности и скользил дальше, как щепка по тихой реке, неподвижный и как можно более неприметный. Внизу проступили точки крохотных шатров, начали различаться муравьиные фигурки коней и людей.

Мои глаза настороженно отслеживали каждое движение, нас пока не замечают, отважные и гордые тоже смотрят чаще под ноги и под копыта, чем на небо.

— В вашем племени точно нет Ледяных Игл, Костяных Решеток или подобной гадости?

Он потряс головой.

— Никогда не было!

— Что так?

— Мы ценим честный бой!

— Это очень хорошо, — сказал я с удовлетворением. Хотя мое понятие честного боя гораздо шире, но всегда приятно иметь дело с людьми, у которых понятия более узкие и строгие. — Благородство везде ценится. По крайней мере, должно. Но так у вас было десять лет тому... Как сейчас?

Он произнес с достоинством:

— Есть ценности, что не меняются!

— Это хорошо, — согласился я. — Что ж, рискнем. Но все-таки плохо, что летать не можешь. А хотя бы спланировать?

— Это как?

— Как сорванный ветром лист, — сказал я и ощутил себя поэтом. — Он тоже не брякается, как камень, а плывет, покачиваясь и опускается медленно...

— Не хочу, — ответил он. — Голова закружится, если столько покачиваться. Мужчина не должен покачиваться!

— Тем более воин, — поддакнул я. — Гордый сын степей!

— Точно, господин дракон!

— Ну, — сказал я со вздохом, — мы драконы не гордые, опустимся и снизойдем сами.

Растенгерк промолчал, а я изменил снова угол положения крыльев и с осторожностью пошел вниз. Растенгерк не стал ждать, когда нас заметят и начнется паника, поднялся во весь рост, держась за высокую иглу гребня, размахивал свободной рукой и орал во весь голос.

Я поинтересовался:

— Тебя на окраину?

— А можно ближе к центру? — спросил он и добавил извиняющимся тоном: — Пусть увидят вашу мощь, господин дракон...

— Ты ж говоришь, твои сородичи воинственны весьма и чрезмерно?

— Очень, — подтвердил он с гордостью и так же поспешно уточнил: — Но они и разумны.

— И воюют? — усомнился я. — Ладно, все мы местами молоды. Только не хотелось бы, чтобы нажились с мечами и топорами. Меня такое слегка обидит...

— Я покричу им еще!

— Хорошо, — пробурчал я, — кричи погромче. А я подыграю...

Нас заметили не сразу, огромная черная тень моих крыльев трижды прошла наискось через стойбище, пугая коней. Первыми подняли головы дети, прозвенел их крик. Из шатров начали выбегать мужчины, почти у всех в руках мгновенно появилось оружие, словно каждый и спит с ним.

Растенгерк едва не сорвал голос, пытаясь заставить этих неистовых романтиков рассмотреть не просто грозного дракона, но и человека на его спине. Наконец кто-то увидел, а потом и опознал до того, как я снизился на дистанцию выстрела из лука. Судя по бедным шатрам и одежде из грубо выделанных шкур, племя очень небогатое, если говорить дипломатично. Своих Ледяных Игл у таких точно не отыщется, а предположить, что некто уже успел как-то забежать вперед и держит меня на прицеле, — пахнет даже не откровенной трусостью, а паранойей.

Я сделал еще круг, чтобы рассмотрели Растенгерка лучше и убедились, что действительно он, затем осторожно опустился на свободное место в центре стойбища, здесь наверняка общие собрания, сложил крылья, подняв тучу пыли и заставив пошатнуться шатры, и тут же застыл, как каменное изваяние.

Растенгерк, продолжая улыбаться и вздымая победно руки, поспешно спустился на землю. Воины, ощеряясь копьями и дротиками, смотрели больше в страхе на ужасного дракона, чем на неожиданно вернувшегося их давно исчезнувшего ярла.

Он встал перед моей мордой и закричал снова:

— Опустите оружие!.. Это я, Растенгерк, а это мой друг!.. Не сердите его, он одним вздохом может испепелить все на расстоянии мили... а то и двух!.. Нет-нет, он это не сделает, он наш друг!

Раздвинув воинов, вышел высокий мускулистый воин с суровым лицом, где шрамов и морщин поровну, волосы наполовину седые, но поджар и явно все еще силен.

— Рад тебя видеть, сын мой...

Голос его звучал ровно и сильно, обращался к Растенгерку, но смотрел на меня. Растенгерк ринулся навстречу, они обнялись и долго хлопали друг друга по спине и загорелым плечам, обильно проливая скупые мужские слезы.

Воины, убедившись, что Растенгерк — действительно Растенгерк, теперь вообще не отрывали взглядов от огромного и ужасного дракона, закованного в блестящую броню костяного панциря и лат. Из шатров выглядывали и тут же прятались испуганные женщины и очень любопытные дети.

Растенгерк наконец выговорил с чувством:

— Спасибо, дядя Чегерд.

Воин сказал с суровой теплотой:

— Твой отец умер, пусть Морской Конь примет его отважную душу, теперь я твой отец. А мои сыновья — твои братья.

Растенгерк преклонил перед дядей колени.

— Спасибо, доблестный Чегерд. У меня остался один брат, но и то не знаю, жив ли. Сразу пятеро твоих сыновей — это просто милость и благоволение богов! Я благодарю великого Морского Коня, что послал мне такую родню.

Чегерд взглянул через его плечо на меня. Лицо его оставалось напряженным, а в глазах вспыхивали и с трудом угасали огоньки опасения и страха.

— Уверен, что этот дракон не пожрет здесь все?

— Уверен, дядя.

Чегерд поднял Растенгерка с колен, сам все еще не отрывает от меня настороженного взгляда.

— Я слышал, — сказал он осторожно, — их почти невозможно приручить...

— Он не приручен, — ответил Растенгерк.

Воины попятились, широкий круг вокруг меня стал еще шире. Чегерд сказал напряженно:

— Но как же...

— Это великий дракон, — объяснил Растенгерк, — повелитель других драконов. Поприветствуй его!

Чегерд кивнул мне и сказал небрежно:

— Приветствую тебя, великий... Ты в самом деле огромен даже для дракона.

Я проревел:

— Как и ты — для человека.

Чегерд вздрогнул, глаза полезли на лоб.

— Оно... умеет разговаривать?

Растенгерк торжествующе улыбался, воины вытягивали головы, словно старались заглянуть мне на спину.

Я буркнул:

— Разговаривать я умею, а вот умеешь ли ты летать?

Чегерд ошалело замолчал, Растенгерк увидел, что я зашевелился и разминаю лапы перед прыжком в небо, сказал торопливо:

— Великий Шумил, я еще раз клянусь в дружбе и надеюсь на развитие нашего союза... а пока желаю тебе успеха! Пусть везде будет опора твоим крыльям!

Я наклонил голову и прорычал благосклонно:

— Благодарю, ярл. Нужна будет помощь — зови. Вот тебе чешуйка с моего брюха! Брось в огонь, я почую. Но по мелочам не тревожь, понял?

Стойбище осталось далеко внизу и все еще уменьшается, уползая со всей долиной под брюхом из поля зрения. Я не зря сказал насчет мелочей, теперь эти айсоры вообще не позовут меня из гордости, в то же время осознание моей поддержки придаст им силы и уверенности.

А также, как догадываюсь, собьет спесь с соседей и за-

ставит призадуматься. К ним слухи дойдут, как обычно, преувеличенные и приукрашенные. Может быть, в чем-то даже эти саргоны и урарты пойдут на уступки. Но еще бы лучше — на сближение...

Золотые барханы сверкают так, что я просто вижу, как расплавленный песок стекает по округлым склонам, а там в тени медленно остывает, иначе потекли бы реки расплавленного золота и сожгли бы сонный и беспечный мир.

Вдали засверкало нечто ярче золотых песков, ярко-пурпурный в лучах заходящего солнца город. А днем, думаю, сверкает как гора из чистейшего снега, здания там то ли из белейшего мрамора, то ли из предельно белого песчаника. Я ускорил полет, но опоздал: солнечный диск соскользнул за темный край земли, везде лег полумрак, а багровые лучи свирепо бьют из-за горизонта и освещают только кучевые облака в небе, делая из них пылающие горы.

Когда наконец приблизился к городу, погасли и облака, внизу все погрузилось в темноту, что для меня все тот же день, только без теней и в черно-белом цвете. Из-за горизонта за это время выдвинулись еще города, я на такой высоте, что кажутся брошенными на траву шапками.

Из-за темного края медленно всплыла, как шарик воздуха в плотном неподвижном озере, сверкающая луна. Город подо мной даже в ее свете заблистал и стал похож на елочную игрушку. Люблю южные города, всегда из белого камня, легкие, праздничные, в них даже беднота существует в духе довольства, чего нет даже в очень благополучных северных.

В этих местах на облака смотрят как на редкую диковинку. Днем сияющая синь, ночью — великолепный купол, весь усыпанный драгоценными звездами. Природа всегда улыбается, потому и люди выглядят довольными жизнью и счастливыми.

Я бросил взгляд налево, там город еще крупнее, справа торжественно выплывает в зелени садов настоящий городище... А вон еще и еще... Девять городов достаточно близ-

ко один к другому, между ними паутина ровных и сахарно-белых нитей дорог. Какой бы ни был хилый из меня экономист, но ясно, связи между городами теснейшие. Возможно, шкуры обрабатывают в одном городе, а сапоги из них шьют в другом.

Сделав пару кругов, я сказал с досадой, что пора определиться, раз уж прекогния молчит, что-то вообще рот не открывает. Наверное, стольный город все-таки вон тот. Пусть не самый крупный, но только в примитивных и традиционных королевствах столица всегда в наиболее крупном скоплении людей, а в новых — в удобном для управления...

Выбрав густые деревья поближе к городу, я опустилсЯ как можно тише, застыл, прислушиваясь. Могли увидеть с городских стен, но я так быстро исчез из поля зрения, что даже самые бдительные вскоре перестанут смотреть в эту сторону.

Я перевел дыхание, мучительно медленно вернулся в личину человека, содрогаясь от ощущения полнейшей беспомощности во время этого перехода.

Лунный свет, застывший и неподвижный, превратил весь мир в нечто спокойное и вселенское, почудилось, что так и будет вечно, однако на востоке начало светлеть, и я понял, что короткая летняя ночь подходит к концу, едва успев начаться.

Я пошел между деревьями в сером одинаковом мире, а вышел на опушку, когда на земле смутно задвигались тени от нависающих ветвей. Уже бодрее я выбрался поближе к дороге, но там остановился в нерешительности.

Небо без облачка, солнце высунуло нещадно сверкающий горбик из-за темного края, где всю ночь грело не то мировую черепаху, не то трех слонов, впереди жаркий день, а в такой зной только дурак будет хранить верность традициям в одежде. Я обнажился до пояса, одежду сунул в мешок, а перевязь с мечом перекинул через плечо, ставши неотличим от основной массы кочевников. Солнце сладострастно вонзило острые зубешки в мою кожу, приятный жар

растекся под шкурой, растапливая последние капли нежного жирка, но я и без зеркала знаю, что стыдиться плоской груди или тонких рук не буду: перевоплощение в дракона и обратно всякий раз подгоняет меня к той норме, каким я должен быть при моем акселератизме, а не оставляет прежним рослым хиляком.

Я с удовольствием пощупал мощные бицепсы и ещё более толстые трицепсы, когда-то все это висело на руках, как вялые тряпочки, а теперь налито такой тугой силой, что на глазах раздвигает кожу. И грудные мышцы заставляют оттопыривать руки, чего стыжусь и старательно прижимаю руки к бокам, а то вид больно задиристый.

Даже живот в заметных кубиках, не шесть, а целых восемь, но, увы, я не один здесь орел, у большинства кочевников хорошие атлетические фигуры. Слабые у них вообще не выживают, недостаточно сильные и ловкие гибнут в состязаниях, соревнованиях и бесконечных межплеменных войнах.

Солнце уже всерьез обжигало плечи, когда я пошел к зияющему проему на месте городских ворот. Вскоре догнал нагруженных связками хвороста осликов и мулов, бойкие горожане успели набрать огромные вязанки, пока я выбирался из леса, вместе с этим караваном и прошел в проем крепостной стены. Сразу малость ошалел от непривычно по-южному громкой речи, гомона, бодрых голосов со всех сторон. Полные нетерпения торговцы спешно раскладывают товары, натягивают над своими богатствами тенты, ревниво поглядывают друг на друга.

Появились и первые покупатели, в основном женщины. Пришли за свежей зеленью, молоком, сыром и мясом. Торговцы на меня поглядывают с веселым любопытством и доброжелательностью, угадывая чужестранца, а у чужаков обычно водятся деньги.

Я прошел в ту часть, откуда доносится конское ржание и дробный стук копыт. Коней гоняют на длинном поводке

по кругу, выискивая недостатки, покупатели отчаянно торгуются с продавцами.

Присматриваться я долго не стал, все-таки моему Зайчику нет замены, высмотрел самого красивого, он ухитряется вставать на дыбы, поднимая повисших на удилах двух работников, что значит, силен, поинтересовался:

— А эту смирную лошадку за сколько хотят сбыть?

Продавец оглянулся, лицо возмущенное и одновременно заинтересованное. Я смотрю на коней с равнодушным снисхождением. Мол, видал и получше. Я же степняк, а для степняка признаться в своем полном невежестве по части лошадей — значит совершить социальное самоубийство. Презирать будут все кочевники, а в первую очередь сами кони.

— Сбыть? — спросил он с великим возмущением. — Это же не конь, это дикий кентавр!

— Точно, — согласился я, — только он растерял все человеческое. А раз так, то за калеку готов заплатить треть от его цены.

Другие покупатели начали прислушиваться, один подмигнул мне и сказал продавцу с преувеличенным сочувствием:

— Чего это он так? Хороший конь, хоть и староват, конечно...

— Старый конь борозды не портит, — сказал другой, вздохнул и добавил уже другим тоном, — но и глубоко не пашет.

Я понял их игру на снижение цены, поддакнул:

— Старый конь борозды не портит! Он ляжет в нее и спит.

Торговец вскричал возмущенно:

— Старый? Да этот конь только родился!.. Посмотрите, как блестит шкура! А кто похрабрее, взгляните на его зубы! Что вы все наговариваете на честного торговца?

— Честный? — изумился один из покупателей. — Да ты

у кентавра коня украдешь! Признавайся, откуда у тебя такой замечательный конь, если ты разводишь только кур?

Торговец ухмыльнулся.

— Завидуешь? А вот шел себе по улице, смотрю — блесит что-то. Поднимаю — подкова. Переворачиваю — а там этот конь.

Один сказал озадаченно:

— Да? Повезло тебе... А я вот сколько подков находил, но никакого счастья.

Торговец сказал злорадно:

— Чтоб подкова приносила счастье, надо прибить ее к копыту коня, и пахать, пахать, пахать... Ну так как этот конь? Отдаю всего за семь серебряных!

— Всего, — проворчал один. — За семь я весь табун куплю...

— Или базар, — сказал другой.

Торговец спросил язвительно:

— Может быть, вам лучше купить верблюда? Это тот же конь, но с большим жизненным опытом.

Я махнул рукой, вытащил золотую монету.

— Беру. Только подбери седло получше, попону, седельные мешки.

Он взглянул на мою спину, где мешок уже раздут, как у погорельца, ухватил золотой и сразу же попробовал на зуб. Глаза радостно заблестели.

— Хорошо, господин! Будет самое лучшее седло и все остальное!

Он ринулся в распахнутые двери конюшни, покупатели посмотрели на меня недружелюбно.

Один буркнул:

— Ну зачем цену поднимать? Теперь совсем обнаглеет...

А второй проговорил со вздохом:

— Да он совсем безголовый, но теперь хоть конь будет думать за обоих.

Глава 3

Через полчаса я пересекал площадь, направляясь к королевскому дворцу. Подо мною гарцует великолепный конь под цветной попоной, седло новенькое, расшитое бисером, за ним приторочен увесистый мешок с припасами и трофеями, из-под копыт на булыжной мостовой выстреливают короткие искры.

У ворот двое рослых мужчин в парадных доспехах, настоящих рыцарских, то ли трофейных, то ли декоративных, оба крупные и очень важные, в руках по копьё, доспехи блестят, шлемы сверкают, как зеркала под солнцем, а щиты так и вовсе украсят любой музей.

Я ехал прямо, через головы стражей сквозь кованую металлическую решетку видны роскошные цветники, клумбы с розами, тюльпаны, а дальше за выложенной цветной плиткой площадкой высится светлый огромный дворец из белого камня, изысканный, с богатой лепниной у входа и затейливыми колоннами. За главным зданием выглядывают еще несколько, поменьше, но тоже богато отделанных.

Стражи лениво и чересчур безразлично смотрели через забрала. Я соскочил на землю, высокий и с обнаженным торсом, есть чем побахвалиться, с конем в поводу подошел ближе.

Оба так же молча скрестили передо мной копьё, хотя ворота и без того закрыты.

— Я к ярлу Элькрефу, — сказал я надменно, как и надлежит благородному варвару, сыну степей, в прогнившем городе. — Изволю!

Они переглянулись, снова уставились высокомерно, королевский дворец охраняют и вообще стерегут, а не общественный сортир, один наконец медленно разлепил толстые разляпистые губы.

— И чё?..

— С вестями о его брате Растенгерке, — объяснил я терпеливо.

— И чё? — повторил он так лениво, словно засыпает в теплой воде болота. — Здесь король Его Величество Жильзак Третий.

— Ярл Элькреф гостит у Его Величества, — сказал я. — Или открывай, дурак, или, если не знаешь, как отворяются двери, позови того, кто умеет!

Он придвинулся ко мне, слегка поводя плечами, то ли разминая мышцы, то ли стараясь уstrasшить.

— Что-то слишком громко говоришь.

— А тебя научу говорить шепотом, — пообещал я.

— Ты?

— Хочешь убедиться?

Он ухмыльнулся и начал поднимать руку. Я мгновенно перехватил, развернул и с силой ткнул лицом в железную ограду. И хотя вкопана в землю не меньше чем на пару локтей, ее тряхнуло, как хилый деревенский плетень. Второй страж охнул и быстро выставил перед собой копье.

Я уклонился, перехватил и дернул на себя. Стража бросило вперед, я встретил его ударной частью ладони в забрало. Там заскрипело, сминаясь, красавца отшвырнуло на решетку. Он прохрипел что-то бранное и медленно сполз грудой сверкающего дорогого железа на вымощенную булыжником землю.

Я сказал громко:

— Зови старшего!.. Быстро!.. А то сверну шею.

Он завопил из-под моих ног как недорезанная свинья. Со стороны сада показались трое бегущих в нашу сторону стражей в тяжелых доспехах. Впереди торопится высокий пышно одетый и при оружии человек с суровым и злым лицом ветерана.

Я не двигался, страж вопит, второй ползает на четвереньках и собирает зубы. Старший подбежал к воротам с той стороны и спросил быстрым злым голосом:

— Я — сотник Ланаян, начальник дворцовой стражи. Что случилось?

— Посыльный к ярлу Элькрефу, — сообщил я. — Срочно. От его брата ярла Растенгерка.

Он опустил взгляд на стражей.

— А что с ними?

— Позорят достоинство королевской стражи, — сообщил я. — Во-первых, грубят и хамят незнакомым, а я могу оказаться важным лицом, верно?.. Или вас легко дурачить сменой одежды? Во-вторых, за грубостью должна стоять сила, иначе это умаление величия их лорда. В данном случае они его опозорили.

Он смерил меня долгим и недоверчивым взглядом. Двое стражей, прибежавших с ним, уловили его жест и молча открыли ворота. Я вошел, держа коня в поводу, кивнул любезно, но с гордостью варвара, что кланяется только королям, да и то не слишком низко, чтобы не дай бог не уронить достоинство.

— Благодарю, — сказал я с любезным высокомерием. — Устройте моего коня, он привык к чистой воде и отборному ячменю. Мне покажут дорогу к ярлу?

Ланаян снова окинул меня придирчивым, но цепким и очень внимательным взглядом.

— Я сам отведу.

— Это очень любезно с вашей стороны, господин...

— Ланаян, — напомнил он сухо. — Начальник дворцовой стражи.

— Очень рад вас лицезреть, господин Ланаян, — сказал я любезно. — Меня зовут... гм... Рич, просто Рич. Я всего лишь малозаметный десятник нашего небольшого войска. И племя у нас крохотное. Совсем крохотное, да.

Он слушал и смотрел внимательно. Глаза чуть блеснули, когда я объяснял, какие мы крохотные и малозаметные. Малозаметные обычно пускают пыль в глаза и топорщат перья, а когда вот так, самоуничижительно, это очень даже интересно для начальника любой стражи.

— Это не любезность, — обронил он наконец. — Это желание избежать... подобных инцидентов.

— Мы простые дикие люди, — сказал я с достоинством и гордо выпятил челюсть. — И не позволяем над собой улыбаться. Даже богам!

Он хмыкнул.

— Да-да, я слышал, вы свергаете неугодных богов и выбираете других, получше.

— Подостойнее, — поправил я высокомерно, хотя про обычай свергать богов услышал впервые.

— Да-да, — согласился он. — вы такие... гордые.

Усыпанная золотым песком широкая аллея вела между кустов роз, справа и слева благоухающие деревья, явно цветут круглый год, юг, благодать, в ветвях распевают сладкоголосые птицы, над цветами порхают, часто перелетая аллею, яркие и неправдоподобно огромные бабочки.

Ланаян помалкивал, я тупо и надменно смотрел прямо перед собой, стараясь не выглядеть провинциалом, наконец Ланаян обронил:

— Мы не даем себя обманывать одежкой.

— Вот как?

Он буркнул:

— Даже ваша речь выдает вас.

— В чем?

— Простые гонцы говорят иначе.

Я ответил с достоинством:

— А я не простой.

— Ну вот об этом и говорю. Ваши... замашки тоже выдают вас.

Я поглядывал на него искоса, идет рядом собранный, ни одного лишнего движения, однако во всем чувствуется скупая отточенность, а взгляды на меня бросает такие же пытливые и оценивающие.

Воздух сладкий от множества цветов, по обе стороны дорожки их несметное количество, по соседнему ряду прошли девушки с ведрами, поливают, дуры, в такую жару нельзя, все засохнет еще быстрее, кто их такому учил...

Ланаян вздрогнул так, что на нем звякнуло железо дос-

пехов, задрал голову и охнул, а металл панциря заскрежегал. По ясному небу несется комета, настолько яркая, что отчетливо видно и светящуюся голову и длиннющий прозрачный хвост, похожий на шлейф из лунного света.

— Предвестница... — выговорил он дрожащим голосом. — Что она предвещает? Надо спросить нашего звездочета!

— Пусть звезданет в меня успех, — пробормотал я. — Даже перед несчастливой звездой стоит лишь чуть склониться, но не падать ниц. А вообще-то, Ланаян... пока ты отважен и верен себе, все играет тебе на руку — король, придворные, челядь, даже солнце, луна и звезды. Это счастливая звезда!

Он спросил с надеждой:

— Правда?

— Других вообще не бывает, — ответил я. — Ты посмотри на меня! Разве еще не понял, что предвещает эта заблудившаяся звезда?

Он втянул голову в плечи и шел дальше молча, даже не повел бровью, когда я спрашивал о каких-то пустяках.

Перед самым дворцом по ступенькам расхаживают надменные павлины, то и дело растопыривают роскошные веера хвостов. Похоже, зерна им сыпят прямо здесь, чтобы демонстрировали себя всем, а то вдруг кто не заметит эту пышность и величие короля.

— Это намек? — спросил я.

Ланаян вскинул брови.

— Павлины?

— Да.

— А в чем намек?

— Тут и люди такие?

Он поморщился, но не ответил, повел властно рукой.

— Сюда. А теперь сюда...

Поднялись по ступеням, я думал, что войдем в зал или хотя бы холл, и это действительно оказался просторный зал с богато выложенным цветным мрамором полом, только

без крыши. Я изумленно приподнял голову и чуть не ослеп от стрельнувшего прямо в зрачок ослепительного жаркого солнца.

Сверкающие искры прыгают всюду, добавляя в узоры радужного небесного огня. В дальней части зала степенно беседует группа царедворцев, у всех на одежде много золота, а наиболее знатные чуть ли не шатаются от обилия этого металла и драгоценных камней.

— Кому Бог не дал золотые руки, — сказал я высокомерно, — тому приходится носить золотые браслеты

Ланаян покосился на меня с некоторым удивлением.

— Не все золото, — произнес он осторожно, — что блестит. Но верно и другое: не все золото блестит... А теперь сюда, десятник Рич. И сюда... Вот и пришли.

Открылся небольшой уютный зал без боковой стены, вместо нее панорама цветущего сада, воздух пропитан изысканными ароматами. В зале легкая призрачная тень, дальше яркий свет, у черты спинами к нам рослые мужчина и женщина, беседуют тихо, я ощутил сразу, что не царедворцы, а люди близкие друг другу. Возможно, брат и сестра, что-то в них общее.

Ланаян на ходу подобрался, развернул плечи и выпятил грудь, шаги стали громче, акцентированнее. Пара синхронно обернулась к нам, я проигнорировал мужчину, потому что женщина... Валькирия — вспыхнуло у меня в мозгу, как молния. Валькирия ночи, если есть такие.

Высокая, гордая, прекрасно осознающая свою диковатую красоту, с дивной, не по-городскому здоровой фигурой, где и широкие плечи, и высокая крупная грудь, и талия, и длиннющие ноги... Дыхание сперло от блистающего великолепия ее безумно точно вылепленного лица с высокими дугами тонких чернящих бровей, полных вздернутых губ, высоких аристократичных скул и упрямо выдвинутого вперед подбородка.

Привычные валькирии все в солнечном свете и золоте, но от этой пахнуло темной ночной грозой и молниями. Гус-

тые иссиня-черные волосы падают на спину свободно, крупные черты лица не зализаны, как у большинства женщин, не закругленные и смягченные, что обычно именуется женственностью, а напротив — заостренные, что лишь подчеркивает ее дикую красоту, необузданную, как мне хотелось сказать, но не сказал — видно по ее строгому и властному виду, что принцесса умеет контролировать не только себя, но и других. Здесь не дикость, а стальная воля.

Рожденная править, мелькнуло у меня. Или водить войска. Такой, возможно, была Жанна д'Арк, гордая, решительная и независимая. Такой трудно вбить в голову, что должна подчиняться мужчине только потому, что тот — мужчина. Увы, твое время еще не пришло, гордая женщина...

Она смотрела строго и внимательно, мигом окинув меня взглядом и оценив по только ей известной шкале, а я, напротив, погружался в ее глаза, глубокие и темные, как бездны космоса, хотя вроде бы старался не смотреть, чтобы не утонуть в них сразу, хотя вроде бы уже иммунен к женским чарам.

Мы, мужчины, обычно трусливо предпочитаем в спутницы жизни дюймовочек. Для самоутверждения надо, чтобы женщина была мельче нас, слабее и глупее, но те немногие, которые стараются завоевывать таких вот королевн по стати и по духу, выигрывают в сто крат больше.

Мы завоевываем женщин так же, как берем хорошо укрепленные замки: осадой, приступом, штурмом, склоняем богатыми подарками на свою сторону, уговариваем открыть ворота, обещая особые льготы... Слова «завоевать женщину», «завоевать любовь», «за любовь надо драться» звучат привычно и обыденно, а из употребления не уходят потому, что женщин в самом деле завоевываем... и завоевывать будем, пока не рухнет вселенная.

Но большинство мужчин берет добычу попроще: поменьше и поглупее, чтобы на их фоне выглядеть и крупномускулистым, и ох каким умным. «Прелесть, какая глупенькая!» — родилось в среде этих мужчин, которым для

счастья нужны дурочки, что смотрят им в рот и восторгаются, какие у них мужья умные.

Взгляд я оторвал с заметным усилием и наконец-то посмотрел на Элькрефа, фамильное сходство с Растенгерком несомненно. Высокий, молодой еще, чуть-чуть выше старшего брата, крупнее, шире и как бы откормленнее. У Растенгерка десять лет жизни в седле выжгли последние капли жира, он весь из сухого мяса и толстых жил, а этот в роскошном халате до пола, широкие рукава, весь лучится благополучием, розоволицый, с нежной кожей, красивый и ухоженный.

Ланаян некоторое время держал строго рассчитанную паузу, в общении с королями нельзя торопиться, да и давал время им собраться с мыслями, наконец поклонился и сказал почтительно:

— Ярл Элькреф, к вам гонец.

Ярл оторвал взгляд от меня, я невозмутим, как Монтесума, красиво повернул голову к Ланаяну, гордо и с достоинством, но не подчеркнуто, как двигаются кочевники, оцивилизовался, спросил красивым контролируемым голосом:

— Ко мне? От кого?

Ланаян ответил уже без поклона, взгляд твердый и ничего не выражающий:

— Как он утверждает, от вашего брата.

Принцесса всматривалась в меня с непонятным неудовольствием. Лицо Элькрефа, напротив, вспыхнуло нежным румянцем, глаза заблестели, как у девушки, увидевшей новый наряд.

— От Растенгерка?

Я сделал шаг вперед, чуть наклонил голову, я же гордый сын степей, а не царедворец, и никто надо мной здесь не властен, что и подчеркиваю, как сын степей, каждым жестом, движением, взглядом и сыностепейной осанкой.

— Вы еще помните его имя? — спросил я слегка саркастически. — Это хорошо, я ему передам. А сообщает он, что

все-таки отыскал Мириам и даже сумел помириться. Они намерены сыграть свадьбу в королевском дворце Меркера. Его Величество Франсуа Меченый благословляет их союз.

Он слушал все восторженнее, но вдруг лицо потемнело.

— Так ли? Я слышал, Его Величество тяжело болен. А управляет его брат ярл Камбре...

— Уже не управляет, — сообщил я.

— Что случилось?

— Им самим управляют, — сообщил я, — в аду. Король здоров, как стадо породистых быков. Все поют... Надеюсь, у вас все так же хорошо и благополучно?

Он выпрямился, ликующая улыбка медленно сползла с лица. Принцесса наконец прекратила рассматривать меня и перевела взгляд на ярла. Холод потери пронзил меня, как морозный ветер, а расправившая было крылышки душа печально сложила их и рухнула на темное дно, куда я сам боюсь заглядывать.

Ланаян, что стоял, как статуя, шелохнулся, напоминая, что он здесь и все слышит, отвесил учтивый поклон.

— Простите, если я вам больше не нужен...

Ярл кивнул несколько безучастно:

— Да-да, иди.

Ланаян остался на месте, словно и не слышал, взгляд его был устремлен к принцессе.

Она сказала с легкой гримаской:

— Спасибо, Ланаян, ты свободен.

Он кивнул, бросил на меня быстрый взгляд и, отступив на шаг, повернулся и удалился быстрой молодой походкой. Я следил за ним краем глаза. Похоже, покинувший племя ярл не у всех здесь пользуется доверием, и Ланаян мне это показал ясно и наглядно. Нарочито.

Голос черноволосой валькирии прозвучал холодно и отчужденно, словно она говорила с вершины Гималайских гор:

— Мне кажется, этому гонцу известно больше, чем он говорит.

Ярл вперил в меня строгий взгляд.

— Это правда?

— Да, — ответил я.

— Что тебе еще известно?

Я развел руками.

— Мне известно двести способов ловить рыбу в океане и сорок вариантов завязывания морских узлов, ведь мы, сыны степей, все-таки еще и доблестные внуки моря. И многое еще я знаю и умею... Но, думаю, вас интересует не это. А, к примеру, знаю ли я, что вас сместили с трона главы совета племен, после чего вы, обидевшись, удалились вот сюда в тишь да гладь... Могу добавить, ваш старший брат уже в племени айсоров, где его по-прежнему считают своим вождем. Он хочет знать, готовы вы ли начать борьбу за восстановление своих прав на трон.

Валькирия поморщилась, Элькреф дернулся, на лице сменилась гамма чувств, наконец взгляд медленно потух, а в голосе прозвучала откровенная злость:

— Брат бросил нас!.. А я не был готов править советом племен.

— Растенгерк передал трон среднему брату, — напомнил я. — А тот был еще как не против.

Он выкрикнул:

— Да, это все знают! Аммонк рвался к власти и готов был сам сместить Растенгерка. Но продержался недолго, слишком был заносчив и не считался с мнением старейшин. Когда его решили сместить, он схватился за оружие, но был убит со своими телохранителями. Это ты знаешь? После него правил я, однако...

— Недолго?

Он огрызнулся:

— Дольше, чем средний брат! Но другие кланы уже ощутили сладость близкой власти. Мне пришлось бежать сюда...

Я кивнул.

— Знакомо. Но если бы вы не увязали в излишней дружбе с глиноедами, не одевались в их одежды, не кланялись их

мерзким и слабым богам, то вас бы, скорее всего, никто не стал бы сбрасывать с трона.

Валькирия обратилась к нему, по-прежнему игнорируя меня:

— Почему ты позволяешь ему так разговаривать с тобой?

Я посмотрел на нее холодно, она ответила взглядом, полным презрения высокорожденной к мелкому грязному червяку, пресмыкающемуся у ее ног.

Элькреф ответил чуточку виновато:

— У людей степи все вольны и равны... за исключением времени войны. Но он, конечно, дерзит. И не все упреки... заслужены. Пусть мой брат вспомнит, как рухнуло все из-за него, когда потерял голову из-за горожанки, когда сам начал надевать их мерзкие, как ты говоришь, одежды и проводить время в ужасных каменных домах!

Я вскинул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Я прислан не для того, чтобы обмениваться упреками. Что сделано, то сделано. Ваш некогда несчастный, а теперь счастливый брат спрашивает, готовы вы ли начать борьбу за возвращение трона и власти над племенами. Кстати, он намерен передать трон объединенных племен вам.

Он дернулся.

— Почему мне?

Принцесса тоже смотрела с высокомерным удивлением. Элеонора Гордая, вспомнил я ее прозвище. Точнее не скажешь...

— Ему он не нужен, — ответил я.

— Почему?

— Он нашел ту женщину с волосами из красного огня, — напомнил я. — И намерен остаться с нею в ее королевстве. Тем более, что король там уже немолод...

Я сделал многозначительную паузу, Элькреф пробормотал:

— Как мы похожи с братом, просто удивительно. Хотя

мне повезло, я не гонялся за любимой женщиной десять лет по раскаленным пескам, степям и горам.

Принцесса Элеонора снисходительно улыбнулась. Я посмотрел на нее, стараясь не замечать ее великолепия, только я и могу оценить в полной мере, она снова смирila меня холодным взглядом.

— Каков будет ответ? — потребовал я.

Элькреф с несчастным видом оглянулся на валькирию.

— Прошло много времени. Я нашел гораздо больше, чем потерял. Не знаю, стоит ли вообще начинать? И что я выиграю, кроме трона, который мне тоже не нужен?

Я покосился на принцессу.

— Хотя бы уважение этой женщины.

Он вспыхнул, рука метнулась к поясу, где полно колец для ножен, однако все болтаются, как бесполезные украшения.

— Да как ты смеешь?

Я спесиво выпрямился.

— Я воин, благородный... надеюсь, ярл. И не из вашего племени. Так что не связан никакими клятвами и обетами. Вы подумайте над ответом. Надеюсь, он будет достоин ярла, а не... гм... как бы это помягче... горожанина. Мой конь устал за долгую дорогу, мы подождем.

Принцесса милостиво наклонила голову, голос ее прозвучал ровно, словно скользил по льду высокогорного озера:

— Иди отдыхай.

Я сделал над собой усилие и остался, подыгрывая Элькрефу. Элькреф понял, досадливо поморщился и сказал сухо:

— Тебе покажут свободные комнаты в доме для гостей короля. И еще...

Голос его прозвучал странно, я уже было отступил, намереваясь уйти, но тут повернулся к ярлу.

— Да?

Он проговорил несколько смущенно, так мне показалось:

— Десятник, ты верен обычаям своего племени, это хо-

рошо. Но ты видишь город... неверно. Отдыхай, пока я обдумую ответ брату. Побывай в городе, пообщайся с людьми...

Я поморщился.

— С глиноедами?

Он сказал мягко:

— Мы можем называть их хоть камнегрызами, но от этого они камни грызть не станут, как сейчас не едят глину. Не спеши, чтобы я не отвечал брату по первому зову сердца, а обдумал еще и головой.

Я сказал надменно:

— Разве не сердце важнее?

— Сердце указывает общий путь, — ответил он уклончиво, — а как по нему идти — решает голова. Иди, отдыхай. Ты здесь гость, не слуга, никто над тобой не хозяин.

Я задрал нос, выпятил нижнюю челюсть и сказал заносчиво:

— Еще бы.

Он с непонятной усмешкой смотрел, как я без поклона повернулся на месте, вольный человек, а любой поклон могут истолковать как подчинение или заискивание, что для гордого сына степей хуже ножа у горла.

Глава 4

Задний двор огромный, но изрядно загроможден множеством хозяйственных построек, начиная от простой пекарни и заканчивая роскошными конюшнями для лошадей благородного сословия. Колодцев два, оба крытые, уже роскошь, помост и тяжелые деревянные колодки из двух половинок с отверстиями для головы и рук, длинная коновязь для лошадей слуг-гонцов...

Домик для гостей совсем не домик, а массивное здание в три этажа, комнаты крохотные, но чистые, с богатой мебелью, король своих гостей балует, понимает, именно они создают репутацию в соседних королевствах. Мне указали на свободные, я выбрал самую неудобную, из нее не видно

двор, зато и меня не увидят, если вдруг восхожу в темную ночь выбраться через по-южному широкое окно.

В комнате ничего двигать не стал, хотя кровать слишком близко к окну, опасно, стол маловат, просто сложил вещи, плеснул в лицо водой из таза и вышел во двор.

Среди типичной челяди дважды промелькнули, нет, уже трижды, явные варвары-кочевники. Все трое обнаженные до пояса, крепкие, загорелые, с разнесенными в стороны плечами. Штаны кожаные, на широких поясах ножи и всякая блестящая хрень, которую мужчины обожают больше, чем женщины.

Похоже, процесс интеграции в этом королевстве зашел намного дальше, чем у соседей и вообще в среднем по Гандерсгейму. Кроме этих трех я заприметил еще двух, одетых так, что сразу и не отличишь от горожан. Скорее всего, одни завели друзей среди горожан и бывают у них частенько, балдея и оттягиваясь от прелестей суровой жизни, а другие, соблазненные несравнимо более высоким уровнем автохтонов, уже и породнились с местными...

Кстати, породниться с ними проще, нигде в Гандерсгейме я не видел заносчивых рыцарей, надменных лордов, церковных служителей, которые тоже делят на «своих» и «чужих» в зависимости от веры. Нет даже намек на благородное сословие, если не считать королей и сановников, которые тоже похожи просто на очень богатых торговцев.

То ли варвары их истребили, то ли подобное отпало за необходимостью, когда в руках горожан осталось только ограниченное самоуправление. Не только рыцарей нет, нет вообще хорошо вооруженных и закованных в стальные латы людей, если не считать городскую стражу, призванную следить за порядком среди своих же горожан, да королевскую охрану.

Можно сказать, что варвары, сами того не желая и не догадываясь о своей прогрессивной роли, продвинули завоеванных на еще более высокую ступеньку развития. Те-

перь здесь города-республики, вроде Венеции, Генуи и подобных им, основанных на ремесленничестве и торговле...

С заднего двора донесся негодующий женский крик. Я оглянулся, трое мужчин выволакивают из здания женщину, заламывая ей руки. Она отбивается, как может, брыкается, кричит, извивается всем телом. Ее дотащили до колодок на помосте, здесь один отпустил и взялся раздвигать тяжелые толстые половинки. Женщина воспользовалась моментом и с силой ударила второго в пах. Он заорал и выпустил ее, она тут же заехала кулаком другому прямо в нос и, освободившись, бросилась бежать.

Ей наперерез кинулись с веселыми воплями другие челядины, хватали за платье, она кричала зло и отчаянно, отбивалась, но наконец ее схватили, поволокли обратно.

Тот, которому она врезала ногой, с размаха ударил ее ладонью по лицу. Голова женщины мотнулась в сторону, я услышал вскрик боли, но женщина тут же выпрямилась и посмотрела на него ненавидяще.

Он ударил ее снова и заорал:

— Я тебя покажу, шлюха, как себя вести!.. Колун, что копаешься?

— Готово, — пропыхтел второй.

Он раздвинул обе толстые доски, там вырез для шеи, и толстые болты с двух сторон, так что приговоренные к позорному наказанию не дотянутся и не освободят себя.

Я наконец стряхнул нерешительность и трусливую философию, что кто в чужой монастырь с чужим уставом придет, тот им по рылу и получит, раздвинул плечи и подошел к ним уверенно и властно.

— Эй, нельзя с женщиной так обращаться! В чем ее вина?

Тот, который назвал ее шлюхой, прорычал:

— Ты иди отсюда, понял?

— Не понял, — ответил я, закипая. — Поясни!

Он выпрямился и шагнул ко мне.

— Пояснить?

— Да, — сказал я кротко.

Он широко и глупо замахнулся. Я ткнул в солнечное сплетение, а когда он охнул и согнулся, ударил кулаком в затылок. Грузное тело повалилось, как мешок. Мгновение все смотрели, оторопев, затем все трое мужчин негодующе заорали:

- Он Колуна ударил!
- Он против наших правил!
- Бей чужака!

Отступать я не стал, уже достаточно взвинчен, пошел вперед, раздавая короткие и жестокие удары воина, а не кулачного бойца. Они падали и ползли, а когда один попробовал подняться, я его сам поднял на воздух жестоким ударом ноги снизу.

Он упал, как мокрая тряпка, и уже не двигался, а я поднялся на помост. Двое, что держали женщину, испуганно выпустили ее и отскочили.

— Что за люди здесь? — сказал я с отвращением. — Что могла такое сделать эта женщина, что ее в позорную колодку и на посмешище?

Один крикнул:

— Она стирала господское белье и уже в третий раз его порвала!.. Это нарочно!

Я удивился:

— Всего-то? Сколько стоит это белье?.. Вот, передайте хозяевам! Пусть купят новое. И побольше.

Я швырнул на землю золотую монету, подумал и добавил еще одну. Этого хватит на десять спален, но пусть и этим побитым останется на выпивку, чтобы залить горечь поражения.

Женщина смотрела на меня расширенными глазами.

— Спасибо, спасибо, господин...

Я отмахнулся.

— Пустяки. На и тебе монету. На случай, если понадобится откупиться от таких... добрых.

Она охнула.

— Господин, это же золото!

— Это ты золото, — сказал я доброжелательно и улыбнулся. — Иди, ты свободна.

Народ смотрел на меня в страхе и почтительности. В первых, силу уважают везде, а во-вторых, в таких вот торговых городах еще больше уважают богатство, и когда сильный и богатый раздает зуботычины, он как бы имеет право и на то, о чем бедный и подумать не должен осмеливаться.

Чтобы не нарываться больше на неприятности, я подошел к воротам, стражники посмотрели угрюмо, но ворота распахнули с такой поспешностью, словно приближаюсь на тройке королевских коней.

— Благодарю за службу, — сказал я покровительственно.

Они захлопнули за мной железные створки без «рады стараться, ваше благородие», но я не мелочный, пошел с широкой улыбкой счастливого человека в город, присматриваясь и прислушиваясь, стараясь по обрывкам разговоров уловить настроения.

На улицах варваров тоже больше, чем я видел, к примеру, в Меркеле. Там раз-два и обчелся, а здесь куда ни глянь — на сотню горожан один красавец с коричневым от солнечного жара торсом и хвастливо вздутыми мышцами, а это непропорционально много.

Как-то Диоген, прибыв в Олимпию и заметив в праздничной толпе богато разодетых родосских жителей, воскликнул со смехом: «Это спесь». Затем философ столкнулся с лакедемонянами в грубой и поношенной одежде. «Это тоже спесь, но иного рода», — сказал он.

Горожане и варвары Гандерсгейма ревниво блюдут и превозносят свои обычаи, а для этого, как хорошо знаю, в первую очередь нужно презирать чужие. Даже в одежде, что уж проще, видно, как горожане наряжаются демонстративно пышно и вычурно, а у варваров та же самая спесь — одеваются подчеркнуто грубо и небрежно. Чаше всего вообще обнажены до пояса, а когда одежда просто необходима, то целиком из невыделанных шкур, что вообще ни в одни ворота...

И, конечно же, те и другие стараются блюсти чистоту браков, выдавать только «за своих», пусть даже в другое королевство. Правда, смешанные браки все же случаются, а здесь, как догадываюсь, их намного больше, чем где-либо...

Интересно, как решают проблему отречения от своих обычаев. Это всегда болезненная ломка, потому что помимо отказа от исконно посконных надо еще и принимать чужие...

Элькреф, как я понял, готов отказаться от любых проявлений гордого варварства, только бы его Элеонора Гордая, вот уж точное прозвище для этой валькирии, была счастлива. Да он и так уже отказался, одевается, как горожанин, разговаривает, как они, и наверняка не считает, что все проблемы решаются лихим набегом и быстрым ударом кривого меча.

Правда, первым в их семье был Растенгерк, так неудачно посватавшийся к Мириам, а затем то ли попытался ее ритуально похитить, то ли еще как-то задел ее гордость и нарушил обычаи цивилизованной жизни...

— Эй, — крикнули мне из торговых рядов, — сын степей, не желаешь купить уникальный меч?

— А что в нем уникального, — пробурчал я, еще не видя, что предлагают, — оружие всегда только оружие...

— Оружие уравнивает слабых с сильными, — сказал торговец, но посмотрел на меня внимательнее и уточнил: — А сильного с десятью сильными. А если оружие еще и хорошее... Разве тебе не нужны веские аргументы в споре?

— Ну-ну, — сказал я, — покажи, насколько веские.

Он отступил, приглашая войти, я переступил порог, тихохонько ахнул. Горожане не воюют, потому у них нет необходимости массовой выделки оружия, когда главное количество, а качество не так важно, зато в единичных экземплярах повыпендриваться могут, могут...

Я пошел вдоль стены, щупал, примерял по руке, купил пару кинжалов, предварительно побросав их в особый щит из плотного дерева. Мечи в самом деле лучше того, что при мне, но мысль сразу скользнула к тем особым, что я собирал в странствиях и сейчас ждут меня в Зорре.

— А почему вот эти два простых, — спросил я, — намного дороже этих красавцев?

— Это древние, — объяснил торговец почтительно. — Их нашли в старых руинах.

— И что? Это делает их могущественными?

Он пожал плечами.

— Никто так не говорит. Но все равно, такие мечи всегда ценятся выше.

— За достоинства или только за древность?

Он ответил спокойно:

— Среди таких в самом деле иногда попадаются... непростые.

— Но сразу не угадать?

Он чуть-чуть улыбнулся.

— Обычно их свойства открывают случайно. И то, бывает, не те, кто купил, а их дети. Или внуки.

Я подумал, махнул рукой.

— Я не рискованный человек. Но мечи у тебя в самом деле неплохие. Я бы взял вот эту оглоблю...

— Двуручник?

— Да.

— Хороший выбор, — сказал он почтительно. — Превосходная сталь. Заточен, как бритва... Смотрите.

Он подбросил тончайший платок, тот распростер крылья и опускался медленно, словно облачко, но когда коснулся подставленного меча, так же неспешно распался на две половинки и продолжил опускаться, пока не лег на пол.

— Прекрасно, — одобрил я, хотя такая острова хороша только здесь, где почти все бегает полуголыми, но не в бою с кованными в стальные латы рыцарями. — Кто ковал?

Он сказал почтительно:

— Лучший оружейник Тибора. Если отнесете меч ему, за небольшую плату высечет на нем ваше благородное имя.

— Да, — сказал я, — имя у меня благородное, дальше некуда. Ладно, давай подберем ножны.

Глава 5

Раскаленное до белизны небо медленно превращалось в синее. Сверкающая даль потеряла жесткий блеск и окуталась нежной дымкой, предвестником близкого вечера. Через проем городских ворот вошли друг за другом невероятно высокие верблюды, надменные и величавые, гордо выгибающие и без того причудливо загнутые шеи.

На меня посмотрели свысока, головы маленькие с темными глазами степняков, крупные продольные ноздри подрагивают, улавливая смену запахов степи на пышное буйство городских ароматов. Взгляд умных, как у гильгамешей, глаз скользит по всему свысока, мудрецы не вникают в мелочи, а любой город — это всего лишь большое стойбище...

Часовые с поспешностью вышколенных слуг распахнули передо мною створки ворот, хотя стража за это время сменилась, то есть мир постепенно добреет. Я кивнул с непривычной для варвара любезностью, в этой жизни насилие — не выход, и я дам в морду любому, кто со мной не согласен.

Дворец под заходящим солнцем полыхает красным огнем. Крыша в пурпуре, почти неотличима от горящих громад облаков, а верхушки деревьев сверкают золотыми листьями.

Из боковой двери, почти такой же роскошной, как и парадный вход, вышел, окруженный обнаженными до пояса кочевниками, высокий мужчина в кожаных штанах степняка, с широким красным поясом, в коротких сапожках, но рубашка на нем из тончайшего полотна, широкий ворот небрежно расстегнут, видны амулеты на золотой цепочке.

К нему обращаются почтительно и даже подобострастно, он отвечает коротко и повелительно. На меня словно пахнуло холодным ветром, свежим и одновременно несущим нечто опасное, словно тащит за собой грозовую тучу. Высокий, лет под пятьдесят, хотя могу и ошибиться, крепок и широк в кости, сухощав, толстые жилы молча говорят о

силе и крепости тела. Обожженное солнцем лицо не по-
степенячки удлинено, даже глаза не привычно темные, а пугающе прозрачные, словно высокогорный лед,

Я присматривался к нему, чувствуя себя так, словно наблюдаю за опасным хищным зверем, что мурлычет и ласково щурится на солнце, но в любой момент может вцепиться в горло.

По виду, из того взрывного теста, которое дает чингисханов и аттил, двигается неспешно, но энергия из него хлещет и переполняет его телохранителей.

Между бесстыдно цветущими деревьями по аллее в нашу сторону шел чем-то сильно раздраженный Ланаян, за ним едва поспевают двое стражей. Он на ходу жестикулировал, отдавая приказы, стражи кивали и что-то говорили, оправдываясь, слабыми голосами.

Заприметив меня, он взмахом руки послал их к воротам, сам подошел, нахмуренный, настороженный и злой.

— Чем-то могу помочь?

Я покосился на его начищенный панцирь, служака, таким нравится бдить и охранять, поддерживать строгий порядок.

— Можешь...

— Чем? — потребовал он.

Голос его звучал резко, хотя я видел, что начальник стражи пытается его смягчить, ссоры с диким варваром не в его интересах, напротив, его работа — обеспечить тишину и покой в саду и дворце.

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Знаю, только что помочь может всякий.

Он посмотрел поверх моего плеча на выглядывающую рукоять двуручного меча, перевел взгляд на новенькую перевязь.

— А вы не успели помочь себе самому в городе? Вино, женщины, драки?.. Меч, как вижу, выделки наших оружейников. Хорош?

— Очень, — признался я. — Чувствуется, что не воюете.

— Почему?

— Слишком хорош, — объяснил я.

Он нахмурился.

— Не понимаю.

— Когда воюют, — объяснил я, — делают оружия много. И когда много — качество хромает. Этот делали неспешно, очень неспешно. Он слишком хорош, даже из ножен вынимать жалко, а то затупится.

Он кивнул.

— Да, у нас мечи такие. А как наши таверны, женщины? Я бесстыдно ухмыльнулся.

— Настоящие мужчины всегда все успевают.

Он не отводил взгляда, ветерок с моей стороны, так что почуял бы запах вина. И женщинами не пахнет в том смысле, что когда мужчина выходит от таких, по нему видно, где был и что делал.

— Вы похожи на человека, — произнес он сухо, — который успевает в самом деле. Вас устроили удобно?

Я отмахнулся.

— Нам, детям степи, удобно везде. Кто вон тот человек?

Он даже не посмотрел, куда я указал взглядом, все еще всматривался в мое лицо.

— Конунг Бадия, — ответил он негромко. Лицо стало непроницаемым, словно маска жреца из дерева. — Степной вождь племени мергелей. Довольно сильного и многочисленного, а теперь, усилиями конунга, еще и богатого.

— А что он делает здесь? Гонялся бы за козами...

Глаза начальника стражи чуть сузились, я не понял, на что так он среагировал, а ответил еще тише и после выжидательной паузы:

— Да, я вижу, вы не просто издалека, а... очень издалека. Здесь, в королевстве, уже все знают, что хотя правит Его Величество, приказы все чаще отдает Бадия. Ему в городе жить нравится больше. Вообще-то многим из кочевников это нравится, но конунг достаточно силен и отважен, чтобы осмелиться такое говорить вслух.

— Да, — пробормотал я, — по нему видно, что силен... и осторожен. Очень важное сочетание для политика.

Ланаян кивнул, и хотя выражение глаз прячет, но я заметил блеснувшие в них искорки.

— Да, ему среди вождей нет равных. К примеру, ярл Элькреф перед ним младенец.

Я пропустил мимо уже неслучайное упоминание ярла, к которому я прибыл, поинтересовался:

— А что его мергели? Еще не готовы растерзать за отступление от древних обычаев и за поклонение чужим богам?

— Кто-то готов, — ответил он осторожно, — кто-то нет.

— Почему?

— Почему нет единодушия?

— Да, — сказал я. — Как же честь рода, племени, верность отцам и традициям?

Он помолчал, вид такой, словно решает, что мне можно сказать, что еще рано, вот так и бывалые солдаты становятся осторожными царедворцами.

— Да, — проговорил он, — такие случаи бывали... в других племенах. Но конунг умен и все учел.

— Как?

— Часть старейшин, — ответил он, — сумел поселить здесь... сперва как бы временно для каких-то дел, а потом те и сами ощутили сладость жизни в большом городе.

— Я их видел, — сообщил я. — Когда ходил по городу. Выглядят, как вороны среди павлинов.

Он чуть усмехнулся.

— Вы, дети степей, выражаетесь очень образно.

— А вы?

— Мы предпочитаем точность.

— Чем здесь занят конунг?

Он ответил четко, хотя еще больше приглушил голос:

— Сейчас конунг все больше забирает власть в королевстве, хотя король, как мне кажется, этого даже не замечает. А если и замечает, то втайне рад, что с его плеч снимают тяжесть управления.

— Или не хочет замечать, — предположил я. — Когда ничего не можешь сделать, лучше делать вид, что все хорошо. А как вам это?

Я как выстрелил вопросом, но Ланаян не повел и бровью, смотрел мимо меня на дворец, лицо ничего не выражает, в глазах снова непроницаемая завеса, лишь вздулись желваки, но это можно трактовать по-всякому.

— Я всего лишь начальник стражи, — обронил он наконец. — Я слежу за порядком.

— За старым или новым?

— Некоторые полагают, — произнес он ровным голосом, — порядки совсем не изменятся.

— Ух ты! Почему?

— Город сам всех меняет, — пояснил он все тем же чересчур равнодушным тоном.

— А как считаете вы?

Он посмотрел на меня в недоумении.

— А вам это надо? Хорошо, мое личное мнение, но только личное, если конунг возьмет власть в городе, все будет зависеть от того, как много он возьмет в город людей. Своих, кочевников.

— А в чем разница?

Он нервно дернул щекой.

— Железной рукой управляет только телохранителями. В его племени, как у вас всех, — свобода. Пока кочевники заходят в города только для торговли, они ведут себя согласно древнему Закону о Мире, что подписали после окончания первой войны города и кочевники...

— А была и вторая?

Он с досадой отмахнулся.

— Не цепляйтесь к словам. Кочевники захватили Гандерсгейм в первой и единственной войне, но договор с побежденными составили мудро. Кто их надоумил, не знаю, однако все сотни лет он устраивал обе стороны. Кочевники страшатся городов, как чумы. Кто соблазняется нашим укладом и переезжает в город, тот навсегда потерян для пле-

мени! И потому все их обычаи направлены на то, чтобы углубить между нами незримый ров. Однако, если конунг приведет в город слишком много своих людей...

Он умолк, я наконец увидел на его лице признаки сильнейшей тревоги, он даже вздохнул глубоко и чуть задержал дыхание, будто прыгал в холодную воду.

— Нарушится равновесие, — пробормотал я. — Кочевники могут не раствориться, если их будет много.

Он вздохнул, плечи опустились.

— Не знаю, я не политик. Может быть, это и хорошо?

— Что хорошего?

Он взглянул на меня искоса, но так быстро, что я едва заметил.

— Может быть, к лучшему изменится их отношение к глиноедам.

Произнес он спокойным и таким нарочито ровным голосом, что я сразу насторожился, но в лоб спрашивать — выявить свое незнание обычаев, тоже мне сын степей, я помедлил и поинтересовался еще равнодушнее:

— Какую часть нашего отношения ты имеешь в виду?

Он опустил голову, не давая увидеть выражение его глаз, нарочито помедлил, а потом рывком вскинул и остро посмотрел мне в глаза.

— Общее. В стойбище кочевников все глиноеды могут быть только бесправными рабами.

Я ощутил, как из-под меня выдернули пол. С застывшей полуулыбкой пробормотал, чувствуя фальшь каждого слова:

— А-а-а... ну, это ты преувеличиваешь немного...

Он смотрел в упор, я уже приготовился к разоблачению, сейчас он скажет, что я такой же сын степей, как он — король, придется что-то мямлить скользкое и загадочное про... например, тайную миссию по поручению заморского императора... или я здесь вроде Марка Поло... однако Ланаян лишь сказал холодно:

— Разве в вашем племени не так?

— Гм, — сказал я, стараясь, чтобы не звучало торопли-

во, — тут дело в другом... Понимаешь... как бы это тебе понятнее... Сейчас сам соображу и тебе на пальцах... Нам приходится от вас защищаться, чтобы не потерять свою исконность и самобытность! Гнить всегда приятнее и сладостнее. Для этого и стараемся не заходить в города. Но если вы сами припретесь к нам в стойбища — нам вообще конец. Потому можете у нас быть только в виде презренных рабов. Это даже не от нашей звериной жестокости — это самозащита.

Он посматривал с удивлением, словно на говорящую лошадь, варвар не должен знать ничего о самобытности, а если и догадываться, то лишь мычать и разводить руками.

— Самозащита? А что тогда нападение?

— Нападение, — сказал я, — лучшая защита. Потому когда вы явитесь в стойбище и поселитесь там, любой кочевник сможет входить к вам в дом, насиловать вашу жену и детей, а если глиноед воспротивится или просто начнет роптать — мы вправе преспокойно искалечить или даже убить по Закону Степи. Словом, живите сами и не мешайте нам жить по своим обычаям. В смысле, не демонстрируйте свои гнилые порядки перед нашим носом, потому что с горы всегда легче катиться, чем взбираться... Но вот, объясняя тебе, я и сам наконец понял! Если конунг приведет с собой слишком много народу, переварить будет трудно, так?.. Город легко проглатывает одиночек, но вам не хотелось бы образования целых кварталов, где будут жить кочевники?

Он кивнул.

— Точно.

— Ты умен, — сказал я с удивлением. — А по тебе не скажешь.

Он буркнул с неудовольствием:

— Ну, спасибо.

— Ну, пожалуйста, — ответил я. — А что говорит Его Величество король Жильзак Третий?

— Его Величество, — ответил он сумрачно, — вместе с

его советниками считают возможность каких-то трений в процессе переваривания исчезающе малой. Дескать, конунг цивилизован, ему не нравятся дикие обычаи племени, он очарован культурой города и горожан, он постарается побыстрее вытравить из своих собратьев кочевой дух... зато торговля точно расширится, мастерские можно поставить ближе к рудникам, изделия подешевеют, можно будет разорить соседние королевства и постепенно установить над ними свою власть...

— Да, — согласился я, — такие перспективы могут исказить... гм... перспективу. Порядки не изменились бы, даже захвати власть соседний король. Но квартал кочевников... гм... Ладно, спасибо, я кое-что понял. Буду думать.

Он сказал так же безучастно:

— Когда что-то надумаете, дайте знать.

— Зачем?

— Начальник стражи, — ответил он, — следит за порядком, если вы еще не знаете. Не только во дворце.

Я подумал, пробормотал:

— Вообще-то я больше знаток по беспорядкам, это мы все умеем лучше. Но некоторые новые порядки бывают хуже старых беспорядков.

Он промолчал, я кивнул и, не рассматривая, каким жестом ответит начальник дворцовой стражи, пошел в боковое крыло, где располагаются особо знатные гости, но на полдороге замедлил шаг, вроде бы чем-то очень заинтересовался, даже остановился, а сам продолжал исподтишка всматриваться в эволюционирующего конунга.

Придворные гнутя перед ним, как тростник на ветру, говорят много и перебивают друг друга очень не по-мужски, что лишь добавляет к ним презрения, вижу по лицу кочевника.

Спесиво-покровительственно смотрит, как сам чувствую, потому что в этой галдящей толпе угодливых существ нет мужчин, хотя все в штанах, но одежда еще не делает мужчиной, этим глиноедам недоступны радости бешеной

скачки на горячем коне по бездорожью, по кручам, по вольной степи, когда земля гремит под копытами, а звездный купол неба красиво выгибается над головой...

И в то же время нельзя не признать, что живут эти городские черви очень уютно, удобно. Пребывание их на земле полно удобств и сладости, а распутные женщины городов дают больше чувственных наслаждений, чем худые и жилистые гордые дочери степей. И еда здесь разнообразнее, вкуснее и богаче, чем незамысловатая пища кочевников...

И потому, подумал я, ты готов полностью стать горожанином. Но только на своих условиях, понятно. Ты не мыслишь себя на вторых ролях, верно? А нет ли вообще желания стать королем, хладнокровно вырезав вместе с правителем и его семьей всю верхушку знати, освобождая места старейшинам и доблестным воинам, которых уже привлек на свою сторону? Почему надо ограничивать себя созданием одного изолированного квартала в городе, если можно установить жестокое правление железной руки? Ты же лучше знаешь, что этому стаду нужен строгий пастух и крепкая плеть в его руке...

В чем-то мы похожи, мелькнуло пристыженное. Я тоже... гм... В оправдание могу проблеять, что не для себя стараюсь, как этот гад, а для построения Царства Небесного на земле. А для этой великой цели можно и того... гм... под нож, если уж очень понадобится. Других заметных вариантов не будет очень долго. В то же время построение Царства Небесного ждать не может.

Конунг скрылся из виду, я пошел к распахнутой из-за жары двери дома для гостей. В черепе началась работа над новыми вариантами, в это время над головой раздался холодноватый голос:

— Герой возвращается после поисков приключений?

На цокольном балконе облокотилась обеими руками о перила принцесса Элеонора. Ее темные глаза смотрят ничего не выражающим взглядом, иссиня-черная грива волос

падает на плечи крупными локонами, а переплетена настолько яркими пурпурными лентами, что трудно оторвать взгляд от дивного сочетания черного с красным.

Я вскинул голову, сейчас принцесса на две головы выше меня, лицо строгое даже не по строгости, а таким вылеплено: без привычной для женщин зализанности и милой закругленности черт.

— С вашего разрешения, — ответил я учтиво.

— И много отыскиали?

— Я их не ишу, — ответил я.

— Сами вас ищут?

Я пожал плечами.

— Иногда находят.

— И...

— Не избегаю, — ответил я тверже. — Сразу хочу ответить, что никого не убил, не ограбил, не изнасиловал, как вы явно ждете. С вашего позволения, я пойду спать, несравненная принцесса. Надеюсь, завтра утром ярл Элькреф сумеет составить ответ.

Ее лицо передернулось, никто не смеет разговаривать вот так, когда оказывают высокую честь общения с высокорожденными, но совладала с собой и проговорила ледяным голосом:

— С вашей стороны было очень неосмотрительно вступить за ту женщину.

— Какую?... Ах да, ну и мелочный вы человек... в смысле, помните такие мелочи. Почему неосмотрительно?

— Вы побили челядь, — обронила она еще холоднее, заметив, но не акцентируя не совсем честный намек на мелочность. — Ведь если бы со стен спустились воины...

Я учтиво поклонился.

— Можете пригласить. Обещаю, ваш сладкий сон будет испорчен.

— Что вы имеете в виду?

— Умение красиво махать мечами здесь, во дворе, — от-

ветил я, — это не то, что в кровавых битвах с сен-марийскими рыцарями. А я могу перестать себя сдерживать.

Она помолчала, взгляд стал серьезным.

— Да, в вас чувствуется эта отвратительная жажда не только бить, но и... убивать.

— Путь воина, — возразил я гордо. — Убивать нужно с первого удара. Второго может не быть.

— Все кочевники — дикари, — сказала она с отвращением. — Вы все полуголые, это отвратительно, и не расстайтесь с оружием.

Я возразил миролюбиво:

— Цивилизованного человека раздеть хотя бы до пояса и дать в руки меч — тоже станет дикарем. Не только с виду.

Она воскликнула с возмущением:

— Ни за что!

— Уверены?

— Элькреф, — произнесла она твердым голосом, — никогда не выйдет на улицу с обнаженным торсом. И не возьмет в руки оружие!

— Да-да, — согласился я, — он художник, я уже знаю. Но художники могут рисовать только в случае, если кто-то держит по мечу в руках. За себя и за того парня. Который художник.

Она помолчала, лицо оставалось неподвижным, потом тряхнула головой.

— Впрочем, это ваши обычаи... Я в них не вмешиваюсь. А вы не должны вмешиваться в наши!

Я изумился.

— Я? Вмешивался?

Она произнесла надменно:

— И все-таки... та женщина виновата. Вы зря за нее вступились. Во-первых, она негодная прачка. Во-вторых, это наши обычаи.

— Настоящий мужчина защитит даже простую прачку, — с достоинством сообщил я, — если она молода и красива.

Она поморщилась.

— Как избирательно!.. А не молодые и не красивые лишены вашей благородной защиты?

Я вздохнул.

— Нет. Их защищаем тоже. Уже по долгу.

— А молодых и красивых? — допытывалась она.

— Их и по долгу тоже, — отрезал я. — Но красивых всегда защищают охотнее. Искреннее! Но я в любом случае, когда вижу обижаемую женщину, забываю все басни о равноправии полов!..

Она вскинула брови.

— О равноправии... чего-чего?

Я отмахнулся, напоминая себе, что не стоит заводитьсь. Женщины с таким лицом обладают и сильным характером. А это значит, им хрен что вдолбишь.

— Не важно, — сказал я почти мягко. — В нашем племени женщины добились равных прав с мужчинами. Тоже ездят в седле, стреляют из луков и даже орудуют мечами. А также имеют право обсуждать воинские вопросы наравне с мужчинами. Но все равно знаем, что они слабее, и потому защищаем... даже если и обижаются.

Она рассматривала меня очень внимательно, словно пыталась отделить правду в моих словах от красивой брехни.

— Странно, — произнесла она. — Я бы не обижалась. Хотя... нет, не знаю.

Я смотрел на нее и раздумывал, почему принцессы почти всегда красивее простолудинок, это же несправедливо... хотя и объяснимо: на вершину власти пробиваются самые жизнеспособные, сильные, неутомимые, умеющие еще и очаровать умением говорить, держаться, увлечь за собой массы.

У таких, понятно, и дети в родителей. Сыновья сильны и отважны, хотя обычно и красивы, но на это обращаем внимание мало, а дочери красивы. Это тоже понятно, уродину король не возьмет в жены.

И потому когда появляется эта Элеонора Гордая, ее

подруги тускнеют, как луна и звезды перед восходящим солнцем.

Она обратила внимание, что я смотрю на нее так, как и положено смотреть на женщину: с восторгом, мол, ты самая красивая на свете, хотя я чувствовал, что притворяться не приходится.

— Что-то не так? — поинтересовалась она.

Я покачал головой, не отрывая от нее взора.

— Нет-нет, все так. Просто я на миг подумал, что делает в этом болоте такая сильная и красивая женщина, как вы. У вас есть характер! И красота настоящая, а не сю-сю, ням-ням, паря-пята. Такой красоты достойны только настоящие мужчины. Только они способны ее оценить... Но есть ли такие в вашем королевстве?

Она нахмурилась, польщенная и обиженная одновременно.

— Наше королевство, — сообщила она сильным и красивым голосом, в котором много от рычания львицы и совсем нет милого чириканья, чего всегда ждем от женщин, — самое крупное в Гандерсгейме... Или одно из самых крупных. Так что ни одна женщина здесь мужским вниманием не обижена.

Я кивнул, принимая, пусть так, сказал медленно, круто меняя тему:

— Я сюда ехал мимо дивной такой красивой горы с отвесными стенами, словно их отрезал тесаком неведомый бог. Это совсем недалеко от городских стен... Что-то я о ней слышал... но не вспомню.

Она нахмурилась, это выглядит впечатляюще, лицо сразу стало злым и жестоким, а в темных как ночь глазах заблистали грозные молнии. Голос стал сухим и с металлическим оттенком:

— Башня мага.

— Догадываюсь, — сказал я. — Что-то все они, как вороны, выбирают деревья повыше.

Жестокая улыбка промелькнула на губах и тут же пропала.

— Не любите магов?

— Кто их любит? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Большинству безразличны. Я тоже не обращала внимания на их существование, пока...

Ее лицо стало еще злее, белые зубы хищно блеснули, прикусив губу. В темных, как лесные озера, глазах появилось нехорошее выражение.

— Чем-то задела? — спросил я сочувствующе.

Она процедила сквозь зубы:

— Этот маг отобрал у меня Камень Рортега!

— Волшебный?

— Нет, — ответила она с оттенком презрения. — Почему обязательно волшебный? Насколько я знаю, просто фамильная ценность, передается из поколения в поколение. Считается, что приносит счастье. Какого-то особого счастья не было, но камешек очень красивый. Багровый такой рубин в виде головы дракона. Я его носила на груди. И цепочка к нему старинная, из серебра древней работы, очень красивая... И добро бы отобрал сам маг, а то — его ничтожный ученик!.. Ненавижу магов.

— Да, — согласился я. — Мы просыпаемся, когда на конечности начинают наступать лично нам. Спасибо за изысканную беседу, Ваша светлость!.. Я буду думать о ваших словах всю ночь.

Я поклонился и удалился, весь из себя почтительность, нарушив сразу два правила: ушел, не испросив разрешения у лица благородного сословия, да еще какого благородного, к тому же — не дождавшись, когда женщина отпустит меня сама.

Пусть, мелькнула мысль. Хорошо быть варваром, небритым героям все можно.

Глава 6

Я поставил у ложа свой старый меч, а купленный на рынке двуручник так и не подумал слезать с моей натруженной спины, подушку взбил и вместе с мешком аккурат-

но укрыл одеялом. Пусть всякий, кто заглянет в окно или в дверь, увидит крепко спящего. Варвар тоже может натянуть одеяло на голову.

Красивый закат воспламенил все небо, солнце медленно сползает к краю земли, а я в личине исчезника выскользнул через заднюю дверь, огляделся.

Из-за угла вышла молодая женщина, в руках медный таз, блещущий красным золотом в лучах заката, в тазу горка белья. Увидев меня, женщина заулыбалась, хотя варваров положено вообще-то пугаться, заговорила воркующее:

— Добрый вечер, господин!

— Вечер добрый, — ответил я. — Не тяжело?

Она хихикнула и подвигала плечом, стараясь, чтобы с него сползла лямка рубашки.

— Господин так добр...

— Ну-ну, — сказал я с предостережением. — Вроде бы не предлагаю помочь нести. Тем более, стирать...

Она засмеялась еще игривее.

— Господин нашел клад? Огромный, спрятанный драконами?

Я хмыкнул.

— Я клады не нахожу, а отбираю. У драконов, волшебников и всех-всех, кто не отдает добровольно. А при чем клад?

— Ведь двор говорит, — объяснила она, — что вы дали Ахне целую золотую монету!

— И что, — спросил я высокомерно, — это много?

Она сказала восторженно:

— Для нас очень много! Ахна решила теперь вообще уйти с работы.

— Не осуждаю, — сказал я. — Тут такие порядки, что даже не знаю, как вы еще не разбежались.

Она поиграла плечиками, глазами, подвигала бедрами.

— Зато здесь можно встретить таких щедрых героев...

— А-а-а, — сказал я, — ну, шансы есть, верно. Ладно, я спешу, а то бы мы с тобой... сама понимаешь...

И быстро ушел в сад, оставив ее в приятном томлении, уже чувствовала, как золото из моих карманов падает по монетке ей за пазуху.

Попетляв между деревьями, я вышел из королевского сада, тихохонько прокрался в тени, избегая встречных, за городскую стену, а там в ближайших кустах превратился в уродливую горбатую тварь, больше похожую на гарпию, чем на гордого птеродактиля. Хотя, конечно, птеродактиль тоже еще тот красавец, но по сравнению... гм... само совершенство, как Мери Поппинс.

Поколебавшись, я решил не заморачиваться дурью, эстет хренов, оттолкнулся от земли и ударил крыльями по воздуху. Взлет показался чересчур легким и непривычно стремительным, что значит — привык к личине тяжелого дракона, и не пошел по восходящей, а взвинтился ввысь, как пущенная сильной рукой стрела.

Верхушка горы еще сверкает в багровом огне, но солнце уже опустилось за край земли, внизу тяжелая, как грехи наши, тень. Я несея быстро и красиво, держа взглядом ту близкую к вершине блестящую плиту, которую присмотрел еще, когда нес Растенгерка.

Каменный выступ, словно брезгливо выпяченная нижняя губа, в длину локтей пять, а в ширину не больше трех, так что я едва-едва сумел опуститься и сложить крылья. Конечно, дракону оставалось бы только висеть, ухватившись за край, но в человеке так, боюсь, не сумею...

Я все время помнил, что надо прижиматься к стене, и когда снова ощутил себя в людском теле, меня так вжимало в камень, словно намеревался превратиться в барельеф. Краем глаза поймал бездну справа, такая же слева, а что сзади — подумать страшно, только и остается, что распластаться по каменному обрыву, отчаянный же я человек, никогда бы не подумал.

Никто не убивает сразу, подумал я, обнадеживая себя. Тем более, маги, все-таки представляют в своем лице думающую прослойку, а нам всем свойственно любопытство,

что родня любознательности. А я такой гусь, что меня хоть сейчас в дипломированные переговорщики, кого хошь уболтаю и перевербую, дайте мне только разойтись и по-жонглировать доводами и понятиями...

Плита исчезла внезапно. Я рухнул лицом вниз, в последний момент успел выставил ладони, упал на них, отжался и осторожно поднялся.

В толще горы появился широкий проход, пахнуло теплым воздухом жилья с едва заметным ароматом химикалий. Я поднялся на дрожащих ногах, но заставил себя приободриться, мне же недвусмысленно открыли дверь, ну пусть не саму дверь, но вход.

Пару осторожных шагов по проходу, и дыхание сперло, как у вороны при виде сервированного королевского стола с множеством золотых и серебряных ложек.

Зал настолько огромен, что даже не понимаю, как помещается в вершине горы. Далеко разнесенные одна от другой стены из грубо обработанного гранита медленно и музыкально плавно переходят в идеально выровненные, отшлифованные, а затем и украшенные богатым замысловатым барельефом. Я в полутьме, как и эта треть зала, а дальше льется золотой свет, в ясном золоте пол, стены, высокий свод, оттуда появляются и медленно опускаются словно продавливаются сквозь воду пруда, опавшие листья — пурпурные, желтые, оранжевые, багровые, и все таких чистых оттенков, что у меня защемило сердце от глупого и непонятного восторга.

И не сразу я увидел то, что должен бы увидеть в первую очередь: в глубине зала, где все так же никакой глупой роскоши, а изысканный и продуманный дизайн, три длинных стола с множеством реторт, колб, тиглей, больших и малых чаш с горящими углями, кипящей жидкостью, цветными камнями, если это камни, с толстыми пучками корешков и растворами в склянках...

В тонкостенных ретортах жидкость бурлит и клокочет, я даже на таком расстоянии ощутил сильнейший жар, но

только под одной увидел жарко пылающие угли. Остальные тигли погашены, один так вообще даже не закопчен, хотя в нем плавится странный металл зеленого цвета.

Я посмотрел тепловым, в трех шагах от меня застыл в неживимости багровый силуэт человека, меньше меня ростом, что естественно, конечности почти коричневые, зато голова полыхает оранжевым...

— Здравствуйте, — сказал я почтительно, — слышан о вашей великой мудрости и поспешил поклониться вам, а также засвидетельствовать свое глубокое, даже глубочайшее почтение.

Вокруг багрового силуэта возникла дымка, я понял правильно и вышел из теплового режима зрения. Чародей покинул невидимость и неподвижно рассматривает меня все так же напряженно и с великим подозрением. Странное излишне вытянутое лицо, очень бледное и с нездоровой желтизной, абсолютно безбровое, что придает глазам добавочную живость и выразительность. Череп абсолютно голый, свет факелов играет зайчиками на мощном куполе в догонялки, все не в силах удержаться на скользком и постоянно срывается на узкие плечи в длинном традиционном для колдунов и волшебников халате, расписанном хвостатыми звездами.

— И только? — спросил он резким голосом.

— Это цель всей моей жизни! — заверил я жарко.

Он спросил еще резче:

— Что вас привело на самом деле?.. Не двигайтесь, Черное Жало уже касается вашей спины. Отвечайте честно или умрете.

Я застыл, чувствуя холодок смерти, едва проговорил дрожащими губами:

— Отвечаю честно, ибо умереть желания никакого нет... Кроме великого почтения к вашей мудрости... меня привела еще и жажда узнать, где находятся... огры.

Его глаза чуть расширились, он долго всматривался в

меня, словно не верил, что видит, я видел, как его взгляд меняется, обшаривая меня с головы до ног.

— Да, ты не соврал... — пробормотал он озадаченно. — Удивительно!

— Что есть такие честные люди? — рискнул я спросить.

— Что ради такой ерунды...

— Знания, — сказал я, — сила.

— Гм, но почему огры?

— Тороплюсь, — объяснил я. — Если вы так легко определяете, когда человек говорит правду, а когда врет, то посмотрите на меня еще раз!

Он сказал с угрозой:

— Я все время на тебя, дикарь, так смотрю. И если станешь врать, замечу сразу. Даже по мелочи.

— Меня в самом деле интересует только места обитания огров, — сказал я. — Нет, это ложь, меня многое интересует, в том числе и вы, потому что я вообще любопытен, а к магам питаю величайшее уважение, как к людям, добывающим знания... но сейчас именно огры, да, у меня к ним дело.

Он слушал внимательно, скривился. На вообще-то неприятном лице отразилось колебание, словно не решил, что со мною делать и как умертвить, чтобы не забрызгать стены, наконец проговорил в сомнении:

— Я не жалую гостей. Ничего хорошего от них не бывает. Однако ты заинтересовал. Хорошо, заходи.

— Спасибо, — сказал я поспешно. — Я трепещу от почтения. Знаете, всегда восторгался магами, хотя сам по врожденной лени выбираю пути попроще.

— Иди вон туда, — прервал он.

— Да-да, — сказал я угодливо. — Я всегда говорил, что нужно слушать не сильных, а мудрых. За что и получал...

— Неудивительно, — буркнул он. — Топай, топай!

— Как скажете, господин...

Он сказал брюзжащим голосом:

— Иди прямо!

— Дорога мужчин! — сказал я с восторгом. — Мы всегда

идем прямо и только вперед, как крокодилы, и не отступаем, хвост не дает...

Он прервал:

— Во-о-он тот стол, видишь? За него и садись. Никаких резких движений, моя охрана бывает чересчур бдительной.

Я не видел никакой охраны, но это не значит, что ее нет: маги помешаны на безопасности. Чем больше человек приобретает знаний и опыта, тем больше страшится потерять накопленное от удара дубинкой дурака или ножа пьяного прохожего.

Стараясь двигаться осторожно и не делать резких движений, я тихохонько двигался в глубь зала. С середины зала под ногами зашуршали эти странные опавшие с каменного потолка листья, все такие же золотые, багровые, пурпурные, оранжевые...

Маг, шикарно блестя голым черепом, двигался в стороне, лицо недовольно-презрительное, вдруг спросил раздраженно:

— Чем тебе так не нравится моя лысина?

Я охнул.

— Что вы! Совсем наоборот! Лысина — это полянка, вытоптанная мудрыми мыслями. Вы же знаете, как это обычно бывает у нас: в голову мысль пришла, но никого не застала. Или кому-то в голову явилась, а там уже была одна — подрались. Но потом помирились, теперь у такого их две...

Он покосился на меня все еще с раздражением, но смолчал, а я шел и едва ли не по детской привычке загребал ногами листья. За толстенной колонной, закрывающей вид, открылся весь зал. Свод теряется в звездной высоте, по обе стороны вдоль стен исполинские статуи. Таких изысканно сложных чудовищ я не мог и вообразить. А вдали нечто вроде гигантского камина, перед ним к нему спинкой трон на возвышении с тремя ступенями. Над камином нечто вроде застывших складок исполинского занавеса из красного камня, по бокам черные выпуклые круги, похожие на щиты великанов.

Листья продолжали медленно опускаться на пол. Я протянул ладонь и поймал один — еще сочный, пурпурно-красный с оранжевыми прожилками, живой, но уже с отпавшим корешком.

Маг поглядывал с интересом.

— Мне кажется, — сказал он неожиданно, — тебе нравится ходить вот так по лесу, загребая ногами листья?

— Угадали, — ответил я с неловкостью.

— Почему? — потребовал он.

Я пожал плечами.

— Не знаю. Дурак, наверное.

Он фыркнул.

— Что-то слишком легко признаешься в дурасти!

— Но не в слабости же? — воскликнул я бодро. — Дуракам везде счастье! В жизни за все приходится платить, но дуракам — скидки. Пока дурак встанет на ноги, скольким он переломает шею — разве это не счастье? У нас, дураков, дорога всегда прямая и проторенная. Дай нам, дуракам, точку опоры, и мы сумеем поставить в дурацкое положение весь мир. Так что дураком быть здорово... А как мудрым стать, у нас каждый дурак знает!

Он ошалело таращил глаза, даже потряс головой, стряхивая умности, наконец проговорил в некотором недоумении:

— Да-а, впервые вижу такого... дурака.

— Нет ничего разносторонней, — сказал я хвастливо, — чем интересы дураков. Я слышал, что самые умные мысли приходят в голову именно при наблюдении за дураками! Потому что дураки и мудрецы похожи — мы не такие, как люди средние и ограниченные.

Он посматривал внимательно, мою браваду просек, за личиной дурака прятаться удобно, но трудно, опытный глаз раскусит притворство быстро, а этот маг, похоже, меня переоценил еще раз.

— М-да, — согласился он, — мы на них не похожи. Более того, они всех нас одинаково считают дураками.

Мимо нас проплывают стол с колбами и тиглями, за-
копченные котлы, одни из сырого чугуна, другие из незна-
комого металла и настолько изысканной формы, что какие
к черту котлы, это что-то иное, приспособленное под ди-
карские котлы...

Справа и слева между статуями зашипело. Кверху вы-
стрелили струи пара, маг не обратил внимания, мне даже
показалось, что чуть-чуть поморщился, я тут же спросил:

— А что это значит?

Он отмахнулся.

— Я не уверен, что это сделал я. Если я, то побочный
эффект, а скорее всего, так происходило и раньше. Да-да,
этот зал не я создал! Просто занял и кое-что приспособил.

Справа от трона в стене бушует огненная дыра, в кото-
рую проскочила бы повозка с двумя лошадьми. Я смотрел с
содроганием, такими должны быть внутренности Солнца,
звездный жар которого сожжет неосторожно приблизив-
шуюся Землю, как муху.

Слева от трона так же аккуратно очерченная, словно
циркулем такого же диаметра, абсолютно черная дыра, где
исчезают все тени, отблески, искры, а также беспечно зале-
тающие туда опадающие листья.

— А листья откуда? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Мог бы соврать, что это я так создал, но на самом де-
ле... листья всегда вот так. Всегда! Но никогда слой на полу
не становился слишком... неэстетичен. А только вот так:
красиво, торжественно, слегка грустно, осень все-таки...

— Вечная осень?

— Красивая пора, — сказал он.

— Осень этим летом удалась на славу, — согласился я. —
Вообще осень — это постаревшее и поумневшее лето. Ценю
ваш вкус!

Он промолчал, мы подошли к дальнему столу, там пус-
то, я вопросительно посмотрел на мага, тот кивнул, я опу-
тился на стул. Чуть не подпрыгнул, чувствуя, что задница

погружается в жидкую теплую глину, однако та моментально затвердела, я ощутил, что еще никогда не сидел на таком удобном сиденье. Даже подлокотники молниеносно подстроились под высоту, длину и ширину моих рук.

Маг прошелся вдоль стола взад-вперед, будто не решаясь сесть или не выбрал место, стул двигается вдоль стола, словно намагниченный, и когда маг остановился, с готовностью забежал сзади и даже боднул под колени.

— Значит, — проговорил маг, — ты добрался сюда... ага, превратившись в птицу. Ну, что-то вроде птицы. Любопытно, не чувствую остаточной эманации... Какой-то новый вариант... И вообще...

Я сказал скромно:

— Хотя я и молодой маг, но какие-то мелочи освоил.

— Это не мелочи, — пробормотал он, — но, с другой стороны, в самом деле не знаешь и не умеешь многих мелочей, которые обязательны даже для учеников мага...

— Я самоучка, — сказал я еще скромнее. — Из медвежьего угла. Меня зовут Рич, я человек простой и простодушный.

Он оглядел меня оценивающе, странное ощущение, когда вот так упорно смотрит безбровое лицо, даже ресниц нет, а сетчатка постоянно меняет цвет.

— Меня зовут Сьюмас Макманус, — произнес он.

— Красивое имя, — сказал я, от лести еще никто не умирал. — А фамилия еще лучше.

— Это не фамилия, — сказал он небрежно.

— Прозвище?

— Да.

— Что-то значит?

— На древнем языке, — ответил он сухо. — Итак, Рич, я вижу, вы молоды и сильны... Гм, достаточно странное сочетание для мага.

Я отметил, что маг перешел на «вы», похоже, начинает уважать, рискнул поинтересоваться:

— Почему?

Он хмыкнул.

— Для вас новость? У кого сила — идет путем силы. Дорога славы с мечом в руке, копьём, боевым топором... Магами становятся либо старики, либо увечные. Чтобы путь мага выбрал молодой... гм... нужно, чтобы он был хил, тщедушен, болен, подвергался насмешкам за слабость и неумение дать сдачи...

— А-а-а, — сказал я, — вы гений, сказали все точно! Я именно такой. Там, глубоко внутри. Хил, слаб и тщедушен. Это называется комплексами. Я тоже, кстати, ни разу не видел молодого мага. А если увижу... то это будет либо трус, либо подлец.

Он хмуро усмехнулся.

— А вы, будучи магом, хотите сохранить несвойственные магу ценности? Характерные для прошлой жизни?

Я сказал очень осторожно:

— Чтобы отказываться от прошлых ценностей, нужно увидеть преимущества новых... А я их пока вообще не увидел.

— Преимуществ?

— Вообще ценностей. Если не считать ими постоянное расширение кругозора.

Он пробормотал:

— Станный вы человек... А что нужно еще?

— Разве это ценности? — спросил я. — Ценности — это... рыцарская честь, верность слову, доблесть, готовность к подвигу, любовь к женщине... Да-да, я понимаю, что это не ценности для мага, но... они же должны быть? Что-то взамен?... Вы не против, что я со своим угощением?

Глава 7

Он промолчал, я сосредоточился, на столе начали появляться деликатесы, в которых я уже наловчился и умением создавать которые бессовестно пользуюсь. Запахло тонко, изысканно, я сам остро ощутил нежность сыра, возбуждаю-

шую сладость ветчины и карбонада, аромат медовых пирогов.

Сьюмас не шевелился, но я чувствовал, с каким напряжением работает его мозг, стараясь уловить следы магии, создавшей все это, и по ним постараться определить, как это делается. Зрачки расширились, возможно, тоже перешел на иное зрение, дыхание пошло чаще, на висках вздулись синие вены, потемнели, ставши похожими на сытых пиявок.

Я в завершение создал целую горку мороженого с шоколадом, ягодами и орехами, в том числе и самыми экзотичными, включая папайю, киви и манго.

— Даже насекомые ходят друг к другу с подарками, — пояснил я, — а мы еще те насекомые, всем насекомым насекомые, любого перенасекомим и занасекомим.

Он быстро осмотрел сыр и мясо, на сладости не обратил внимания, придвинул блюдце с мороженым, всмотрелся. Под его взглядом появилось заметное углубление, я думал, что маг так начинает есть, но он неторопливо поднял ладонь и пошевелил пальцами, блеснула изящная серебряная ложечка.

Я затаил дыхание, наблюдая, как он смакует, потихоньку создал еще ванильное, сливочное и ягодное, однако маг даже не повел в их сторону взглядом, что и понятно, это всего лишь частности, неторопливо ел, даже смаковал, а когда закончил, поднял на меня жутковатый взгляд безбровых и потому особенно выразительных глаз.

— Удивительно. Мелочь, но как-то прошла мимо меня.

— В нашем медвежьем где, — сказал я несмело, — знают такое, что не снилось горациям.

Он кивнул, не обратив внимание на упоминание каких-то горацийев.

— Так бывает. Старинные заклатья горцев, передающиеся из поколения в поколение...

— Истинно так, — поддакнул я.

— Важного в них обычно нет, — пояснил он, — иначе

они бы вышли из ваших медвежьих... хотя есть возможность...

Он задумался, глядя на меня пытливо. Я вздрогнул и вперил взгляд через его плечо, из колбы с бурно кипящей зеленой жидкостью начало выкарабкиваться нечто ярко-изумрудное, блестящее, словно ртуть.

Сьюмас проследил за моим напряженным взглядом, оглянулся.

— А-а, вам мой ньюбик приглянулся? Нет, не отдам, самому нужен...

Зеленый ньюбик, похожий на жабу и осьминога разом, проковылял по столу до следующей колбы, где точно так же бурлит на жарком огне синяя жидкость. Я не отрывал взгляда, пока он протискивался через узковатое для него горло.

До нас доносилось пыхтение и сопение, лапки ньюбика дрожат от усилий, наконец он плюхнулся в кипящую жидкость и блаженно растянулся на дне колбы поближе к огню.

— Что он делает? — пробормотал я.

Сьюмас отмахнулся.

— Трансформируется. Не все же могут с помощью магии, как вот вы... Не встречали таких? Странно, они как раз только в медвежьих углах и сохранились. Вот здесь описание с иллюстрациями.

Он поднялся, взял с соседнего стола обеими руками книгу, я сперва принял ее за мраморную плиту, поднял с кряхтением и, тяжело ступая мелкими шажками, перенес к нам на стол. Тот качнулся и просел, как гуттаперчевый, под внезапной тяжестью.

— Что-то слабею, — проворчал маг. — Раньше по две такие брал.

Я сказал:

— Могли бы меня попросить...

Он посмотрел несколько странно, мне впервые почудилось мрачное веселье.

— Правда?

— Ну да...

— И вы перенесли бы?

— Конечно, — ответил я с достоинством. — Старость надо уважать... вроде бы. Дураки вон точно уважают! И варвары всякие. А я и дурак, и варвар, полная гармония.

Он хмыкнул.

— Ну, тогда перенесите обратно.

Недоумевая, я взялся за книгу, в самом деле весит, как плита мрамора, приподнял чуть, но пальцы разжались, книга осталась на месте. Я напряг плечи, задержал дыхание, книга оторвалась от столешницы, в глазах мага мелькнуло удивление, но мои пальцы снова не удержали тяжесть, а мышцы рук заболели от сверхнагрузки.

Он сказал весело:

— Не тужьтесь. Дело не в том, что велика... страницы из шкуры ягордиса, а они даже выделанные тяжелее золота.

Я пробормотал ошарашенно:

— Но вы же... перенесли?

Он сказал так же весело:

— Просто я посильнее вас, не в обиду будь сказано. Но пусть это вас не терзает! В состязаниях за невест участвовать не стану... ха-ха.

Я пробормотал:

— Вы и это знаете?.. Откуда?

— Королевство Тиборра, — сказал он, — разве вы не оттуда? Там уже готовятся к схваткам, а вы, как вижу, вполне призовой боец... И шансы у вас высоки.

Я пробормотал:

— Высоко сижу, далеко гляжу?.. Но тогда, наверное, знаете, что и я участвовать не буду.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

— Странно, вы могли бы.

— Приз для меня не ценен, — пояснил я.

Он кивнул.

— Вообще-то, уже верю. Вы успели познать радости слаже, чем женские постели.

Он тщательно протер столешницу чистой тряпкой, иде-

ально ровная, как стекло, требовательно и не глядя на другой стол, протянул в его сторону руку. Там приподнялся и перелетел по воздуху небольшой кувшин с изящной скромной чеканкой. Глаза мага таинственно поблескивали, кувшин влип ручкой в требовательно растопыренные пальцы и замер.

Другой рукой маг открыл книгу, отыскал нужную страницу.

— Ну, кобольдов, дварфов и прочих цвергов опустим, — пробормотал он, — верно?

— Истинно, — сказал я подобострастно.

— Это хорошо... вас они интересуют не больше, чем прошлогодние листья... А вот это интересно...

Я зачарованно смотрел, как он бережно налил на столешницу жидкости, она образовала небольшую лужицу, на миг отразились камни потолка, почему-то очень близкие, затем заволокло чернотой ночи, мелкие звезды начали сбиваться в кучу...

Маг тихо и внушительно произнес короткое заклинание. Лужица засветилась, продолжая растекаться по ровной поверхности тончайшим слоем. Появились тени, стали резче.

Я охнул, узнавая очертания города с высоты птичьего полета.

— Здорово...

Он отмахнулся.

— Пустяки.

— А что тогда не пустяки? — вскрикнул я. — Вы великий маг!

Он проворчал польщенно:

— Смотрите, смотрите.

Изображение смазлось, будто карту вниз с силой дернули в сторону. Появилась громада Великого Хребта. Замерев на секунду, словно показывая себя, вот я, Хребет, картинка быстро пошла в сторону, будто побежала по вершине Хребта, тот все уменьшался, наконец с двух сторон обсту-

пило море, но он упорно шел по воде еще много миль, пока волны не сомкнулись над его острыми вершинами.

— Здесь и живут огры, — сказал он.

— В воде?

— В Хребте. Той части, что опускается к воде.

— Почему там?

Он поморщился.

— Какие бы зверства им ни приписывали, но огры Гандерсгейма живут почти исключительно ловлей рыбы. Ну и тем, что помимо рыбы вылавливают в море.

— Помимо рыбы?

Он поморщился.

— Кальмары, осьминоги, морские змеи и прочая гадость, больше похожая на исполинских жаб, чем на рыб. Хотя это вам неинтересно...

Он сделал паузу и взглянул коротко, словно пронзил меня дротиком, и я понял, что прикидываться дураком все труднее, прекрасно видит, что мне интересно. И даже то, что я не начал расспрашивать, что такое осьминоги и кальмары, опытному человеку говорит о многом.

В колбе с синей жидкостью началось шевеление. Ньюбик, если это еще он, уже не зеленый, а золотистый, безуспешно карабкался по гладким стенкам. Маг следил за ним с ленивым интересом, ньюбик начал бросаться на них, колба сильно накренилась, но не упала. Ньюбик с трудом протиснулся на свободу, отряхнулся и расправил удивительно тонкие, почти прозрачные кожистые крылышки с четко выступающими толстыми жилами и мелкими косточками.

Маг произнес тихо что-то ласковое, я не расслышал, крохотный золотой дракончик подпрыгнул и, быстро-быстро махая крылышками, тяжело перелетел к нему. Сьюмас подставил ладонь, но дракончик промахнулся и бухнулся мордочкой на стол, обиженно раскрыл пасть с крохотными зубами.

Сьюмас сунул ему палец, дракончик ухватил передними лапками и начал жадно сосать.

— Кушать просит, — сказал маг растроганно, — никак не запомнит, дурашка...

Он сунул ему в пасть узелок из тряпочки, дракончик принялся сосать еще усерднее.

— А он не только родился? — спросил я.

Маг покачал головой.

— Нет, так омолаживается. Жаль, всякий раз меняется.

— Все равно, — пробормотал я, — что заводите нового щенка, в которого переселяется душа вашей старой умершей собаки.

Сьюмас посмотрел на меня внимательно.

— Верно. Приучать его что-то делать заново не приходится. И все его привычки я уже знаю наперед... Сейчас пробую на нем... и частично на себе, как бы нам научиться обходиться без сна!

Я пробормотал:

— Но... зачем?

Он посмотрел в удивлении.

— Как зачем? Вы словно еще не встали на путь мага... Хотя да, молодость, молодость... Если без сна, то могу работать день и ночь!.. Это же такое счастье — работать, узнавать, добиваться, находить новые пути, отказываться от старых, знать все больше и больше... Никакие удовольствия от обладания женщинами с ним не сравнятся!.. Хотя, признаюсь, женщин тоже не избегал, еще как не избегал, за что и расплатился бесцельной потерей многих лет...

Его указательный палец почесывал спинку дракончику. Тот урчал, не отрываясь от соски, жмурился и тискал ее крохотными лапками.

Маг смотрел на любимца ласково, я поинтересовался:

— Он ближе к собакам или... к прочим?

— Все верно, — согласился Сьюмас, не отрывая взгляда от дракончика, — все животные делятся на подобных собакам и всех прочих. Но кому нужны прочие?

— Женщинам, — предположил я. — Мужчины заводят

собак. Женщины... гм... все прочее. У вас эта стена теплее, чем та...

— Будет еще жарче, — обронил он равнодушным голосом.

Правая стена ощутимо накаляется, волна жара стала отчетливее, затем камень разогрелся до темно-вишневого цвета. Я начал морщиться, закрылся ладонями.

Сьюмас сказал сочувствующе:

— Ничем не могу помочь.

— Побочный эффект?

— Да.

— Но как... вы?

Он отмахнулся.

— Проще оказалось найти заклятие, чтобы не чувствовать этого жара.

В стене косматого огня появилось яркое оранжевое пятно еще более жаркого пламени. С бешеной скоростью замелькали призранные тени, я почти успевал увидеть какие-то образы, но запомнить не удавалось, хотя мозг моментально разогрелся от попыток ухватить и запечатлеть.

— Сейчас прекратится, — сказал маг успокаивающе.

— Жаль, — сказал я. — Это прекрасно.

Он покосился в мою сторону с изумлением.

— Находите?

— Ну, — сказал я, — это же как грозная музыка в стуке копыт, в фыркании разгоряченных коней, в гремящих и веселых голосах сильных и суровых людей.... Прекрасно!

Он поморщился, сказал кисло:

— Да-да, очень образно.

Оранжевое пятно расширилось до размеров тоннеля. Мельтешение призранных теней стало жестче и настойчивее. Оранжевая плоть огня вздрагивала, то и дело возникали выпуклости, словно от локтей или кулаков. Сами тени стали четче, гуще, и все пытались, как мне почудилось, выйти в наш мир.

— А что они... — начал я и устранным умолком.

Ровная стена с силой натянулась, я со страхом рассмотрел давящую с той стороны пятипалую ладонь размером с сиденье стула. Она становилась все четче, раздался хлопок, волна жара ударила в лицо. Лопнувшая стена огня сомкнулась, однако с той стороны в комнату с грохотом вышел закованный в латы древнего образца гигант в два моих роста и впятеро шире. Морды не видно из-за литого шлема без намека на прорезь для глаз, на левой руке щит странной формы, а в правой — жуткая помесь меча, топора и палицы.

Я застыл, как жаба перед удавом, а гигант нетвердыми шагами двинулся от стены. Нас он не замечал и ничем не интересовался, пол вздрагивает под тяжелыми шагами, стальные доспехи поскрипывают, как если бы десяток наковален терлись друг о друга, спина вся литая, непонятно, как он в такие доспехи влезает...

Он прошагал через зал наискось и ударился в стену напротив. Гранитные глыбы дрогнули, но гиганта не отбросило, как я ожидал, его рука с усилием вошла в стену из прочнейшего камня. Он навалился всем телом, вдвинулся, преодолевая сопротивление. Блеснули в ярком свете металлические плечи, последней исчезла пятка со шпорой в виде хвостатой звезды.

Жар начал спадать, оранжевое пятно превратилось в пурпурное, темно-вишневое, затем стена приняла обычный вид, но я теперь понял, почему в том месте голо, как в выжженной катаклизмом пустыне, ковров или гобеленов не напасешься.

— Как вы здесь работаете... — пробормотал я. — Ходят тут всякие, топают... отвлекают, наверное.

Он поморщился.

— Да, сперва мешало. Потом привык. К вам разве не залетают мухи?

— Муху могу выгнать, — возразил я.

Он отмахнулся.

— А я не стану даже гоняться. У мужчины всегда есть дела поважнее. Не так ли?

Я почувствовал себя пристыженным.

— Да, конечно, вы правы. Я бесконечно вам признателен за огров. Самому бы пришлось искать очень долго. А время и я берегу, хотя и кажется, что у молодых дураков его девать некуда. Так что огромное спасибо за оказанное младшему собрату внимание...

Прозвучала тихая и печальная музыка. Я насторожился, но маг и ухом не повел, я тоже решил не обращать внимания, а музыка некоторое время усиливалась, печаль нарастала, я отчетливо услышал скорбные женские голоса, затем все стихло.

Я поклонился сразу, как только оторвал зад от слишком гостеприимного стула, маг равнодушно смотрел, как я направился через огромный зал к далекому выходу. Я шел на этот раз быстро, всем видом поясняя, что и так слишком отвлек на себя, ничтожного, очень занятого великими делами человека, статуи молча провожали меня застывшими взглядами.

Ближе к выходу я обнаружил, что Сьюмас все-таки провожает меня, наверное, чтобы ничего не спер по дороге.

— По опасной дороге идете, — сказал он вдруг.

Я насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Зачем вам огры? — спросил он. — Ладно, не отвечайте. Уже ответили. Вы же маг, а все эти завоевания — такая ерунда! Даже молодые и пустоголовые могут понять, что магия может дать больше...

Я сказал с неловкостью:

— Это не для завоеваний... Не столько для них, как для порядка и закона. Позвольте превратиться в птеродактиля здесь? А то на краю бездны страшновато.

Он буркнул:

— Вы можете даже в падении... До земли еще далеко.

— Боюсь, — сказал я дипломатично, — вдруг на что-то засмотрюсь... я такой рассеянный! Спасибо вам.

Глава 8

Он хмуро смотрел, как я перешагнул черту, отделяющую его великолепный зал от прочего мира. Яркий свет исчез, я очутился в полной тьме, замер, страшась шевельнуться, и лишь спустя несколько мгновений сообразил, что просто вышел на уступ под открытое ночное небо.

Холодно, пустынно и торжественно, как часто бывает ночью, когда мирское уходит, а вечные звезды вот они, как и мертвецки бледная луна, холодная и равнодушная.

Мои растопыренные для прыжка и взмаха крыльями руки застыли, будто вокруг меня образовалась гигантская льдина. По небу, закрывая звезды, несется нечто как багрово пылающая скала, никакие крылья не должны бы удерживать в воздухе эту раскаленную гору, но чудовище мчитсся с легкостью, я с ужасом понял, что оно размером с двухэтажный каменный дом.

Не только воздух, само пространство сминается под взмахами его крыльев, даже звезды сдвигаются, это противоестественно, это чудовищно, когда вот так высоко над землей двигается по своей воле нерассуждающая мощь. Я смотрел, трепеща всеми фибрами, а они улавливали слепую ярость и злобу ко всему живому.

— Что за твари... — прошептал я пересохшими губами. — Они откуда? Неужели их гнезда в Великом Хребте?

Сьюмас вслед за мной вышел из пещеры, лицо недовольное, взглянул на небо. Словно повинуясь его взгляду, стальной дракон изогнулся с легкостью, будто весь из шелка, легко взмыл выше и пронесся, как стрела, не двигая крыльями.

— Если бы на земле, — проговорил он задумчиво, — мы бы таких уже не увидели.

— Почему?

— Герои и охотники на драконов находятся всегда...

— Неужели и таких можно перебить?

— Перебить можно все, — ответил он.

— Но как можно жить, не опускаясь на землю?

Он пожал плечами.

— Мы многое еще не знаем о мире. Но сейчас мне пришла в голову мысль... Вы придете к ограм, а они вас сперва разорвут, а потом посмотрят, что именно разорвали. Вам не поможет ваше умение превращаться и в более крупных зверей. Вы можете даже стать крупной хищной рыбой и мешать им охотиться в океане. Но вам это надо?

— Не надо, — признался я и повернулся к нему. — А есть выход поумнее?

Он некоторое время молчал, бледное лицо стало еще бледнее, лунный свет заострил скулы и нос, а глаза упрятал в темные впадины.

— Конечно, — ответил он медленно, словно колеблясь, говорить или нет. — Вы остановились в королевстве Тиборе, причем — в стольном городе Тиборе. Не отпирайтесь, это заметно. Хотя бы по рукояти двуручного меча особой формы у вас за спиной. Там прямо за городом башня мага. Не слишком высокая, но вполне защищенная. Даже не ловушками, а отвесными стенами, гладкими, как стекло. Да, почти как здесь. Мысль, знаете ли, обычно выбирает проторенные пути. В той башне сейчас человек, которого мы с великим сожалением приговорили к смерти... Я вам помогу войти к ограм на равных и говорить с ними, не рискуя быть убитым, но вам придется оказать одну мелкую услугу.

— Слушаю, — произнес я настороженно, не люблю их оказывать, на самом деле это мне все люди на свете должны оказывать самые разные услуги, — если это по дороге...

Он буркнул:

— Магам все по дороге.

— Как мудро сказано, — сказал я лстиво. — Все мудрецы мира вообще-то идут плечом к плечу... если подумать. Хоть и в разные стороны. По рассеянности, видимо.

— Так то, если думать, — сказал он нетерпеливо. — Вам нужно будет... как бы это сказать, а-а, ладно, вам нужно

убить тамошнего мага. Не беспокойтесь, я дам вам некоторую защиту, когда будете готовы.

Я посмотрел на него, перевел взгляд на звездное небо.

— Вот так просто прийти и звездануть человека? Ни за что, ни про что? Который мне даже на ногу не наступил?.. А почему не сами? Ах да, сил хватает, но грязную работу палача лучше переложить на других?.. Он чем-то мешает?

Сьюмас неприятно ухмыльнулся.

— Вы ошибаетесь, полагая, что я такой вот злодей, хотел его убить и ограбить из каприза. Этот маг виноват, нарушил наши законы... А вы, не притворяйтесь, прирожденный убийца. Нет-нет, ничего обидного в этом нет, все люди — убийцы. Хотя и не все убивают. А вы убивали. И не раз, по вас видно. Хотя в этом взаимном истреблении есть смысл: если бы люди не убивали друг друга, земля бы переполнилась и лопнула, как переспелый арбуз...

— Такая тонкая кора? — спросил я.

Он хмыкнул.

— Вы, похоже, не удивились? Да, мы живем на тонкой корке, под нею бушует огненный океан, а в нем плавают огромные хищные звери. И когда стучаются головами или спинами о кору, что для них потолок, здесь земля трясется, рушатся целые города...

Я вздохнул, спросил осторожно:

— Какие законы он нарушил?

Маг зыркнул зло.

— Не важно. Это не вашего ума дело. Ну ладно... Он сейчас превратил пять человек в гарпий и куда-то послал. Тайно, ночью. У нас, магов Гандерсгейма, можно призывать хоть гарпий, хоть кого угодно, но превращать людей в чудовищ нельзя.

— Это нехорошо, — согласился я. — Хотя, конечно, некоторых стоит. Даже не ощутят разницы. А если иных женщин... так и мы не увидим различий.

Он раздраженно отмахнулся.

— Хорошо или плохо — для простых, у магов другое.

Людей нельзя, нарушим слишком многое... Вообще все может рухнуть, а зачем нам? И потому таких изгоняем. Я не знаю, что его заставило, но перестал всем отвечать и... словно закусил удила. Возможно, хочет стать властелином Гандерсгейма, дурак...

— Берусь, — ответил я с готовностью. — Такого убить мало. Самозванцев нам не надо!

— Вы с ним справитесь, — заверил Сьюмас. — И сможете подойти вплотную.

— Вы мне льстите.

— Ничуть. Я пробовал осмотреть вас...

Он умолк, я сказал хмуро:

— ...но ваша магия на меня не подействовала? Я тоже думал, что неуязвим. Но только вчера одна сволочь подчинила меня с такой легкостью, что я даже «мама» не успел хрюкнуть.

Он посмотрел очень внимательно, поежился, плотнее закутался в плащ.

— Вроде лето, а ночами холодно... Насколько я знаю, ничего такого особого нет.

— Но случилось же!

Он покачал головой.

— Сомнительно. Вы ничего не путаете? Расскажите, как это было.

Морщась, я рассказал о своем позоре, когда моей гордости был нанесен тяжелейший удар. Он внимательно слушал, хмурился, кривился, а когда я закончил, вздохнул с некоторым облегчением.

— Фух, я уж думал, что в самом деле есть брешь...

— А что не так?

Он сказал снисходительно:

— Вы были в личине дракона, не так ли?..

— Все равно это был я!

— Не совсем, — отпаривал он. — Как я понял, и дракон вы еще не совсем... зрелый. Чуть погода вы бы полностью проникли в его суть и плоть.

— И что, — спросил я с надеждой, — тогда бы не подействовало?

Он посмотрел почти с жалостью.

— Когда в теле человека, не действует же?.. Если все драконье будет для вас таким же родным, ваша власть над ним защитит так же, как защищает ваше людское. Удивительно, вы же умный человек, как не поняли...

— Это я потом умный, — пробормотал я. — На лестнице. Он улыбнулся.

— Я так понял, вы одолеть сумели. Кстати, он все-таки обманул вас. Маги обычно не прибегают к помощи людей. Дело не в человеколюбии, просто это при внешней легкости пути к мощи — путь в тупик. Властвуя над людьми, можно стать королем или императором, но не магом. Конечно, всегда находятся строптивые, не верят нашему опыту, пытаются проскочить по верхушкам... но, не останови его вы, он сам бы остановился, упершись в стену.

— Лишь бы раньше не поджег мир, — пробормотал я.

Он очень внимательно смотрел мне в глаза. Мне показалось, что, несмотря на его уверения в моей непрошибаемости для магии, все-таки проникает в меня и роется в моих кишках.

— Вы правы, — произнес он. — Таких останавливать лучше как можно раньше. Беретесь?

Я ответил твердо:

— Берусь. Но только, не как благородный маг, а как...

Он перебил с улыбкой:

— В мире магов слово «благородный» ничего не значит. Если хотите польстить, то у вас богатый выбор синонимов к слову «мудрый». Можно даже в любой превосходной степени.

Я развел руками.

— Простите. Вот так и выдаю себя, я из мира других ценностей... но разве маги не первым делом укрепляют свои жилища? Высокие башни только для этой цели, а у вас пещера вообще на вершине недоступной горы... Как ма-

гистр позволил захватить свое укрепленное жилье? Или оно почему-то не укреплено?

Он покачал головой.

— Думаете, его ученик сильнее? Нет, он захватывал не снаружи, а изнутри. Усыпив бдительность учителя. Так что не беспокойтесь, он даже слабее Жакериуса. Тот все еще силен, очень силен.

— Спасибо, — пробормотал я. — Вы меня успокоили.

— Вы очень молоды, — произнес он, не отрывая от меня пристального взгляда. — Это значит, не сами получили свою мощь, как все мы... Похоже, вы не самоучка, как уверяете, а член некоего ордена. Люди, соединяя усилия, иногда добиваются удивительных результатов...

Он умолк, продолжая буравить меня взглядом. Я лихорадочно перебирал варианты, наконец стиснул волю в кулак, где наша не пропадала, попробуем приоткрыться:

— Вы правы, великий маг!.. Я человек могучей организации. И хотя не полностью разделяю ее идеалы и взгляды, но в данное время ее цели ближе всего моим представлениям о правильности.

— Что за организация?

— Церковь, — ответил я.

Он нахмурился, звезды потемнели, мелкие исчезли, а крупные светят едва-едва, словно мы оказались за пределами галактики. Лицо Сьюмаса стало резче, и тени глубже.

— Эти фанатики?

Я сказал торопливо:

— Старое и неверное представление. Слишком многие о Церкви думают неправильно.

Он поморщился.

— Ну, просветите, просветите...

В его потвердевшем голосе была издевка, я сказал быстро:

— Еще в старину Церковь разделилась на две равные половинки: католическую и ортодоксальную, именуемую также православной. Православная свято бережет все заветы апостолов, за что сама себя зовет апостольской, в посла-

ниях апостолов не меняет ни буквы, ни звука, ни смысла, то есть твердо стоит на том, что сказал Христос. Католическая пытается вести человека через тернии к звездам, сама меняется, в ней кипят постоянные войны идей, возникают новые учения... Их называем ересями, если терпят поражение, или новыми ветвями христианства, если завоевывают право на жизнь... ну там кальвинисты, пуритане, гугеноты, протестанты... О православной ничего не скажу, да и говорить нечего, она все та же, что и тысячу лет назад, а вот католическая весьма гибкая, с нею можно разговаривать, обмениваться идеями... вы понимаете, к чему я?

Хмурый, он с враждебным видом покачал головой.

— Церковь, какая бы ни была, не приемлет магии.

— В чистом виде, — сказал я. — И если маг гребет все себе. Но если для людей, Церковь смотрит иначе. Давайте я вам расскажу про то, чем занимается Церковь на самом деле, а не по слухам, которые разносят по базарам люди грубые, завистливые и невежественные...

Мы стояли под звездным небом, холодный ветерок начинает промораживать даже кости, словно зимой, однако Сьюмас даже не поежился, слушает со скептической ухмылкой, но я рассказывал и рассказывал, выражение лица мага сперва стало нейтральным, потом заинтересованным, наконец он спросил с блестящими глазами:

— И это все реально?

Я сказал твердо:

— Клянусь!.. Вы сами можете проверить, паровые котлы работают!.. Разве у вас на чайнике крышка не скачет?.. Кстати, надо было бы нам по чайку, ну да ладно, как-нибудь в другой раз... И побегут по рельсам паровозы, вся трудность, как наделать много этих железных полос, когда металлургия в зародыше... Но и это проблема разрешимая, вы же понимаете. Паровые котлы можно установить везде, в монастырях разрабатывают разные варианты... Когда их поставят на крылья, люди смогут летать на больших закрытых телегах...

Он воскликнул:

— Все это чушь... но я не могу пока найти, где вы заблуждаетесь!

— Вы все можете проверить сами, — сказал я твердо. — Церковь сама занимается магией, но ее отличие в том, что каждый шаг к успеху не случаен, а понятен и объясним. И когда поднимаешься в гору знаний, то видишь, на что опирается твоя ступня. И потому каждый... вы представляете, каждый, а не Избранный!.. сможет стать таким вот магом, если сильно постарается.

Он снова сдвинул брови над переносицей.

— И что в этом хорошего?

— Чем больше людей идет искать, — ответил я, — тем быстрее находят. И быстрее бегут по новой дороге!..

Глаза его начали медленно угасать, из груди вырвался тяжелый вздох.

— Слишком амбициозно, — сказал он глухо. — Церковь собирается повторить весь путь Древних от самого начала? Уйдут тысячи лет...

— Может быть, сотни, — поправил я, — да и то не обязательно. Можно уложиться в несколько десятков, если знать, как и куда идти. Правда, исчезнут все эти загадочные тайны и кувшины с джиннами, на которые так падки дети и недоразвитые. Зато какие перспективы! Какое могущество впереди!

Он сказал хмуро:

— Вы на меня выплеснули слишком много... нового. Настолько много, что мне надо спокойно все обдумать и взвесить. Но я рад, что в отличие от других магов, не закрываю двери перед... гм... людьми. Эти существа так быстро развиваются, что иногда... удивляют.

Глава 9

Я превратился в птеродактиля, растопырил крылья и только тогда скакнул с каменного порога в черную бездну. Даже так на миг охватил ужас падения, хотя я лег всем те-

дом на упругий воздух, как на прогретую солнцем воду тихого пруда.

Он уперся снизу, а я еще с перепугу замахал крыльями без всякой нужды, так бывает почти всегда — в критических ситуациях инстинкт перехватывает управление, взмыл к темным облакам и уже там, отдышавшись, взял направление к столбному граду Тибору, центру королевства Тиборра.

Варвары — молодцы, сумели привлечь огров к сотрудничеству, но во время похода в Сен-Мари им не хватило ума укрыть эти живые тараны в хорошую сталь. Или не сумели. Если заковать в доспехи, а их можно сделать в два пальца толщиной, такую сталь не прошибет ни стрела, ни меч, ни даже специальный топор для раскалывания рыцарских панцирей.

Армия с таким ударным отрядом не станет томиться в долгих осадах. Огры вышибут любые ворота, а то и проломают стену. Стоит двум-трем городам пасть, в остальных тут же начнут торговаться насчет почетной сдачи.

Но это я что-то далеко забежал. Ведь я абсолютно ничего не знаю об императорской армии. Возможно, слухи о ее мощи преувеличены, но возможно и то, что значительно преуменьшены, и я понимаю трезво, что в ряде случаев я сам бы скорее преуменьшил, чем расписывал несокрушимость и стойкость.

Ветер настолько сильный и попутный, что я почти не чувствовал сопротивления, пока несясь над темной безмолвной степью, замершей пустыней, оазисами и снова плодородными, но спящими до утра долинами.

Маги не блещут оригинальностью мышления. Или просто отмахиваются от прочих вариантов, если устраивает первый. Иначе трудно объяснить, почему селятся либо в высоких башнях, либо на вершинах гор, куда простым смертным просто не добраться, а другие варианты даже не рассматривают.

Холодные звезды с молчаливым презрением наблюдали, как я суетливо снизился, облетел башню, но ни сесть на

купол с длинным острием, ни влететь в окно, их всего четыре по одному с каждой стороны, узкие и зарешеченные. Никаких зацепок, если не считать, что в самом внизу виднеется обычная дверь...

Мои лапы растопырились, как будто хватаю добычу, сел осторожно, как на болото, на земле вообще опасно, тем более — ночью, не то что высоко над облаками.

Минута беспамятства, я поднялся на задние конечности, что уже ноги, хотя несколько секунд воспринимал их исключительно, как лапы, торопливо обошел вокруг башни. Не так уж и высока, на крыше на фоне мигающих звезд смотровая площадка, под нею на фоне серого камня мрачно темнеют узкие окна. Дверь — вот она, простая, классическая, никакого колдовства. Поднимаются внутри башни по винтовой лестнице...

Если бы не узкие окна, мелькнула мысль, я бы жилы порвал, но пролез бы. И уже через минуту был бы внутри...

Увы, поспешишь — людей насмешишь: и стражи такого беспечного подстрелить могут, как уже подстрелили в прошлый раз, когда от дракона летели клочья по закоулочкам, да и сам маг Гизелл, так его называл магистр Жакериус Глассберг, может пальнуть чем-то в наглую морду. А у него явно оружие посильнее, чем у городской стражи. Несмотря на то, что он всего лишь ученик, посмевавший сместить с трона великого магистра...

— Ладно, — пробормотал я раздраженно, — чем дольше думать, тем страшнее. Я же варвар, чего это я размыслился? К дождю, что ли...

Дверь заперта, но никто не сторожит, что больше тревожит, чем успокаивает. Магистр упомянул о «людях Гизелла», но если они и есть у его взбунтовавшегося ученика, то наверняка наверху заносят ему хвост на поворотах или метут перед ним дорогу.

Засов заскрипел, из широкой петли выползал с такой неохотой, словно тащили гиппопотама из болота. Я осторожно опустил его на землю, везде стоит мертвая тишина,

потянул за ручку двери. В башне пахнет сыростью, на стенах без всякого ветра пугающе колышется зеленая ветвистая плесень. Крутая лестница спиралью уходит вверх, плевать, я левша, могу щит нести и на правой, хотя сейчас без щита, зато могу подниматься быстро, как сытый барсук...

Дважды из стены стреляло стальными болтами. В первом случае я лег и прополз, в другом перепрыгнул. В самом деле ловушки все-таки надежнее, чем ставить людей, которых и опохмелить можно, и подкупить, и заманить промелькнувшей игриво вниз женщиной с бесстыдно задранном платьем...

Ступеньки плыли под ноги тихие и подозрительно спокойные. Я поднялся на самый верх, отворил дверь, отскочил, стараясь не попасть под лавину пыльных сумок, мешочков, связок трав. Пока все это катилось по ступенькам, я выждал, прижавшись к стене. Сапоги покрылись пылью задолго до того, как все затихло.

Наконец я осторожно заглянул в комнату. Не будь там вещей, она показалась бы просторным залом. Сейчас в этой забитой вещами очень даже просторной камерке можно двигаться только боком. Я осторожно ступил вперед, повернулся и втянул живот до самой спины, чтобы сделать еще шаг, а потом еще.

Больше не понадобилось, дальше очищенный от вещей уголок, захламленный стол, а за ним... Я вздрогнул.

Холод охватил меня, словно сверху обрушили цистерну ледяной воды. В глубоком кресле древний-древний старик с желтым изжеванным лицом мертвеца держит в руках Ледяную Иглу, направленную мне в грудь. Палец уже на спусковой скобе...

Сам старик исхудавший, с седыми прядями волос, седой бородой и почти отсутствующими усами. Запавшие глаза смотрят тускло, сморщенный рот собрался в жемок, лицо похоже на печеную картофелину, темную и пожамканную, но Ледяная Игла, увы, не дрожит в его пальцах.

На плечах древнего старца роскошная накидка из тол-

стой красный ткани, обшита золотой бахромой, а под ней еще и плащ потемнее, хотя отделка такая же, из длинных золотых нитей, похоже — маг, причем не из простых...

Он прошамкал, с трудом двигая морщинистым ртом:

— Стой там... кто бы ты ни был... или умри...

— Я стою, — сказал я поспешно, — стою. Видите, совсем не шевельнусь! Просто чурбан, кем я и являюсь на самом деле... редкостный просто, сами видите.

Он проговорил хрипло:

— Я знаю... кто ты...

Я весь на взводе, спросил торопливо:

— И кто же?

— Посланный меня убить, — прошептал он. — Я хотел тебя уничтожить еще возле башни... но потом...

— Разумное решение, — сказал я горячо, — я так люблю эти «потом», просто обожаю! Разумные люди не должны поддаваться первому желанию, оно всегда благородно, а должны подходить более прагматично, мы же интеллигентные люди! Я могу быть полезен, я угадал?

Он прошептал:

— Как много слов... Да, можешь. А награда превзойдет все твои ожидания.

— Что я должен делать? — спросил я. — Только скажите, господин Аменхотеп... Тыфу, привязалось же! Как вы отчетливо видите, я готов все сделать для вас. И даже больше.

На его сморщенном лице проступила гримаса, наверное, у стариков это улыбка.

— Еще бы... Но ты сделаешь не из страха, а за награду.

— Я готов, — сказал я, стараясь не представлять, как его палец чуть сильнее прижмет спусковую скобу, и ледяной удар превратит меня в замороженную глыбу. — Что делать, только свистните! Или кивните.

Он прошамкал:

— Совсем пустяк...

— Куда-то идти? Кого-то убивать?

Он чуть поморщился.

— Зачем... Все здесь... Просто доливать воды... совсем недолго... Только доливать...

Я переспросил с недоверием:

— Всего-то? Вы тот самый ужасный Гизелл?

Он криво улыбнулся, морщинистое лицо перекосилось в ужасной гримасе.

— Удивлен?

— Еще бы, — пробормотал я. — Я, вообще-то, дурак... И всякий раз попадаюсь.

Он прошепелявил:

— На чем?

— На всем, — объяснил я с досадой на собственную дурость. — Когда-то в детстве, увидев пожилого серьезного дядьку, которого называли принцем Чарльзом, кричал со слезами, что это неправда. Мол, все принцы — юные мальчишки! Ну не мог я, чтобы мою светлую детскую мечту растоптали так безжалостно! Вам трудно поверить, но учеников чародеев до сегодняшнего дня считал подростками, не дурак разве? Сам знаю, что учиться можно начинать в любом возрасте, как и вообще всю жизнь учиться... а все-таки попадаюсь на стереотипах. Закостенелость мышления, да?

Он прошамкал:

— На стереотипах... Новое слово, хотя значение улавливаю. Жаль, могу не успеть узнать многое...

— Вам... плохо?

Он ухитрился чуть качнуть головой.

— Это называешь плохо? Это ужасно... Как видишь, мой час близок.

Я спросил:

— Тогда зачем? Зачем вы захватили эту... лабораторию?

Он зыркнул на меня почти враждебно.

— А чья она?

— Магистра Жакериуса, — ответил я невинно, — так говорят... Но мне вообще-то все равно, я дарвинист.

Он поморщился.

— Да кто так говорит? Простому народу все равно, как

зовут мага. Магистр Жакериус слишком неспешен. Он видел, что умираю от старости, но пальцем не шевельнул! Почему бы ему не помочь мне продлить жизнь?

— Возможно, — сказал я осторожно, — не умел?

Он покачал головой.

— У него было почти все для продления жизни еще на десяток лет. И все компоненты с великими трудностями добыл я! Осталось найти пару ингредиентов... Но он преспокойно собирался дать мне умереть...

— Нехорошо, — согласился я. — Но магистр весьма сердит. Вы отняли у него все. Вероломно.

— Знаю, — ответил он скрипучим голосом, закашлялся, я с надеждой смотрел на Ледяную Иглу, однако колдун все еще держит крепко, а ствол смотрит мне в грудь. — Сейчас он ничего не сможет, а как только я верну себе молодость, сам побываю в урочище Серого Вепря! И тогда уже он будет моим слугой...

Губы его мстительно кривились, глаза сверкали лютой злостью, а задышал с такими надсадными хрипами, что стержень Ледяной Иглы отклонился от цели, а потом и вовсе опустился к полу.

Я, уже не опасаясь смертельного удара, медленно подошел, стараясь не пугать резкими движениями, положил руку ему на высохшее, как у пролежавшей под солнцем пару лет мертвой лягушки, плечо.

— Успокойтесь, успокойтесь... А чем поможет урочище?

— Его сердце там, — сообщил он.

— Сердце?

Он буркнул:

— Есть такой очень редкий и опасный способ. Когда стану моложе, доберусь... Именно потому я и захватил эту лабораторию, чтобы не просто продлить жизнь на жалкие десять лет, а вернуть вообще молодость! Шанс есть, есть... Я либо вот-вот умру от старости, либо рискну... тем немногим, что у меня осталось. Если получится то, что подгото-

вил, то получу не жалкие десять лет, а верну свою молодость, свою силу, свой запас сил...

— Да, — согласился я с неловкостью человека, у которого в запасе и здоровье, и молодость, — это, наверное, хорошо... но все-таки как-то маловато.

Он посмотрел как на явного придурка, но ничего не сказал, лишь вздохнул, потом прошептал:

— Других путей нет... Если жив — у тебя есть все... если нет — ничего... А душа этого не приемлет.

Я сказал с невольным сочувствием:

— Но... почему же... Я знаю одного, умер, но живет призраком. И такое ему нравится.

Умиравший маг спросил с недоверием:

— Как это возможно? Быть призраком — хуже смерти... Так говорят.

— Хуже смерти ничего нет, — возразил я. — А он теперь носится по свету, легко проходит сквозь стены, для него тысячу миль — один миг, видит все, что хочет, слушает, наблюдает...

— А прикоснуться?

— Этого не может, — признал я, — но для него это не такая уж и потеря. Как он говорит...

— Кем он был?

— Некромантом, — ответил я. — Причем не слишком... великим. Даже не крупным.

Маг сказал с недоверием:

— Это невозможно! Некроманты идут в ад.

— Этот носится по всему королевству, — сказал я. — Могу позвать, увидите сами...

Он сказал поспешно:

— Нет-нет, не сейчас. Я должен сперва осмыслить.

Тем не менее я тихохонько, чтобы не услышал Гизелл, позвал Логирда. В ответ тишина, я позвал громче, настойчивее, наконец уже сосредоточился изо всех сил, чего раньше не требовалось, сконцентрировался и послал четкий зов.

Увы, похоже, и Логирд ограничен в передвижениях, как тот же Подземный Вихрь или даже всемогущие демоны Юга. То ли здесь маги обезопасили свой Гандерсгейм, то ли защита действует еще со времен Древних. Кроме общего закона: магия Юга не может преодолеть барьеры Севера, а северная — защиту Юга, наверняка есть и региональные запреты и просто закрытые зоны, как с различными уровнями допуска. Это не значит, конечно, что маги постоянно не пробуют защиту противника или просто соседа на прочность с разными новыми штучками и заклинаниями, но против старых защита срабатывает пока что без сбоев.

— Я сам был воином, — хрипло заговорил он с кривой усмешкой то ли презрения, то ли снисхождения к своей дури. — Носился по землям с обнаженным мечом, рубил, грабил, насиловал... Только мне, в отличие от других, хватило и десятка лет, чтобы начинать понимать...

Он задумался, пожевал дряблыми губами. Я не дождался, спросил тихо:

— Чего?

Он прошепелявил беззубым ртом:

— Сам не знаю. Начало казаться, что этого мало. Десять лет, двадцать, тридцать... Если не погибну раньше, то так и буду до глубокой старости одно и то же?.. Двадцатая изнасилованная ничем не отличается от второй или третьей, а уж двухсотая...

— И что? — спросил я осторожно. — Магия?

Он кивнул.

— Да. Мне было сорок лет, когда я ушел из отряда Черных Беркутов, где из десятников уже стал сотником, а в сорок пять изучил первое заклятие. В пятьдесят мог составлять их сам, хоть и самые простенькие. Сейчас мне семьдесят, я на пороге великих открытий... но старость держит за горло, дряхлость лишила силы, а смерть по ночам дышит в лицо. Я знаю, скоро не проснусь, смерть моя будет легкой, многие хотят такую, но я не готов! Мне так много надо сделать... Я все подготовил, но не успел упростить и увязать в

одну цепь, чтобы все шло само... И, боюсь, не успею... Если поможешь, дам золота столько, сколько унесешь... Ты возьмешь мешок драгоценных камней, украшений...

— Спасибо! — вскрикнул я. — Приказывай, я все для тебя сделаю!..

Он опустил веки, слишком утомленный, с губ сорвался тихий шепот:

— Я дам тебе амулеты... Даже арбалет Гарракса, в нем всегда есть болты, а заряжать его можно мизинцем...

— Таких не бывает, — возразил я.

Он поднял веки, взгляд его уперся в стену за моей спиной. На простом крючке висит весь в паутине игрушечный арбалет, серый и невзрачный. Толстый паук на нем пеленает жирную муху, она жужжит и отчаянно трясет паутину. По деревянному темному ложу прилипшие, как комочки грязи, засохшие трупы мух и мелких жуков.

— Вот он...

Он умолк, совершенно обессилев, но хотя говорил совершенно искренне, все равно выражение его лица мне очень не понравилось, как и тон. Я намного чувствительнее местных, это простодушные варвары ничего не заметили бы, но я скотина подозрительная и подозревающая, сейчас киваю и раскрываю пошире глаза, не забыл и нижнюю челюсть расслабить, это ж какое счастье мне привалит за такой пустяк, как чуточку помочь в опасном опыте. И хотя он нечестивый, но когда перед носом крупная награда, то мы все враз демократы, Церковь — рассадник невежества, а экономика по праву рулит миром и отношениями.

— Что я должен делать?

Он указал взглядом в другую сторону.

— Видишь котел? Вытащишь из него все, что нападало, а взамен вольешь воду вон из того чана, что не совсем вода...

— А что?

Он чуть-чуть шелохнул пальцами, я понял так, что махнул рукой.

— Неважно. Потом поможешь мне забраться туда, в тот

чан. Сам, боюсь, уже не сумею, даже такие борта для меня все равно, что крепостная стена...

— Все сделаю, — заверил я. — И все?

— Нет, — прошамкал он. — Вода закипит, но не обращай внимания, так надо. Твое дело следить вот за этой большой колбой. Вот это называется колба, понял? Видишь на боку отметины? Между ними едва втиснешь два пальца, но помещается моя жизнь... Колба соединена с котлом, видишь? Когда буду в нем, зелье в колбе тоже вскипит. Это пустяки, не обращай внимания...

Я спросил с недоумением:

— А на что обращать?

— Вот на эти черточки, — прошептал он и закашлялся сипло и надсадно. — Как только уровень жидкости пойдет вниз, зачерпни вот из этого чугунного чана и долей, но не слишком! Если плеснешь много, и зелье дойдет до верхней, я умру...

Я сказал испуганно:

— И я не получу золота и амулеты? Нет-нет, прослежу очень внимательно.

Он кивнул.

— Вот-вот, ничего не получишь. Более того, здесь все мгновенно сгорит. И ты тоже.

— Знаю, — сказал я.

Он спросил с подозрением:

— Откуда?

— У нас, — объяснил я гордо, — в племени тоже все исчезает со смертью шамана.

— Дальше, — продолжил он суровым голосом. — Уровень может и повыситься. Тогда зачерпни из медного чана, вот он, видишь?

— Да вижу, вижу.

— И тоже долей. Зелье будет кипеть, испаряться. Твоя забота — чтобы не выше верхней отметины, и не ниже нижней. Я не знаю, как долго продлится. Не знаю сколько раз будет повышаться и понижаться, но, надеюсь, зелья хватит.

Я сказал с сочувствием:

— Не думал, что и чародеи такие отчаянные. Вам бы все так же скакать на горячем вороном коне и размахивать мечом! Вы ж орел степной...

Он огрызнулся:

— А у меня есть выбор?.. Храбрыми бывают и от безысходки. Все, не будем медлить.

Глава 10

Он разделся, я с брезгливой жалостью помог ему перебраться через в самом деле высокую для него стенку чугунного котла. Худое костлявое тело скрипит, я почти видел, как сыплется из него песок, но живот все равно выпирает, как толстая подушка, на боках толстые валики жира, а задница отвисает, как груди у старухи. Суставы при каждом движении скрежешут так звучно, что я пару раз невольно оглядывался на дверь. Сухие жилы страшно натягиваются под дряблой кожей, дышит престарелый маг хрипло и надсадно, красные набрякшие веки то и дело наползают на серые от старости белки с полопавшимися сосудиками.

Я усадил его в зеленоватую жидкость достаточно бережно, с облегчением убрал руки и незаметно вытер ладони о штаны. Горячий пар опалил лицо, я жмурился и думал, какво ему там с изношенным сердцем. Единственная надежда, чародей знает, что делает и что его ждет.

Когда я вернулся к столу, зеленая жидкость в колбе начала подрагивать, со дна пошли серебристые пузырьки. Над котлом видна только запрокинутая голова. Чародей утомленно закрыл глаза кожистыми, как у старой черепахи, складками. На лбу медленно выступает испарина, начала собираться в мелкие капельки...

Я поспешно оторвал от него взгляд, мое дело следить за алхимической аппаратурой. Жидкость уже потихоньку кипит, еще не бурно, однако надо быть наготове. На лице чародея мелкие капельки начали собираться в крупные. Одна

сорвалась с места и побежала, захватывая другие внизу и набирая скорость.

Жидкость в колбе повела себя странно: пошла вверх. Я торопливо зачерпнул из медного, в котле уже пар, колдуна почти не вижу, но когда долил, пар чуть рассеялся, хотя вода кипеть начала еще сильнее. Донесся слабый стон, я дергался, надо бы как-то помочь старику, никак не выдавливаю из себя гуманиста, но уровень в колбе начал то быстро расти, то падать, я зачерпывал и доливал, жидкость ведет себя непонятно, но, видимо, это не совсем кипение, человека уже не только сварило бы заживо, но и мясо начало бы отслаиваться от костей...

Испарина выступила уже и на моем лбу, а потом крупные капли пота начали шлепаться, как жирные тараканы, на стол. Руки заныли от постоянного зачерпывания то справа, то слева, глаза не отрывают взгляда от черточек на колбе, я ощутил противную резь в глазных яблоках, будто под веки попал песок.

В помещении стало влажно и жарко, как в бане. Я не знал, сколько прошло времени, но чувствовал себя выжатым, как лимон. Очень медленно жидкость в колбе начала успокаиваться, кипение прекратилось, последние пузырьки непривычно медленно и тяжело всплыли к поверхности.

Уже и не веря, что мои мучения кончились, я разогнул сгорбленную спину. Жидкость в котле наполовину выкипела, стала тяжелой и маслянистой. Я всмотрелся, еще не веря глазам, ахнул. Опершись на стенку, на месте дряхлого чародея тяжело дышит молодой мужчина с иссиня-черными густыми волосами и решительным лицом завоевателя. Плечи широки, грудь с эффектно выпуклыми пластинами груди, живот скрыт в зелье, но что-то подсказывает, что дряхлого и отвисшего брюха не узрю.

— Здорово, — проговорил я дрожащим голосом, — получилось все-таки...

Он закашлялся и открыл глаза. Под густыми черными бровями они блеснули ярко и остро, как у молодого орла.

По лицу пробежала судорога, но я видел, как он стиснул челюсти и сделал отчетливое усилие, чтобы привстать, опираясь обеими руками за спиной о край котла, отчего вся группа трицепсов напряглась красиво и эффектно, работая на рельеф.

— Кто ты? — прорычал он с угрозой. — Почему я здесь?

Я сказал обалдело:

— Успокойся-успокойся! Все хорошо, все поют, а я вообще-то друг. Как-то нехорошо ты спрашиваешь...

— Почему я здесь? — потребовал он злым голосом.

— Ты разве ничего не помнишь? — спросил я. — Неужто с памятью анахарсис... анамнезис... в смысле, некоторые незапланированные, но ожидаемые потери... хотя и хрен с ними...

Он выскочил из котла одним легким движением, лишь чуть коснувшись пальцами края, бросил быстрые взгляды по сторонам. Я понял, осторожно поднял, стараясь не делать лишних движений, его роскошный плащ и бросил нынешнему хозяину. Он легко поймал, быстро набросил на плечи и сразу несколько успокоился. Мужчина чувствует себя увереннее, когда одет, женщина — когда раздета.

— Я все помню, — бросил он угрюмо, — только почему я здесь?

— Колдовство, — сказал я.

— Это я вижу! С какой целью? Что ты от меня хочешь?

Голос его становился все резче, а взгляды, которые бросал по сторонам, подозрительнее и жестче.

Я сказал примирительно:

— Не надо искать здесь оружия. Я не враг.

— А кто?

Я спросил в свою очередь:

— Ты в самом деле ничего не помнишь?

Он потребовал:

— А что я должен помнить?

— Ну, — сказал я, — кто ты сам... Это не забыл?

Он воинственно выпятил нижнюю челюсть, голос прозвучал резко и надменно:

— Я — десятник клана Черных Беркутов Гизелл Шатерхенд — Твердая Рука!

— Ага, — сказал я ошалело, — ну да... как же иначе... Твердая Рука, надо же... Хотя мы думали...

Он сделал ко мне шаг, и хотя я выше на полголовы, но он не выглядит устрешенным моими размерами.

— Что не так?

— Все так, — заверил я. — Все еще как еще так... даже больше... Мы вообще-то думали, что будет иначе... а оно вон как...

— Кто думал? — потребовал он. — Что иначе?

Моя голова начала потрескивать под напором идей, их у меня всегда в избытке, богачом бы стал, продавая по медной монетке, я сказал торопливо:

— Мы — это ты и я. Ты сам это решил... Через год ты уже стал бы сотником... вернее, ты им стал... а теперь вот снова... Нет-нет, слушай внимательно!.. Получилось не совсем так, как мы с тобой рассчитывали, но так даже лучше... ага, еще как лучше!.. Кто сейчас правит в вашем клане?

Он ответил угрюмо:

— Вождь Команчиро.

— Сколько ему лет?

— Пятьдесят. Но какое дело...

— Самое прямое, — заверил я. — Как только выйдешь отсюда, узнаешь, что за это время прошло сорок лет. Ваш вождь Команчиро давно если не погиб, то умер от старости. Эта штука, из которой ты вылез, — котел омолаживания и даже частично омоложения. Там отвар из яблок гесперид и прочих афродизиаков, тебе знать не обязательно, не дворянское это дело. Ты уже умирал от старости, но уговорил меня попробовать тебя омолодить. Мы рискнули, и... получилось! Ты снова силен и молод!

Он огляделся, глаза сузились, я видел, как подергиваются мышцы, проверяя готовность к быстрой атаке.

— Ты... чародей?

— Гм, — сказал я, — еще какой! Можно сказать, Великий. Ну, почти. Жаль, что ничего не помнишь, ты бы сейчас лбом пол разбил от почтения перед моей мудростью и колдовитостью. Но если учесть, что ты умирал, то мы с тобой выиграли. Да, я великий и могучий чародей, я тебе вернул жизнь и молодость после того, как ты почти умер от старости и ужасных ран. Сейчас ты ведь силен?

Он сжал и разжал кулаки, передернул плечами.

— Превосходно.

— Удалось, — сказал я с облегчением. — Ну тогда все в порядке. У нас получилось. А теперь, дорогой Гизелл, можешь идти в чуточку новый для тебя мир. Ты можешь начать снова свой путь, а можешь выбрать любой другой. Иди, как говорится, иди-иди, и не греши... слишком уж. Этот драгоценный плащ можешь взять себе. Это мой чародейский, но в честь завершения такого трудного колдовства я милостиво дарю его тебе. Золото и камешки на нем — простые, но драгоценные, смешно, правда? Можешь их продать и пропить.

Он проговорил с подозрением:

— Ты слишком щедр, чародей.

— Не волнуйся, — успокоил я, — плату я с тебя взял вперед. Мы учили, что если получится тебя спасти от презренной смерти от старости, то ты забудешь все, что было после тридцати лет. Сейчас ты молод и все помнишь, как мы с тобой убедились, что происходило с детства по сей день... примерно год тридцатилетия?

Он нахмурился, постоял мгновение с грозно сведенными бровями.

— Да, помню.

— Я рад, — сказал я искренне. — Так рад, что мог бы вообще не брать с тебя платы.

Он все еще осматривался с подозрением в глазах. Кулаки сжимались и разжимались, на груди вздулись и медлен-

но опустились бугры мускулов, а по бицепсам еще раз прошла проверочная волна.

— Ты молод для чародея, — прорычал он.

— Мне восемьсот лет, — ответил я снисходительно. — Даже не помню точно, то ли восемьсот двадцать, то ли восемьсот тридцать, кто считает такие мелочи? Мне-то жить еще пару тыщ, а потом возьму и профениксусь, чтобы из пепла... Но если ты решил по дурости, что я слаб, могу тебя переубедить. Хочешь попробовать?

Я отступил на шаг и смотрел на него с приглашением сделать первый удар. Он уставился в меня, что-то в нем осталось от прежней пронизательности, да иначе бы и не стал впоследствии магом, медленно покачал головой.

— Верю. За восемьсот лет даже маг научится драться.

— Верное решение, — сказал я.

Он еще раз смерил меня оценивающим взглядом.

— Ладно, я пойду. Интересное у тебя жилье...

— Мне оно тоже нравится, — ответил я.

— Хламу только много.

— Да вот за восемьсот лет накопилось, — сообщил я. — Ничего, как-нибудь разберу... лет через сто. Или двести.

Шаги его медленно затихали внизу на лестнице, я перевел дыхание, сердце все еще колотится о ребра, словно боится, что свирепый варвар Гизелл вернется и, учинив допрос с пристрастием, тут же поймает на брехне.

Ночь никак не отступит под натиском рассвета, хотя я вроде бы вечность колдовал с омоложением престарелого чародея. Луна светит ярко, я выглянул из окна и рассмотрел внизу крохотную человеческую фигурку. Гизелл вышел из башни, огляделся и быстрыми шагами направился в сторону городских стен.

— Удачи в новой жизни, — сказал я с облегчением. — А мы тут пока помародерничаем по праву... Ну, кто победил, того и право.

Хотя раньше это захламленное помещение принадлежа-

ло магистру Жакериусу Глассбергу, но я отнял у Гизелла, тот что-то да успел перестроить, потому я в полном праве грабить, то есть — экспроприировать с чистой совестью.

К тому же, для магистра важнее вернуть власть, на пропажу каких-то мелочей и внимания не обратит, да и на Гизелла спихнуть можно, так что все путем, вон те штучки я точно возьму с собой, да и эти весьма и весьма...

Еще один халат Гизелла висит на стене, такой же тяжелый, разрисованный хвостатыми звездами, астральными знаками, неизменными рунами, как же без них, а еще с амулетами на цепочках.

Я снял, встряхнул, прислушиваясь к звону в карманах, снял амулеты, сперва выбирая покрасивше, потом остальные, а напоследок переложил к себе тонкую цепочку из серебра с рубином чистейшего огня в виде головы дракона.

Арбалет старается выглядеть незаметным, да еще и паутиной прикрылся, я смахнул ее с отвращением, все равно это странное оружие выглядит несерьезно, словно тщательно выполненная детская игрушка. Я сдернул с крючка, охнул, прогнувшись с ним едва не до пола, эта штука оказалась весом с наковальню. Хотя на самом деле не так уж и тяжело, все от неожиданности, но все же весит, как полноценный арбалет. Правда, в рукав и с такими размерами не спрячешь, но перевозить можно в мешке, никто не заметит, и нетрудно пронести незаметно под полой плаща...

Для натянутой тетивы предусмотрены три канавки, тоже непонятно, кому понадобится стрелять в треть силы? Даже полного натяжения обычного арбалета чаще всего не хватает, чтобы пробить стальной панцирь на расстоянии больше, чем в сорок шагов, а тут этот непонятный выверт...

Зато, я не поверил глазам, в полем прикладе уютно устроились три стальные стрелы. Тетива натягивается двумя способами: рычажком и колесиком, диаметром чуть больше серебряной монеты. Чтобы натянуть этим рычагом, надо или обладать силой Геракла, или насаживать на штырек трубу добавочного рычага длиной локтей в пять... Колесико тоже можно покрутить разве что вхолостую...

Озадаченный, я взялся за рычажок, пальцы ощутили сопротивление, я потянул на себя, он противился, но все же сдался и нехотя позволил натянуть тетиву сразу на третье деление.

— Вот так просто? — пробормотал я. — А дальше стола стрела улететь сумеет?

Я вложил стальной болт в желобок, стрела странно тяжеловата, словно наполнена ртутью, прицелился в стену и нажал на спуск. Тетива щелкнула поверх стрелы, та осталась на месте. Я фыркнул, взвел снова, получилось уже быстрее, с силой нажал на спуск. Стрела не сдвинулась, а тетива мгновенно застыла в свободном положении.

Разочарованный, я попробовал взвести ее колесиком, получилось чуть медленнее, зато без всяких усилий. Выстрелил еще раз, но стрела все так же дремлет в желобке, а тетива с готовностью щелкнула впустую.

— Ну и пошел... — сказал я грубо, хотел повесить арбалет на место, но передумал и сунул в вещевой мешок. — Кому-нибудь подарю... та-а-а-к, а эти штуки мне что-то напоминают...

По спине пробежал недобрый холодок, шкура раньше меня узнала литой штырь Ледяной Иглы, вот здесь рукоять, здесь вот спусковой механизм, хотя его можно ощутить только на ощупь... А на полке еще три этих ужасные штуки...

Я взял одну и взвесил на ладони, тоже тяжеловата, словно заключенная в нем злая энергия спит в виде вещества.

Сердце затрепетало, забилося чаще. По спине пробежал холод, вздувая шкуру пупырышками. Прекогния или что-то еще проснулось и криком кричит о стремительно надвигающейся беде... но не говорит, куда прятаться и что делать.

Глава II

Мир дрогнул, загремел, пол под ногами качнулся. Левая стена разлетелась с грохотом. Страшное звездное небо неожиданно и резко возникло на фоне огромного проема, ку-

да прошла бы четверка коней. Человеческая фигура показалась мне гигантской, но когда резко шагнула, почти ворвалась в комнату, я с некоторым облегчением узнал магистра Жакериуса.

Вид его был ужасен. Глаза метали молнии, а наэлектризованные волосы встали дыбом и шевелились, как змеи. Я застыл с Ледяной Иглой в руках, ужас заморозил внутренности, нижняя челюсть начала подрагивать, а зубы легонько застучали, словно орехи в коробке.

— Как ты посмел! — грянул он страшным голосом.

Я вскричал торопливо:

— Я все сделал, великий магистр!

— Что?

— Город теперь ваш, — заверил я лъстиво. — Вам даже не пришлось самому стараться его свергать, как вы собирались...

— Ты влез без разрешения!

— Но я все сделал за вас, — пролепетал я. — Я сэконо-мил вам время и усилия... Лаборатория теперь ваша! Вы снова хозяин города!

Он прорычал в сильнейшем гнев:

— Ты не убил предателя!

— Можно сказать, что убил...

Вокруг него загорелся воздух, он шел на меня страшный и обрекающий, мир дрогнул от его ужасного голоса, более страшного, чем глас Смертного Суда:

— Ты его отпустил, изменник!

Я закричал в страхе:

— Он пошел уже убитый!.. Вашего ученика в живых больше нет!..

— Негодай, ты его отпустил!

— Его уже нет, — возразил я, — ушел совсем другой человек... Он не маг вовсе, это простой десятник кочевого племени... глупый и безвредный.

— Разыщу и убью, — проревел он страшным голосом. — Но сперва убью тебя!

Он вскинул руки, ладони опустил и направил пальцами в мою сторону. На кончиках зазмеились молнии, а я как держал Ледяную Иглу направленной в его сторону, так и стиснул в ладонях. Штырь коротко блеснул и растаял в моих пальцах.

Магистр вздрогнул от сильнейшего удара в грудь. Глаза открылись в сильнейшем изумлении, ледяная корка покрывала его с головы до ног. Я собрался шагнуть ближе, однако его фигуру окутал шипящий жаркий пар, донесся задыхающийся голос:

— Ты... не сможешь... зато я...

— Да я не враг! — закричал я.

— Теперь... враг...

Я быстро схватил со стеллажа другую Ледяную Иглу. Из пара проступила фигура магистра, я торопливо стиснул и этот штырь. Снова в пальцах пустота, со стороны магистра донесся легкий вскрик, скорее, от неожиданности, а я на всякий случай схватил третий металлический прут.

Пар рассеялся еще быстрее, я выстрелил, магистр застыл на самый краткий миг, а я как можно быстрее схватил последнюю Ледяную Иглу и выстрелил в четвертый раз.

Магистр встретил колдовскую стрелу на полдороге, она разлетелась сотнями мелких кристалликов льда, а он смотрел на меня неотрывно, на губах появилась кровожадная улыбка.

Я глазами искал Костяную Решетку или что-то еще знакомое, в паникующем мозгу замелькали картинки, как отсюда убежать, а рука бездумно выхватила из ножен меч, и я быстрее ветра метнулся к магистру.

Острая полоса стали ударилась со звоном.... я не поверил глазам, но у магистра в руке точно такой же меч, его лезвие перехватило мой удар совсем близко от злого лица.

— Не ждал?

— Магистр, — сказал я торопливо, — давайте все уладим!

На его губах змеилась торжествующая усмешка.

— Да, конечно.

— Ну вот и хорошо...

— Уладим, — сказал он, — по моим правилам.

В глазах полыхает бешенство, я понял, что сейчас убьет, надавил, однако магистр отжал с пугающей легкостью. Я отпрыгнул, избегая удара, начал наносить удары справа и слева, магистр отражает чересчур легко, безумная ярость на лице сменилась насмешливым превосходством, в глазах теперь презрение и нечто вроде желания продлить мои мучения.

Руки мои заныли от усилий навязать сверхтемп, раньше помогало, сейчас измотался сам, начал отступать, но и на лбу магистра выступили мелкие капли пота, а лицо покраснелось. Я чувствовал, что начинает уставать, из последних сил ускорился, а когда тот раскрылся на долю секунды, уже я со злобным торжеством всадил меч в середину его груди.

Плоть затрещала, словно сильные руки рванули пополам толстое суконное одеяло. Хрустнули кости грудной клетки, стальное лезвие погрузилось на половину длины. Я чувствовал по натяжению, как прорвало на спине одежду и высунилось с той стороны.

Магистр вздрогнул, глаза его расширились. Некоторое время смотрел непонимающе на меня, опустил взгляд на торчащую из груди крестообразную рукоять.

— Ты... — проговорил он хриплым голосом, уже лишенным ярости, — чересчур хорошо...

— Да, — согласился я любезно, — полностью согласен с вами.

Он тяжело дышал, я наконец разжал пальцы, но магистр не рухнул, а остался передо мной с вызывающе торчащим из груди мечом. Я не двинулся, поспешно приводя в порядок частое дыхание и успокаивая бешено стучащее сердце.

Он наконец оторвал взгляд от моего лица. Тревога стиснула мне грудь, когда снова медленно посмотрел на меч, так же неспешно повернулся вокруг оси, будто для того,

чтобы вся комната увидела торчащую из груди рукоять, а окровавленное жало клинка — из спины.

— Ты хорош, — повторил он, когда повернулся ко мне лицом, — в самом деле хорош. Теперь можешь забрать свой меч. Милостиво разрешаю. Красиво умрешь с клинком в руке.

Я ответил сдавленным голосом:

— Валгалла не для меня.

— Ты уже не воин?

— Я умный воин, — сообщил я. — И вообще, мне там меч нравится больше. Красиво даже. Эта деталь как бы на месте.

— Красиво смотрится, — согласился он уже полностью контролируемым голосом, — но, боюсь, не смогу его там оставить. Он будет иногда мешать... особенно, когда я потащу в постель твою женщину... и буду ее терзать, наслаждаясь ее слезами и криками о помощи.

Я отступил на шаг, пропустив пассаж про несуществующую мою женщину, и смотрел неверящими глазами, как его рука ухватила за рукоять и тянет на себя меч. Лицо дрогнуло, выдавая боль, но в глазах злое торжество разгоралось все ярче, словно затухающий костер под порывами ветра. Лезвие выходило окровавленное, но одежда на груди испачкалась совсем чуть, а когда вытащил клинок целиком, кровь не хлынула струей, как должна бы, хотя и разрез на халате не затянуло, как я уже подспудно ждал.

Он отшвырнул меч, тот запрыгал по каменным плитам и затих у дальней стены.

— Ты глуп, — прозвучал обрекающий голос магистра, в котором снова появились страшные нотки ярости. — И не знаешь, что я — бессмертен!

Рядом со мной жуткий пролом в стене, вызванный появлением магистра. Массивные глыбы оплавлены, потемневшие края еще дымятся, по ним ползут, быстро застывая, коричневые потеки.

Я прыгнул в равнодушное звездное небо без разбега, па-

дал вниз головой, а в голове дурацкая мысль: когда это я меч успел схватить, и почему мешок за спиной уже давит на затылок...

Инстинкт панически вопил, чтобы немедленно стал птеродактилем... да чем угодно, хоть летучей мышью, только бы расправить крылья до того, как шмякнусь о камни и растекусь жидкой дрянью с обломками костей вперемешку.

В башне раздался дикий крик, уже нечеловеческий, а я, почти чиркнув мордой по земле, пронесся над нею и, не успевая набрать высоту, метнулся между грудями огромных камней, домчался до следующей насыпи, где камни покрупнее, нырнул за них, а совсем рядом исполинский валун разлетелся с оглушительным треском, с визгом полосуюя воздух скальными осколками.

Я пробежал на четвереньках, волоча крылья. За спиной грохнуло и обдало волной жара, торопливо проскочил между неопрятными темными валунами, покрытыми странным мхом, дальше еще руины, в самом конце я рискнул взлететь, на уровне гребня оглянулся, очень вовремя: магистр стоит в зияющем проломе и держит у плеча некое оружие.

Кляня себя за дурость и что сам не отыскал эту штуку, я поспешно нырнул вниз, укрываясь за каменным выступом. Гранитный гребень вздрогнул и с визгом разлетелся вдребезги. В воздух взлетели осколки камня, земли, ветки кустарника, комья с белесыми корнями...

Я в панике несея над самой землей, не соображая, что ему с высоты пофигу, все равно не укроюсь. К счастью, я еще и бросался из стороны в сторону, как дурацкая бабочка, но как раз бабочек птицы и не могут ловить из-за их непредсказуемого полета, в то время как быстрых стрекоз и точных жуков хватают моментально и без промаха...

Удары все еще сотрясали землю, но все реже и реже. Я несея, иногда даже задевал мордой землю, пока не показался кустарник, но и тогда я изображал стрижа над поверхностью озера, чиркая пузом по верхушкам. В конце концов влетел в мелкий лесок и затаился под разлапистыми ветка-

ми, страстно надеясь, что либо маскировочная окраска спасет, либо убойная дальность Ледяных Игл и прочей дряни не так уж и бесконечна.

Ночью деревья выглядят огромными и страшными, среди ветвей что-то хищное скрипит зубами и царапает кору когтями, но к утру погасли светлячки, между деревьями по-светлело, мир стал добрее и безопаснее.

Отдрожавшись, я осторожно выбрался из леса, от страха весь из себя незримник до такой степени, что уж и не знаю, кто меня увидит.

В спину дул порывистый ветер, я вышел на дорогу, мелкие караваны везут в город мясо, рыбу, сыр и молоко. Погонщики мулов оглядываются, указывают пальцами на исполинскую грозовую тучу, под тяжестью которой прогибается горизонт. Она так целеустремленно ползет в нашу сторону, что я уже поверил в близкий дождь, редкость в этих краях.

Никто особенно не обратил на меня внимания, беспечно живут, но на подходах к дворцу я вышел из незримности, все равно продвинутая стража заметит, а это чревато. Ланаяна не видно, но почти такой же блестящий латами и начищенными поножами его сменщик коротко и умело разводил стражей, меняя караулы.

Я прошел через боковые ворота, стражи только смерили меня угрюмыми взглядами. Но по дороге через сад из-за роскошных декоративных деревьев окликнул насмешливый холодный голос:

— После ночных подвигов в постели прачки герой возвращается набраться сил?

Принцесса Элеонора, прекрасная, как звездное небо в лунную ночь, вышла на аллею с букетом цветов в руках. Я залюбовался на ее слишком красивое вплоть до неовостребованности лицо, в темных глазах вечный вызов и одновременно странный зов, такое дано услышать очень немногим.

— Зато не убиваю цветы, — огрызнулся я. — Им же больно!

Она поморщилась.

— Я указала садовнику, чтобы срезал слабые, они забирают соки у сильных. Иначе погибнут те и другие.

Я буркнул:

— Разумно. Кстати, я тут какую-то хрень подобрал. Думаю, не ваша ли?

Она нахмурилась, когда я раскрыл вещевую сумку, но оттуда ударил неистовый блеск драгоценных камней. Она невольно ахнула, глаза расширились, а дыхание замерло в груди. Я видел, как ее замороженный взгляд перебирает сокровища, затем рука ее резко метнулась вперед, пальцы выхватили рубин в виде головы дракона. Тонкая цепочка заструилась по пальцам, как почти незаметная струйка чистой воды.

— Что это?.. Это же Камень Рортега!

Я кивнул.

— Да, я так и подумал. Рад, что сумел вам вернуть.

Она подняла голову, на лице сильнейшее потрясение, в глазах буря, я наслаждался, видя, как тысячи выражений сменяют друг друга.

— Где вы его взяли?

Я посмотрел на нее, как на красивую дурочку.

— Как где? Вы же сами мне указали башню мага! Вернее, я сам про нее спросил, больно красивая, а вы наябедничали, что тамошник у вас спер эту штуку, а вы его не успели прибить за такую наглость... Вот я и того, мимоходом заскочил, все и всех побил, порушил, это я просто обожаю, ломать так интересно, как-нибудь попробуйте крушить все в комнате... лучше в чужой — красотища! А эту штуку захватил для вас.

Она отшатнулась, глаза расширились так, что я увидел уже не всевластную принцессу, будущую королеву, а крайне изумленную женщину.

— А что... колдун?

Я отмахнулся.

— Я ж говорю, оказал некоторое неадекватное сопротивление.

— И... что?

— Был убит, — ответил я со скорбным вздохом, — при попытке покончить с собой. Наверное, ему стало стыдно своего поступка. А так я вообще-то лишаю жизни только при острой необходимости. Вот у вас тут надо бы почти всех в ад... а я, видите, какой тихий?.. Просто птенчик. Никого и пальцем. Ну, почти никого.

Она прошептала:

— Невероятно...

— Что? — удивился я. — Пара пустяков. Кстати, это тоже заберите...

Она смотрела настороженно, как я снял с горловины вещевой сумки стягивающий ее кожаный шнурок. Кожаная пасть раскрылась, как кимберлитовая воронка. Сияющий сноп радостного огня и света уже не бил прямым столбом, а превратился в сверкающее море.

Она ахнула.

— Откуда у вас такое?

— Блестяшки? — ответил я безмятежно. — Для ворон, сорок и женщин.

Она не двигалась, просто застыла, как статуя из благородного мрамора, когда я небрежно, словно вытряхивая пойманного котенка, перевернул сумку. На землю с легким стуком и пощелкиванием хлынула разноцветная лавина драгоценных камней.

— Откуда... — повторила она потрясенно, почти на грани обморока, — откуда у вас... такое?

Я потряс сумку, чтобы никакой камешек не застрял в складках, бережно расправил ее и, свернув в трубочку, подвязал к поясу.

— Да как и всегда, — ответил я равнодушно и зевнул. — Рутина... Берите, берите! Женщины и сороки любят блестящее?

А эти камешки так играют. Хватайте скорее, а то сороки налетят... Еще вороны подспеют, конкуренция на марше.

Она смотрела непонимающе то на россыпь драгоценных камней, то на меня, а я гордо расправлял плечи и делал красивое лицо героя, отважного и благородно туповатого.

— Вы хоть понимаете, — прошептала она, — сколько это все стоит?

— Вы стоите больше, — сказал я галантно. — Так что красивое пусть идет к красоте. Простите, ваша светлость, я пошел отсыпаться. Ночка в самом деле выдалась... интересная.

Я повернулся уходить, она вскрикнула мне в спину, надеюсь, все еще прямую и с развернутыми плечами:

— Вы не должны отказываться от такого богатства!

Я ответил, не оборачиваясь:

— Богат тот, кто дарит.

Глава 12

Я свернул за деревья и готовился пересечь параллельную аллею, а оттуда прямая дорога в гостевой домик, в это время из дворца вышел ярл Элькреф, остановился, ослепленный ярким солнцем, прикрыл рукой глаза, мигая и морщась. Пока он давал глазам после полутьмы внутренних помещений дворца привыкнуть к залитому сверкающим золотом саду, я сам всматривался в него, еще не решив, на какую чашу весов его поставить.

Выглядит он бóльшим горожанином, чем сами горожане: подчеркнуто чист, выбрит, ухожен, в опрятной одежде свободного покроя, рубашка с длинными рукавами укрывает даже запястья, не разглядеть, тощий или толстый, штаны из тончайшей ткани с узором, пояс тонкий, чуть ли не женский, украшен мелким бисером.

Насколько я заметил, говорит и двигается сдержанно, следит за каждым словом, ни разу не повышал голоса, на лице всегда приятная улыбка общительного и коммуника-

бельного человека. Представить, что такой может вскочить на неоседланного коня и помчаться по степи, немыслимо.

Думаю, что этот рожденный интеллигентом еще в своем стойбище чувствовал себя чужим. Дело не в Элеоноре Гордой, все равно рано или поздно прибился бы к одному из городов, сменил бы коня на удобное кресло, а дикую охоту на юриспруденцию или что-то такое же уютное и не требующее орать злым голосом и размахивать мечом.

Так что Растенгерк, скорее всего, ошибается, рассчитывая на его помощь...

Он сделал несколько шагов, деревья чуть расступились, он ахнул, увидев ползающую на коленях гордую принцессу.

— Элеонора! Что с тобой?

Она поднялась, с прилившей к щекам кровью, блестящими глазами, чуточку смущенная и очень взволнованная.

— Смотри, — произнесла она и раскрыла перед ним ладони. Пара драгоценных камешков не удержались в переполненном ковшике и снова упали на землю. — Ой...

Элькреф мигом подобрал и бережно положил в ее ладони, но груда драгоценностей рассыпалась уже с обеих сторон. Элеонора сняла с шеи платок и расстелила на земле. Ярл торопливо собирал и складывал, не задавая вопросов, но лицо его медленно темнело.

— Элеонора, — спросил он чужим голосом, — что стряслось? И вообще почему эти камни здесь?

Она сказала счастливо, но, как мне показалось, и чуточку смущенно:

— Это тот десятник принес. Гонец.

— Откуда?

— Говорит, — сказала она тихо и оглянулась по сторонам, — убил могучего колдуна, что жил в белой башне!

Элькреф отшатнулся.

— Зачем?

Она всмотрелась в него с изумлением.

— Ты даже не удивился? Ты не спрашиваешь, как это сделал, а спрашиваешь только, зачем?

Элькреф буркнул:

— Кочевники — гордый народ. И ни перед кем не кланяются. Если маг его обидел, он убьет и мага... если сумеет отыскать, как. Наверное, этот десятник сумел. Но драгоценности... почему принес тебе?

Она сказала колеблющимся голосом:

— Вообще-то он вернул только Камень Рорнега, нашу фамильную драгоценность... а заодно уж, сама не знаю почему, высыпал мне и все остальное.

Он сказал мрачно:

— Поглумился.

— Что? — переспросила она в изумлении.

— Посмеялся, — объяснил он.

Она охнула.

— Хочешь сказать, что кочевник способен пожертвовать таким количеством драгоценностей, чтобы только увидеть, как я ползаю, собирая их с земли?

Он кивнул, на лице проступили сочувствие и сильнейший стыд. Принцесса закусила губу.

— Мерзавец.

— Просто гордец, — сказал он. — В нашей степи таковы если не все, то большинство. Мы бедный народ, потому объектом гордости у нас становится все. Для степняка потешить достоинство — радость выше, чем найти сокровище. Но как бы то ни было... жизнь кочевника бедна. И мне кажется еще, уж прости, этот варвар тебя заинтересовал... зря.

Она подумала, медленно пожала плечами, лицо стало отстраненным и задумчивым.

— Не знаю, — ответила она с неуверенностью в голосе. — Может быть, он и беден. Но с каким аристократизмом вернул мне Камень Рорнега! Он такой... мужественный.

Он поморщился и сказал уязвленно:

— Быть мужественным недостаточно, чтобы что-то значить. И дикий кабан мужественно бросается на охотников.

— Это не то, — возразила она. — Я понимаю, о чем ты.

Он тогда не просто побил тех мужчин!.. Он заступился за женщину.

Он все еще морщился, сказал сухо:

— Ее всего лишь хотели слегка... наказать. Она уже не первый раз рвет одежды. Хотя да, челядь перестаралась. Возможно, она кому-то из них отказала в любезности, вот и... Но этот десятник не знал, насколько она права или виновата. Он влез в драку только потому, что увидел возможность подраться.

— Все равно, — сказала она, — это было так мужественно и достойно. Как он держался гордо и красиво, как говорил! У меня все время перед глазами, как стоял, как смотрел, как велел убираться, словно он рожден править королевствами.

Он сказал сухо:

— Это только выглядело достойно. Но выглядеть и быть — не одно и то же.

— Элькреф!

— Возьми, — сказал он, — любого из кочевников. Они все такие же гордые и независимые.

Она упрямо покачала головой.

— Но вступился за женщину именно этот десятник. Как он отличался от прочих трусов, что ничего не могут возразить ни мергелям, ни вообще кочевникам! А еще как я привыкла к трусости местных!

— Это не трусость, — возразил он сердито. — Они действуют разумно и по обстоятельствам.

— А этот десятник?

— Он просто дурак. И ему повезло, что они отступили, а не позвали других на помощь.

Она покачала головой.

— Это не было везением. Он смотрел, как человек, который знает, как управиться со стадом. А они — только стадо. Я восхищаюсь им.

Он произнес с тревогой:

— Элеонора... это всего лишь степной дикарь! Я сам та-

ким был, но у меня хватило ума понять красоту и величие жизни глиноедов, как вас называют глупые дикари. А этот не понимает и никогда не поймет.

— Почему? Ты же понял?

Он сказал с неохотой:

— Мне пятерых не побить с такой легкостью... скорее всего, а этот дикарь, постоянно побеждая, не задумается, что есть жизнь и достойнее, чем постоянно драться. Он таким и останется.

Она сказала задумчиво:

— Не знаю, не знаю... Мне начинает казаться, что в его жизни есть смысл. Есть своя радость, некие ценности.

Ее голос звучал все тише, она отвернулась в глубокой задумчивости. Я наконец ощутил, что смогу перебежать открытое пространство, сделал быстрый рывок, а если они и услышали мой топот, то обернуться опоздали: я вбежал за роскошные деревья, ветви стелятся по земле, пару раз вильнул, как заяц, заматающий следы, а затем уже прогулочным шагом вошел в домик для гостей короля.

В домике комнат множество, и хотя все мелкие, но челяди дан строгий наказ держать все в чистоте и вообще по возможности выполнять желания гостей, потому я переступал через моющих пол женщин, миновал плотников, эти ставят новую дверь взамен той, что вышиб один из пьяных гостей, со вздохом облегчения ввалился в свою комнату.

— Как хорошо...

Через минуту в дверь заглянула молодая женщина, улыбнулась искательно:

— Я не успела у вас прибраться...

Я отмахнулся.

— Мы дети степи, не гордые. В такой грязи живем...

Она сказала торопливо:

— Я чуть-чуть уберу прямо при вас. Если можно. А то меня накажут, что не успела.

— Валяй, — сказал я великодушно.

Она тихо шуршала веником, я прикидывал расстояние, которое прошли за это время мои орлы из похода в Турнедо. Герцог Валленштейн наверняка торопит, идет без остановок, меняет коней... вот будет весело, когда я с подробной картой вернусь в Брабант раньше их и встречу уже там... А здесь пора заканчивать, что-то у меня перебор с принцессами. Уже третья, а это многовато. Вообще надо завязывать с местами, где водятся эти существа. Пора браться за построение Царства Небесного на земле в одном отдельно взятом королевстве.

— А можно, — раздался тихий голосок, — я ваши сапоги переставлю?

Я с досадой обернулся, она смотрела на меня с робкой искательной улыбкой, странно краснеет пятнами, лицо настолько тонкое и нежное, что просто светится.

— Да, — сказал я, — конечно. Без проблем.

Она взялась за сапоги, наклоняясь так, что небольшие груди стали видны почти целиком, переставила к стене, а дальше работала веником, всякий раз поворачиваясь и нагибаясь так, что я видел только округлый пышный зад.

— Тебе сколько лет? — спросил я.

— Четырнадцать, — ответила она и, выпрямившись, посмотрела на меня откровенным женским взглядом. — Я младшая сестра Ахне. Вы спасли ее от наказания и дали золотую монету.

— А-а-а, — сказал я, — надеюсь, к ней больше не придираться?

Она помотала головой.

— Она ушла, купила маленький домик на окраине и будет шить рубашки для продажи. Она только о вас и говорит.

— Представляю, — буркнул я, — что именно!

— Нет-нет, только хорошее.

— Ну, — протянул я, — здесь понятия хорошего очень своеобразные. Скажи, как здесь относятся к Ланаяну?

Она удивилась такому вопросу, но подошла ближе и, глядя мне в лицо, ответила со старательностью школьницы:

— Он когда-то, очень давно, выиграл состязания лучших из лучших воинов. Говорят, выиграл просто... ну совсем с великой легкостью! Опередив всех на много.

— Здорово, — сказал я. — А в этот раз он будет?

Она покачала головой.

— Он с того разу никогда не бывал в схватках, хотя, как говорят, ежедневно упражняется в своей комнате. По крайней мере, мы часто слышим лязг мечей.

От нее медленно идут волны тонкого женского запаха нежной плоти. Я покосился на потемневшую от девичьего горячего пота в подмышках тонкую рубашку, этот аромат начинает тревожить, вот так и становятся теми придурками, что собирают и нюхают женские тряпки.

— Значит, — сказал я, — он получил все, что хотел. Счастливы люди без амбиций. Ладно, лапушка, заканчивай здесь, не буду тебе мешать.

Я вышел в коридор, двое стражей, ветеранистый бородач и совсем व्यюнош, идут ленивой и расслабленной походкой, व्यюнош старается попадать старшему собрату в ногу. Оба уставились с любопытством, когда я остановился в дверях и небрежным жестом варвара, которому плевать на церемонии, велел обоим подойти ближе.

— Хорошим делом заняты, — сказал я. — Мужчина должен быть всегда при оружии, вон как вы оба.

Они переглянулись, бородач сказал мечтательно:

— А я скоро уйду на покой и оставлю оружие. Уже скопил денег.

Я удивился:

— На покой? Зачем?

— Когда выходишь на покой, — сказал он наставительно, — Господь возвращает тебе способность думать самому. Непривычно, но интересно...

— Сам себе командир? — спросил я.

— Да, — подтвердил он. — Странное ощущение.

Вьюнош фыркнул.

— А мне вот не интересно. Я что, дурак? Зачем думать

самому, если всегда могу обвинить командира, что дурак и не то приказывает? И вообще завел нас в дебри?

Я заржал, так надо, у нас свой солдатский юмор, сказал заговорщицки:

— Ладно, ребята, я пока запрюсь на часок, отдохну, а то по ночам... да и не только по ночам, столько дел, столько дел...

Они переглянулись, на мордах понимающие улыбки, видели, как ко мне в комнату скользнула одна с веником очень даже готовая на услуги в части отдыха, а я вернулся в комнату. Раскрасневшаяся девушка повернулась ко мне, рубашка на груди приспущена еще сильнее, на щеках жаркий румянец.

— Прибрала? — сказал я довольно. — Вот молодец!.. А теперь иди и скажи там, чтоб тебе дали пряник. Иди-иди, малышка.

Она посмотрела разочарованно и обиженно, но покорно удалилась. Я, не разуваясь, завалился в постель. Теперь надо обмыслить зело и неторопливо, как и надлежит государственному деятелю, как лучше отправиться к ограм. Крестоносное воинство в моем лице сумело бы их использовать получше, чем кочевники...

И хотя я вроде бы помимо картографии еще какой-то хреню занимаюсь, но это совсем попутно, главные задачи: составить подробную карту Гандерсгейма, а еще установить местонахождение огров, кентавров и троллей. По возможности, нейтрализовать сразу, с началом вторжения...

И вообще, это только кажется, что ничего не получил, а только тратил время на принцесс. Как ни мал титул фрей-графа, но в умелых руках может дать намного больше, чем маркграф, майордом и даже король вместе взятые. Это здесь такой титул остался в глубокой древности, потому что свободными земли и тогда были ими совсем недолго, теперь все кому-то да принадлежат. Сейчас король пожаловал мне этот титул вроде почетной грамоты, свидетельства о высоком положении, это не больше, чем почетный доктор наук,

а все понимаем, чем отличается почетный от действительного, однако по ту сторону Великого Хребта само слово «фрейграф» будет ввергать в дрожь. В рыцарском мире фрейграф возглавляет страшный рыцарский суд чести, что пренебрегает границами королевств, формально признает только власть императора, но бывали случаи, когда требовал явиться на суд и самого императора. Власть фрейграфа простирается на все континенты...

Правда, штука в том, что такого рыцарского суда у меня нет и, подозреваю, здесь он вообще не существует. А если и был раньше, то потерял значение. Но идея хороша, и уже то, что в моем срединном существовал все века и был упразднен только Наполеоном, говорит о его необходимости.

Только я, видимо, буду возрождать его на церковной основе. Церковная доктрина хороша тем, что на ней можно основать все, что угодно. К примеру, через полторы тысячи лет существования христианства, когда, казалось, все уже придумано и создано, основал Игнатий Лойола особый рыцарско-монашеский орден с совершенно уникальным уставом и новым направлением деятельности?

В Сен-Мари я могу сослаться на то, что я фрейграф и подтвердить это под любой клятвой, а на этом основании вправе создать такой суд и в Геннегау, и вообще везде, куда ступит моя нога...

Грубый голос в коридоре вернул к действительности, и я с тоской вспомнил, что я увяз, как муха в патоке, в одном из карликовых королевств, а мои великие планы отодвигаются все дальше. Или это у меня от моей латентной политкорректности, которую никак не выдавлю? А настоящий деятель с масштабами должен плюнуть на все мелкое, это ведь не люди, а всего лишь статистика!

Раздался треск, звон, дикий злобный крик. Я подпрыгнул, в комнату с треском влетели обломки оконной рамы, сверкающие куски стекла, щепки, перья. Пахло птичьим пометом, одновременно ворвалось нечто жуткое, лохматое, изломанное, уродливое...

Я судорожно ухватился за рукоять стоявшего около лезвия меча. Чудовище ринулось на меня, вытянув длинные лапы с острыми когтями. Чувствуя, что не успеваю замахнуть, я упал спиной на пол, выставив перед собой меч.

Раздался дикий вопль боли и ярости. Рукоять меча больно ударила набалдашником мне в грудь, гарпия верещала и пыталась дотянуться когтями до моего лица, все сильнее насаживая себя на стальную полосу, острую, как бритва.

Я выпустил из рук меч и откатился в сторону. Гарпия орала скрипучим голосом, билась в судорогах, рукоять меча жутко торчит между покрытых волосами старушечьих грудей, шерсть слиплась от крови, на полу быстро растекается темная лужа.

Мне почудилось, что в вытаращенных глазах мелькнуло нечто знакомое, наклонился. Гарпия слабо зарычала, в ее погасающем зрачке я увидел искаженное злобой лицо магистра Жакериуса.

— Да уймись же! — вскричал я в отчаянии. — Я же поработал на вас!.. Хватит... Успокойтесь... Я приношу свои извинения, если хотите...

Глаз гарпии заволочло серой пленкой, лицо магистра потускнело, напоследок я успел увидеть его вскинутые руки. Гарпия дернулась, лапы вытянулись в конвульсиях, задрожали мелко-мелко. Глаза вспыхнули, как горящие угли, от них ударили красные лучи и выжгли на противоположной стене два небольших пятна.

Я застыл в страхе, но глаза чудовища погасли, а сама гарпия бессильно уронила голову на длинной морщинистой шее.

По коридору протопали тяжелые шаги, дверь распахнулась. Все те же двое стражей, угрюмого вида бородач и краснощекий выюнош, вбежали с короткими копьями наготове. Бородач поскользнулся на осколках цветных стекол и рухнул с некрасивым воплем, выюнош уставился выпученными глазами на гарпию.

Чудовищная старуха с неопрятными крыльями некрасиво распласталась на полу, окровавленное острие меча торчит из спины победно и красиво, тягучие красные капли стекают по лезвию и вливаются в общую темную лужу на полу.

— Это... она? — прошептал व्यюнош.

— Она, — подтвердил я. — А может, он. Хотя гарпии вроде бы всегда самки... А ты как думаешь?

Он вздрогнул, посмотрел на меня расширенными глазами, потом перевел взгляд снова на гарпию.

— Н-не знаю...

— Философский вопрос, — согласился я. — Откуда они берутся, не задумывался?

— Н-нет...

— Все о бабах, — сказал я понимающе, — а когда о мироздании?

Бородач наконец поднялся, потер ушибленную спину, но сперва посмотрел не на чудовище, а на разбитое окно.

— Говорил же, — проворчал он, — надо решетки... А мне: здесь дворец, а не тюрьма...

— Истину глаголишь, — сказал я. — Ладно, забирайте на кухню. Принцесса Элеонора обожает жареные лапки гарпий. Только меч заберу...

Вьюнош послушно ухватил гарпию за ногу, а медлительный бородач все еще смотрел на дыру на месте окна, где красиво и задумчиво мерцают холодные звезды...

— Она как знала, — сказал он задумчиво, — куда лететь.

— Знала, — подтвердил я. — Прямо на мой меч. Летела и кричала, чтобы я обнажил и держал обеими руками вот так... Знала, что принцессе Элеоноре восхотелось жареных лапок...

Вьюнош, пытая и упираясь, дотащил гарпию до распахнутой двери. Распростертые крылья, что волочатся бесильно сзади, застряли, но бородач двумя умелыми пинками, ломая хрупкие кости, забросил их на окровавленное тело.

— Спокойного отдыха, — сказал он угрюмо. — Мы при-
шлем кого-нить затереть кровь. Развлекаться вы умеете,
как вижу.

— Да, — согласился я, — по-простому, по-степняцки.
Нас с конунгом Бадия скоро будет здесь еще больше. Вот
тогда и увидите, как отдыхают степняки!..

Вьюнош спросил опасливо:

— А как?

— По выходным начнем насиловать всех, — объяснил я
со знанием дела, — кто выйдет на улицу. По праздникам
обычно поджигаем город и веселимся, глядя, как трусливые
глиноеды гасят огонь... Ладно, все увидите очень скоро!
А пока пришлите затереть кровь, но лучше двух. И попыш-
нее. Вот здесь и здесь.

Вьюнош помрачнел, это его город, а сам он глиноед, а
бородач, что уже скопил денег и скоро уедет, ухмыльнулся
и посмотрел уже по-свойски, мужчины понимают в таких
делах друг друга без лишних слов.

— Я сам отправлю именно таких.

— Спасибо, — сказал я.

Глава 13

Магистр может прислать кого-то и половчее этой гар-
пии, я дождался, когда утихнут шаги стражей, увлакиваю-
щих труп, неслышно выскользнул следом, на лестнице вы-
ше никого, а оттуда незаметно спустился по висячему мос-
тику в сад.

Присланные девушки решат, что я не дождался их и в
нетерпении отправился искать утех у других, более быстрых
и расторопных, но вряд ли признаются, что меня не застали...

Так же незаметно, используя все виды маскировки в
этом шумном и никогда не засыпающем муравейнике, где
даже мышь не ускользнет от зоркого глаза, я проскользнул
к хозяйственным постройкам, а там тихонько пробрался к
конюшням.

Конь покосился в мою сторону с некоторым недоумением, мол, зачем покупал, если летаешь, а я прошептал ему на ухо:

— За небом магистр все еще присматривает... возможно. Во всяком случае, береженого Бог бережет.

Он фыркнул, но кивнул, соглашаясь, что конных сотни тысяч, за всеми не умотришь, так что да, хозяин у него не последний дурак, хоть и при оружии. Вообще-то и я так думаю, хоть и поступаю часто, как наипоследний, но это редко, совсем редко, не чаще трех раз в день, а вообще-то я осторожный и предусмотрительный. Хотя бы потом. Как и умный.

Выехал я через боковые ворота, стараясь не попадаться принцессе на глаза, пусть считает, что отсыпаясь после ночки у спасенной прачки.

Миновав крепостную стену, я свернул с проторенной дороги, где тесно от двигающихся в обе стороны лошадей и повозок. Слева тропка уходит в густой кустарник, а дальше роскошная роща из могучих олив, высоких и кряжистых разом.

Здесь тропки не нужны, между деревьями просторно и сухо, копыта стучат ровно, ажурная тень от веток колыхается по земле, легкая и невесомая, как женская вуаль.

Мы почти пересекли рощу, когда я услышал впереди конский храп и мужские голоса. Отряд всадников окружил поляну, в центре могучий дуб, ну еще бы, без дуба в таких важных и нужных делах юриспруденции не обойтись, с одной толстой ветви уже свисают четыре одинаковых петли. Шестеро крепких воинов подтаскивают к ним четверых связанных, но упорно отбрыкивающихся мужчин. Остальные, не покидая седел, гогочут и отпускают веселые шуточки. У нас, мужчин, свой юмор, красивый и мужественный.

На краю поляны еще четверо коней с пустыми седлами. Как я понял, их хозяевам сейчас как раз надевают эти волосяные украшения на жилистые шеи.

Я подъехал ближе, помахал рукой в приветствии и показывая, что не враг, поинтересовался:

— Вешаете?

На меня оглянулись, как на еще одного зрителя, что пробирается в передний ряд театра, наступая на ноги.

Один из театралов ответил со смешком:

— Нет, что ты!.. Просто вздернем... га-га-га!

— Ха-ха-ха, — поддержал второй.

— Хо-хо-хо, — сказал третий.

— Что-то важное? — спросил я.

Всадник отмахнулся.

— Было бы важное, в город бы отвезли. А так... простые конокрады! Таких без всяких штучек.

Я всмотрелся в лица приготовленных к позорной казни. Трое — простые мужички, хоть и бывалые с виду, четвертый — тертый калач и сейчас зыркает по сторонам злобно, до последнего мгновения выискивает шанс вырваться на свободу. Даже с петлей на шее никак не смирится, что попался, что взяли по пьяни, видно по опухшей морде... Конокрадство — плохо, за это вешать надо, но сейчас я сам почти конокрад и вообще нарушил больше законов и заповедей, чем эти все четверо, а меня вот все еще не вешают и не четвертуют, так что не зря в моей мохнатой душе шевельнулось сочувствие к менее удачливым и более криворуким.

— Сколько стоят кони, — спросил я, — что они украли?

На меня начали оглядываться с интересом. Старший, могучего сложения десятник, прорычал с подозрением:

— А что, готов заплатить?

— Если поступят ко мне на службу, — ответил я. — Надоело самому седлать и расседлывать... Да и вообще, могу же я хоть кем-то покомандовать? На что тогда и деньги? Надо же пить, гулять, гонять слуг туды-сюды...

Всадники снова захохотали, старший нахмурился.

— Цены четырех коней — мало, — заявил он. — Еще штраф, плюс наше время по их поимке...

— Удваиваю цену, — сказал я.

Он покачал головой.

— Втрое! Да и то...

Всадники загудели, он махнул рукой тем, что уже накиннули петли конокрадам и ждут сигнала.

— Погодите... А ты уверен, что тебя самого не разденут до нитки? Посмотри на их морды. Еще те орлы.

— Рискну, — ответил я. — Обычно за спасение в задницу целуют.

— Раз на раз не приходится, — предостерег он.

Я отсчитал монеты в его требовательно протянутую ладонь. Всадники сняли петли с конокрадов, развернули коней и умчались рысью. Коней конокрадов честно оставили мне. Я подъехал к тому, что явно вожак, он изучает меня настороженным взглядом исподлобья, с угрюмой настороженностью.

— Не повезло?... — сказал я с сочувствием. — Только там и попадаемся: в трактире да на бабах.

Он молча позволил разрезать веревки на его руках, растирал запястья и хмуро наблюдал, как освобождаю от пут его напарников, наконец процедил сквозь зубы:

— Тебе же сказали, что не станем тебе служить.

— Сказали, — согласился я.

— И что? Ты дурак?

— Нет, — ответил я. — Это вы дураки, если откажетесь. Со мной обычно все выигрывают! Вот только на днях один разбойник стал правой рукой короля и получил титул ярла.

Вожак сказал:

— Но кто-то и кладет голову?

— И такое бывает, — ответил я честно. — Так всегда, когда играют по-крупному.

Один из конокрадов посмотрел на меня, на вожака и сказал быстро:

— Нет, я лучше по мелочи!..

Вожак сказал мне злорадно:

— Видишь? Плакали твои денежки.

Я ответил с небрежностью:

— Легко пришло — легко уходит.

Они смотрели остолбенело, когда я швырнул им под ноги пару золотых монет. Один тут же подхватил обе, попровобовал на зуб, передал жожаку.

— Берите, берите, — сказал я равнодушно. — Это для вас богаство, но не для тех, кто ходит со мной. Мы такое гребем той лопатой, какой вы дерьмо кидаете... что как раз для вас подходящая работа. Зато безопасная, верно?

Они смотрели, как я неторопливо развернул коня и пустил через лес к дальнему просвету между стволами. Я прислушивался, даже посмотрел запаховым, рискнув приступом тошноты и головокружением, все четверо скрылись за поворотом, потом за другим и третьим.

Я вернулся к обычному зрению, уже уверенный, что ничего не получилось, но раздался дробный стук копыт, из-за поворота выметнулись трое. Скачут быстро, пригнулись к конским шеям, посматривают изредка, только жожа неотрывно смотрит сквозь встречный ветер в мою сторону.

Догнав, он пустил коня рядом и сказал почтительно:

— Меня зовут Кроган. Это мои друзья, Ухорез и Барсук. Мы готовы служить вам, господин.

— Надеюсь, — сказал я благосклонно, — не пожалеете...

— Один не рискнул, — сообщил Кроган утрюмо.

— Кто не рискует, — сообщил я им новость, — тот не пьет хорошего вина, не тискает знатных дам и того не хоронят в дорогом склепе.

Кроган ухмыльнулся и добавил:

— Бывает, везет настолько, что не вешают, а рубят голову!.. Какие будут приказы, господин?

— Нужно отыскать урочище Серого Вепря, — сказал я. — Срочно. Кто-нибудь знает, где оно прячется?

— Прячется? — переспросил Ухорез туповато.

Кроган объяснил снисходительно:

— Когда на охоту выходим мы, от нас все прячется.

Ухорез и Барсук заулыбались, но Кроган посерьезнел и быстро посмотрел на небо. В синеве появилась темная точ-

ка, как гигантский зрачок, расширилась, налилась зловещей тяжестью и начала прогибаться, как готовая сорваться капля.

В безумной выси тяжело прогрохотало. Я ожидал привычных грома и молний, однако черноту прочертила огненная полоса, исчезла на миг в синеве, затем слабо обозначилась быстро приближающейся черточкой уже вблизи земли.

Шагах в сорока вспыхнуло пламя, грохнуло, взлетели темные комья. Земля под ногами трусливо дернулась. Кони беспокойно переступали с ноги на ногу и дико водили глазами.

— Вон еще! — закричал Кроган.

В небе возникли огненные точки, росли, увеличивались, за ними тянутся багровые хвосты, похожие на кометы. Все устремились в нашу сторону, вырастая с каждым мгновением.

— В укрытие! — крикнул я. — Вон там надежная скала...

— Но, господин, — вскрикнул Кроган.

— Выполняй!

— А как...

Он не договорил, послушно прищипорил коня и ринулся за мной. Я слышал грохот копыт, тяжелые удары в землю, треск и грохот. Обогнув широкую скалу, мы все четверо устрешенно наблюдали, как исполинские огненные стрелы рассекают воздух и врезаются в землю. Я подумал сперва, что взорвался баггер, обломки вскоре падать перестанут, затем с холодком понял, что метеоритный дождь бомбардирует одно и то же место, хоть и довольно широкое, но сейчас уже сужается, словно кто-то постоянно корректирует курс.

Вокруг нас вспыхивал огонь, доносился грохот, почва содрогалась, а болиды продолжали сыпаться и сыпаться. Ухорез и Барсук соскочили с коней и закрывали им глаза, уговаривая не бояться.

— Что случилось, — прошептал Кроган в ужасе, — все небо в огне!

Несколько метеоритов ударили в скалу с той стороны,

мы прятались за ней, как за огромным щитом. Она содрогалась и постанывала, несколько метеоритов с визгом и скрежетом чиркнули по краям, срывая крошки гранита. Нас осыпало искрами, а они ударили в сухую твердую землю с такой силой, что после них остались только наклонные норы.

Ухорез вскричал:

— Нас и здесь достанет!

— Угол падения равен углу отражения, — подбодрил я.

Кроган радостно охнул:

— Это защитное заклятие?

— Да, — сказал я. — Осколки уносит в сторону.

Небо стало багровым от множества падающих болидов. Воздух светился красным, небесные камни падают хаотично, но в небе словно разверзлась огненная дыра, все камни появляются именно оттуда...

Кроган сказал встревоженно:

— Дыра в небе двигается!

Ухорез твердил заклятия и торопливо перебирал амулеты на груди, в карманах и на шее. Я не отрывал взгляда от неба. В ослепительной синеве слепяще-белая дыра сдвинулась и начала переползать медленно и тяжело намного левее.

— Все на ту сторону, — сказал я.

Ухорез вскрикнул:

— Зачем?

— Стрелок меняет позицию, — бросил я.

Кроган беспрекословно ринулся за мной, Барсук последовал сразу за ним, Ухорез замешкался, а когда выбежал, ведя коня в поводу, огромный камень грохнулся на то место, где мы были, и проломил землю, как тонкую льдину.

Мы поспешно обогнули скалу, стена с этой стороны горячая и побитая небесными камнями. Мы уперлись в нее спинами, а с той стороны, где мы были только что, начался настоящий ад: массивная глыба дрожит, от нее начинают откалываться крупные камни.

— Только бы выстояла, — прошептал Кроган. — Дер-

жись, дорогая, держись! Если выдержишь, зарежу тебе в жертву черного петуха и белую овцу!

— А я первому же ограбленному, — пообещал Ухорез, — верну деньги!

— Колдун выдыхается, — сказал я. — И вообще он какой-то неповоротливый...

Камни в самом деле падают все реже, земля уже не вздрагивает и не стонет, лишь тяжело вздыхает, глыбы не рушатся, а по земле с разбега катится всякая мелочь. Последние камешки сыпались размером не крупнее ореха.

Кроган крикнул оторопело:

— Это... бросали в нас?

— Ну да, — ответил я бодро. — Здорово, правда? Я ж говорил, со мной не соскучитесь!..

Ухорез смотрел выпученными глазами то на меня, то на Кrogана, потом без слов вскочил на коня, развернул и понесся во весь опор в сторону дальнего леса.

Кроган пробормотал:

— Может... он и прав...

Барсук проговорил, лязгая зубами:

— Я с вами...

— Ты орел, — подбодрил я. — Так где все-таки урочище Серого Вепря?

Кроган подумал, поднял на меня встревоженный взгляд.

— Я знаю.

— Показывай дорогу!

— Там плохое место, — предупредил он.

— В плохих местах сокровища! — заявил я. — В хороших уже истоптано, наплевано, загажено, а то и вовсе... напачкано. Поехали! Время — золото.

Они одновременно вскинули головы, дыра в небе неохотно затягивается, но с запада наползает тяжелая темная туча.

Барсук сказал тревожно:

— Будет дождь.

— Перестань, — сказал я, — дождь нас не убьет.

— Может быть, — предложил он робко, — подождем, когда закончится?

— Нас отыщет, — сказал я, — этот криворукий колдун. И точно убьет.

Кроган уже подтянул подпруги у своего коня, Барсук подумал основательно, что лучше: остаться и быть убитым или же выйти под дождь, вздохнул и нахлобучил на голову капюшон.

Прикрываясь скалами, мы отделились от опасного места как можно дальше, а когда те кончились, пустили коней во весь опор. Не только я, но и Кроган с Барсуком постоянно оглядывались и со страхом смотрели на небо за нашими спинами, однако то ли колдун успокоился, то ли потерял к нам интерес, как я все еще надеялся, то ли мы выскочили за пределы его власти.

Навстречу неслась глухая котловина, справа и слева проскакивают пепельно-серые барханы, верблюжьи колючки, затем копыта простучали по известковой долине, что перешла в песчано-каменистую, сожженную нещадным солнцем.

После изнурительной скачки выметнулись на голое плато, за которым дикое нагромождение камней, скал, зависших плит, готовых обрушиться в любое мгновение. Место сильно выжжено солнцем, словно здесь даже не солнце, а что-то особенно злое и ненавидящее любую жизнь, ни травинки, ни кустика.

— Вон там, — сказал Кроган негромко и указал вдаль в самое опасное и непроходимое, по моему мнению, место. — Туда.

— Урочище? — уточнил я.

— Оно самое, — ответил он с тяжелым вздохом. — Урочище Серого Вепря. Очень опасное место.

Барсук сказал тревожно:

— Туда не ходят уже сотни лет.

Я сказал приподнятым голосом:

— Сотни лет? Как долго нас ждут!

Кроган спросил быстро:

— Кто ждет?

— Неприятности, — ответил я бодро, — кто еще?

Кроган пробормотал:

— Похоже, они дождались.

Барсук сказал с отвращением:

— Я самый большой дурак, какого я видел в зеркале.

— Тогда ты не ошибся, — горько ответил Кроган, — пойдя с нами.

— Не спешила бы мышь, — буркнул Барсук, — пожевать в мышеловке...

Кроган только вздохнул, Барсук сердито и в сомнениях засопел, но заговорил фальшиво и приподнято о пути мужчин, подвигах, однако как-то неубедительно, словно старлся уверить сам себя, что если нет добычи, то надо довольствоваться пустыми свершениями во благо чего-то там и высоких целей.

Коней пришлось оставить в укромном месте, дальше шли через дикие нагромождения камня, в которых я угадывал руины древних сооружений, а дальше вообще почти сохранившиеся стены из отполированного гранита, мрамора и умело вплавленного в них металла, что иногда перестает быть металлом и превращается в камень, а потом снова в металл, странный и непонятный.

— Я не думал, — пробормотал я, — что после Войны Магов что-то уцелело хотя бы так...

Кроган сказал почтительным голосом:

— Это построили уже потом... По легендам, были людититаны! Вышли из глубин земли, выстроили это, потом исчезли... А здесь все разграбили искатели сокровищ.

Барсук спросил недовольно:

— Тогда и мы ничего не найдем?

— С той поры ничего не осталось, — подтвердил Кроган. — Но эти места все-таки хороши, если надо что-то

спрятать надежно. Добраться сюда непросто, кроме того, здесь вообще непонятно, что может напасть и сожрать...

Барсук сказал нервно:

— Не надо про сожрать!

— Что, — спросил Кроган со злорадством, — страшно?

— Нет, — огрызнулся Барсук, — самому жрать захотелось!

Кроган проворчал предостерегающе:

— Не смотри на меня, не смотри. Ишь, рассмотрелся...

— Мы же с утра не жрали!

— В аду пожрем вволю.

— Или нас пожрут.

Руины как будто вчерашние или сегодняшние: сколы глыб блестящие, ровные, чистые, не изъеденные перемена-ми погоды. Мы устали карабкаться, Кроган взмок, Барсук дышит тяжело, у меня заныли ноги, я сказал хрипло:

— Привал на пару минут.

Они тут же рухнули на землю, я присмотрел ровную блестящую плиту, без пыли и мусора, сосредоточился и начал создавать мясо и сыр, а в конце сотворил легкое красное вино.

Кроган смотрел остановившимися глазами. Барсук охнул:

— Как вы это сделали?

Я отмахнулся.

— Да амулетик тут один... Жаль, одноразовый. Зато еды много.

Кроган осторожно взял мясо и начал жевать, лицо стало задумчивым, потом расплылось в блаженной улыбке. Барсук, глядя на него, ухватил кусок побольше, но сказал с сожалением:

— Мясо — это хорошо. Жаль только, золотишко создавать не можете... ха-ха!..

— Было бы здорово, — поддержал Кроган. — Золото — это и еда, и женщины, и все-все.

— Жаль, — согласился я, — пара лишних монет никогда не помешает.

Они налегали на еду, я тоже жевал с энтузиазмом, едим мы все лучше, чем работаем, но в голове застряла и упорно не желала покидать новая и не совсем опрятная мысль, хотя ее и пытались выпихнуть другие, более благородные, чистые и добропорядочные, но почему-то всегда более слабосильные, чем всякие непорядочные. Дескать, в самом деле, почему не попытаться? Создавать сокровища — сил не хватит, но пару золотых монет... Надо попробовать, но не здесь, понятно, и не сейчас, а как-нибудь поупражняться в уединенном месте. Лучше — в лесу, а то кто знает, вдруг да какие побочные эффекты, я же теперь осторожный, зря не рискую... ага, совсем живу без риска, грусть затая.

Глава 14

Барсук поспешно проглотил мясо, второй кусок не стал брать, насторожился, уши его задвигались, как у коня. Глядя на него, перестал жевать и Кроган.

— Что-то чуешь?

— Да, — сказал Барсук. — Приближаются... вон оттуда. Ага, из-за той скалы тоже.

— Приготовиться, — сказал Кроган отрывисто. — Но не показывайте вида. Пусть думают...

Он не договорил, что пусть думают, а я не стал ревниво напоминать, что командую вообще-то я, пусть бразды берет тот, кто лучше разбирается в данной ситуации.

Чуть позже и я ощутил, а потом и увидел в запаховом, как за камнями со всех сторон появляются приземистые люди, пригибаются и начинают подползать поближе, сейчас набросятся на ничего не подозревающих чужаков...

Первым не выдержал Барсук, вскочил и, круто развернувшись, быстро-быстро заработал мечом. Кроган отстал лишь на мгновение, а я рубил и повергал ближайших ко мне, в лицо брызгала кровь, меч перерубывал дубинки и

толстые палки, рассекал плоть, трескали черепа, вокруг крики, нечеловеческий визг, вопли, тяжелое дыхание и стоны, смачный хруст костей.

Последние пытались убежать, но Кроган метнул два ножа, а Барсук умелым броском дубины перешиб последнему из уцелевших хребет. Оба мои напарника в крови, я не знал, своя или чужая, на всякий случай похлопал обоих по плечам, вроде бы хвалил и одобрял, сейчас они в горячке боя и сами еще не чувствуют, кто из них ранен и как сильно...

Трупы напавших все в звериных шкурах, с дубинками, сейчас среди массивных камней с острыми гранями распластались такие беспомощные, что Барсук разочарованно протянул:

— Что-то какие-то мелкие...

— Да, — согласился Кроган, — когда выбежали так внезапно, мне тоже показались вдвое выше. И крупнее.

Барсук спросил с надеждой:

— Может быть, какое-то колдовство их уменьшило?

— И количество поубавилось, — сказал я с иронией.

— Да-да, — согласился Барсук бодро. — Их было впятеро больше, сам видел!

Я вытер лезвие меча и сунул в ножны за спиной.

— Пообедали? Это был десерт.

— Да уж, — вздохнул Кроган. — Ничего, осталось добратся вон до той скалы. Видите, темная, почти черная?.. Держитесь за мной.

— Ты здесь бывал? — спросил я.

— Да, — буркнул он. — Только не слишком далеко.

— Все-таки был!

Он шел чуть впереди, как уже бывавший здесь хотя бы на самом краю, Барсук тоже мужественно стремился идти впереди меня, полагаясь на свое чутье, я чувствовал себя не в своей тарелке, то и дело тянулся к мечу, хотя с обнаженным клинком карабкаться через камни намного труднее.

Еще одна гряда уплыла в сторону, открылась каменистая равнина, массивная черная скала, отвесная с нашей

стороны и сильно пологая слева. У основания зияет полу-круглое отверстие, человеку можно пройти, пригнув голову.

Кроган сказал быстро:

— Если кто и захочет спрятать сокровища, то именно там.

— Еще бы, — с надеждой сказал Барсук. — Я бы точно туда, а я такой умный, что ступить некуда...

У самого основания скалы прямо перед темным входом пологий земляной бугор, при нашем приближении земля зашевелилась, посыпались камни. Бугор вырос и превратился в угрюмого заспанного дракона. Он зевнул и мутно посмотрел в нашу сторону.

— Сторож, — сказал Барсук.

— Страж, — поправил Кроган.

— А что сторожит? — пробурчал я. — Свою добродетель? Или нас оберегает от соблазнов?.. Ух ты, какой здоровенный...

Дракон приподнялся, мелкие камешки с тихим стуком покатались на землю, но он оставался вросшим в землю, так мне показалось, однако неподвижность компенсируется длинной шеей, голова крупная, в пасти поместится упитанная корова. В глазах багровое пламя, а когда разевает пасть, оттуда вьется легкий дымок. Зубы блистают, как у бобра, что самозатачиваются и растут всю жизнь.

— Ну и гад, — сказал Кроган с почтительным страхом, — почти такой же, как и моя теща.

— Как жена, — уточнил Барсук.

— Не брешь, жена у меня молодая, такой станет не скоро... хотя, конечно, чем-то уже...

— Ну вот и двигай вперед, — сказал Барсук. — У тебя навык.

Я быстро озибался, змей закрывает вход, так и надо, а над ним голая стена, шагах в пяти справа на скале целое нагромождение плит и огромных блестящих сколами глыб.

— Лезьте наверх, — распорядился я. — Обойдите вон

там... а если не сумеете, то хоть с другой стороны. Если удастся раскатать и обрушить те глыбы...

Кроган быстро прикинул взглядом, как будут падать, потряс головой.

— Упадут не там.

— Я попробую заманить этого дурака под место удара.

Он сказал с сомнением:

— Он еще и огнем плюется...

— Другие варианты есть?

— Нет, — ответил он честно.

— Тогда действуем.

Они отползли, я слышал как поднялись и побежали, все еще пригибаясь и тяжело топая. Я перевел дыхание, сердце начинает учащенно нагнетать в вены кровь, разогревает до кипения, а когда внутри меня забегали огненные муравьи, я выскочил вперед и замахнулся на дракона мечом.

Он посмотрел на меня с ленцой, зевнул и снова положил голову на землю. Я поднял камень, дракон не повел и глазом, я швырнул, но плотная чешуя отразила с легкостью, словно щепочку.

— Ну, гад, — сказал я, — а как насчет этого?

Второй камень, втрое больше, стукнул его прямо в лоб. Дракон приподнял голову и посмотрел довольно сердито.

— Не ндравится? — спросил я злорадно.

Третий камень я поднял с натугой, пришлось подойти ближе, мышцы и так подрагивают от натуги. После мощного броска голова дракона вздрогнула, будто по ней ударили бревном. Он обиженно раскрыл пасть, по горлу быстро пошло вверх утолщение. Я понял все правильно, присел чуть и напряг мышцы ног.

Ком подкатил к челюсти, я козлом скакнул в сторону. Из пасти дракона вылетел ревущий столб огня. Я приподнялся из-за камней, а пока рептилия переводит дыхание, быстро взглянул наверх, Кроган и Барсук уже уперлись в большую глыбу наверху, молча наблюдают за нашим поединком.

Я вылез, помахал руками, дракон тут же плюнул огнем. Я проворно укрылся за камнями. Он выждал, а когда я осторожно высунул голову, тут же плюнул снова.

— Не попадешь, — крикнул я. — Руки кривые. И вся морда кривая!.. Верблюды недоделанный, тебя даже в ишаки не возьмут!

Он взрывал и плевался, я осторожно сменил позицию и выпрыгивал теперь шагах в полусотне от норы. После первых пяти мощных плевков дракон просто злобно дышал огнем, обиженно взрывал. Я вылез и прыгал перед ним совсем близко, угрожал мечом. Дракон время от времени лениво делал выпад, длинная шея позволяла выбрасывать голову далеко, я едва успевал увертываться, падал и откатывался.

Сверху доносился едва слышный скрип, Круган и Барсук пробовали раскатать камни, Круган наконец прокричал с натугой:

— Сможем...

— Еще рано! — крикнул я на всякий случай и бросился плашмя, а над головой с ревом сгорающего воздуха пронесся новый сгусток огня, дракон отыскивал резервы и расходует их очень неэкономно.

Круган снова закричал:

— Остальные... сидят крепко...

— Тогда надо точно первым! — крикнул я.

Дракон явно не хотел сдвигаться, а прыгать перед ним слишком долго — это когда-то да не рассчитать и попасть либо в пасть, либо под огненный плевок. Я начал снова бросать в него камни, однажды попал в больное место, дракон зарычал обиженно и начал выползать из земли.

Я орал, дразнил, отпрыгивал под защиту камней, стараясь держать гада поближе к отвесной стене. Он ускорил движение, уже рассердившись всерьез. Я струсил, вдруг да сумеет догнать, чудовищная пасть уже совсем близко, а ползет этот рептиль с такой скоростью, как мы бегаем...

Сверху раздался сухой треск. Дважды сильно грохнуло,

я вскинул голову, наверху тяжелый обломок, набирая скорость, оттолкнулся от скалы в последний раз и, пролетев по воздуху десяток локтей, обрушился на дракона. Я услышал сочный хруст костей, до чего же приятный звук. Голова рептилии заметалась в агонии, с силой ударилась о стену, затем с жутким хрустом и скрежетом попыталась всадить зубы в камень.

— Слезайте! — крикнул я. — Надо спешить.

Кроган крикнул с беспокойством:

— Погоня?

— Там сокровища, — объяснил я.

Они оба слетели со скалы быстрее кузнечиков, морды сияют, глаза блестят, только Барсук выглядит очень уж пришибленным.

— Ведите, господин! — потребовал Кроган. — Конечно, надо спешить.

Барсук остановился у входа, лицо отчаянное, в глазах затравленное выражение, весь поник, как лопух под дождем.

— Я не могу, — проговорил он.

— Ты чего? — спросил Кроган. — А сокровища?

— Не выношу подземелий, — сказал Барсук. — Ты же знаешь! Все, что угодно, но только не под землю.

— Знаю, — ответил Кроган и повернулся ко мне. — Его когда-то засыпало, двое суток сидел с крысами. Уже начали было есть друг друга. Я все надеюсь, что отойдет, забудет...

Я молча вытащил из седельного мешочка горсть золотых монет. Барсук, повинуясь моему взгляду, протянул руку. Я высыпал ему в подставленную ладонь и сказал тепло:

— Тебя сейчас остановил несчастный случай, а не отсутствие отваги. Помни, ты не струсил!

Кроган жадно посмотрел на золото.

— Ого, барсукам жить на свете неплохо...

Барсук нехорошо улыбнулся.

— Встречу Уховерта и угощу хорошим вином. Пусть позавидует.

Я нырнул в темный проход, Кроган двинулся следом, темнота набросилась и ухватила в пугающие объятия. Я создал шарик света, Кроган настороженно повел на него глазом, но смолчал, сам с мечом в руке, чуть пригнувшись, идет готовый ко всем неожиданностям.

Под ногами сперва похрустывали сухие веточки, занесенные ветром, затем косточки пташек и зверюшек, дракон вряд ли обращал внимания на мелких хищников с их микроскопической добычей, дальше еще кости, черепа, смрад.

Кроган оступился, свирепо выругался. Я сказал жизне-
радно:

— Смотри, какое место чудненькое! Давно такое искал...

— Зачем? — спросил Кроган в недоумении.

— Да где-то осесть пора, — сообщил я. — А то все на ко-
не да по ровной, как стол, степи... А здесь заживу в тепле и
уюте. Представляешь, наверху дождь, а тут не каплет!

— И даже не дует, — сказал он саркастически.

Камень под ногами пошел подозрительно чистый, слов-
но постоянно моют шваброй. Кроган двигался за мной как
можно тише, а я сказал почти с удовольствием:

— Давненько не ходил, даже не хаживал, по всяким-
разным ужасным подземельям.

Он спросил удивленно:

— Соскучились?

— Еще бы, — ответил я. — Сокровища на островах дав-
но все собраны!.. И вообще на поверхности. Уцелели толь-
ко в глубоких пещерах. И чем глубже, тем сокровищнее.

Он сказал торопливо:

— Тогда вглубь?.. Вот там вроде бы щель шире, чем у...

— Несolidно, — объяснил я. — Слишком близко от
входа. Сокровища так не прячут. Ты вообще-то, Кроган,
молодец... Из четверых остался один. Самый отчаянный?
Или самый безрассудный? Или тебе жить надоело?

Шарик света освещал половинку его лица, делая его
резким, четким, словно нарисованное углем. Он смотрел
настороженно вперед, обнаженный меч в руке покачивает-
ся, под гладкой кожей переливаются добротные мышцы.

— Да как вам сказать, — ответил он медленно, я чувствовал, что говорит такое впервые и потому с некоторым трудом подбирает слова. — Я... вожак. Это уже моя третья ватага. Из двух первых одни погибли, кого-то схватили и повесили, кто-то ушел сам...

— Значит, — сказал я с интересом, — ты не так уж и безрассуден, если сумел возглавить уже третью шайку? И все еще цел?

Он запнулся о большую обглоданную кость, быстро посмотрел по сторонам.

— Наверное, — согласился он. — Быть вожаком... это совсем не то, что быть страшным трусом или безумно храбрым. Вожак — это человек, который лучше всех оценивает ситуацию.

Я сказал с усмешкой:

— Похоже, в последний раз ты промахнулся.

Он нахмурился, самолюбие уязвлено, но ответил достаточно спокойно:

— Я рассчитал все верно, мы бы ограбили тот караван. Но совершенно случайно там по своим делам мчался на свежих конях королевский отряд... Мы только-только захватили четырех коней, чтобы их потом бросить, пусть попробуют нас найти, и тут нас окружили. Такое редко, но случается.

Я кивнул и сказал уже серьезно:

— Ты прав, вожак должен думать иначе, чем простой воин.

— Я и думаю...

— Полагаю, ты не ошибся, выбрав эту опасную дорогу. Со мной трудновато, зато обычно добыча...

Глава 15

Из черного сплошного камня, монолитного от пола и до свода, выдвинулась гигантская ладонь. Я отскочил, не договорив, выставил перед собой меч. Ладонь перегородила до-

рогу от стены и до стены, там и осталась, живая и розовая, с линиями жизни, бугорками мудрости и двумя заметными мозолями. Пять пальцев, большой самый коренастый, средний длинный, мизинец короткий... правда. Большой вроде бы не противопоставлен остальным, так что это рука дочеловека.

— В гробу видел эти изыски, — буркнул я расстроенно. — Ишь, эстеты... Простой решетки им мало. Или ворот с большим замком.

Кроган спросил быстро:

— Что делать будем?

— Придумаем, — ответил я бодро, но в груди заныло, насчет придумывания у меня что-то туго. — Думаешь, мне это самому нравится?

Он молча ждал, глядя на меня с надеждой. Я нащупал в кармане камешек, из серого и невзрачного за эти дни в Гандерсгейме снова превратился в абсолютно прозрачный кристалл, который видишь только благодаря множеству граней, где преломляется свет.

— Что будем делать?

— Перепробуем все, — сказал я. — Что-то да сработает...

Он тупо смотрел, как я стиснул в ладони кристалл, пошептал над ним, затем с силой бросил на землю. Еще в падении фамильная ценность сэра Клавдия налилась зловеще-багровым огнем, при ударе о пол взлетел сноп искр, и почти сразу выплеснулась струя красного тумана.

Кроган охнул, когда тот принял облик красного демона, сперва полупрозрачного и с виду безвредного, затем уже плотного, как сам камень.

Я повелительно указал на гигантскую ладонь.

— Убери... это!

Демон послушно метнулся в сторону препятствия. Кроган с обнаженным мечом в обеих руках присел и явно готовился броситься демону на помощь.

— Откуда у вас такое? — спросил он, не оборачиваясь. — Никто даже не слыхивал...

— Из-за границы, — обронил я.

— Что такое граница?

— Из-за Великого Хребта, — объяснил я. — В Сен-Мари уже вовсю торгуют. Говорят, эти штуки там продают по серебряной монетке, а то и по медной — кучка.

— Кучка?

— Или две кучки.

Демон, похожий рядом с огромной ладонью на комара, вцепился в нее всеми четырьмя когтистыми лапами, вонзил зубы, а еще бил и царапал крыльями с ужасными когтями на краях. Ладонь ухватила его в кулак, мы услышали треск и хлюпанье.

Кроган сочувственно вздохнул:

— Погиб...

Ладонь медленно разжалась, в середине огромная кровотокающая и — главное, сквозная дыра. Из раны хлынула алая кровь, бурный поток побежал ручьем нам под ноги.

Кроган в испуге отпрянул, озираясь в поисках места повыше. Я подхватил серый невзрачный камешек, пока не затопило темной вязкой кровью.

— Готов?

— Д-да... конечно.

— Тогда вперед! Можно без песни.

Ладонь бессильно опустилась на пол, огромная, вялая, быстро теряющая форму, как толстый, но лопнувший матрас. Я перепрыгнул с разбегу, Кроган зацепился и с проклятиями растянулся на каменном полу. Я оглянулся в раздражении, но он подхватился резво и, хромая, побежал следом.

— А как демон?

— Вернулся в свой мир, — ответил я.

— Это хорошо, — крикнул он мне в спину.

— Почему?

— Не люблю, — крикнул он, — когда животные за нас погибают. Как-то стыдно.

За спиной загрохотало, я наддал, Кроган тяжело бежал следом. Шарик огня озарил впереди широкий тоннель, я

торопился, но держал нервы на пределе, что неприятные неожиданности оказались не чересчурными.

Дыхание постепенно начало сбиваться в ком, сердце колотится, а ноги освинцовели.

Кроган крикнул за спиной:

— Мы бежим по кругу!

— Чего вдруг? — огрызнулся я, не оглядываясь.

— Здесь уже пробегали! — прокричал он в безнадежном страхе. — Вот тот камень в стене больно приметный...

Я раздраженно отмахнулся.

— Что ты какой-то мелочный? Никто не заметит, если все быстро и в динамике. У тех, кто строил, ресурсы не бесконечные! Где в такой небольшой горе поместить лабиринты?..

Он хлопал глазами.

— Так все-таки... мы здесь были?

— И были, — отрубил я, — и не были!.. Даже, если заметишь что-то странное, молчи, не порти другим удовольствие. Ишь, критик! Надо думать, как выбраться, а не всякие несоответствия выискивать, эстет хренов...

Гора вздрогнула, как соломенный домик трех поросят, за который волк взялся всерьез и не на шутку. На головы посыпалась уже не крошка, а застучали по ним мелкие камешки. Стены начали потрескивать, в литом камне с сухими щелчками возникли и побежали вниз зловещие, как метастазы, черные острые трещины.

Впереди тоннель расширился, мы выбежали в просторный зал. Нужно оглядываться на каждую тень и прислушиваться к каждому шороху, но мое сердце болит от страстного желания понять, что это за странные такие металлические образования в стенах, для чего, почему перед глазами вспыхивают причудливые видения и тут же гаснут безжалостно, что за статуи вдоль стен... если это статуи, а не агрегаты, а что из камня, так он намного удобнее примитивного железа или любых металлов, просто с камнем труднее, но возможностей больше, это могут быть даже...

Кроган вскрикнул:

— Там впереди свет! И что-то сверкает!

— Это то, — сказал я самоуверенно, — что нам нужно.

Я надал, в стене блеснуло металлом. Острая боль ударила в грудь с такой силой, что затрещали кости. Я вскрикнул и тут же захлебнулся кровью, что поднялась по горлу и заполнила рот. Пропоров грудную мышцу, толстая стальная стрела из станового арбалета проломила грудную клетку, где и застряла, раздробив кости.

Кровь хлестала из раны в три ручья. Завывая от боли, не герой, я ухватил обеими руками за мокрый от крови металл, потащил из себя, но то ли пальцы скользят, то ли сидит крепко, то ли трушу и подсознательно разжимаю пальцы.

— Крган, — прохрипел я, — вытащи.

Он посмотрел огромными глазами.

— Вы сразу же умрете, — прошептал он, — даже без великих слов...

— Чего?

— Скажите слова мудрости, — попросил он. — Герои не уходят без великих слов.

— Да пошел ты, — прошептал я и, ухватившись снова, потащил, и стрела на этот раз медленно начала выползать. Я почти терял сознание от дикой режущей боли, но если отпущу, регенерация сумеет ли вытолкнуть застрявшую так глубоко железяку, выл и тащил, а когда показалось окровавленное острие с лохмотьями красного мяса на зубьях, всхлипнул и на миг потерял сознание.

— ...Господин!

Пелена ушла с глаз, Крган смотрит на меня во все глаза, на лице изумление и даже страх.

— Что? — прохрипел я и с трудом оперся о стену.

Он покачал головой.

— Где вы такой мощный амулет прячете... На вас зажило, как на бродячей собаке!

Я скривился.

— Тебе бы больше уважения к лорду... если бы я его заслуживал. Как дурак, полез напрямую... с какого перепугу забыл, что такие места без ловушек не бывают!.. Охамел, слишком легко все удавалось.

Он торопливо кивнул:

— Да-да, опытные пловцы тонут чаще новичков. Только насчет легко это как бы шутка, да?

Я поднялся и пошел, пошатываясь вперед.

— Вот за тем поворотом, — сказал я тревожно и торжественно, — нас ждет главная неприятность...

— Вы уже были здесь? — спросил он.

— Нет.

— Так откуда...

— Чутье, — ответил я коротко. — Тихо!

Впереди загремели тяжелые шаги, Кроган вскрикнул:

— Кто-то идет!.. Один. Тяжелый.

— Один, — пробормотал я, — еще терпимо...

— Очень тяжелый, — предупредил Кроган. — Наверное, кто-то до нас забрел и... заблудился.

— Ага, — сказал я, — уже давно.

— Лет сто, — прошептал Кроган. — Или тыщу.

Из-за поворота тоннеля словно бы взметнулась пыль, хотя там чисто, но ощущение такое, что кто-то идет на встречу.

Кроган вскрикнул:

— Незримник?

— Отходим, — велел я нервно.

Он перебирал на груди амулеты, бормотал что-то, наконец вскрикнул:

— Ни один амулет не находит это существо!

Я в отчаянии оглядывался, сейчас бы отступить по песку или воде, этого гада выдали бы следы, но под ногами сплошной камень, а грузные шаги все ближе. Я отпрыгнул и поспешно перешел на тепловое зрение. Несколько секунд тошноты, головокружения, я успел увидеть неизвестного как раз в момент, когда он занес надо мной какое-то оружие, оставшееся невидимым.

В самом деле огромный, на голову выше меня, настоящий огр, массивный темно-багровый силуэт, где его защищают стальные латы. Узенькие пурпурные полосы становятся иногда шире, иногда смыкаются, это зазоры между

стальными пластинами, и одна-единственная ярко-оранжевая щелочка, возникающая на короткое мгновение между цельным шлемом и панцирем, где, похоже, нет даже одежды.

— Держись позади меня, — сказал я быстро. — Не суйся.

— Нападем с двух сторон? — предложил Кроган отчаянно.

— Не спеши, — ответил я.

Незримый воин занес меч, уверенный, что рассечет меня пополам, я в последний момент отпрыгнул в сторону, быстро метнулся вперед и всадил лезвие в ярко-оранжевую щель. Стальной клинок вошел туго, будто я вбивал не в горло, а в переплетение жил, но на руки плеснуло горячим, а страшный рев потряс пещеру.

— Отходим! — крикнул я.

Незримник сделал за нами три шага. Каменный пол дрогнул от падения тяжелого тела. Кроган отчаянно всматривался в пустоту перед собой.

— Вам его... удалось?

— Как Бог черепахе, — заверил я. — Он и похож на нее.

В пустоте над полом сперва появилось белесое облачко, красиво и рельефно проступили полупрозрачные кости позвоночника, реберной клетки и черепа, очень красиво и зрелищно, затем конечностей, наконец пошли проявляться внутренности.

Последними из незримости вышли одежда и доспехи. Кроган уважительно покачал головой.

— Такая громадина...

— Это и сгубило, — сказал я трезво.

— Как?

— Не прятался бы за незримостью, — объяснил я с объективностью благородного человека, — прибил бы нас, как кроликов. А так был слишком уверен, что не увидим... Пойдем, теперь уже близко.

— Что у вас за чутье такое? — поразился он.

— Чувство ритма, — пояснил я. — И соразмеренности.

— Мне бы так, — сказал он с завистью.

— Все приходит с опытом, — объяснил я.

Часть 2

Глава 1

Он пораженно вскрикнул, за поворотом в самом деле распахнулся целый зал, вырубленный в толще скальной породы. Из стен холодно блещут острыми углами глыбы, пол ровный и блестящий, как молодой лед, в самом центре массивный стол из мореного дуба. Мы увидели сложное переплетение колб, реторт и стеклянных трубок. Кроме стола ближе к правой стене расположился большой закопченный чан, а слева холодно и таинственно блестит зеркало размером в человеческий рост.

Кроган удивленно охнул, зеркало вделано прямо в стену, чистейшее, в сложной изысканной раме из старинного серебра, но настолько неуместное в этой грубой и дикой пещере, что даже я начал в недоумении оглядываться.

— Здесь? — спросил Кроган.

— Мы пришли, — сказал я.

— Так рано? — удивился он. — А я только разогнался.

Не знаю, зачем Иванушка, отыскав иглу в яйце, вез ее через тридевять земель, чтобы сломать в присутствии Кошея. Либо дурак, либо садист, жаждал получить наслаждение при виде корчей умирающего противника. Я же христианин, в отличие от поганого язычника, мучениям врага радоваться не должен, просто не имею право, хотя, конечно, да, язычник в

каждом из нас силен, но выросла и рациональность. Это любители закатывают длинные монологи, подолгу держат меч у горла противника и что-то зачем-то объясняют, а профессионалы убивают сразу... Христианство — это первая профессиональная религия, в отличие от множества любительских язычеств.

Не выпуская обнаженный меч, я приблизился к столу. Тонкостенные колбы образуют целую пирамиду, по кругу их двенадцать, а еще в центре такие же штуки в три ряда. Я прикусил губу, неохотно признаваясь перед собой, что мои чувства не всегда угадывают.

Первый с краю сосуд заполнен прозрачной жидкостью, а в нем медленно пульсирует кроваво-красный комок, совсем не похожий на те сердечки, которые рисуют влюбленные, как приметные цели для Амура. Настоящее человеческое сердце бьется ровно и ритмично, во втором сосуде такое же, в третьем, четвертом, пятом... и только начиная с седьмого я увидел удивительное: крохотное сердце младенца, а дальше еще меньше, еще и еще...

Кроган прошептал в ужасе:

— Это что... все его?

— Похоже, — сказал я с трепетом, — похоже на то.

— Зачем?

— Обезопасил себя на много жизней вперед...

— Это столько жизней? С ума сойти...

— Наверное, — предположил я, — есть еще и зародыши.

— А вдруг это не все его сердца? А кого-то другого?

Я сказал раздраженно:

— Стал гуманистом, да?.. Это все колдовство, а колдовство — плохо. Так что надо побить все.

Но я сам чувствовал, что рука не поднимается ломать и рушить стеклянные цилиндры, где трепетно бьется жизнь. Вдруг хоть одно из сердец принадлежит крупному ученому из этого или другого города, чьими наработками пользуется магистр, а вон то маленькое может принадлежать его дочурке...

— И все-таки надо, — выговорил я с трудом.

С другой стороны стола на стене уже знакомые цельные штыри с удобными рукоятями, что так и просятся в ладони. Я машинально взял один в руку, а не проще ли одним выстрелом...

Страшный треск прервал мои мерехлюндии. Из прохода, которым мы прибыли, начал быстро приближаться треск и шум.

Я выронил Ледяную Иглу, отпрыгнул и крикнул Крогану:
— Берегись!

Из тоннеля в пещеру ворвался, словно его внесло вихрем, магистр Жакериус. В обеих руках светится металлический посох, молнии блещут на верхнем конце, а волосы поднялись дыбом. Вид магистра ужасен, лицо почернело, а глаза мечут молнии.

— Ты и сюда посмел, — прогрохотал он, пещера наполнилась свистом и гулом, — и за это...

— погоди, — крикнул я отчаянно, — договоримся!

— Что-о-о?

— Дураки дерутся, — крикнул я, — умные общаются...

Вместо ответа он выбросил вперед руку с посохом, все произошло так быстро, что я запоздал с рывком. Острая боль обожгла щеку, я взмахнул рукой с мечом и успел парировать второй удар длинного острого, как бритва лезвия, что высунулось из посоха. Магистр наступал с перекошенным лицом и оскаленными зубами, но я не видел в его бешеных глазах того безумия, что заставляет делать смертельные ошибки.

— Кроган, — крикнул я отчаянно, — ты знаешь... что надо...

Кроган не ответил, но я услышал за спиной звон разбиваемого стекла. Магистр зарычал, перевел взгляд на него, я с наслаждением всадил меч ему в грудь. Он лишь злобно искривился и, не успев я отпрыгнуть с выдернутым мечом, рассек бы меня до пояса.

Я снова ударил, воспользовавшись чересчур широким замахом. Лезвие моего клинка рассекло ему плечо. Я рванул

стальную полосу на себя, плоть колдуна сомкнулась за ним быстрее, чем вода за выпрыгнувшей рыбой. Кроган крушит молча, я слышу только тяжелое дыхание и звон стекла. Магистр попытался прорваться к нему, я скрестил меч с его посохом и оттолкнул в сторону тоннеля.

Глаза его стали бешеными, он зарычал, как дикий зверь:

— Герой, да?..

— Еще какой, — ответил я и стиснул челюсти. — Сейчас узнаешь, какой и насколько...

Прогредел тяжелый гул, стены и пол затряслись. Из прохода, по которому мы все прошли, в зал выкатились камни.

— Ты уже мертв, — сказал магистр со злобным торжеством.

— Разве?

— Я завалил обратную дорогу, — сообщил он со злорадством. — Целая гора просела! Ни людям, ни магам сюда не пройти... Это тебе и за моего ручного зверя...

— Дракона?

— И за дракона тоже...

— Как вошли, — отрезал я, — так и выйдем.

Он отпрыгнул, затем еще, вытянул вперед свободную руку. Я сцепил зубы, магия на меня не действует, дурак об этом забыл, а вот...

С пальцев сорвались огненные стрелы. Я запоздало увидел, что пронеслись мимо, а далеко за спиной раздался болезненный вскрик. Я непроизвольно оглянулся. Кроган изогнулся в агонии и взмахнул руками, меч вылетел из его руки. В груди дымятся прожженные дыры, кровь ударила оттуда алыми бурунчиками.

Я скакнул в сторону, еще не повернувшись к магу, острый посох снова зацепил ту же щеку.

Я закричал зло:

— Это тебе не поможет!

— Для тебя все кончено, — процедил он.

Посох в его руках работал, как крылья мельницы под

ударами сильного ветра. Мои удары не проходили, а он начал теснить меня в сторону стола. Вдруг его глаза расширились, а я услышал за спиной звон стекла. Взгляд мага был прикован к тому, что за моей спиной, я отпрыгнул на случай, если это уловка, сам быстро оглянулся и тут же повернулся к магу.

Смертельно раненный, зажимая рукой пробитую грудь, откуда толчками бьет горячая дымящаяся кровь, Кроган одной рукой цеплялся за стол, а другой подобрал меч и ударил по цилиндру. Снова раздался звон, стекла посыпались, плеснула жидкость, а сердце с влажным звуком шлепнулось на пол.

Магистр судорожно дернулся, рука непроизвольно лапнула грудь. Я крикнул:

— Кроган, я его задержу!.. Быстрее бей остальные...

Магистр злобно оскалится, мне очень не понравилось выражение его лица. Я торопливо пощупал рядом стену, не отрывая взгляда от магистра. Он начал поднимать руку, я в одно движение сорвал со стены штырь Ледяной Иглы и выстрелил. В пальцах сразу стало холодно и пусто, а ледяная струя молниеносно пронеслась через пещеру. Магистр превратился в ледяную статую. Я поспешно схватил со стены другую Ледяную Иглу. Холод обжег пальцы, я стиснул челюсти, видя, как по ледяной глыбе, в которой застыло тело магистра, пошла горячая волна, зашипел пар.

Глыба рассыпалась, магистр зашевелился, снова попытался поднять руку, но я торопливо выстрелил и, не глядя, поднял с пола последний штырь.

— Что, — прокричал я зло, — не всегда одиночкой лучше? Получи под зад от лица коллектива!

Даже из глыбы льда он прожигал меня огненным взглядом. Несмотря на нечувствительность, я ощущал его гипнотическую власть, но сцепил зубы и твердил себе, что все дураки, один я умный, никому не подчинюсь, сам всех нагну и приведу в светлое будущее...

За моей спиной гремит железо, с хрустальным звоном

рассыпаются стеклянные цилиндры, а влажные сердца шлепаются на пол, как нажравшиеся комаров и пиявок толстые красные жабы.

Не в силах разбить последние три цилиндра, Кроган навалился на стол всем весом. Заскрипели ножки по каменному полу, тяжело рухнули, стекло разлетелось на мелкие осколки, а сердца ударились о каменный пол.

Лед превратился в пар, магистр шагнул ко мне с нацеленным в мою грудь посохом, лицо перекошено от боли.

— Вы... не сможете...

За моей спиной Кроган крикнул прерывающимся голосом:

— Мой господин, сможете!

Сильно и победно затрещало стекло, посыпалось мелкими брызгами. Магистр остановился, в глазах впервые проступил страх, а тот сменился ужасом.

— Что? — спросил я злобно. — Это было последнее?

Он прошипел нечто нечленораздельное, я с обнаженным клинком стерег каждое его движение. Слышно было, как Кроган ползет по битому стеклу, рычит и, не в силах поднять руку с мечом, давит сердца колдуна локтями. Я скосил глаза в его сторону, успел увидеть, как он навалился всем весом на последний трепещущий красный комок и застыл.

Магистр дрожал всем телом, а я сказал хрипло:

— Ну что? Не сладко чувствовать себя смертным? Как все люди?

Он попытался отбить удар, но руки дрожали, и лезвие моего клинка снова погрузилось в левую сторону его груди. Он вздрогнул, раскрыл рот, но оттуда лишь бурно хлынула кровь. Колени подогнулись, он медленно опустился на пол. Глаза смотрели с ненавистью, но теперь я видел и безмерное изумление.

Рука потянулась ко мне, скрюченные пальцы вздрагивают, медленно застывая.

Я сказал грубо:

— Хочется ухватить за горло? Отхвatalся, гад неблагодарный...

Тяжело дыша, я отступил, едва не теряя сознание от изнеможения, доковылял до Кругана. Ноги подкашиваются, я с трудом наклонился, пальцы коснулись залитого кровью плеча разбойника. Сил не хватило, чтобы перевернуть на спину, но пальцы быстро и остро кольнуло холодом.

Он вздрогнул, но лишь подогнул колени и снова застыл. Я повернулся к колдуну, он упал на бок, попытался подняться, но лишь растянулся навзничь и разбросал в бессилии руки.

— Я же говорил, — сказал я уже без злобы, — умные не дерутся. Не надо было опускаться до героя...

Он смотрел на меня в немом изумлении. Глаза начало застилать пеленой смерти. Кровь все еще течет из рта, но уже слабо. Я наклонился, пальцы ухватились за рифленую рукоять.

— Ты в самом деле... — шепнули его мертвеющие губы, — ты сумел... А я поступил глупо...

Я с усилием дернул на себя, меч вышел нехотя, ликующе багровый, любое оружие обожает проливать кровь.

— Да ладно, — сказал я устало. — Тоже бываю дураком. Да еще каким, вспомнить стыдно.

Я хотел было привычно вытереть о него лезвие, но ощутил в этом жесте что-то неприличное, маг еще жив, хотя кровь из раны хлынула широкой струей.

Он прошептал:

— Возьми вот это... и заведи шкатулку... в ней все...

Я смотрел настороженно, как он с трудом выуживает нечто из складок плаща. Я не двигался, а магистр протянул в мою сторону руку и медленно разжал пальцы. Из ладони выскользнул крохотный зеленый ключ, остро блеснув в глаз острым, как у бритвы кончиком.

Я поднял его с пола с опаской, двумя пальцами, как ядовитого паука. Ключ приятно охлаждал пальцы, похожий на крохотную льдинку.

— И что с ним?

— В моей лаборатории, — донесся затихающий шепот. — Шкатулка... самое ценное... А еще... это к тому арбалету...

— Какому?

— Который... у тебя... в мешке...

Я сказал громко, стараясь разозлиться, но почему-то чувствуя свою вину:

— Туда возвращаться не собираюсь... Далеко!

Он шепнул едва слышно:

— Отсюда есть выход...

— Какой?

— Зер...ка...ло...

Я наклонился, рискуя, что гад притворяется и сейчас схватит за горло, но магистр оставался недвижим. В пяти шагах от него Кроган тоже лежит неподвижно, я уже наполовину отдышался, когда он дернулся, повернулся на другой бок и непонимающе уставился в меня дикими глазами.

— Я где?

— И не мечтай, — сказал я злорадно. — Никаких десяти тысяч гурий! Ты все еще здесь.

— Но... как?

— Мы же колдуны, — сказал я. — И ты тоже.

— Я?

— Ну да, — заверил я. — Еще какой!

Он посмотрел на меня с недоверием, медленно поднялся. Его руки отряхнули одежду, заодно ощупывая грудь, где совсем недавно были страшные раны.

— Ну вообще-то... — пробормотал он настороженно, — о кого потрешься, от того и наберешься... Хотя такое... ну никак не... Воздух здесь такой, что ли...

— Точно, — согласился я. — Ты ж видишь, долгая жизнь... настолько долгая, что почти бессмертие. Здесь все пропитано ею, даже воздух. Так что готовься жить долго.

Он подошел к магистру, опустил на одно колено, пальцы деловито ощупали залитую кровью голову.

— Да, теперь он может хранить секреты.

— Главное, — сказал я, — чтоб не колданул еще разок.

— Не сумеет, — заверил он.

— Тогда, — сказал я, — о мертвом либо хорошо, либо ничего. Он мертв. Хорошо.

— Таких и маги не воскрешают, — сказал он уверенно. — Но... что-то не вижу сокровищ!

Убедившись, что жив и даже здоров, он ликовал сдержанно, как подобает мужчинам, и недолго, мы же люди дела, вскоре помрачнел и начал оглядываться с нарастающим раздражением. Я обходил пещеру, спереть в самом деле нечего, только перевернутый стол да мокрые осколки стекла, а в стенах блестят острые сколы гранита, а вовсе не бриллианты.

Кроган бросил на меня полный укоризны взгляд.

— И где?

— Будут, — пообещал я, хотя какие тут еще сокровища, мы же побили и потоптали самое ценное, весь пол в кровавых ошметках. — Я просто чую... Давай посмотрим, что в том чане. Что-то я совсем не ликую, когда на него смотрю.

Он подбежал первым, весь в готовности бить и рубить, а также проламывать стены, если за ними золото. Я подошел следом, волосы встали дыбом, а по спине пробежали крупные, как черепахи, жуки с острыми крючьями на лапах.

— Это что? — спросил Кроган в недоумении. — Рыбья икра? Но почему красная?

— Бывает и такая, — прошептал я. — Только это не икра...

— А что?

Я зябко передернул плечами. То, что и мне показалось красной икрой, хоть и разного размера, на самом деле крохотные зародыши сердец. В чане их десятки, если не сотни, а то и тысячи...

— Помоги, — велел я.

Он пробормотал:

— А нельзя ли...

— Чего? — спросил я настороженно.

Он повторил:

— Нельзя ли как-то их приспособить...

— Тоже хочешь стать бессмертным?

— Хочу, — ответил он. — Это же так здорово! При нашей-то беспокойной жизни...

Я ответил со вздохом:

— Хорошо бы. Но, увы, нельзя! Не доросли мы еще. Надо сперва взрастить души, иначе такая сволочь получится из-за чувства безнаказанности...

Он помрачнел, подумал, я смотрел с тревогой, затем он мотнул головой, приходя к какому-то решению, первым уперся плечом в стенку чана. Мы крихтели и сопели, рвали жилы, чан наклонился, кишащая масса хлынула широкой струей на пол. Жидкость поспешно уходила в щели между плитами, самые крупные икринки уже заметно пульсируют, дергаются, даже шевелятся.

В сердце шевельнулась жалость, но Кроган прорычал злобно:

— Этот запасливый гад готовился жить вечно! Если не нам, то пусть и никому!

— Бессмертная сволочь хуже тысячи смертных, — согласился я со вздохом. — Зачем ему бессмертие, если занимался такой ерундой?

Он принялся топтать зародыши, я торопливо осматривался, но особенного не увидеть, понятно, пещера служит только тайным хранилищем. Стены да камни, разве что стол чересчур изысканный для такой дикой пещеры...

По спине словно подуло ветром, я торопливо обернулся. Кроме уцелевшего, хоть и перевернутого стола, в пещере еще и это таинственное зеркало, слишком изысканное и совершенно неуместное в таком диком месте.

Кроган закончил растаптывать красную жижу, под ногами тонкий слой кровавого месива, где к тому же хрустит и хлюпает, тяжело подошел ко мне. Лицо из просто мрачного стало уже цвета грозовой тучи, где в недрах прячется град размером с кулак.

— Тот гад сказал, — буркнул он, — что всю обратную дорогу завалил.

— Похоже, — сказал я невесело, — в самом деле так. Грохотало так, будто наверху Война Магов снова. Да и вон какие глыбищи выкатились даже сюда...

— Не выбраться, — пробурчал он. — Сто лет копать...

Я заинтересовался:

— Подумываешь, что Ухорез и Барсук были правы?

Он подумал основательно, даже в затылке почесал, медленно покачал головой.

— Они и раньше часто оказывались правы. По мелочам.

— А как оцениваешь сейчас?

Он вздохнул.

— Играем по-крупному.

— Тогда за мной, — велел я.

— Ставки повышаются?

— Выше не бывает, — заверил я.

— Тогда и добыча выше, — сказал он таким тоном, что я не понял, шутит или всерьез.

Я двинулся в сторону зеркала, Кроган пошел следом устало, опущенный острием вниз меч волочился по каменному полу и высекал искры. Я замедлял шаг, пытаюсь уловить что-то опасное или враждебное со стороны зеркала, а Кроган посмотрел на свое изображение без всякого интереса.

— Я такие штуки уже видел, — буркнул он.

— Точно? — спросил я. — Где?

Он пожал плечами.

— В одной роскошной гостинице для знатных. Один раз даже в богатом доме...

— Но зачем, — спросил я медленно, — в такой пещере зеркало?

— Зеркало, — проворчал он, — эта такая штука, что помогает женщине опаздывать. Зачем мужчине... не знаю.

Я уточнил:

— Для меня зеркало — средство общения с умным, красивым и замечательным человеком.

— А я не люблю зеркал, — заявил он. — Там такие ужасы показывают. Если с утра, так вообще непотребное... Один раз, когда у меня голова совсем трещала, от меня там все трое отвернулись, сволочи!

Я продолжал рассматривать зеркало, уверенность медленно крепнет, но трусливая жилка уговаривает не рисковать, магистр мог и нарочно сказать насчет этого пути, чтобы я поверил и шагнул прямо в ад.

Я прижал трепещущую трусость сапогом к полу и, удерживая ее там, сделал глубокий вдох.

Кроган подобрался, смотрит в боевой готовности.

— Думаю, — сказал я решительно, как только смог, — это место для колдуна было настолько важным, что он постарался сделать эту дорогу королевской, а то даже императорской. Или еще круче!

— Это как?

— А чтобы раз-два и на месте, — объяснил я. — Здесь его сердца, его жизнь! Что может быть важнее? Он не мог позволить себе роскоши добираться сюда медленно и неспешно. Не-ет, на экстренные случаи у него была дорога покороче.

— Тогда почему он явился оттуда? — резонно сказал Кроган и показал на засыпанный глыбами камня вход.

Я подумал, развел руками.

— Может быть, сюда можно только так? Когда-то можно было туды-сюды, но слишком часто пользовался, истощил ресурсы, и теперь как бы не все можно...

Голос мой упал, я уже снова начал сомневаться, Кроган угрюмо пробормотал:

— Как бы и эта дорожка не оказалась перекрыта.

Глава 2

Я все еще колебался, а он подошел и встал рядом. Камзол на груди залит кровью, еще не засохла, он время от времени спохватывался и торопливо ощупывал грудь. Глаза

всякий раз становятся ликующими, а рот расплзается до ушей.

— У нашего Господа нехилое чувство юмора, — сказал он, глядя в зеркало. — Посмотрите, какими он сотворил нас...

Я понял, что если проколеблюсь еще чуть, уже не решусь, стиснул челюсти и шагнул. Зеркальная поверхность протестующе прогнулась, я навалился всем телом... хлопнуло, будто коротко и сильно ударили доской по столу.

На миг я оказался в полной тьме, но в следующее мгновение по инерции выбежал на подгибающихся ногах, скользя, как по льду, по розовому мрамору, уложенному без стыков и отшлифованному до зеркальности. Взгляд зацепился за грубо отесанные стены с выпирающими словно нарочито глыбами, три факела и пурпурный зев все той же распахнутой печи.

Справа по стене знакомо бегут крупные красные знаки. Я не стал дожидаться, когда начнут перегруппировываться так и эдак, уже узнал тайное укрытие магистра, которое он насмешливо называл загородной землянкой.

За спиной топот, сопение, из зеркала выпал Кроган. Разбойник не удержался на скользком, но тут же подхватился уже с мечом в руке и с оскаленными зубами, готовый дорого продать свою жизнь.

— Господи! — вскричал он, увидев меня. — Где мы?

— В самом лучшем месте для жизни, — сказал я авторитетно.

Он быстро зыркнул вправо-влево.

— Что тут хорошего?

— Для исследователя, — со вздохом сказал я.

— А мы... тоже?

— Еще какие, — заверил я. — Ты тоже... этот. Только ничего не трогай, а бери самое важное.

Кроган посмотрел с некоторым недоумением, не сразу врубаясь в такой жизнерадостный юмор, хрюкнул недовольно:

— Сокровища здесь?

— Точно, — заверил я. — Разуй глаза и хватай все, что душа или что у тебя там вместо нее пожелает. Только забрай золото и драгоценности, непонятное не трогай.

— Знаю, — сказал он все еще ошалело, — так один из наших погиб. Совсем безобидная с виду штука ужалила. А другой сгорел от простого уголька со стола... Но как вы догадались?

— Колдун сказал, — признался я.

— Все-таки совесть заговорила, — ответил Кроган. — Тогда выпью и за его здоровье.

— Вон там сундук, — указал я. — В нем золотые монеты. Он оглянулся, вскрикнул в восторженной панике:

— Я такой не подниму!

— Своя ноша не тянет, — напомнил я.

— Пуп порву, — пообещал он твердо, — но вынесу.

Я озираясь, в ладони с такой силой зажат зеленый ключик, что врезался в мясо. Взгляд выхватил на дальней полке ряд ларцов, я подошел, все разнокалиберные, от сундука до крохотной шкатулки, и одна такого же чистого изумрудного цвета, как и этот ключ.

Пальцы мои тряслись, когда я вставил ключ в замочную скважину. Повернулось легко, а на третьем обороте тихонько шелкнуло, крышка дрогнула, освобождаясь от запоров. Сердце колотится, здесь может быть как источник силы или богатства, так и быстрая смерть, от умирающего мага можно ждать всего...

Я прижал крышку, не давая услужливо подняться, повернул ключ трижды в обратную сторону, всякий раз тихонько шелкало, вытащил, после чего ключ сунул в потайной карман, а шкатулку, так и не открывая, упрятал в походную сумку.

Кроган пыхтел и перекладывал золотые монеты в кожаный мешок. Когда места не хватило, он с проклятиями пометался по лаборатории, отыскал просторную сумку и принялся наполнять ее тоже.

Я поинтересовался:

— Зачем тебе столько?

— Деньги, — ответил он поспешно, — это свобода, выкованная из чистого золота.

— Золото разъединяет людей, — предостерегающе сказал я.

— Ага, — согласился он, — зато дерьмо еще как объединяет...

— Верно сказано...

— Дерьма брать не стану, — возразил он. — И не заставляйте!

— Не буду, — пообещал я. — По дерьму мы и так все богаши просто необыкновенные.

— Есть такое золотое правило, — сказал он, натужно пытаясь, — у кого золото, того и правила.

Я обошел лабораторию магистра, пусть душа твоя, неистовый Жакериус Глассберг, упокоится там, где ей место, я не берусь судить, куда ты отправился, я просто мародерничая по неписаному закону, но, в отличие от Крогана, меня мелочи не интересуют, такому орлу, как я, даже сундук с золотыми монетами — нестоящая ерунда, у меня запросы за последний год повыросли...

По большей части «волшебные» вещи — это просто непонятные, но мне сразу видно, что и не заработают: чутье подсказывает, что всего лишь разлетевшиеся обломки чего-то очень сложного. Но пока место в мешке есть, я складывал самые любопытные штуки, в том числе экспроприировал десяток невзрачных камешков, слишком уж бережно бывший владелец уложил их в драгоценный бархат, а половина вообще на золотых и серебряных цепочках, сделанных очень тщательно.

Наконец я завязал мешок и закинул за спину, больше ничего интересного, разве что вон еще один рубин в виде драконьей головы, похож на Камень Рорнега, что фамильная ценность принцессы Элеоноры, только этот на золотой цепочке...

Я сгреб его и сунул в карман, оглядываясь, чего бы еще, я бы вообще-то и поселился здесь, не будь уже майордомом и маркграфом... сердце стиснулось в страхе и предчувствии чего-то ужасного. Всеми фибрами ощутил приближение огромной мощи, перед которой я просто мелкая козявка...

Земля качнулась, донесся грохот. Багровые письма на стены упорхнули, словно испуганные воробьи, а она затряслась, огромные гранитные глыбы мелко-мелко задрожали, даже застучали друг о друга, как зубы ископавшегося в проруби подростка.

Кроган выронил золотой кувшин и, пригнувшись, выставил обеими руками перед собой обнаженный меч.

Стена разом выгнулась в нашу сторону, словно парус под напором внезапного ветра. Кроган отскочил к дальней, позабыв про мешок с золотыми монетами. Глыбы рухнули с тяжелым грохотом, а на полу поспешно и с тихим нежным шорохом рассыпались в мелкие камешки и даже в серый песок.

В проход могли бы войти слоны, но там возникла одинокая фигура человека в цветном халате, лицо в тени, только голый череп разбрасывает яркие блики.

Кроган помахал в воздухе мечом, лицо злое и расстроенное.

— Еще один! — вскрикнул он горестно. — Какой-то лысый...

— Это друг, — сказал я успокаивающе, хотя сердце тревожно заныло, — мы все выполнили, магистр Сьюмас! Изгой наказан...

Сьюмас Макманус медленно вошел в зал, остановился, осматриваясь. Лицо оставалось неподвижным, глаза раздраженно поблескивают, ноздри несколько раз раздулись просто нечеловечески широко, мясистые крылья покраснели от прилива крови.

— Как вы здесь оказались? — спросил он с изумлением. — Я ощутил, что Жакериус почему-то покинул это убежище, и решил...

— Он покинул не только убежище, — сказал я торопливо, — спасибо за ценные указания, великий магистр Сьюмас!

Он повел в мою сторону глазом, явно сам не помнит никаких указаний, как, понятно, и я, но лесть есть лесть, слышать всегда приятно и смягчает обстановку.

— Где он? И где Гизелл?

— Его больше нет, — сказал я. — Вообще. Как и Гизелла. Можно сказать, он тоже даже убит.

Он спросил холодно:

— Как это «даже убит»?

— Практически убит.

— А это что за новое определение?

— Как маг, — объяснил я лстыиво. — Я помог ему пройти процедуру омоложения, однако Гизелл не предусмотрел, что и мозги у него станут такими же молодыми, а это значит, что все знания после тридцати лет исчезнут. Испарятся!. Теперь он не маг, а рядовой десятник клана Черных Беркутов, каких сотни и тысячи...

Он задумался, повел в воздухе ладонями. Перед ним появилось облачко, мы с Кроганом затаили дыхание, маг внимательно всмотрелся в проявляющееся медленно изображение.

— Вот этот здоровяк? — спросил он с недоверием. — Трудно вообразить в таком...

— Это уже не он, — сказал я быстро. — Как маг, он убит. А как воин он то, что надо. Сильный, свирепый, недоверчивый, выносливый. И нам ну совсем неинтересный!

— Молод и красив, — проговорил Сьюмас с непонятной ноткой зависти и сожаления. — Да, неожиданная развязка... Думаю, вы тоже не этого ждали?

— Не ждал, — признался я.

— Но рискнули?

— Иногда надо, — сказал я.

Он некоторое время прослеживал взглядом за уходящей

в туман широкоплечей фигурой. Облачко медленно растаяло, Сьюмас повернулся к нам.

— У тебя, — сказал он сухо, — слово с делом не расходится, как у всех молодых да резвых?

— Стараюсь, — сказал я скромно. — Путь мужчин.

— Все-таки не ожидал такого, — сказал он и уточнил, — от воина. Неожиданное решение, признаюсь.

Последние слова он произнес с вопросительной интонацией. Я сделал вид, что не уловил, воины обязаны быть грубыми и нечувствительными, как кора старого дуба.

Он ждал ответа, я признался с виноватым видом:

— Я рискнул, потому что ставки были высоки...

— Но потом?

— Импровизировал, — ответил я.

Кроган тихохонько, не сводя с нас взгляда и не выпуская меча, подтащил к себе мешок с золотом. Сьюмас лишь покосился в его сторону, внимание не больше, чем пробежавшей вдоль стены чучундре, лицо все еще мрачное.

— Но, в целом, — произнес он недовольно и брюзгливо, — результат в какой-то мере меня устраивает. Думаю, и других магов устроит тоже. Хотя, конечно, ты поторопился... зато не прибежал к моей помощи. Это похвально, не люблю отвлекаться на житейские мелочи. Теперь ту башню можно вернуть законному владельцу...

Кроган быстро посмотрел на меня, я кашлянул и виновато опустил голову.

— Сам бы хотел...

Сьюмас посмотрел остро.

— А что мешает?

Кроган затаил дыхание, а я с виноватым видом развел руками и опустил голову.

— Получилось, — сказал я с великим раскаянием в голосе, — весьма не так, как хотелось. По вашему повелению я ликвидировал Гизелла, но это настолько возмутило магистра Жакериуса, что он...

Сьюмас прервал:

— Возмутило? Разве он сам не хотел вернуть себе башню?

— Хотел, — сказал я, — но Гизелл очень уж задел его самолюбие, и магистр кипел жадой расправиться с ним лично. Меня он рассматривал лишь как помощника, не больше. И когда выяснилось, что я по вашему милостивому повелению убил... в смысле, избавился и других избавил от Гизелла, он рассвирепел и хотел лишить меня жизни, словно я слопал его любимую канарейку.

Сьмас нахмурился.

— Так-так. И что дальше?

— Двое сильнее одного, — ответил я скромно. — Мы защищались и... как-то невзначай лишили жизни самого магистра. Ученые не должны так уж давать волю эмоциям, правда же?

Он кивнул, лицо оставалось хмурым. Крган насторожился, оставил мешок и снова взял меч в обе руки.

— Вы его убили, — не столько спросил, сколько сказал Сьумас утвердительно, в голосе звучало удивление, — а он был очень сильным магом... Видимо, в самом деле потерял голову.

Крган пробурчал вполголоса:

— Голова осталась при нем.

— Мы только защищались, — повторил я.

Сьумас тяжело вздохнул.

— Да, этого я не ожидал. Даже не знаю, на чью сторону я встал бы... Скорее всего, помог бы Жакериусу. Из солидарности. Нельзя магов убивать так безнаказанно... С другой стороны, он не совсем прав. Нельзя позволять чувству мести овладевать собой настолько сильно, что уже и не маг, а совсем.... Такое плохо для любого, а для мага — опасно. Словом...

Я чувствовал приближение недоброго, со Сьумансом точно не справимся, я сказал поспешно:

— Теперь у вас два королевства для кормления! Ваше и... Тиборра. Оно ведь теперь свободно. Берите и владейте!

Он остро посмотрел на меня, по-прежнему игнорируя замершего с обнаженным мечом в руках Крогана.

— Гм... вы очень смывленный молодой человек. Я полагал, будете требовать по праву победителя в кормление себе.

— Нет-нет, — запротестовал я. — У меня ни знаний, ни умений, ни опыта! Для такого орла с мечом в руке и ветром в черепае — слишком сложно. Ко мне на днях в голову умная мысль пришла, так я убедил ее, что пришла не туда. Мне еще много лет скитаться простым воином, чтобы набраться уму-разуму. Потом приду к вам и попрошусь в ученики.

Губы Сьюманса слегка дрогнули, я с облегчением понял, что молот языком именно то, что нужно.

— Неплохо сказано, — проговорил он задумчиво. — Ладно, потом решу, что делать с освободившимся местом. Может быть, этому королевству лучше вообще без мага. Но если кто-то из недостойных будет претендовать, возьму себе... А тебе, юный герой, я обещал помочь с ограми, так?

Кроган старался не шевелиться, меч сжимает снова обеими руками и зыркает то на меня, то на мага. Тот, не обращая на него внимания, продолжал рассматривать меня очень внимательно, словно все еще стараясь понять, что в таком обнаженном до пояса мускулистом здоровяке прячется еще кроме человека с мечом.

— Да, — сказал я и слегка поклонился со всей почтительностью. — Обещали от своих щедрот, несмотря на свою великую ученость и крайнюю занятость. Но я понимаю, что вы человек великой мудрости и всегда в делах...

Он кивнул.

— Правильная речь. Я занят всегда. Но раз обещал...

— Можете не выполнять, — сказал я быстро. — Подумаешь, пообещали какому-то дикарю! Великие люди вольны в прихотах.

Кроган хлопал глазами, такая игра для его простых мозгов слишком усложнена, зато Сьюмас на глазах подобрел и отмахнулся с самым благодушным видом.

— Ладно-ладно, ты хочешь просто поговорить с ограми, или же...

— Или же, — сказал я честно.

— Что-то подобное союзу с вождем кочевников, — уточнил он, — который повел десяток огров с собой в поход?

— Да, — ответил я честно.

Он кивнул, удовлетворенный.

— Я так и думал. Никак не уговорите со своими войнами, набегами... Хорошо, вот тебе раковина.

Кроган вытянул шею, наблюдая, как маг вытащил из складок роскошного халата морскую раковину размером с кулак, красиво заверченную спиралью, блестящую, словно только что из воды.

— Как работает? — спросил я.

— Как все раковины, — ответил Сьюмас.

— Дуть?

— И погромче, — подтвердил он. — К тому месту, где будешь стоять, начнет собираться рыба. И не только рыба... К сожалению, так будет только до осени. Потом мощь раковины иссякнет, она превратится в простую, каких на берегу тысячи. Но, полагаю, такой предприимчивый орел сумеет из нее выжать все, что только возможно.

Я с почтительным поклоном принял раковину.

— Вы дали мне больше, — сказал я как можно искреннее, — чем я ожидал. Потому теперь я снова считаю себя вашим должником!

Он улыбнулся шире, все любят и лесть, и когда признают себя должниками. Кроган шумно перевел дыхание, уже поверив, что обойдемся без драки.

Маг покосился в его сторону с хмурой иронией.

— Это существо все жилы порвет, — сообщил он мне, — если попытается все это тащить на себе. Жадность человеческая пределов не имеет, увы...

— Будет выбрасывать по дороге, — предположил я.

Кроган сказал затравленно:

— Я лучше умру на золоте! Прекрасная смерть.

Сьюмас сказал задумчиво:

— А ведь взял только золото... Так?

Кроган вздрогнул.

— И десяток камней. Правда, все мелкие.

Сьюманс отмахнулся.

— Ладно, сделаю вам обоим последний подарок... Приятно делать то, что самому нетрудно, а другим не по силам... Готовы?

Я повернул голову к Крогану.

— Держи мешок покрепче.

Он прижал его к груди.

— Что, отни...

Блеснул свет, в пятки ударило твердым, Кроган договорил:

— ...мет?... Ого, куда это нас?

Глава 3

В глаза на фоне ночного неба с множеством звезд ударил яркий свет фонаря под вывеской с изображением большого окорока. Под нами утоптанная дорога, справа и слева городские дома, а в двух десятках шагов на перекрестке улиц высится постоянный двор.

— Я это место знаю, — сказал Кроган потрясенно, он судорожно прижимал к груди кожаный мешок с золотыми монетами, и было видно, что оторвать его можно только с его руками и кожей. — Я здесь бывал. Мы в Тиборе!..

— Вовремя, — сказал я. — А то уже светает.

Луна все еще светит ярко, но звезды тускнеют, на востоке треть неба посветлела. Хотя мир еще серый и угрюмый, облака уже готовы первыми принять солнечные лучи и вспыхнуть в сером небе ярко и празднично.

Кроган сказал торопливо:

— В гостиницу?

— Ты иди, — велел я. — Я появлюсь позже.

— Как скажете, господин, — сказал он с превеликой готовностью. — Все будет, как вы прикажете!

— Жди меня там, — сказал я.

— Долго?

— Можешь отлучаться, — разрешил я. — Но хозяину наемки, где тебя можно отыскать, если понадобится.

Он сказал с готовностью:

— Все сделаю!

— Иди, — разрешил я. — Все не пропей... за один день.

Брусчатка улиц блестит от влаги, из домов иногда выходят хозяева с ведрами, полными холодной воды, и с размаха выплескивают на камни. Воздух свежий и чистый, несмотря на зной, горожане беззаботно и безалаберно праздничны, собираются кучками, оттуда доносится смех и шуточки, а по середине улицы идут трое кочевников: налитые звериной мощью, прокаленные солнцем, без капли жира, на их широких и блестящих, как отполированный металл, плечах отражается закатное небо.

Длинные улицы с обеих сторон уставлены столиками, где можно посидеть и пообщаться за чашкой молодого вина, из распахнутых окон доносятся громкие голоса, где веселые, где крикливые. Я шел неспешно и тоже улыбался, так мы все выйдем, завернул на базар, не выбирая особо, купил коня взамен оставленного около урочища Серого Вепря и, ведя его в поводу, неспешно вышел на площадь, на той стороне красиво смотрится металлическая ограда королевского сада, где далеко за зелеными вершинками блестит золотом крыша дворца.

У парадного входа в королевский сад остановились двое обнаженных до пояса кочевников на резвых конях. Стражи с ними о чем-то спорили, голоса становились все злее, но степняки настаивали, горячились, наконец перед ними ворота распахнули, сыны степей с ходу пустили коней в галоп, промчались, вскидывая копытами комья земли, и пропали за цветущими декоративными деревьями.

Я подошел усталой походкой набегавшегося, но довольного жизнью человека.

Стражи на меня уставились хмуро, все еще раздражены и взвинчены, я спросил с сочувствием:

— На конях вроде бы в сад нельзя?

Один прорычал:

— Нельзя! Но с мегрелями спорить — себе дороже.

— Могут цветочки попортить, — согласился я.

— Сегодня же пожалуемся конунгу, — поддержал соратника второй страж. — Пусть сам утихомиривает своих людей.

— Если сумеет, — сказал я кротко и вошел в сад.

Вокруг дворца на немалом пространстве сада и вымощенных цветными плитами площадках для прогулок, как мне почудилось, этих полуголых богатырей стало еще больше. Хотя вряд ли за сутки что-то могло измениться, просто слишком уж сыны степей бросаются в глаза среди сынов города: ходят, угрожающе растопырив руки, будто горы мускулов не дают прилегать к бокам. Правда, часто так и есть, кочевники — ребята крепкие, к тому же конунг отобрал в свои телохранители самых сильных и умелых.

Может быть, мелькнула мысль, в бою не самые умелые, но в мирное время больше ценится внешний вид. Так вот конунг отобрал самых высоких, крепких и свирепых с виду, что бесцельно слоняются всюду, так это выглядит, но на самом деле, как я наконец заподозрил, никогда не оставляют ключевые места обороны. То ли готовы захватить в любой момент, то ли приучают всех к своему виду, чтобы в назначенный час никто не спохватился.

По параллельной дороге двигалась веселая группа богато одетых придворных, шуточки и смех, задорные возгласы, одна женщина завидела меня, помахала рукой.

— Рич, погодите!

— Жду, — ответил я покорно.

Она быстро пробежала между деревьями на мою дорожку. Молодая и задорная, с весело блещущими глазами, все

еще во власти флирта, оглядела меня оценивающим взглядом, заулыбалась еще шире зовущим ртом.

— А ты хорош, десятник Рич...

Я слегка поклонился с широчайшей улыбкой на довольнейшей морде мужественного героя.

— Ага, это я!.. Хорош и вообще... Если получше меня узнаете, я не только хорош, но даже весьма и даже зело во всех отношениях прехорош...

Она довольно заулыбалась.

— Я именно так и думаю! Во всех отношениях, ха-ха!.. Но это я, леди Юдженильда, так думаю.

Я снова поклонился.

— Счастлив стать знакомцем, леди Юдженильда.

Она сказала весело и задорно:

— А вот принцесса полагает, что ты грубый и неотесанный.

— И вы ее не разубедили? — сказал я, стараясь выглядеть смертельно огорченным.

Она сказала томно:

— Я думаю, пообщавшись с тобой еще... я смогу, да, смогу... А сейчас она очень настойчиво потребовала, чтобы я, как только увижу тебя, немедленно послала тебя к ней.

Я поморщился.

— Вообще-то я не у нее на службе...

Юдженильда сказала довольно:

— Вот именно! Потому вы, кочевники, мне и нравитесь. Никому не кланяетесь. Но все-таки сходи к ней. Считай, что подчиняешься не чужой принцессе, а просто женщине.

Я сделал еще более кислую физиономию.

— Ладно...

Она хихикнула:

— Иди-иди. Она пока еще не кусается... вроде бы. А если и укусит, я тебя утешу. Потом. При случае.

— Ловлю на слове, — пригрозил я.

Она хихикнула, я отвесил короткий поклон и пошел твердой уверенной походкой в сторону дворца.

По обеим сторонам распахнутой настежь двери часовые в роскошных одеждах, широкий навес позволяет находиться в тени. В руках красивые копыя с позолоченными древками, на поясах церемониальные мечи, широкие и неудобные.

— Привет, ребята, — сказал я покровительственно.

Мне не ответили, да я и не ждал, в холле прохлады, но светло и празднично, как и в самом городе, это в наших северных королевствах в замках всегда полумрак, окна узкие, да и небо почти всегда хмурое, свечи приходится жечь даже днем.

Придворные сразу поворачивали головы, но никто в упор не рассматривает: варвары такие взгляды воспринимают, как вызов, а с кочевниками лучше не связываться.

Принцесса, гордая и надменная, отыскалась во внутренних покоях, где кормит с руки птичек в просторной клетке. Я издали залюбовался ее дикой красотой, что больше пугает, чем умиляет, в каждом движении сквозит сила и решительность, лицо волевое, умное, нижняя челюсть слегка упрямо выдвинута вперед, других женщин это испортило бы, но здесь только подчеркивается необузданная красота.

Я остановился в трех шагах и отвесил короткий исполненный достоинства поклон.

— Ваше Высочество...

Она кивнула достаточно приветливо, хотя и высокомерно, продолжая со всем вниманием смотреть, как птички клюют из ее розовой ладони мелкие зернышки.

— Десятник Рич...

— Вы изволили поинтересоваться мной, Ваше Высочество, — напомнил я. — Весьма любопытно, что за рыба издохла в лесу.

— Рыба?

— Идиома, — объяснил я. — Да не идиома сдохла... но это не важно. У вас ко мне вопросы или же вы просто восхотели мною полюбоваться во всем моем великолепии?

Она наморщила нос, в глазах промелькнуло неудоволь-

ствие и предостережение, шутить можно только с разрешения ее светлости, а весьма вольный тон ее раздражает.

— Не то, — произнесла она рассеянно и в неподражаемом королевском величии, — чтобы совсем уж вопросы...

Я отступил на шаг и сказал тверже:

— Ваше Высочество, я вижу, вы весьма и зело заняты. Не буду вам докучать своим присутствием.

Я был уже возле двери, как меня догнал ее негодующий возглас:

— Десятник Рич!

Не поворачиваясь, хотя это вообще-то хамство, но я сам везде видел, как в таких случаях почему-то не поворачиваются, уж и не знаю, ерунда какая-то, спросил надлежащим голосом:

— Да, Ваше Высочество?

— Да повернитесь же, — потребовала она раздраженно. — Не с вашей же спиной разговаривать!

Но разговаривают же, мелькнула мысль, хотя и выглядит глупо. Какой-то совсем другой мир, условный, но я-то в реальном, и я медленно повернулся. Принцесса, забыв про птичек, смотрит на меня с гневом и в то же время как-то беспомощно.

— Да, — повторил я, — Ваше Высочество?

Она сказала требовательно:

— Подойдите. Не кричать же через весь зал.

Тоже верно, хотя я видел, как кричат, но приблизился, она величественно повела в мою сторону темными загадочными очами.

— Слуги говорят, вы снова не ночевали.

— Да все по бабам, — ответил я со вздохом. — Из-за них все проблемы.

Она внимательно посмотрела мне в лицо.

— А вот и не врете, — произнесла она строго. — Все мои женщины говорят, что вас и близко возле них не было.

— Они тоже шляют по кабакам? — поинтересовался я.

Она покачала головой.

— И там вас не было. Я послала проверить... беспокоилась, чтобы гонцу из дальнего племени утеснений и обид никто не чинил. Вас просто не было в городе!.. Да и ваш конь загадочным образом исчез из конюшни...

Я поинтересовался мирно:

— Конь? А при чем тут конь?

— Но как-то же надо передвигаться сыну степей?

Я сказал многозначительно:

— Принцесса... в мои таланты входит не только умение ладить с женщинами.

Она прищурилась, быстро посмотрела по сторонам.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, — ответил я невинно, — что сказал. Я еще тот орел! И даже деревья клюю. Временами, но часто.

— Где вы были на этот раз, загадочный вы человек?

Я ответил, глядя честнейшими глазами:

— Где еще быть сыну степи? Вышел за город, чтобы подышать свежим воздухом. И до утра сидел, смотрел на звезды. Мы, степняки, такие романтики, такие романтики... Сами себе удивляемся. А вы так забеспокоились, что мне будут утеснения?

Она чуть-чуть пожала плечами.

— Вы слишком быстро заводите врагов. И не самых мелких.

— Я сам не мелочь, — заметил я скромно.

Она покачала головой, на лице в самом деле отразилась тревога.

— Я не о том... Мне кажется, вы сильно раздражаете конунга Бадию. Он терпит, слишком могущественен чтобы обращать внимание на мелочи, но его люди смотрят на вас очень зло... И вообще, я видела вас в моих снах... вам грозят неприятности.

— Сны брешут, — сказал я твердо.

— Но бывают же вещие? — возразила она.

Я пожал плечами.

— Господь иногда может послать нечто... предупреж-

дающее, но дьявол настолько все исказит, перевернет и перепутает, что такие сны лучше вообще не рассматривать. Даже, если посланы самим Богом. Проснулся и — забыл.

— Существуют мудрецы, — напомнила она, — занимаются только снами!.. Ох, что ты делаешь...

Птичка испуганно отпорхнула на другую сторону клетки, а принцесса потеряла клюнутый палец.

— Дикая все еще, — сообщила она, как бы извиняясь за невоспитанную птичку, тоже, наверное, дочь степей. — Но привыкнет...

— Привыкнет, — согласился я. — Ярл Элькреф уже клюет из вашей руки. Но сонники, составленные вашими мудрецами, воспринимают всерьез только тупые бабы из простонародья.

Она улыбулась, глаза хитро прищурились.

— Вы отказываетесь узнавать о содержании снов... в которых были вы?

Я заколебался, кто из нас не хочет слушать о себе любимом, но вскинул голову и ответил, надменно выпятив подбородок:

— Разумеется. Я мужчина, а не эта самая...

— Кто?

— Баба.

— Женщина?

— Баба, — повторил я. — Баба от женщины, как плотник от столяра... Баб много, женщины — редкость. Многие из мужчин даже не знают, что женщины в самом деле существуют...

Она произнесла с иронией:

— Что, так и не встречали?

Я помолчал, чувствуя, как из самых глубин, накрытых плотной тяжелой крышкой, пытаются пробиться наверх горькие воспоминания.

— Встречал.

Она помолчала, наблюдая за мной, лицо медленно

смягчилось, стало почти женским, а голос впервые прозвучал без командной нотки:

— Я коснулась вашей старой раны... простите.

Я чувствовал, как из меня рвется тяжелый вздох, пытался подавить его или как-то замаскировать, мы не любим, когда зрят наши слабости, но принцесса все равно ощутила, глаза странно мерцают, на лице проступило глубокое сочувствие, и она стала удивительно красивой без всякой валькириестости.

— Ничего, — ответил я сдавленным голосом.

— Все еще кровоточит? — спросила она тихо.

— Жизнь продолжается, — ответил я. — Жизнь продолжается, ваша светлость! Все проходит, как сказали однажды мудрому Соломону еще более мудрые. И он велел эти слова вырезать на своем кольце, как единственные в мире слова, что и радуют, и печалят одновременно.

Она сказала с сочувствием:

— Вы молоды, Рич. Надеюсь, еще встретите ту, что будет достойна вас. Например, при нашем дворе множество замечательных женщин...

Я поморщился, покачал головой.

— Здесь, как я вижу, только два типа женщин: одни не могут рассказать анекдот, другие не могут его понять.

Она посмотрела на меня несколько удивленно.

— В самом деле? И к какому типу вы относите меня?

Я в великом удивлении развел руками.

— Ваша светлость, вы при чем?.. Я говорю о женщинах!.. Вы же это самое... как бы поточнее... принцесса, во! Вы символ, олицетворение, вы вне всяких типов и правил. Это значит, что сами вольны выбирать, к какому из этих типов принадлежите.

Она чуть откинулась на спинку кресла, презрение во взгляде начинает выливаться наружу, предсказывая зарождающееся цунами.

— А не приходит в голову, что бывает и третий тип?

— Конечно, приходит, — ответил я с восторгом, — мы,

мужчины, романтики, всю жизнь в поисках чудес. А чтоб себя утешить в бесплодных поисках, придумали красивую отмазку, что счастье не в самом счастье, а в долгой и трудной к нему дороге. В отличие от женщин, мы действительно любим все красивое! И потому себе брешем чаще и больше, чем вам.

Она смотрела несколько напряженно, стараясь поспеть за поворотами моей изощренной мысли. Я подумал, что к чему-то умному меня нужно подгонять пиками в задницу, а вот так бездумно поиграть словами перед самочкой, пораспускать павлиний хвост и походить гоголем, выпячивая грудь и вздувая мускулы — за это и сам готов доплатить.

Лицо ее наконец стало кислым, словно трое суток постоявшее на солнце молоко.

— Мне кажется, вы все врете!

Я ответил с достоинством:

— Зачем мне врать? Чтобы стать героем, нужно меньше усилий, чем им казаться. — А про себя добавил, что ложь не считается ложью при ответе на вопрос, который спрашивающий не должен был задавать. Тем более, когда разговариваешь с женщиной. Уж им можно врать, что угодно и сколько угодно, это не считается враньем. Перед ними даже клятвы ни один суд не рассматривает как серьезные...

И вообще, есть ложь, на которой мы, как на светлых крыльях, поднимаемся к облакам и даже звездам, а есть истина, холодная, горькая и тяжелая, которая приковывает к обыденности свинцовыми цепями.

Она смотрела уже злая, как кобра, в глазах недоверие и вроде бы даже вполне понятная жажда стукнуть меня по голове.

— А чтобы вот так грубить, — спросила она, — вам нужно стараться или само получается?

Я ответил гордо:

— Я, знаете ли, герой без фразы.

Она вскинула брови, злость осталась во взгляде, но сразу насторожилась.

— А что это?

— Герой без фразы, — сказал я, — или, как его еще называли, небритый герой, был в моде в эпоху моих дедов, когда царило засилье красивых и лживых фраз и пушисто-слащавых лозунгов. Тогда и появились эти: слова их порою грубы, но лучшие в мире книги они в рюкзаках хранят... В смысле, на лицо ужасные, добрые внутри. Потом эти ужасно-добрые победили, к своему удивлению, их дети рождались уже небритыми, но внуки снова вкусили в городах гнилую прелесть красивых слов и фальшивых комплиментов. Я тоже, увы... Но, попадая в города, где этой фальши море, мы все-таки почти без натуги вспоминаем про свою гордую исконно-посконную самобытность и даем отпор ложной политкорректности!

Она хлопала глазами, стараясь понять сложное переплетение фраз, где я и сам не все понимаю, но в нашем мире важнее не смысл, а напор, убежденность, яростный блеск в глазах и эффектная жестикуляция, по обучению которой кое-где выходят даже книги.

По-моему, она тоже действует на меня совсем не смыслом, если я ловлю себя на том, что таращу глаза на ее высокую грудь, а голос до меня доходит только трелями, как слушаем птиц, не пытаясь услышать в них слова.

— Вы такая красивая, — сказал я твердо, — что вас даже обругать не получится.

Глава 4

Она хлопнула глазами, я ощутил ветер от длинных и густых ресниц, на которые можно что-нить положить. Обычно об объеме ресниц заботятся те, у кого недостает объема груди, но у Элеоноры даже при желании ни к тому, ни к другому не придаться.

— Это оскорбление, — спросила она озадаченно, — или такой замысловатый комплимент?

— Обижаете, — сказал я с достоинством, — как гордый

сын степи или даже степей унижится до пошлого комплимента?

— А что это было?

— Красота обманчива, — пояснил я терпеливо, — но полезна, если вы бедны или не очень умны. Но у вас есть первое и, как мне местами кажется, даже второе. Так зачем вам быть такой ослепительно красивой?

Она всматривалась с недоумением, глаза трагически расширились.

— Вы уже трижды назвали меня красивой, — произнесла она с самым озадаченным видом, — но это прозвучало больше как оскорбление. Или обвинение...

— Совершенная красота, — ответил я, — почти всегда отмечена холодностью или глупостью. Но у вас глаза, хоть и красивые, но все-таки умные. С виду, конечно. Очень необычное сочетание для женщины!

Она сказала холодно:

— Вот уж не думала, что гордый сын пустого пространства...

— Не пустого, — прервал я гордо, — у нас там овцы, ослы, мулы, кони и даже верблюды!.. А песка сколько...

— Да-да, донельзя гордый сын песка замечает какую-то там красоту...

Я возразил:

— Красота действует даже на тех, кто ее не замечает.

Она нахмурилась.

— Странные речи. Кстати, признанными красавицами у нас считаются Юдженьильда, Деция, Жирондина, Аполления...

— Ну-ну, — сказал я саркастически, — бабушке своей скажите!.. Эти удобные и мягкие игрушки, эти хихикающие дуры — самое то для мужчин всех возрастов, положения и ума. За них в самом деле будет соревнование... А на вас все смотрят, как на богиню. Вы слишком красивая и слишком умная. Умные женщины умеют прикидываться дурами, но вы — увы! — принцесса, вам противно подстраиваться под любой идеал. И вот на вас смотрят с суеверным почтением,

вами любуются и по вам вздыхают, но никому даже в голову не придет ухватить вас за сиськи...

Она вздрогнула, отстранилась и вознадменнилась, сразу стала выше ростом. В широко расставленных глазах, темных, как звездная ночь, заблестал грозный огонь.

— Что-о?

— Ну, — пояснил я, — как хватают ваших Юдженильду, Децию, Жирондину, Аполлению...

— Моих фрейлин не хватают! — надменно произнесла она и вскинула голову.

— Да ладно, — сказал я, — это при вас не хватают... А как только отвернетесь? А они хихикают и вроде бы стесняются, но поворачиваются так, чтобы хватать было сподручнее. А вы чисты и непорочны до святости. Потому вы тоже дочь степей... где-то глубоко внутри.

Она нахмурилась сильнее, лицо стало презрительным.

— Спасибо за лестное сравнение! Уходите, видеть вас не хочу.

Я приложил кончики пальцев ко лбу, к сердцу, поклонился, сделал рукой в воздухе изящный полукруг, словно смахиваю пыль с сапог, соединив в одном замысловатом жесте элементы приветствия и прощания сразу трех или больше эпох и религий.

— С великим сожалением откланиваюсь... Да, кстати...

Я хлопнул себя по лбу, а принцесса обернулась чересчур быстро, словно ждала моих попыток как-то остановить расставание, продолжить общение. Я скривился, опять не так поймут, торопливо потянул из кармана золотую цепочку старинной работы.

— Это не брат вашему? Или сестра? Кто их, рептилий, разберет...

На свет появился крупный рубин в форме драконьей головы, блеснул ярко и неожиданно чистейшим пурпурным огнем дальних звезд и новых галактик.

Элеонора ахнула.

— Что это?

— Полагаю, — сказал я скромно, — подлинник.

— Что-что?

— У вас копия, — сказал я участливо. — Как я полагаю... не без оснований. У вас в качестве фамильной ценности из века в век передавалась копия. Подделка, проще говоря, если говорить для доступности. Даже в древние времена подделывали, бесстыдники! Вот так и считай наших предков святыми и беспорочными.

Все еще не веря своим глазам, она нерешительно протянула руку. Я небрежненько опустил на ее ладонь рубинью голову вместе с золотой цепочкой.

— Откуда... — прошептала она потрясенно, — это у вас?

— У мага взял, — сообщил я.

— У мага? Вы у мага взяли ту, на серебряной цепочке...

Я отмахнулся.

— Да у вас магов, хоть... гм... Это у другого взял. Который постарше. И поважнее, скажем так. Ему все равно не понадобится.

— Это как? — спросила она.

— Ему уже ничего не понадобится, — пояснил я.

— Почему?

— Отрекся от мирских благ, — сказал я туманно, но высокопарно. — Хоть и не по своей воле, но все же совершил благородный поступок. Умный был человек, как всем казалось, но зачем-то решил доказать некую истину кулаками и вообще грубой силой... Как не стыдно? Да еще кому, мне! Простому, как этот мир, воину.

Она чуть вздрогнула и зябко повела плечами.

— Начинаю догадываться...

— Я же простой человек, — сказал я скромно. — Теперь нет в вашем королевстве верховного мага. Безмагье. Там у него в кладовке много таких камешков... было. Я их раздал бедным. От щедрот. Я щедрый, когда отдаю не свое.

На ее бледных аристократических щеках проступил румянец. Я не знал, выругается или даст по морде, однако она взглянула как-то непривычно для нее беспомощно.

— Если вам такое удалось, — произнесла она тихо, — то я даже не знаю. Такого у нас не случалось. Кто вы?

Она все еще держала на ладони рубин, но смотрела мне в лицо. В ее темных прекрасных глазах владычицы и повелительницы выражение изумления и даже испуга медленно уступало чему-то новому.

Я торопливо поклонился и отбыл с такой величавой поспешностью, что почти бежал. Мне кажется, она провожала меня сердитым взглядом. Возможно, я должен был как-то попытаться остаться, старая, как мир игра, но я же варвар, что значит — дурак в таких сложностях, потому поскорее прочь — красивый и с гордо выпрямленной спиной: кочевники — все аристократы, принцы и короли степей.

Пуганая ворона куста боится, и хотя магистр заверил в свое время, что Ледяные Иглы — великая редкость и ценность, только у королей и магов, да и то мало, все берегут на самый крайний случай, но я все равно поднялся выше облаков и летел над этим белым заснеженным полем, представляя, что внизу зима.

Даже если не увижу внизу проруби, все равно мимо Великого Хребта не пролечу. Солнце светит ярко, обжигает лучами бок и щеку, даже самый неумелый горожанин в таких условиях не собьется с направления.

Далеко впереди показалось быстро приближающееся темное пятнышко. Пуганая ворона всего боится, я сразу же всмотрелся со всей тщательностью, сердце ушло в хвост и в пятки: навстречу неспешно летит чудовищный змей, похожий на гигантского ската из жидкой стали.

Я трусливо снизился, хотя крылатый монстр и так идет намного выше меня. Не только воздух, пространство прогибается под этим чудовищем. Я смотрел устрешенно, такому я на один зуб, непонятно, что это за зверь, зачем... хотя одна догадка есть, есть.

Возможно, их создали для единственной цели: охранять континент от нападения сверху? И реагируют они только на

что-то особое, пусть даже не на одну цель, а на пять или десять. Сейчас они исчезли, а этот вечный страж продолжает патрулирование, питаясь энергией солнца...

Может, мелькнула мысль, не солнца, а гравитации или чего-то покруче. Что это я к своему уровню подлаживаю. Правда, а разве можно иначе?

Монстр прошел высоко надо мной, не обращая внимания на такого комара, я перевел дыхание, но сердце еще долго колотилось, как овечий хвост.

Внизу в снежной равнине появились как бы проталины, то зеленые, то желтые, однажды мелькнуло серо-голубое. Заинтересованный, я снизился, так и есть, леса и пустыни остались слева, я иду над глубоко врезавшейся в берег бухтой.

Вода серо-голубая, дальше к открытому морю тянется уже с зеленоватым оттенком. У самой кромки можно рассмотреть большие лодки рыбаков. Все, в основном, вдоль берега, не выпуская его из вида. Не только рыбаки, но и все мореплаватели — такова эпоха.

Весь мир знает четко, что земля плоская, а там за краем земли живут ужасные драконы, а еще дальше — мрачный обрыв в бездну, на самом дне которой то ли три кита, то ли слоны на черепахе...

Подплывать слишком близко к краю считалось кощунством и преступлением. Команды грозились вешать капитанов, которые рискуют слишком приближаться к краю земли. В данном случае, к краю воды.

Здесь все еще верят, что Юг совсем рядом, но скрыт колдовским туманом, а так до него можно бы доплыть за половину суток.

Лишь на самом Юге, где мудрецы ушли в поисках истины чуть дальше, и потому корабли там строят настоящие океанские, знают, что все мы живем... по крайней мере, на выпуклой земле. В шарообразную и разум отказывается верить, и чувства не могут такую дикость представить, но выпуклая... да, это подходит. Это еще недостаточно дико, чтобы отвергать с ходу.

И вот это крохотное допущение, что земля не плоская, а выпуклая, сразу невообразимо расширяет и горизонты, и человеческие возможности. В том числе и необходимость строить большие корабли, на которых можно жить долгое время, чтобы доплыть и заглянуть за кажущийся край земли.

А также это крохотное допущение говорит о том, что раз край земли лишь кажущийся, то дальше могут быть острова и другие земли, где нас ждут неслыханные богатства, сокровища, волшебные вещи, дивные народы, магические животные и райские птицы...

Я старательно вживался в это мировоззрение, чтобы не слишком выглядеть дураком или сумасшедшим, а Великий Хребет с каждым часом полета приближается грозно и неумолимо, словно всемирное оледенение. Я всмотрелся в уходящие в стратосферу вершины, скорректировал по ним курс. Макманус говорил, что огры живут в точке пересечения Хребта с океаном.

Уже отсюда вижу, как неспешно и царственно поражающая воображение громада Великого Хребта опускается в океан, а там еще долго идет по морскому дну, гордо показывая миру острые вершины, грозные пики и недоступный даже птицам скалистый гребень. И лишь когда скрывается из виду, постепенно уходя на далекое дно, еще долго видно сквозь толщу воды эту каменную стену, словно бы высеченную из единого куска сверхпрочного гранита.

Жилища огров, как я понимаю, в той части, что возвышается над водой. Сами огры, по словам Макмануса, промышляют рыбной ловлей и охотой на морских чудищ, а вовсе не поеданием людей, как им приписывают.

Воздух теплый и влажный, ноздри поймали едва уловимый аромат морской соли. Я высунул язык, пробуя, в самом ли деле все такое соленое, крылья с удовольствием опираются о плотный воздух, над океаном и вблизи его он держит лучше, чем сухой и накаленный над знойными барханами.

Я приближался к возвышающейся над водой скальной

полосе, похожей на волнорез, медленно и неспешно, рассматривая место, где опуститься.

Хребет, опустившись основанием в воду, еще несколько миль рассекает море, как исполинская касатка. Каменная стена уходит на дно во всем блеске то ли игры природы, то ли обработанная неведомыми дизайнерами, с этой стороны всегда тихо, волны мелкие, почти и не волны вовсе, а так, мелочь, как на озере.

Кое-где под косыми лучами солнца отчетливо видны уступы, но слишком огромные, чтобы можно было перебираться с одного на другой. А еще блестящие, как стекло, клинья не вбить, крюками не зацепиться, с нижнего уступа до верхнего не дотянуться, даже, если встать друг другу на плечи.

По-моему, и самим ограм пусть спуститься нетрудно, но подняться непросто. Веревочные лестницы сбрасывают или еще как, но попадут прямо в воду, где ограм, думаю, до пояса, в крайнем случае — по грудь, в то же время людям пришлось бы причаливать на лодке, но как к стене из стекла? К тому же волна тут же разобьет в щепки.

Справа от каменной стены полузатонувшего Хребта трое огров на огромном, как корабль, баркасе в сотне-другой ярдов забрасывают в море сети. Солнце играет на их мокрых телах, все трое как живые скалы, огромные и крепкие, а их сетью можно покрыть целый залив.

Я пошел побыстрее вниз, пока они заняты. Когти царапнули по необыкновенно прочному камню, что за порода, как будто в глубинах под чудовишным давлением спрессовалась во что-то гораздо более плотное, чем гранит, распластался, стараясь не привлекать внимание и побыстрее перетек в человека.

Сердце колотится, как бешеное, в черепе отчаянная мысль: что я тут делаю, среди чудовиш и мокрой рыбы, но задние конечности уже подняли в вертикальное положение, мышцы гордо выпрямили спину.

— Хоть тут не играй, — пробормотал я злобно. — Нерон поганый...

Пальцы поспешно выудили из сумки раковину. Сердце уже не колотится о ребра, а пытается их выломать и убежать, ничего не получится, ты и дуть не умеешь, не Эол, да же не сэр Растер...

Я приложил ее ко рту, дунул, но в самом деле даже не пискнуло. Сердце стучит уже так, будто взбежал на эту вершину, а не опустился сверху, а руки дрожат, словно всю ночь курей крал именно у этих огров.

Рыбаки остановили лодку, один показывал в мою сторону, двое после паузы дружно взмахнули веслами. Баркас повернул в мою сторону, рулевой покрикивал, поправляя курс.

— Давай, — сказал я себе нервно. — Давай, гуди... Иначе только удирать...

Я прикинул с тревогой, что огры могут добраться сюда раньше, чем я снова превращусь в дракона, придется в мелкого и жалкого птеродактиля.

Пальцы трясутся, я снова поднес раковину к губам, набрал в грудь побольше воздуха и дунул изо всех сил.

Глава 5

Долгий силпый рев, похожий на тоскливый собачий вой, разнесся над утесом, пролетел над водой и утонул там без всякого плеска. Я поспешно поднес раковину к губам снова, дунул изо всех сил. В глазах потемнело, чувствовал, как на висках вздуваются жилы, будто в последний раз дую над сломанной Дюрандалью.

Волны вблизи утеса странным образом измельчились, потеряли форму, что тревожно и даже пугающе, но я с большей тревогой всматривался в приближающихся на лодке огров. Передний взял в руку гарпун, размером с корабельную мачту, глаза его злобно всматриваются в меня, как в

добычу, а мышцы на громадных плечах взбугрились в готовности к броску.

Я видел, как он начал отводить руку. Один из гребцов что-то крикнул, в голосе прозвучало предупреждение. Гарпунер медленно опустил взгляд, ему орал уже оба гребца, он чуть повернулся, всмотрелся в воду и с силой метнул чудовищную острогу в пенистый край волны.

Там взметнулся огромный фонтан, словно ударил подводный гейзер. Мелькнуло блестящее тело, исчезло. Бешено взбурлила, как в кипящем котле, вода. Гарпунер слетел с носа лодки, словно перышко. Гребцы бросили весла и тоже ухватили устрашающего вида крючковатые копыя. Водяной зверь взметнул гору брызг, в него били острыми гарпунами, он в ответ хватал и хлестал щупальцами, толстыми, как анаконды. На миг показалось массивное тело, похожее на бок кашалота, вокруг бешено взметывались толстые канаты, объемные, как стволы деревьев.

Страшный удар подбросил лодку в воздух. Оба огра вылетели, как перышки. Оружие, к счастью, не выпустили, я видел смутно, как и под водой всаживают снова и снова длинные острия в зверя. Волны стали красными на пару ярдов в стороны, я уже ничего не видел, кроме бешеного мельтешения и всплесков красной воды.

Из пещер начали показываться лохматые головы. Самый сообразительный захватил длинную острогу и поспешил на помощь, но те уже сами начали трудно и долго выволакивать втроем слабо отбивающегося зверя, что-то среднее между громадным тунцом и глубоководным кальмаром.

Один, мокрый с головы до ног, оглянулся в мою сторону и махнул рукой. Я решил истолковать, как жест приветствия, ответил таким же взмахом. Огр некоторое время помогал вытаскивать зверя на сушу, а это трудная задача, в воде все легче, но к нему подошли еще несколько огров, и первый охотник, оставив добычу, повернулся ко мне.

Я напряженно улыбался, готовый в любую секунду броситься бежать, но пока с места не сходил.

Огр распахнул чудовищную пасть, блеснули два ряда та-ких огромных зубов, что любой конь позавидует.

— Ты, — проревел он, — др-руг...

— Ага, — сказал я торопливо. — Я приманил вам рыбу!.. Много рыбы! Всякой. Большой и жирной.

Он кивнул, меня рассматривал с недоверчивым удивлением.

— Да, много рыбы, — сказал он. — Даже головастик приплыл... Это хор-рошо. Это вкусно.

— Рад, — сказал я, — что вам понравилось. Я так старался, так старался! Чуть не лопнул.

Он обернулся, посмотрел на суматоху у кромки воды. Огры, только сейчас начавшие высываться из пещер, обнаружили, что кроме гигантских кальмаров приплыло множество разной рыбы, стали забрасывать сети прямо из пещер. Другие спешно опускали лодки, им передавали сети. Три огромных баркаса отчалили и начали окружать явившийся на зов раковины косяк.

— Ты пр-ринес удачу, — проревел он. — Ты наш гость!

— Добыча будет еще, — сказал я заискивающе.

— Откуда знаешь?

— Стоит мне позвать...

Он проревел радостно:

— Это хор-рошо! Пойдем. Меня зовут Агоо.

— А я Рич, — сказал я поспешно, но вспомнил про их рычащее произношение, быстро уточнил, — все обычно зовут меня Дик.

— Иди в пещер-ру, Дик, — проревел он.

Все еще побаиваясь, я осторожно начал спускаться, ступеньки есть везде, место обжитое, но у огров ноги подлиннее. К счастью, кто-то предусмотрел, чтобы и дети могли взбираться и спускаться, так что я слез в пещеру почти без мучений, а кровоподтеки при падении спишем на первый контакт.

Вход широк, что и понятно, среди огров нет дюймовочек, пещера просто гигантская. Огр снисходительно улы-

бался, глядя на меня. Я чувствовал себя перед ним тщедушным подростком, Агоо не только выше почти вдвое, но и шире в плечо. Чтобы держать такой вес, нужны толстые и прочные кости. Мышцы у огра просто чудовищные, не могу смотреть без страха. Он пройдет не раньше, чем перестану представлять, как схватит, сожмет, сдавит, выжмет из меня все соки, оставив сухой мешок с размолотыми в муку костями...

Он проревел гулко:

— Заходи. Ты пр-р-ринес нам удачу.

— Удача, — сказал я заискивающе, — это хорошо. Я вообще-то удачистый человек. А еще я в родстве с ограми. Лесными, они помельче. И не такие отважные.

Агоо рыкнул:

— Правда? Есть и лесные?

— Есть, — заверил я.

— Где?

— Ох, далеко...

Пещера гигантская, свод теряется в темноте, под стенами горят исполинские светильники на рыбьем жире, его не жалко, много, везде не просто светло, а празднично ярко. Лежбищ не заметно, явно в дальнем конце или из этой пещеры есть входы в другие, поглубже. Самок и расплод всегда прячут подальше от выхода.

В центре массивное сооружение из отбеленных времен рыбьих костей, не свои же огры отдадут на строительство этого жутковатого храма, но я не могу вообразить себе, что бывают такие рыбы. Хотя в море не обязательно резвятся только рыбы.

Я спросил как можно дружелюбнее и жизнерадостнее:

— А вы не пробовали глушить рыбу? И прочих водяных зверушек? Оптом?

Агоо посмотрел на меня с недоумением.

— Это как?

Я поежился от мощного рева, но надо привыкать, здесь это нормальная речь, сказал бодро:

— Ну-у... хотя бы сбрасывая в море скалы.

Он посмотрел на меня в недоумении.

— Как это? Скалы наверху не сдвинуть. Не оторвать. Мы все живем в одном камне...

— Не подходит? — спросил я. — Жаль... Хотя мысль как рыба — если на поверхности, то уже почти мертвая. Конечно, у меня есть и другие идеи, поглыбже... Но сперва поедим или выпьем?

Он надолго задумался над трудной задачей выбора, но явно был одним из самых блестящих интеллектуалов племени, потому что лицо прояснилось, он взревел радостно:

— А мы и поедим... и выпьем!

— Агоо, — сказал я потрясенно. — Ты просто гений! Такие задачи решаешь... И каким неординарным методом! Я предложил «или-или», а ты нашел третий вариант... Это гениально.

Донельзя гордый и счастливый похвалой, он провел меня мимо костяного храма, дальше костер, возле него трое старых огров, могучих, как столетние дубы, куча детишек, что показались мне похожими на резвящихся кабанов, две огрихи с отвисшим до пояса выменем.

По взмаху его длани огрихи забрали детей и удалились, я почтительно приблизился к огню. Один из старых огров, совершенный гигант даже в сравнении с собратьями, громадный, как гора, массивный, с длинными и непривычно золотыми волосами, жестом велел мне приблизиться.

Я повиновался, он неторопливо рассматривал меня пронзительно-синими глазами, неспешный и, судя по неторопливости жестов, очень скупой на слова. Лохматые и нечесанные волосы падают на его широкое, словно валун, лицо, морщины выглядят как трещины в камне.

— В море поймал? — спросил он моего проводника зычным и совсем не старческим голосом моего проводника. — Ладно, съедим на ужин.

Агоо проревел:

— Это др-руг.

Второй старый огр прорычал:

— Человек не может быть др-ругом.

— Это др-руг, — повторил Агоо. — Его зовут Дик, у него волшебная р-раковина, призывающая р-рыбу... Слышите, что в мор-ре? Все мужчины вышли, потому что р-рыба и головастики пр-рямо у нашего Камня и бьются о него головами.

Огры переглянулись, самый старый прорычал уже мягче:

— Будь нашим гостем, человек Дик. Я аянбек Гегоо. Это мой брат Геглоу, а вон тот молчун — Кетлоу. Здесь в пещере все — мои дети! А в соседней — внуки, тоже аянбеки... Вообще-то мы и есть аянбеки, это вы нас зовете ограми.

Я перевел дыхание и пролепетал:

— Спасибо... я польщен... Мы же умные люди, а огры, то бишь аянбеки, так вообще... вон у вас какие головы!.. И рыбку съесть, и овцы целы — вот это по-вашему! Я просто счастлив!

— Чем? — спросил Гегоо.

— Что нашел нашу родню, — сказал я. — Я из лесных огров. Мы мелкие, но всегда помним, что где-то у самого океана есть наши далекие родственники, морские огры, огромные, мудрые и всемогущие.

Гегоо проворчал польщенно:

— Все так, только мы не мор-рские.

— Это мы так зовем, — сказал я поспешно. — От вас у нас не осталось ничего, кроме смутных легенд. И сейчас я безумно рад, даже р-рад... да что там р-рад, я просто р-р-р-рад!

Второй огр, который Геглоу, смотрел все еще с неприязнью, но молчал, и только когда я присел к огню и протянул к нему ладони, словно озяб, сказал с подозрением:

— Чему улыбаешься, человек?

— Приятно смотреть на вас, — ответил я честно.

Они переглянулись, даже молчун Кетлоу вскинул брови. Геглоу проревел грозно:

— Что? А ну повтори!

— Приятно смотреть на такую рослую родню, — пояснил я. — Я сам, как видите, великоват для человека. Потому в разговоре приходится горбиться, а то и подгибать колени, чтобы быть с ними как бы на одном уровне. Вы не замети-

ли, что высокие всегда горбятся? А всякая мелочь ходит ровнospинная?.. Это потому, что мелочь задирает головы, как вот сейчас я, и потому дышит свободно, не сдавливая легкие... ну, это я далеко заехал, откуда вам знать про легкие. Словом, у меня здесь спина ровная, а вот у вас...

Гегео посмотрел на брата и с размаха бухнул ему чудовищным кулаком по спине.

— Не горбись!

— Сам такой, — огрызнулся Геглоу. — Скажи, человек, что тебя привело к нам на самом деле?

Агоо посмотрел на брата вождя с неудовольствием, но сказать что-то не осмелился. Сам великий Гегео помалкивал, как и молчун Кетлоу, я вздохнул и сказал искренне и честно:

— Конечно же, мне с детства мечталось отыскать вас, великих и славных огров Моря... Я вот тоже гордый сын гор, у нас — закон гор, конечно, я — князь, у нас, горцев, все князья, для нас честь превыше всего, а рыба — всего вкуснее!

— Мы не огры Моря, — поправил Гегео. — Мы — огры Океана!

— Теперь знаю, — сказал я с великим почтением в голосе, — но в моем племени еще не знают. Однако мое племя, измельчавшее и слабое, чаще общается с людьми и знает, что творится в их мире. Более того, часть наших... как бы это сказать, не просто общается с людьми.

— Как это? — спросил вождь.

— Сотрудничаем, — объяснил я. — С большой выгодой для себя. К примеру, эту раковину я получил от людей. И оставлю у вас. У нас от людей много всякого... полезного.

Они переглядывались все четверо, Агоо тайком кивал мне, поддерживая, вождь Гегео сказал мрачно:

— К нам тоже однажды пр-риходил один. Тоже обещал многое... С ним ушло десять наших...

— Двенадцать, — напомнил Геглоу.

— Десять, — возразил вождь. — Двое потом р-решили догнать. Но где они, никто не знает.

— Все двенадцать, — проронил Кетлоу.

Геглоу посмотрел на меня налитыми кровью глазами.

— Ни один, — прорычал он, — не вер-нулся.

Я сказал с сочувствием:

— И какие это злые люди, тролли или кентавры их убили, таких замечательных? Всего-то пограбить хотели, да убивать малость местных! Разве за такое можно обижаться? Тем более, обижать?.. Но я пришел к вам совсем с другим предложением от нас, лесных огров, а также от людей. Во-первых, никуда ни в какое далекое королевство идти не надо, как вы сделали в прошлый раз. Во-вторых, рыба и эти головастики... как и прочие морские животные, будут к вам приплывать до самой осени.

Гегоо молчал, как и его младший брат Кетлоу, а подозрительный Геглоу прорычал зло:

— Ты обещаешь слишком многое. Значит, и хочешь чего-то большого. Но юлишь, как скользкий угор-рь...

Я вздохнул.

— Да, много вас обманывали, как вижу. Недоверчивые такие, аж чудно. У меня к вам в самом деле есть просьба...

— Ага, — сказал Геглоу со злым удовлетворением, дескать, все люди — сволочи, а также примкнувшие к ним мелкие и гадкие лесные огры, — и что же за просьба?

— Не ходить в эти дурацкие походы, — сказал я. Огры все четверо вытаращили глаза, а я продолжил: — Кочевники вас будут стыдить, насмехаться, говорить, что такие большие и сильные просто обязаны воевать... Кто-то из вас устыдится и захочет взять в руки оружие, но теперь вы можете напомнить про союз со мной. Нарушать — нехорошо. Так что у вас теперь удобная отговорка... Пользуйтесь от моих щедрот!

Глава 6

Гегоо жестом остановил Геглоу, что уже набылся и готовился возражать и спорить.

— Что-то не понял, — прорычал он в великом недоуме-

нии. — Ты даришь нам раковину, что будет звать рыбу. Это хорошо.

— Хор-рошо! — впервые прорычал их молчун Кетлоу. — Хор-рошо!

Гегоо сдвинул брови еще плотнее и продолжил с усилием:

— А за это ты хочешь, чтобы мы не ходили в походы... Это тоже хор-рошо. Хор-рошо?

Геглоу промолчал, а Кетлоу и даже простой огр Агоо отозвались единым мощным ревом:

— Хор-рошо!

Гегоо повернулся ко мне.

— Но тогда не понимаю...

— Чего? — спросил я.

— Где твоя выгода? — спросил он тупо.

Я помолчал, развел руками.

— Ты великий вождь, — сказал я наконец с тяжелым вздохом. — Ты понял суть взаимоотношений людей друг с другом и с... другими. Люди ничего не делают без выгоды. Это только у нас, огров, осталось благородство и альтруизм, честь и внутренняя чистота. Но в отношении людей уже трудно поверить, что ими двигает не подлая выгода... Увы, она ими двигает!

Все слушали с великим напряжением, только Геглоу самодовольно оскалил зубы и звучно потер ладони. Звук был такой, словно в камнедробилке растирается в песок мелкая галька.

— Какая выгода? — потребовал Гегоо.

Я окинул их внимательным взглядом, все смотрят настороженно, ждут откровений и привычной человеческой лжи.

— Выгода простая, — ответил я. — Скоро в земли Гандерсгейма вторгнутся орды рыцарей с севера...

Геглоу перебил свирепым рыком:

— Это те, которые убили наших братьев?

Все четверо напряглись, я содрогнулся, огры моментально превратились в рассвирепевших чудовищ, я видел

оскаленные пасти, сверкающие клыки, а чудовищных размеров кулаки взлетали над головами.

— Их убили не они, — возразил я, — а дурость вождей похода. Если бы ваших братьев одели в стальные доспехи, все вернулись бы живыми. Но кочевники решили, что огры испугают одним своим видом. Да, их испугались, но когда одни закованы в сталь, а другие почти голые, то даже рост и сила не спасают. Я хочу, чтобы вы остались мирно ловить рыбу и прочую нерыбу, когда вас позовут защищать Гандерсгейм.

Они слушали, я старался говорить медленно и внятно, Гегоо самый сообразительный, не случайно он вождь, однако он тоже тормозит, хотя и сейчас первым покачал головой и сказал:

— Так все-таки где твоя выгода?

Я помолчал, борясь сам с собой, говорить дальше правду или привычно соврать. Огры поняли мою нерешительность, как глубокое раздумье перед важным признанием, ход их тяжеловесных мыслей виден по их мордам.

Я вздохнул и вскинул обе руки.

— Слушайте все! Я скажу вам то, что не знает никто в Гандерсгейме... А я общался очень со многими, поверьте. Но для них я был то простым воином, то десятником, то бродягой... Вам, только вам, скажу всю правду, потому что я такой же, как и вы, — простой и бесхитростный. А вас я полюбил сразу и чувствую, что вам могу доверять полностью. Словом, я и есть тот самый лесной огр, который живет среди людей, зовут меня там — Ричард Длинные Руки. Это я привел в Сен-Мари огромное войско. И я очень скоро приведу еще более крупную, просто несметную армию закованных в прекрасную сталь людей сюда, в Гандерсгейм.

Мертвая тишина обрушилась не сразу, Агоо и Кетлоу замерли, Гегоо и Геглоу сопели и мучительно старались понять, что же я сказал. Наконец все затихли, я видел только вытаращенные глаза и распахнутые в глубоком удивлении рты.

Я не стал держать паузу, закончил веско:

— Потому я, будучи сам в родстве со всеми ограми на свете, где бы они ни находились... очень хотел бы, чтобы вы в предстоящей войне не участвовали. Уверяю вас, я не зря командую этим войском людей. Мы с вами подружимся. К обоюдной выгоде.

Гегоо первым закричал, полез пятерней привычно чешать затылок, но прервал на полдороге и проревел тяжело и важно, как полутоннотонный майский жук в полете:

— Не могу повер-р-ить... Но, с другой стороны, кто, как не огр-р, р-решится прийти к нам пр-рямо в наши пещер-ры? Сэр Р-ричард... ты наш самый почетный гость.

Окрыленный успехом, я мчался обратно на небольшой высоте, часто и мощно работая крыльями. Внизу стремительно появляется и моментально проскакивает под пузом желтая пустыня из невысоких золотистых дюн и барханов, сменяется зелеными долинами, мелкими горными кряжами.

Между приземистых гор и холмов из песка я проскакивал, поворачиваясь на бок, но мир не становился на дыбы, как я думал раньше, земля внизу не обращает внимания на мои пируэты и совсем не желает подниматься или опускаться только потому, что кувыркаюсь я.

Когда раскаленный песок сменился зеленой степью, а потом и густыми рощами, я благоразумно ушел вверх, хотя страшиться почти нечего: половину запаса Ледяных Игл в Гандерстейме точно истратил лично, а еще треть израсходовали, стреляя по мне.

За всю дорогу к Тибору никто не вскинул голову и не проводил меня взглядом, и только когда пересекал реку, на ярко разукрашенных лодках сразу закричали и начали указывать на меня пальцами.

Я поспешно ускорил полет, весь озадаченный, не сразу сообразил, что меня увидели внизу, в отражении.

Внизу жаркий океан из расплавленного золота дюн, торчащих из накаливаемого песка древних скал, древних мо-

гильников, все тонет в нещадном блеске, словно лечу не над пустыней, а над поверхностью лишенного верхнего слоя солнца, а затем бездна огня и света оборвалась под натиском дивно свежей зелени плодородных долин и могучего леса.

И пусть лес разделен на большие и малые рощи, между ними возделанные поля, здесь кипит жизнь, даже наверху тесно от галдящих птиц, я раскрыл пасть и с удовольствием помог Дарвину с его отбором среди пернатых, я же естественный дальше некуда...

Мой лес на месте, а в том месте, где я в прошлый раз превращался, все тихо, засады не видно, деревья не повалены, даже трава не помята.

Я опустился тихо, как можно быстрее, но все равно мучительно медленно, перетек в человеческое тело, прошел как можно дальше в сторону, прячась за деревьями, и уже там вышел на дорожку к Тибору.

В городе обычный день, я нарочито прошел через кварталы шорников и оружейников, а то уже засомневался, что здесь кто-то еще и работает, вижу только горластых торговцев, но все верно, пашут от зари до зари...

От королевского сада издали тянет дивными ароматами, крыша дворца блестит далеко-далеко, а он сам тонет в море деревьев. Железная решетка забора бросает на землю игриво-ажурную тень, стражники изнемогают в металлических доспехах.

Я издали помахал им и сказал бодро:

— Благодарю за службу, орлы!.. Как только стану конунгом — всем дам по прянику.

Один пробурчал:

— А ты еще не поступил к королю на службу?

— Кто живет по долгу службы, — отчеканил я, — тот по долгу не живет. На службе, как на дереве: чем крупнее шишка, тем раньше снимают.

— Ну да, — сказал он с неохотой, — ты крупняк, ничего не скажешь... Но на тебя бы столько железа да в такую жару...

Я сказал с предостережением:

— Эй-эй, в армии можно жаловаться только на короткий срок службы! И то не часто.

Второй вздохнул тяжело:

— Чем дольше тут торчу, тем больше красивых женщин вижу... Тебе хорошо, не привязан. Свобода!

— Все люди рождаются свободными, — сообщил я, — потом одни женятся, другие идут на службу.

Они распахнули передо мной ворота, как перед знатным лицом. Я подумал тревожно, что дело нечисто, как-то меня начинают принимать выше по стоимости, чем я ее выказываю.

— Лучше быть нужным, — сказал я уже пересекая линию, — чем свободным. Так что у вас все в порядке!

Как только ступил на аллею, сердце несколько раз ликующе трепыхнулось, а ноги ускорили шаг. Я смутно удивился реакции своего здорового, но туповатого организма, еще не желая признаваться и даже осознавать, куда спешу и кого так жажду увидеть. Все равно принцесса обязательно попадется на пути, потому что хочу и стремлюсь к этому попаданию, а если не встречу сразу, пойду зигзагами, но наткнусь ну вот совершенно случайно и даже сделаю вид, что недоволен... ну вот такая я противоречивая свинья, хотя вообще-то все мы еще те кабаны.

Искать долго не пришлось, что-то во мне уже знает, где она в это время, сделал крюк по саду и топал по аллее громко и уверенно, повода блестящими на солнце плечами, весь из себя загорелый и мужественный.

Принцесса задумчиво трогала пышные цветы на клумбе, какие-то надо убрать, тесновато, при моем приближении разогнулась, лицо еще пунцовое от прилива крови, я мысленно возжелал, чтобы таким и оставалось подольше.

— Снова после подвигов? — спросила она, голос должен был прозвучать иронично, раз уж наморщила нос, но почему-то не прозвучал. — Или как?

— Скорее, — сказал я, — или как.

Лицо ее, словно летящее вперед, кажется совершенным, как и необычно изломанные брови, слишком густые для женщины, а еще крупные слегка выпуклые глаза, полные губы широкого чувственного рта...

Похоже, я засмотрелся слишком откровенно, даже за-был напрягать плечи и время от времени прокатывать вали-ками мускулов по груди. Пунцовость к этому времени уже покинула ее лицо, но тут щеки вроде бы слегка заалели снова.

— Или как, — повторила она, — это как?

— За вычетом игры в кости, — объяснил я, — все раз-влечение тиборца почти полностью совпадают с развлече-ниями его собаки. Потому мне в городе все-таки скучновато.

— А вам нужны схватки на мечах?

— Можно и на кулаках, — ответил я миролюбиво. — Но я вообще стараюсь обходиться без драк.

— Понятно, это они без вас обходиться не могут?

— Совершенно верно, — согласился я. — Есть люди, что притягивают молнии, другие притягивают деньги, третьи — женихов...

Она даже не упрекнула, что я ее упомянул в третьих, а не первых, посмотрела прямым неженским взглядом.

— А вы? Что притягиваете вы?

— Приключения, — ответил я. — А так я вообще-то до-мушник. В смысле, домосед. Так бы и сидел дома в степи... То в одном углу, то в другом, смотрел бы на звезды и меч-тал. Все кочевники — мечтатели. Такое, бывает, намечта-ем... Надо же себя чем-то занять, пока ярл Элькреф обду-мывает, как помягче отказать старшему брату.

— Далеко были?

— Весьма, — ответил я. — Вельми весьма.

Она гордо вскинула голову и выпрямилась, я постарал-ся не опускать взгляд на ее приоткрытую грудь.

— Странно, — произнесла она холодно.

— Что, ваша светлость?

— Конюхи говорят, ваш конь оставался на месте.

— Еще бы, — ответил я. — Он у меня слабенький. Пусть спит. Я и на чужих умею, представляете?

Она рассматривала меня с нарастающим раздражением, я улыбался вежливо и снисходительно, что должно злить ее еще больше. Пусть повернется, зараза, на таком огне, а то привыкла снисходительно так это оказывать благосклонность осчастливленным дуракам.

— Жучков собираете? — спросил я и указал взглядом на стебли в ее руках. — Или сорняки выпалываете? Сейчас вредители огородов просто лютуют! Но, говорят, можно колдуна позвать... За небольшую плату всех перегонит в сад соседа.

Она даже не опустила взгляд на листья в ее ладони, взгляд оставался прям, в нем проступила принцессность.

— Я не поблагодарила вас, — произнесла она контролируемым голосом, — за возвращение Камня Рорнега. Как нашего фамильного, который вы называете поддельным, хотя я не уверена, так и второго... что на золотой цепочке.

Я прервал небрежным жестом.

— Да что вы снова о такой малости!

Она покачала головой.

— Это не малость...

— Для меня малость, — заверил я, с удовольствием отметив промелькнувшую гримаску недовольства. — Это, знаете ли, мужчины охотятся, а женщины хватают добычу. Потому они остаются, а мы налегке идем дальше.

Она резко бросила в сторону листья, они упали на сверкающий золотой песок и на глазах начали скручиваться.

— Это вы так стараетесь меня оскорбить?

Я ахнул.

— Что? Да я скорее зарежусь! Или брошусь грудью на ваш острый, как мой меч, взгляд, чтоб вам было приятнее, женщины в глубине своей души все кровожадные, правда? Я переполнен, просто лопаюсь от почтения и даже почтительности к вам, ваша светлость! Я понимаю, почему у ярла Элькрефа сердце горит и рвется из-за вас...

Она вздернула надменно подбородок, но женское любопытство есть даже у гордых женщин, спросила помимо воли:

— Почему?

— Вы не просто красива, — сообщил я. — У вас особая стать! Вам будут поклоняться даже самые гордые воины, ибо вы — королева воинов! Вокруг вас женщины жеманные, манерные, флиртующие, кокетничающие, лживые — это все оправдывается женскостью, у вас этого ничего нет, но именно вы — Настоящая. И, увы, пока не вижу мужчины, который был бы вас достоин.

Она слушала, лицо теряет надменность на глазах, и хотя уши еще не развесила, но рот слегка приоткрылся, уж комплименты я говорить умею, здесь ума не надо. А я говорю очень убедительно, делаю лицо, повожу руками и плечами, подчеркивая значимость и весомость слов сына степи, что всегда прав уже потому, что сын степи и не растлен отвратительными и насквозь лживыми городскими нравами.

Наконец она опомнилась и, снова выпрямившись, постаралась взглянуть на меня с прежним высокомерием высококороченной, что пытается вспомнить, как зовут это вот двуногое. Их много тут суетится, богатых и знатных, а это вообще какое-то безродное...

На соседней аллее показались две девушки из ее свиты, за ними топают, нетерпеливо сокращая расстояние, разряженные кавалеры из числа глиноедов. Вообще-то тиборцы, но когда вижу таких вот нафуфыренных мужчин, даже я их зову глиноедами без всякого усилия над своей политкорректностью.

Девушки сделали движение перейти на нашу сторону, но Элеонора нетерпеливым жестом отбросила их, как ранее сорванные листья.

Там притихли и поспешно удалились мелкими шажками. Я вытащил из кармана жемчужину и без поклона протянул принцессе, с подчеркнутым равнодушием глядя ей в глаза. Она все смотрела мне в лицо, стараясь уловить какие-то признаки почтения, услужливости, преклонения, но я

глядел с вялым интересом, как на красивую женщину, и ждал с раскрытой ладонью человека, который не просит, а дает.

Она наконец опустила взгляд, лицо дрогнуло, брови в изумлении взлетели на середину лба. Не отрывая зачарованного взгляда от жемчужины, прошептала:

— Черный перл...

— Ага, — сказал я. — Он самый и есть. Там их, как грязи. Да вообще-то и похожи...

Она вскрикнула:

— Что? Эта драгоценность для тебя похожа на комок грязи?

Я взял ее за руку, она протестующе дернулась, но я разжал ей ладонь, опустил в нее жемчужину.

— Я так и думал, — сказал я с иронией, — что вас это... ха-ха!.. заинтересует.

— Заинтересует? — повторила она, словно в трансе, я все еще держал ее за руку, а принцесса смотрела мне в лицо, позабыв властно убрать ее из грубой лапищи дикого варвара. — Ну... это же черный перл...

— Черный, — согласился я, чувствуя, как ускоряется работа сердца, но замедляется речь и делается косноязычной. — Как ночь... беззвездная и безлунная...

Когда вот так наши тела почти вплотную, ей приходится слегка задирать голову, чтобы смотреть мне в глаза. Суровость и величие в этом случае испаряются без следа, даже гордость, из-за которой получила прозвище, не видна. Только прекрасные глаза, обрамленные дивными длинными и густыми ресницами, красиво загнутыми, только взгляд, в котором все отчетливее проступает...

Я сделал над собой титаническое усилие, выпустил ее руку и отступил с поклоном пониже, чтобы скрыть выражение лица.

— Рад, — произнес я заплетающимся языком и хриплым голосом, — что вам понравилось... Любуйтесь... а я пошел, пошел, пошел...

Уже перед самым поворотом меня догнал ее звонкий голос:

— погоди!

Глава 7

— Как ты ее сумел добыть? — спросила она меня в спину почти контролируемым голосом, я понял, что если обернусь достаточно медленно, она возьмет под контроль и всю себя. — Как ты сумел?

Я обернулся медленно, мы же сыны степей, когда поворачиваемся чересчур быстро, что-то там в этикете нарушаем, когда слишком медленно — мы сами себе этикет.

Элеонора Гордая, принцесса и дочь короля Жильзака Третьего, надменно выпрямившись, уже смотрела на меня милостиво, но со снисходительным интересом крайне благородной особи.

Я хотел было ответить, не сходя с места, но, боюсь, принцесса приблизится сама, деревянными шагами вернулся и заставил себя врать в дорожку в двух шагах от нее и даже пустить корни.

Она смотрела с легкой улыбкой, красивая и гордая, женщина не из этого века.

— Вам в самом деле, — спросил я медленно, — такое весьма любопытно?

— Да, — произнесла она все еще ровным и уже контролируемым голосом. — Даже очень.

Я смотрел бараньим взглядом, рассказать — не проблема, важно выбрать интонацию, да слова можно подобрать такие, что вызовут любой эффект вне зависимости от того, что рассказываю...

Она смотрела мне в лицо, я чуть вздрогнул, не веря своим глазам, на бледных аристократически зауженных щеках принцессы медленно и очень четко проступил нежнейший румянец. В ее темных, как лесные омуты, глазах проступило замешательство, слишком непривычная ситуация для

гордой и привыкшей только повелевать, распоряжаться и одаривать.

Я не стал ждать, когда приблизится вплотную, все равно не прижмется и не станет срывать с меня одежду, сама извиваясь, как гадюка на сковородке, в этом мире инициатива исходит только от мужчин, выпрямился и спросил в высокомерном удивлении:

— А пристало ли скромной и целомудренной девушке слушать подробности, как мужчины пируют, что говорят и что обсуждают в буйном хмелю?

Она переспросила, проигнорировав насчет скромной и целомудренной:

— На пиру?

— Ну да.

— Вам это подарили на пиру?

— Точно, — подтвердил я.

Она смотрела с непониманием в крупных строгих глазах, что уже не строгие.

— Кто мог оказаться настолько щедр?

Я пожал плечами, надеясь, что это выглядит внушительно. Мне вообще надо почаще ими двигать, у меня там и размах и хорошо развиты так называемые эполеты. Когда двигаю, всякий невольно переводит на них взгляд. Женщины поправляют прическу, чтобы подчеркнуть, какие у них пышные волосы, заодно приподнимая и демонстрируя в выгодном ракурсе грудь, а я, значит, двигаю.

— Кто мог? — переспросил я в изумлении. — Огры, конечно. Которые живут в подводной... и надводной части Великого Хребта. Им эти жемчужины попадают постоянно.

Она ахнула, отшатнулась.

— Вы с ними пировали?

Я сказал с некоторым раздраженным непониманием:

— А с кем еще? С троллями?.. Так у них ничего нет, кроме изумрудов и самоцветов. У кобольдов и то камешков побольше, у нибелунгов — золото, а жемчужины только у тех, кто дружит с морем. Еще лучше — с океаном.

Она вздрогнула.

— Вы... общались... со всеми? Даже с кобольшами?

Я поморщился.

— Да что с ними общаться, неинтересно. Проезжал как-то, посидели, поговорили... Вот огры — да, молодцы! И веселые парни. Посидели, погудели, я и не помню, кто меня домой привел... Ну, в смысле, в ту пещеру с огрихами, куда меня поселили, как знатного гостя.

Она дернулась, посмотрела со смесью страха и отвращения.

— С огрихами?

Я улыбнулся бесстыдно, напряг грудь, у меня теперь там перекачиваются валики мускулов, чего раньше не было, сам люблюсь, это же надо, как круто, а женщины обычно не отрываю взгляд.

— Что делать, у них обычай такой. Знатному гостю все удовольствия. Простые они, как вот эти деревья, что с них возьмешь...

Она сказала сухо:

— Но вы-то, я уверена, взяли по полной!

— Ничуть, — запротестовал я, делая невинные глаза, я же простой варвар, — только эту жемчужину, хотя принесли и хотели подарить целую корзину! Но куда мне столько? А вот не взять хотя бы одну — обидеть, вот и выбрал самую мелкую...

Она опустила взгляд на блестящую драгоценность размером с голубинное яйцо, снова взглянула мне в лицо со странным выражением в глазах.

— Вы необычный человек, — заметила она, и я заметил, что уже в который раз говорит то «вы», то «ты». — Пришли ниоткуда, исчезаете неожиданно... И куда вернетесь? Вас кто-нибудь ждет? Кто-нибудь любит?

— Я был любим, — отшутился я, — но та собака сдохла.

Она бросила короткий взгляд по сторонам, аллея пуста в обе стороны, в кустах уже начали чирикать привыкшие к нам птицы.

— К моему отцу, — сказала она медленно и с явным усилием, — стягиваются самые отважные из мужчин, самые знатные и смелые. Я видела их всех, все стараются понравиться, все по-своему хороши, однако никто из них не решился бы даже вступить за ту несчастную прачку!

Я пожал плечами, подумав, что как только гордая принцесса удостоверилась, что я не отправился той же ночью к прачке за платой за спасение, то и она прониклась к ней сочувствием.

— Это было нетрудно, — проговорил я, — ваша светлость. Челядь привыкла чувствовать себя хозяевами в своем дворе, обнаглела и распоясалась. Любой из ваших женихов мог бы и должен был дать им отпор. И вообще любой из мужчин.

— Но его дали вы!

— Случайность. Я просто успел раньше.

Она покачала головой, искорки в ее темных, как омут, глазах разгорались все ярче.

— Все стояли и смотрели, как вы разделались с ними жестоко и бесстрашно.

Я поморщился.

— Не употребляйте таких слов, когда говорим о челяди! Это меня больше позорит, чем...

— Мои подруги, — сказала она быстро, — уши прожужжали, какой вы красивый, гордый, отважный! Как вы стояли, как говорили, как смотрели!.. Да что они, я сама все видела.

Я снова пожал плечами.

— Я не кулачный боец, что сперва долго разжигают себя бранью. Я — воин. Либо не трогаю, либо — убиваю. Или хотя бы калечу. Главное, вывести из строя.

Ее взгляд наконец обрел прежнюю твердость алмаза. Она посмотрела на меня прямо и властно, с достойной королевской дочери уверенностью, а голос прозвучал, как королевский вердикт в исполнении глашатая на городской площади:

— Вы лучший, десятник Рич!.. И по своим подвигам вы давно уже не десятник.

Птицы в кустах притихли и начали заинтересованно прислушиваться. Кто-то завопил в гнезде, на него шикнули.

Я пробормотал:

— Еще рано делать такие поспешные утверждения. Меня десятичество устраивает вполне.

Она покачала головой, красивая и чуточку высокомерная.

— Еще и достойная героя скромность? Это похвально. Я разрешаю вам участвовать, благородный Рич.

— В чем? — спросил я с подозрением. — А то, знаете ли... вляпаться недолго, а я теперь такой осторожный, все время смотрю под ноги. На небо и под ноги, на небо и под ноги.

— Город готовится к состязаниям, — объяснила она с достоинством. — В конце лучшие из лучших воинов будут представлены королю. Он возьмет их на службу и приблизит к двору. Вы наверняка примете участие...

Я покачал головой.

— Мне служба не нужна.

— Дело не только в службе!

Я поинтересовался:

— А в чем еще?

Она победно улыбнулась.

— Победитель сможет просить моей руки. Даже, если он совсем не знатен.

— А-а-а-а, — сказал я, — тогда понятно, почему столько народу стремится на это увеселение. Наверное, все мужчины королевства?

Ее победная улыбка стала шире, а блеск в глазах ярче.

— И не только, дорогой герой! Не только. Больше половины явится, как обычно, из соседних.... И даже дальних.

От нее, красивой и гордо выпрямленной, пошла тугими волнами аура власти и могущества, наконец-то нащупала, где у нее абсолютное и неоспоримое преимущество.

— У вас будет прекрасный выбор, — сказал я одобри-

тельно. — Не осмелюсь больше злоупотреблять вашим вниманием, прекрасная, даже прекраснейшая принцесса!.. Я пошел, пошел, пошел...

Она вскинула брови, я чувствовал, как в ней монолит уверенности треснул, когда как никогда была уверена в его несокрушимости.

— Куда?

— Как всегда, — ответил я и зевнул, показывая культуру варвара, что пренебрегают условностями. — Спа-а-ать... Мы, герои, спим помногу. Другие — как хотят, а нам это полезно. Пусть совсем уж орлы сражаются за женщин! Мужчина должен драться за великое. Конечно, повиснет на шее женщина — и уже легче, но, увы, я не ишу легких путей. Потому, если повисает...

Я умолк, она договорила насмешливо, однако почему-то прозвучало печально и потерянно:

— ...то сбрасываете, чтоб не мешала вашему коню мчаться навстречу ветру.

— Вы знаете варианты лучше?

Несмотря на некоторое смятение, она ответила слишком быстро, чтобы быть придуманным только что:

— Конечно! Где-то остановиться, жить гордо и достойно.

Я усомнился:

— На одном месте?

— Но когда-то же надо?

— А как же насчет умереть на бегу? — спросил я коварно. — Всех мужчин страшит смерть в постели. Если от старости. А вот в дороге или в сражении... красота! Бежишь-бежишь, а потом к-а-ак с разбегу мордой о дерево! Сразу красиво брык на бок, язык в сторону, копыта врозь, глаза вытаращил, но уже ничего не видишь. Мечта!

Солнце выглянуло из-за верхушек деревьев и с жадностью залило ее жгучими лучами расплавленного золота. Принцесса, напротив, зябко передернула плечами.

— Мужчин не понять, — сказала она потерянно. — А если вдруг встретите наконец женщину, ради которой можно сделать все, а не только остаться?

Я вспомнил, что надо выпрямиться и напрячь живот, а то в разговоре быстро забываем, поиграл мускулами груди и сказал сумрачно и гордо, как подобает романтику:

— Я из другого... племени. И теста. У нас мужчины, что пронесли любовь к одной женщине через всю жизнь, сейчас только в песнях. Мужчине нужна женщина! Но нам мало ее тела, мы начинаем дорисовывать ей ценности, которые видим только мы, настоящие или придуманные — не важно, одухотворяем и возносим ее к небесам, а затем и влюбляемся.

— Как... интересно, — произнесла она осторожно.

— Но это не значит, — сказал я с предостережением, — что так останется навечно, хотя в памяти песен остались именно такие случаи. Много может разрушить любовь... и тогда снова поиск. Мужчина без любви не может. Женщина... ну, для нее не любовь важнее.

Она посмотрела на меня несколько странно.

— Да? А я была уверена, что все наоборот. Это женщина без любви не может.

— Любовь могут позволить себе немногие, — объяснил я печально и гордо. — Это слишком большая роскошь, к тому же она обязывает. Абсолютному большинству достаточно уюта, тепла и домашнего хозяйства. И кучи сытых и веселых детей.

— Но почему мужчины, — спросила она, — оставив женщин, уходят на войну?

— Оставив женщин, — сказал я, — но не любовь к ним.

Она наморщила нос, став на мгновение очень женственной.

— М-да... Как с вами непросто.

— Почему?

— Быть женщиной, — сказала она рассудительно, — очень трудно уже потому, что, в основном, приходится иметь дело с мужчинами.

— А как ваш отец? Он постоянно с ними имеет дело.

Она снова наморщила нос, я с удовольствием засмотрелся на милые морщинки.

— Отец имеет дело не с мужчинами, — сообщила она и, не ожидая моего вопроса, уточнила, — а с воинами, торговцами, политиками, строителями...

Она улыбнулась привычно высокомерно, как бы снисходя к варвару, объясняя ему такие простые вещи, а я старался не видеть ее высокую полную грудь, пухлые созревшие губы, сладостный изгиб плеча, странный и завораживающий, даже обещающий нечто, подумал смятенно, случайно это у нее или же сработал инстинкт, понуждающий показать себя в нужном свете подходящему самцу. Она может даже не подозревать, что ее тело уже принялось за работу, выдав хозяйку, но если я сдуру сочту это за приглашение, вполне искренне могу хлопотать по рожу.

В саду показался ярл Элькреф, увидел нас, нахмурился и пошел ускоренной походкой. Женщина — яблоко и змея разом, мелькнула мысль. Все от Бога, как говорит по-своему набожный сэр Растер, за исключением женщины, потому их можно обожать, но держаться от них лучше подальше.

Я сказал с широкой улыбкой и подчеркнуто громко:

— Я просто счастлив, ваша светлость, что вы изволили... снизошли... и все такое, до простого десятника... но не смею отнимать у вас драгоценнейшее время, которое вы можете истратить, скажем, на ярла Элькрефа, что спешит к нам. Я пошел с вашего позволения...

Она оглянулась на ярла, гримаска неудовольствия промелькнула на ее лице, но кивнула с кислой улыбкой:

— Да-да, идите.

Я поклонился, затем отвесил такой же учтивый поклон Элькрефу и пошел, стараясь не выглядеть вызывающе бравым, что может взбесить кого угодно, не только ярла.

Глава 8

Растенгерк говорил, кентавры обитают, прижатые к Великому Хребту, в его северной части. Это значит, не слишком далеко от поселения огров, горная цепь идет по Гандерсгейму не так уж и бесконечно.

Огры, колдуны, кентавры, тролли — только ради такого вроде бы можно задержаться хоть в Гандерсгейме, хоть в Брабанте. Приключений везде выше крыши, но слишком уж это сование головы в песок, спасаясь от настоящих глобальных проблем, что ждут в Геннегау. А они, если не найдут места в голове, разворотят экспонированную солнцу задницу.

Так что за дело, трус. Договоришься или нет с кентаврами насчет союза или невмешательства в военные действия — но после этого сразу же обратно в Сен-Мари, тьфу, в Орифламме...

Я несся стремительно, подгоняя себя картинками, как вот нанесу на карту пока неизвестные места с кентаврами, потом можно сразу разворачиваться взад, стрелой через весь Гандерсгейм в Брабант, чтобы захватить Дженнифер, а затем так же быстро, но уже на Зайчике и с Бобиком — в Геннегау...

Крылья мои сами по себе растопырились шире и так же сами, поймав едва слышный сигнал, повернулись под углом к встречному ветру, погашая скорость. Далеко внизу словно бы течет широкая река изумрудной зелени. Будь это на лугах, кто бы заметил, однако на серой каменистой насыпи это бросилось в глаза, словно в лицо плеснули водой.

Река зелени будто только что выплеснулась из-под земли, идет широко, нащупывая дорогу. Я начал медленно и осторожно снижаться, пока зелень не разбилась на отдельные пятнышки, а потом на крохотные фигурки.

Тролли идут колонной по десять или чуть больше в ряд, что меня удивило, как-то с этими зеленокожими понятие дисциплины не вяжется, лавой — другое дело, а тут чуть ли не римская когорта.

Снизился еще, ага, лица покрыты слоем пыли, ноги вообще в корке грязи, прекрасная маскировка, хоть и невольная. Идут целеустремленно, но усталость уже чувствуется в каждом движении. Все с боевыми топорами и палицами,

вроде все просто, но в умелых лапах и простая палка грозное оружие...

Я пролетел вперед, оглядываясь и проверяя, в ту ли сторону двигаюсь, куда топает это грозное войско. Еще два небольших холма, затем разом открылась, даже распахнулась широченная долина с большим лагерем из множества шалашей и наскоро вырытых землянок: тролли и на кратковременных привалах предпочитают быть ближе к земле.

Множество костров, как и в любом лагере, ко мне под облака мощно прут ароматы пережаренного и горелого мяса, крепкого пота и плохо сдерживаемой ярости мужчин, которых держат слишком близко друг к другу.

Я не двигался, растопылив крылья, вроде бы застыл в пространстве, только оно почему-то медленно двигается подо мною, у воздушных масс свои гольфстримы, ниагары и незримые пороги.

Я посмотрел по сторонам, в сухо-туманном пространстве зеленеет лес, справа и слева серые шипастые спины каменистых возвышенностей, чуть левее сиреневые конусы циклопических руин, таинственная старина, в глубине сокровища... но какие сокровища, когда навстречу оркам на марше выметнулись крохотные фигурки кентавров! Врубились, потеснили, завязли, началась ожесточенная сеча...

Я сдвинул крылья и позволил воздушным струям нести себя в ту сторону, где должен быть их лагерь. Если бы не это, уже жадно всматривался бы в мощные траурно-черные изваяния, полузасыпанные золотым песком, старался бы понять, что это изображает, и что под этими жаркими дюнами...

Ага, вон он... Мог бы еще раньше почуять по запаху... Я опустился в ближайший лес, сейчас если все небо закроют драконы, никто не заметит, огляделся и начал всякий раз пугающий переход в тело человека.

Едва пришел в себя, услышал со стороны опушки дикие крики, грохот копыт, притих на пару минут, потом начал потихоньку пробираться между деревьями. Грохот копыт

нарастал, через мгновение кентавры выметнулись на открытое пространство: огромные, храпящие, дикие. Отсюда, снизу, из-за веток кустов просто чудовищные: нижняя часть как у боевого рыцарского коня, а человеческий торс мощнее, чем у призового борца — широчайшие плечи в вадунах тугих мышц, могучие спина и грудь, толстые мускулистые руки.

Знатоки говорят, один кентавр стоит трех рыцарей, а если сравнивать с просто тяжеловооруженным конным воином, то и десяти. Конечно, всадник должен еще и управлять конем, а здесь единая воля управляет руками и копытами...

Я прижал лоб к земле, сверху сыпались комья земли, выброшенные копытами, а когда грохот утих, осторожно поднялся.

Чуть ниже, куда промчались кентавры, отряд троллей отбивается от таких же копытных. Тролли встали в круг и так умело работают топорами и палицами, что усталые кентавры только кричат в бешенстве, но откатываются, получив новые раны.

Земля затряслась под копытами спешащего на помощь отряда. Собратья перед ними с готовностью расступились, я видел только блестящие крупы. Дикие крики зазвучали громче, оружие зазвенело, словно на металлические листы высыпали тысячи стальных заготовок для мечей.

Кентавры врубались в защиту троллей, проломили, начали расчленять на две половинки. Я уже видел, чем закончится, пробирался поближе, прячась за кустами.

За считанные минуты отряд троллей был разорван на части. Сражение разбилось на отдельные группки, тролли упорно старались пробиться к спасительному лесу.

Кентавры, для которых густой лес хуже топкого болота, нападали с яростью, гибли, но и зеленых тел распростерлось на поле боя, словно свирепый ураган сорвал свежие молодые листья с целой рощи.

Одна группка троллей, отчаянно сражаясь, почти про-

билась к лесу. На помощь своим поспешили два могучих кентавра, настоящих великана. Пospели вовремя: их раненые собратья кричали громко, но нападали слабо, тролли успели вломиться в спасительные заросли кустарника, но в это время их и настигли оба ревущих в ярости гиганта.

Я смотрел, как упали один за другим трое зеленокожих, но оставшиеся два тролля сумели вонзить в одного копытного с двух сторон копыя, и тот с диким ревом завалился на бок.

Второй кентавр рассек одному плечо, второго разрубил до половины, снова занес ужасную секиру, чтобы добить раненого, но тролль поскользнулся в крови и упал, однако и лежа ухитрился так умело шарахнуть кентавра по передним ногам, что я услышал треск костей.

Кентавр с диким ревом упал на колени и, не удержавшись, завалился на бок, отчаянно брыкаясь и пытаясь вскочить. Тролль из последних сил обрушил усеянную шипами палицу на голову врага, а затем еще и еще.

Я слышал треск костей, хруст, кровь забрызгала поляну. Я подбежал к ним, уже слыша со стороны поля приближающийся топот копыт. Тролль нанес последний удар, выронил дубину, и сам опустился на колени.

— Эй, — крикнул я негромко, — я друг!.. Убегай, сюда уже скачут!

Он медленно оглянулся, лицо тоже в крови, явно получил копытом, но глаза завлакивает пелена смерти, если и увидел меня, то через туманную дымку.

Я подбежал и, уже не опасаясь, что ударит или укусит, схватил его под мышки и потащил в густые заросли. Топот копыт приближался, как ураган. На всякий случай я зажал троллю пасть и втиснул в землю. Топот прогремел совсем рядом, еще и еще, наконец начал удаляться так же быстро, как и налетел.

Тролль часто задышал, едва я убрал руку. Рык его сразу же стал свирепым и воинственным:

— Ты кто?..

— Друг, — повторил я.

— Ты человек, — рыкнул он. — Человек даже человеку не друг! Зачем ты здесь?

— А я в каждую бочку затычка, — пояснил я. — Миротворец, значит. Благословенны миротворцы на земле. Люби всех, доверяй избранным, не делай зла никому, как сказал святой Уильям Шекспир.

— Лучший миротворец, — прорычал он, — смерть!.. Но... что с моими ранами? Это ты сделал?

Я ответил поспешно:

— Упаси Боже, это сделал кентавр!

Он рыкнул:

— Ты залечил?

— Гм... — ответил я осторожно, — как тебе сказать...

— Ты великий лекарь?

— Нет-нет, — сказала я, — это все ты сам, а я тебе чуть помог. Ты вон какой здоровый! На тебе все должно заживать, как на лягушке. В крайнем случае, на жабе. Вы, тролли, ведете род от Великой Лягушки или Великой Жабы? Или от их общего предка, как и мы, люди, непонятно от кого?

— Не умничай, — прорычал он, — умнее тебя вот там захлебнулись своей же поганой кровью.

— Охотно верю, — согласился я. — Вы — древний народ, вы создали письменность, но потом забыли, вы дали начало всем народам, даже людям, это такая вырождающаяся ветвь... и вообще вы — народ героев, что идет собственным путем!

Он посмотрел на меня исподлобья и договорил уже без прежнего яростного пыла:

— Так будет со всеми, кто попытается захватить наш древний храм!

Я сказал пораженно:

— Тролли воюют из-за религиозных диспутов? Мир совсем сошел с ума! Расскажи, я тоже сумасшедший, мне приятно знать, что я не один на свете, и дураков еще много...

Дай я пожму твою мужественную зеленую лапу, друг по разуму и устремлениям к будущему!

— Не дам, — ответил он угрюмо. — Вдруг ты заразный... Так зачем не дал мне красиво и достойно умереть в бою?

— И тут рыцарство, — сказал я пораженно. — Как красиво и благородно! Мир настолько одинаков, что вроде бы воевать не из-за чего... Или потому и воюем?.. Но ты прав, мне захотелось пообщаться с троллями. Из меркантильных соображений. Я купец, ищу рынки сбыта, а также где что купить подешевле, продать подороже... Но, как и всякий купчина, я предпочел бы мирные места, хотя иногда на поставках воюющим можно не просто заработать, но и сколотить нехилое состояние. Из-за чего война? Насколько знаю, тролли с кентаврами никогда не бодались. Это же нонсенс! Ерунда, по-нашему.

— Это по-вашему, — прорычал он уже не так злобно, мои непонятные речи миротворца кого угодно вгонят в ступор, — а по-нашему, отстаивание наших исконно законных интересов! Мы не позволим всяким четвероногим... хуже того — копытным!.. захватить наш древний святой храм.

— Кентавры захватили ваш храм? — спросил я, не веря ушам своим. — Кентавры?

— Да!

— Мир сошел с ума, — повторил я убежденно.

— Вот видишь, — прорычал он. — И началось с кентавров. Они, гады, разносят заразу. Потому их надо истребить всех.

Я воскликнул радостно:

— Значит, я наконец-то нашел место для своих великих идей. Ладно, ты потихоньку пробирайся к своим, а я пойду дальше. Берегись кентавров! Если у троллей нет никотина, то с таким табуном не так легко справиться.

Он спросил с подозрением:

— Что такое никотин?

— Волшебный яд, — объяснил я. — Одна капля — и

вместо кентавра уже простенький такой и очень растерянный человек. А с людьми вам проще... Тебя как зовут?

— Квакарл...

— Меня зовут Рич, — сказал я жизнерадостно. — Ишь ты, как много у нас общего, даже имена один в один! А теперь догоняй своих. Старайся не попадаться копытным и хвостатым.

Он провожал меня взглядом, пока я не скрылся в зарослях. Потом я услышал шумный треск, тролль ломился через кустарник, и взлетающие в испуге птицы указывали его путь.

С места схватки все еще доносится стук копыт, гневное всхрапывание, грубые злые голоса, похожие на ржание. Я осторожно раздвинул зеленые ветви. На поляне кентавры носятся беспокойно взад-вперед, с гневными криками взмахивают секирами, добивают раненых троллей и осматривают своих, отыскивая среди погибших раненых.

Благородный сэр Уинстон Черчилль всегда относился с недоверием даже к лошадям, дескать, посредине весьма неудобны, а спереди и сзади опасны. Глядя на кентавров, он вообще бы отступил от них подальше: мощь диких жеребцов, что водят табуны по бескрайним степям, сильные копыта, а ко всему еще и могучие руки, способные бросать камни и дротики, бить палицами и топорами.

Хорошо смеется тот, вспомнил я, кто смеется как кентавр, потому что смех кентавра ужасен для мудреца и звучит музыкой для воина: грохочущий, подобный реву огромной медной трубы, весьма подходящий для этих грубых и свирепых животных. Нет, все-таки не животных, если уж начистоту, хотя начистоту рискованно и потому не хочется.

Я пощупал под полой арбалет, сердце ноет в ожидании неприятностей, осторожно вышел на дорогу и тут же едва не прыгнул обратно в кусты, но опоздал.

Огромный кентавр вылетел из-за леса, мчится прямо на

меня, лицо дикое, как у хищного зверя, в глазах пламя битвы, а в руке суковатая палица.

Я отпрыгнул на обочину.

— Эй-эй, я не враг!

Он проревел:

— Ты не кентавр!

— Кентавр, — возразил я, — только из-под меня коня украли...

Он налетел с грохотом, дубина обрушилась, как падающая скала. Я поспешно обеими руками парировал удар арбалетом, руки тряхнуло до плеч, мышцы болезненно заныли.

Кентавр промчался мимо, моментально развернулся, но я уже взял его на прицел.

— Ну, — проговорил я. — Теперь мой удар...

Он прорычал, не сдвигаясь с места:

— Давай...

Я опустил арбалет.

— Тебя превратит в червяка. Разве не видишь, это волшебный? А я тебе не враг.

Он медленно приблизился, взгляд не отрывается от арбалета, слишком миниатюрен, таких не бывает у воинов, лицо потеряло половину свирепости, а та, что осталась, думаю, его обычное выражение. Даже люди стараются выглядеть злее и опаснее, чем они есть на самом деле, нормальная защитная реакция при встрече с незнакомыми.

— Если не враг, — прорычал он, словно говорил не полуконь, а полуволок, — то кто? Друг?

— Есть еще и третье состояние, — ответил я.

— Третьего не дано! — возразил он гордо. — Если враг не сдастся — его уничтожают, как сказал великий мудрец Максим. А кто не с нами — тот против нас!

— А что вам не надо, — поддакнул я, — то берете сами. Вы еще и мудрецы, надо же... А все говорят: копытные, копытные... Я вообще-то друг. И всегда завидовал вам, кентаврам! Люди вынуждены приручать коней, но разве глупая

лошадь сможет подчиняться так же молниеносно, как вам собственное тело?

Он ответил мощным голосом:

— Ха-ха, понимаешь... Что-то и люди соображают! Ты как сюда попал, существо?

— К кентаврам иду, — сказал я. — Это мечта моей жизни: нафиг мне Рим, главное, — повидать кентавров! Тогда и умирать можно. Дурацкое желание, понимаю. Но я с детства был влюблен в кентавров: бессмертного Хирона, мудрого интернационалиста и наставника Ахилла и других героев, Фола — лучшего в мире музыканта, неистового Керiona, полубогов Угеша, Йолксандра, Тизейна... Даже подлец Несс не испортил общее впечатление о вашем благородном племени, хоть и погубил Геракла, в которого я был влюблен со всем жаром почти невинной, как думают родители, детской души...

Он помотал головой, совсем обалделый и тонущий под океаном незнакомых имен, названий и деяний великих предков.

— Погоди, погоди, — могучий рев его прозвучал почти умоляюще. — Давай я доставлю тебя в наш стан. Великий вождь Каменное Копыто знает больше.

— Буду счастлив, — сказал я. — Веди! Тебя как зовут?

— Игогондр, — ответил он.

— Славное имя, — сказал я. — Чувствуется привкус героизма.

— Это имя героев, — польщенно сказал он.

— А меня Рич. Бегу за тобой, Игогондр!

Кентавр понесся впереди, пришлось бежать следом, хотя вообще-то надеялся, что подбросит на спине. Конский запах усиливается с каждым шагом, а едва обогнули холм, впереди распахнулась долина с шатрами из кожи, но не отдельными, как у людей, а каждый сразу на два-три десятка особей.

Глава 9

У главного шатра нас окружили кентавры, лица злые и грубые. Посыпались шуточки и предложения, как меня использовать, но Игогондр распахнул полог и, придерживая с удивительным миролюбием, кивком пригласил меня внутрь и даже не пнул копытом в зад.

В шатре запах конского пота еще сильнее и мужественнее. Два кентавра по обе стороны низкого стола возлежат на шкурах, оба седые и с морщинистыми лицами. Я прикинул, что если грубая и толстая кожа в складки собирается очень неохотно, то обоим лет очень даже немало.

Я с порога отвесил учтивый поклон и сказал ликующим голосом:

— Наконец-то я добрался до сказочной страны великих и благородных кентавров!.. Как я счастлив! Как мне повезло!.. Как здорово!

Один из кентавров покосился в мою сторону с непонятым выражением, повернул голову к Игогондру.

— Это что еще за существо?

Кентавр сказал угрюмо:

— Отец, я не знаю, кто этот человек!

— Что случилось?

— Я хотел на скаку разбить ему голову и мчаться дальше...

Старый кентавр поморщился.

— Это ты умеешь!

— Дело не в этом, — возразил Игогондр почтительно. — Я нанес ему такой удар, что должен был вогнать его в землю, а он и глазом не моргнул!

Я возразил:

— Это неправда!

Оба старика повернули головы в мою сторону. Я пояснил:

— Я моргнул.

Оба обалдело молчали, отец Игогондра нашелся первым, оскалил лошадиные зубы в свирепой ухмылке.

— Вот видишь, сынок, — сказал он почти доброжелательно, — не так уж ты и слаб, как тебе показалось. А ты, гость, кем будешь? И с какой целью забрел так далеко? Кстати, я племенной вождь Каменное Копыто. Рядом со мной старший сын Чуткие Уши, а этот, который тебя привел, один из средних... у меня их больше семи сотен.

Я поинтересовался:

— Зовут меня Рич. Но разве я забрался далеко?

Он качнул головой.

— За нами Великий Хребет, видишь? Считаю, мы на краю света.

— Подумаешь, — ответил я. — Если это край, то я бывал и за краем. Ничего особенного за этим хребтишком, хотя в Армландии есть пара интересных мест, да, есть... Но в Фоссано их побольше, однако если заглянуть в Гисленд или в Зорр...

Все трое слушали меня, вытаращив глаза и приоткрыв рты. Игогондр первым опомнился, спросил жадно:

— А что, на ту сторону можно пройти?

— Конечно.

— Как?

— Есть дорога, — ответил я. — Даже целых три. Но все через Перевал, а к ним почти невозможно добраться даже летом. Конечно, я ходил... Однако на днях открыли под Хребтом тоннель. Там, вблизи Бабанта, если знаете, что это такое. Так что народ уже шастает туды-сюды, туды-сюды... Кто по делу, а кто вроде бы по делу. К счастью, этих враждебных пока мало. Это потом перестанут врать и скажут честно, что ездят только по собственной дури... Даже начнут, вы не поверите, этим бахвалиться!

Каменное Копыто наблюдал за мной, хитро прищурившись.

— А ты из каких?

— Хороший вопрос, — признался я. — Если честно, я почти тоже из таких, но все-таки ухитрюсь найти дело

прямо по дороге. И получается, что нечто выполняю, добываю, нахожу, а то и вовсе ищу!

Каменное Копыто кивнул.

— Я так и думал. Теперь говори, какое дело подобрал по дороге. Говори правду! Может быть, тебе удастся уйти живым.

Чуткие Уши добавил с ухмылкой:

— Да-да, бывали случаи, когда мы отпускали чужаков.

— Хотя они все равно далеко не уходили, — уточнил Каменное Копыто мирным и добродушным тоном.

— Почему?

— Здесь очень опасные места, — сказал вождь.

Все трое смотрели на меня в ожидании, я сказал с предельной искренностью:

— Будучи до мозга костей миротворцем, я везде лезу впереди наступающих войск, чтобы постараться помирить сражунов. Если кровавого пира можно избежать, то избегать нужно! Я вижу, великий вождь, на вашем мудром челе знаки великой мудрости, что ко всем приходит с возрастом, а у некоторых даже остается. Вы, наверное, уже знаете, через тоннель под Великим Хребтом с северной стороны прошла ужасающая армия страшных людей веры в Христа. Они все колдуны и пожиратели младенцев! Армию кочевников, что почти захватила Сен-Мари, уничтожили, как стая голодных волков рвет овец. После чего с легкостью поглотили королевство Сен-Мари и установили там свою власть. Все бы ничего, но, увы, сейчас сосредоточиваются на границах с Гайдерсгеймом, чтобы вторгнуться в эти земли...

Чуткие Уши вскрикнул:

— Это ложь!

— Такого не может быть, — сказал и Каменное Копыто с достойной вождя твердостью. — Игогондр, выведи чужака из нашего шатра и убей. Я не потерплю таких оскорблений!

Кипящий от ярости Игогондр грубо ухватил меня за плечо и потащил к выходу. Я слабо сопротивился, на ходу лихорадочно соображал, что же такое придумать, но ничего в

голову не лезет, могучий кентавр распахнул порог и вытаскивал меня, держа за шиворот, как вдруг за нашими спинами Каменное Копыто громко вскрикнул:

— Сынок, погоди!.. А ты, чужак из дальних стран, ответствуй, откуда у тебя этот амулет?

— Какой? — спросил я, но перехватил его взгляд на мою обнажившуюся грудь, рубашка под грубыми пальцами Игогондра сдвинулась, и камешек на груди теперь качается на цепочке. — А, этот?

Игогондр замер на пороге, одной рукой держа меня, другой полог над головой. Каменное Копыто повторил с напряжением в голосе:

— Откуда он у тебя?

— Это не амулет, — ответил я. — Это подарок.

— От кого? — потребовал он. — Что-то слишком знакомое...

— Мне повесил его на шею Гегоо, — сказал я, — великий вождь аяанбек. Мы здорово выпили в тот день и вообще подружились. Огры — замечательные парни! И никто не тащил меня за шиворот... Разве что потом, когда огрихи гостеприимно приглашали меня разделить с ними постель...

Пальцы Игогондра ослабели, яростное дыхание над головой стало тише. Я оглянулся, Каменное Копыто медленно качает седой головой, глаза все еще преисполнены подозрения.

— Это не просто подарок, — проговорил он. — Я как-то в молодости бывал у огров... Это знак принадлежности к вождям. Все огры, что встретятся тебе, должны относиться к тебе с почтением и помогать, если потребуешь помощи.

— Правда? — приятно удивился я. — Спасибо, что растолковали. А то я уже собирался сунуть его в мешок поглубже. Ну, как всегда с подарками, которые ни к чему.

Каменное Копыто повторил:

— Так почему он тебе его дал?

Я подумал, предположил, морща лоб:

— Скорее всего за то, что я такой умный, красивый,

мудрый и удивительно скромный. Нет?.. Тогда... за мое поразительное чувство юмора? Ах да, вы не знаете, что это такое... правда, вы не одни такие мудрые, и среди людей иногда встречаются на каждом шагу, плюнуть некуда... гм, может быть, за такой пустяк, как Рыбный Рог?

Каменное Копыто спросил угрюмо:

— Что это?

Я объяснил охотно:

— В него как дуданешь, так в небе птица падает замертво, а обалдевшая рыба косяками прет к берегу! Ограм так понравилось, так понравилось... почему-то. Представляете, обрадовались подарку, как дети. А всего-то рыба, подумаешь! Правда, там приплывали и кальмары, и всякие прочие тунцы.

Каменное Копыто сделал Игогондру знак, тот немедленно выпустил меня и даже поправил воротник на моей рубашке.

— Сядь с нами, — пригласил Каменное Копыто.

— Окажи нам честь, — добавил Чуткие Уши.

Игогондр остался у входа, но теперь смотрел на меня с великим почтением. Каменное Копыто и Чуткие Уши переглянулись, Каменное Копыто скривился, но заговорил так, словно мы продолжали кем-то неуклюжим и бестактным прерванный разговор:

— Да, мы слышали, армия кочевников то ли разгромлена, то ли почему-то отказалась идти в глубь Сен-Мари. Словом, вернулись в Гандерсгейм. Но из наших кентавров, что соблазнились богатой добычей и ушли с ними, никто не вернулся.

— Вечная память героям, — сказал я. — Они пошли в чужие земли отстаивать свои национальные интересы, честь им и хвала!

Кентавры скорбно помолчали, отдавая мысленно должное павшим, Каменное Копыто тяжело вздохнул и сделал знак почтительно слушающему Игогондру.

— Вели подать еды и вина.

Я осторожно напомнил:

— Я вообще-то сена не жру. И даже не ем. Пусть там и цветочки.

Каменное Копыто отмахнулся.

— Да сена и мы не едим. Хотя ячмень иногда потребляем... Как ты насчет жареных куропаток?

— Прекрасно, — воскликнул я с энтузиазмом. — Жареные куропатки — что может быть куропатнее? Вы живете, как короли!

Чуткое Ухо сказал с лошадиной гордостью:

— Да, мы хорошо живем. Если бы не проклятые тролли...

Я сказал с горячим сочувствием:

— Всем что-то да мешает! Нам, к примеру, комары. Вам — тролли. Полного счастья не бывает просто.

В шатер двое молодых кентавров внесли на подносах вино в медных кувшинах. Я думал, что эти лошади что-то перепутали, но следом явились еще моложе, эти уже с куропатками и прочей жареной дичью, пахнуло свежеприготовленным птичьим мясом.

Мы с Чутким Ухом выждали, пока Каменное Копыто возьмет первым, а он нарочито подзадержался, проверяя нас на социальность, а когда взял куропатку и разорвал ее пополам, тяжело вздохнул.

— Позже дошла весть, — сказал он мрачно, — погибли все до единого, хотя в такое никто так и не поверил.

Я взял было тоже куропатку, но так печет пальцы, что положил на стол, чтобы развести руками и скорбно вздохнуть, потом выждал чуть, осторожно взял и впился в нее зубами.

— Понимаю вас, — сказал я с набитым ртом. — Горько верить, что гибнут даже за правое дело! Но такое почему-то случается. Бьем не только мы, что вообще-то правильно и законно, но бьют и нас, что ни в одни ворота не лезет!

— Мы в их гибель не верим, — сказал Чуткие Уши. Он ел медленно, аккуратно, словно уже на похоронах. — Просто не верим.

— А зря, — сказал я. — Кентавры сражались доблестно, потому и погибли. Если бы сдались, победители бы их отпустили. Еще и дали бы по прянику. Людям с красными крестами на белых плащах нравятся гордые и красивые кентавры.

— Они не могли сдаться, — сказал Чуткие Уши горестно. — Лучше благородная смерть, чем бесчестье!

— Красивая смерть, — поддакнул я.

— Героическая, — робко добавил от двери Игогондр.

Он посматривал на стол, глотал слюни, но сойти с места не решался.

— Кто теряет честь, — продолжал Каменное Копыто сурово, — сверх того уже ничего потерять не может.

— Истинно, — поддакнул я снова и вздернул подбородок, не забыв выпятить нижнюю челюсть. — Зело!

Чуткие Уши проговорил скорбно:

— Вот только с ними погиб цвет нашего племени, от чего мне до сих пор горько и больно...

Я на минутку опустил почти обглоданную птичку на стол. Кентавры смотрели серьезно, я сказал терпеливо:

— Крестоносцы — это не кочевники. Если приходят, то остаются. Строят крепости из камня, откуда их уже не выбить. И те земли становятся отныне крестоносскими... Но это грустная тема, хотя на самом деле не грустная, но мы любой прогресс воспринимаем настороженно и перемен не любим... даже если потом и довольны. Я по дороге увидел поле битвы! Ваших доблестных воинов полегло немало, хотя, конечно, гнусных троллей вы побили, побили... Но ведь главное — победа! Одна на всех, а за ценой не постоим, верно?

Все трое утрумо проревели в один голос:

— Верно! Никакие жертвы не велики, если за нашу кентаврию честь и наше кентаврье достоинство. Мы лучше погибнем все до последнего жеребенка, но храм не отдадим.

— Последняя победа, — сказал я с сочувствием, — будет самая великая! Вас меньше, чем троллей, но вы не отступите и будете сражаться красиво и доблестно, пока не поляже-

те все до единого. И останетесь жить в легендах и песнях, как благородный народ, образец для подражания. Вам даже припишут что-нибудь еще высокое, как облагораживаем инков и ацтеков, хотя еще те кровожадные твари были, но у вас и так все достоинства на месте... А что за храм такой?

Старики слушали и мрачнели, только у молодого и от-важного Игогондра лицо озарилось свирепой гордостью, а плечи сами раздвинулись, выпячивая мускулистые пластины грудных мышц.

Каменное Копыто сказал с тяжелым вздохом:

— Древний и красивый храм. Хотя ничего красивого, мелкий и невзрачный, но... за мелкий и невзрачный сражаться как бы недостойно, потому считается храмом древним, прекрасным и вообще священным. А такой отдать никак нельзя, ибо честь дороже.

Чуткие Уши сказал угрюмо:

— Вытерплю несправедливость, только не бесчестье.

— Разве подобает вождю, — произнес Каменное Копыто, — если его бьют по щеке, подставлять другую? Как же вождь сможет управлять племенем, если допустит над собой бесчестье?.. Этот храм выстроили, как теперь говорят, в те времена, когда солнце было моложе, а горы ниже. Потом в этих краях настала великая засуха, и наши народы откочевали намного севернее. Там хорошие пастбища, а в Хребте нашлись пещеры, чтобы укрывать молодняк от непогоды...

Я сказал горячо:

— Вы делаете все верно и правильно! Лучше погибнуть, да. Хотя не погибнуть вообще-то лучше.

Каменное Копыто покосился на меня в великом сомнении, а Чуткие Уши что-то проворчал себе под нос.

— А как оказались здесь? — спросил я. — Ностальгия?

Он помотал головой, я почему-то попытался себе представить, как смотрелась бы уздечка на его звериной морде, но торопливо отогнал глупую мысль, пока ее не увидели на моем честном, как говорят, и вообще бесхитростном лице абсолютно правдивого человека.

— Там десятки лет не было засухи, — объяснил он. — И когда наконец настала, многие не хотели уходить. Ждали, что вот-вот закончится. Но пришлось... Перекочевали сюда, а за это время здесь, оказывается, обосновались эти омерзительные двуногие жабы. Раньше обитали в лесу за озером, а теперь вот...

— Захватили ваши земли?

— Захватили! — сказал Чуткие Уши горячо.

Каменное Копыто поморщился.

— Не совсем так...

— Захватили! — сказал Чуткие Уши упрямо, глаза его загорелись боевым огнем. — Захватить храм — это захватить самое святое, что есть у народа!

— Вижу, — обратился я к Каменному Копыту с сочувствием, — вы уже пообщались с людьми.

Он вздохнул.

— Да, набрались идей, что сведут наш великий и самый древний народ в могилу. Храм расположен на бесплодной горе. Ну, не совсем горе, там, скорее, высокий каменистый холм. Бывшая гора. Храм уже был, когда мы пришли в эти края, и наши жрецы приспособили его под свои ритуалы. Так и жили до засухи... А когда вернулись после такой же засухи на новом месте, то не сразу даже заметили, что храм захватили эти зеленые с перепонками вместо благородных копыт! Мы поселились внизу в долине, там сочная трава, родники, даже река, но когда однажды пришли к храму, нас встретила охрана из отвратительных зеленых жаб! Наши рассерчали, был бой, троллей перебили, храм снова стал нашим.

— И на этом кончилось? — спросил я с сомнением.

— Если бы эти тупые тролли отступились, — сказал Каменное Копыто с горечью. — Они даже не поняли!

— Пришли снова, — добавил Чуткие Уши. — Перебили наших...

— А потом бои шли с переменным успехом, — сказал я знающе. — Так?

— Увы, так, — согласился Каменное Копыто. — Наши воины доблестнее, но троллей больше, а размножаются они, как говорят, все еще икрой, жабы поганые...

Игогондр, поглядывая робко на вождя и старшего брата, рискнул вставить и свою лепту:

— Вчера проклятые жабы наш великий и древний храм отбили снова! Они привели такое стадо квакальщиков, вся гора стала зеленой! Мы пробились к нему и снова захватили, но много наших героев осталось на поле великой битвы...

Я поинтересовался:

— Борьба велась только за храм?

Игогондр спросил удивленно:

— А из-за чего еще?

Я пояснил:

— Конфликт имеет обыкновение разрастаться в войну.

Игогондр запнулся, беспомощно посмотрел на вождя. Каменное Копыто печально вздохнул.

— Сперва борьба шла за храм, все верно. Теперь бьемся племя на племя и вдали от храма. Где ни встретим, там и бьемся. Тролли против кентавров! Мы сильнее и благороднее, но этих низких и подлых тварей больше...

— Да-да, — согласился я, — это всегда так. Мы благороднее, но враг многочисленнее. И коварнее. И без всяких достоинств. Потому воевать с ним надо уже потому, что это мы, а там они. Вы абсолютно правы, и я вас поддерживаю руками и ногами, а также всеми фибрами.

Игогондр спросил озадаченно:

— А что это?

— Не знаю, — ответил я гордо, — но все равно поддерживаю даже фибрами. Война — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. Жаль только, что в ней гибнут молодые и красивые герои... потому я лично посоветовал бы напрямь все силы и резко ожесточить сражения, бесчеловечно и безкентаврье переведя их в наиболее жестокую фазу войны дипломатическими средствами.

Каменное Копыто и Чуткие Уши смотрели озадаченно,

я чувствовал, какая колоссальная работа идет в их литых чрепах, а простодушный Игогондр спросил туповато:

— Это как?

— Всякая дипломатия, — объяснил я, — есть продолжение войны другими средствами. Только более жестокими, бесчеловечными и не приносящими славы, так как в ней нельзя погибнуть красиво и величественно.

Он в отвращении отшатнулся, зато Каменное Копыто заинтересовался, даже привстал и вперил в меня подозрительный взгляд.

— Как вести такую войну?

— Сперва сузить ее до конфликта, — пояснил я. — Как я понял, храм не очень-то и важен вам, однако престиж...

— Храм важен не столько нам, — сказал Каменное Копыто рассудительно, — как нашему шаману. Он умел отгонять любые болезни, а волки и другие звери страшились подходить к нашим жеребяткам... Он и на новом месте сделал так, что прямо из-под земли ударили родники! И ни один табун не страдал от жажды.

Чуткие Уши вздохнул.

— Только с засухой ничего не мог сделать.

— С засухой никто не может, — заверил я.

— Точно? — переспросил Чуткие Уши с радостным недоверием. — А то его уже собирались побить.

— Не надо, — твердо сказал я. — Нет на свете таких колдунов, чтобы могли менять климат. Погоду — да, это каждый дурак может, но не климат. Да, если ваш колдун не хочет отдавать храм троллям... наверное, там в стенах нехилый запас магии. Мне нужно поговорить с шаманом.

Я задумался, они смотрели на меня с ожиданием, словно я вот прямо шас решу все их проблемы, все-таки царь природы и венец творения — это я, наконец Каменное Копыто проговорил с сомнением:

— И как ты думаешь решить так, чтобы храм остался за нами? Тролли ни за что не отдадут!

— Надеюсь, — сказал я, — у земноводных гордости меньше, чем у живородящих.

Крепкое Копыто повернул голову в сторону Игогондра. Тот моментально подтянулся и перестал чесаться.

— Отведи его к шаману.

— Хорошо, отец, — ответил Игогондр быстро. — Все сделаю!

Глава 10

Воздух за пределами шатра почти такой же теплый, а запах множества коней стал еще ощутимее. Кентавры ржали, лягались, то ли всерьез, то ли такие забавы дурацкие, в нашу сторону сразу посыпались грубые шуточки, Игогондр покрикивал, то и дело громко напоминал, что по делу вождя Крепкое Копыто, наконец прошли на другой конец лагеря.

— Вон там живет наш великий шаман, — сказал Игогондр почтительно.

Шатер шамана из черной кожи, душным и жарким воздухом дохнуло еще с двух шагов. Мне стало дурно при одной только мысли, что придется окунуться в ту вонь, и когда Игогондр протянул руку к пологу из тяжелых шкур, я шепнул быстро:

— А нельзя его сюда?

— Кого?

— Шамана вашего.

Он отшатнулся.

— Ты что? Он же шаман!

— Нельзя так нельзя, — сказал я обреченно. — Но на свежем воздухе и ему бы лучше...

— Почему?

— Изжаримся внутри. А у него возраст преклонный, поди?

— Он выходит только по делу, — ответил Игогондр. — Погоди, сейчас спрошу разрешения.

— Жду.

Игогондр приосанился, тряхнул шевелюрой, она красиво легла на плечи, коснулся рукой полога.

— Живородящий Гигак, — провозгласил он громко, словно королевский церемониймейстер, — можно тебя побеспокоить по важному для нас делу?

После длительной паузы из шатра донеслось ржание. Я насторожился, говорят на своем национальном языке, однако Игогондр покосился на меня и ответил очень внятно:

— Это наше превосходство над земноводными!

Из шатра после другой паузы ржануло, Игогондр сказал торопливым шепотом:

— Он разрешает войти!.. Никогда так быстро никому не позволяли...

— Живородящий, — сказал я значаще.

Игогондр откинул передо мной тяжелый полог, я перешагнул порог, качнулся от спертого воздуха, пропитанного конским потом, ароматом скисших настоев трав и мерзкими запахами протухшей рыбы. Внутри полумрак, но жарко, как в бане, вдоль стен в три ряда в кожаных петлях пучки трав и связки корней, на широком столе черепа мелких зверьков, змеиные шкуры, шестилапый скелет существа, размером с кошку...

Гора старых шкур, похожих на слипшиеся прошлогодние листья, зашевелилась, поднялась, я с содроганием увидел исхудавший корпус кентавра, старого и седого. Он зябко поправил на плечах плащ, взгляд исподлобья показался мне чересчур неприязненным.

— Старые кости требуют тепла, — буркнул он. — По какому делу?

Он вроде бы даже не заметил, что я человек, а Игогондр — кентавр, даже кентаврище, хотя любой бы вздрогнул или хотя бы вытаращил глаза, а этот настоящий политкорректный демократ, держит себя в руках и придерживает копытами.

Я поклонился и сказал быстро:

— Знаю, вы очень заняты, потому спрошу только: могу я как-то помочь уладить дело со спорным храмом?

Шаман покосился с еще большим недружелюбием.

— А ты можешь?

— Иногда удается, — ответил я скромно. — Я вообще-то переговорщик, умею находить общие точки. Но для начала необходимо ваше согласие прекратить разжигать войну.

— Разжигать?

— Да, — сказал я. — Настоящие поджигатели войны — это всегда идеологи, религиозные деятели, светила культуры... Меньше всего хотят воевать военные — им же класть головы. Словом, я хочу заручиться вашим словом, что если удастся уладить вопрос храма, война прекратится.

Он проворчал:

— Смотря как уладить... Храм должен остаться за мной. Я уже слишком стар, чтобы перенести новое откочевывание...

— Разумно, — сказал я серьезно. — Спасибо! Я пошел.

Я переступил порог, стремясь на относительно свежий воздух, когда он спросил в спину:

— И это все?..

Я обернулся, старый кентавр смотрел с превеликим недоумением.

— Все, — заявил я. — Я ж миротворец! Мне важно, чтобы мир во всем мире. Такая у меня причуда. Все мы разные... Но, конечно, при всей врожденной и приобретенной великой скромности не откажусь от большого пряника в награду за мои выдающиеся услуги... Но это потом, потом.

— А какой пряник? — спросил он настороженно.

— А какой дадите, — ответил я скромно, но со злорадством и смиренно потупил глазки.

К троллям я пробирался напрямик через лес, немного трусящий, но довольный, что нашелся с ответом шаману. Гордые кентавры устроятся унижить себя и дать мне недостаточную награду, какие начнутся споры, когда схлест-

нутся жадность и гордость, как же я люблю пакостить, неужели я такая подлая свинья...

Со стороны лагеря троллей несет старой тиной, ряской и дохлой рыбой. Там веселья еще меньше, при отступлении не успели вынести даже раненых. У костров только те, кто сумел уйти своим ходом. Но даже если отступление превратилось в бегство, здесь все равно больше зеленокожих с оружием в перепончатых лапах, чем воинственных кентавров в стане верховного вождя Каменное Копыто.

Я заорал издали:

— Я к своему лучшему другу на свете Квакарлу!.. Где Квакарл?.. Я без него просто жить не могу...

Прямо из-под земли, как мне показалось, в двух шагах поднялись зеленые туши. Запах рыбы и лягушачьей икры стал сильнее. Маленькие злобные глазки под уступами надбровных дуг заблестели, как и нацеленные в мою грудь острия копий.

— Хорошо замаскировались, — похвалил я дрожащим голосом. — Понимаю, мне надо было кричать еще раньше.

Ближайший тролль прорычал квакающим голосом:

— Замри. Не шевели даже пальцем...

— Я не держу в руках оружия, — сказал я.

— От тебя дурно пахнет, — объяснил тролль недружелюбно. — А ветер с твоей стороны.

— Прости...

— А ты, Шкрекун, — сказал тролль властно, — пойдешь отыщи Квакарла.

Второй тролль проворчал:

— Да где его искать?.. Давай лучше этого вот убьем, и все.

— Это не кентавр, — сказал первый тролль.

— Ну и что? Человек — хуже любого кентавра. Вообще хуже всех!

— Потому и нужно привести в лагерь живым, — отрезал первый тролль. — Кто знает, зачем он.

Шкрекун удивился:

— Зачем люди? Ыгал, не смеши, кто этого не знает?.. Чтобы погубить мир, так говорят мудрецы. А еще от них чесотка.

Ыгал прорычал:

— Выполняй!

Шкрекун ушел, недовольно бурча, я сказал Ыгалу с сочувствием:

— Дисциплинка хромает... Но это понятно, парень устал.

Троль посмотрел на меня с недружелюбием в упрямых под тяжелые надбровные дуги глазах.

— У нас война.

— За святыни надо сражаться, — поддакнул я. — Даже за непонятные. И чем непонятнее, тем возвышеннее и святее. Но интересно, что в святых есть что-то женское, а в женщинах нет ничего святого! Как думаешь, почему?

Он подумал, почесал голову.

— Дык кто их знает...

— Верно, — согласился я. — Никто не знает!.. Знал бы — властелином мира бы стал. Хотя и говорят...

...С Квакарлом явились еще двое, но мы не заметили, занятые сравнением достоинств красивых и умных, а также третьего класса — богатых, они сперва орали издали, но мы были слишком заняты этой самой интересной темой на свете, не слышали, и Квакарл подошел вплотную и заорал громко:

— Его зовут Рич, он спас мою шкуру!

Ыгал посмотрел на него, с недовольной мордой развернулся ко мне.

— А ты чего не сказал?

— Из удивительной скромности, — объяснил я, — что всегда меня так подводит, так подводит. А вообще я троллей постоянно спасаю целыми толпами. Если об этом рассказывать, то когда поговорить о ваших зеленых с вот такими?

Он хмуро растянул рожу в устрашающей ухмылке, мы друг друга поняли, первый контакт с иной цивилизацией

всегда надо начинать с обсуждения и сравнения достоинств баб.

Квакарл хлопнул меня по плечу зеленой лапищей.

— Пойдем в лагерь! Пить будем.

— Мне нужно повидаться с вашим шаманом, — сказал я. — Не нравится мне, когда убивают благородных троллей. Кентавров не жалко, это же копытные, да еще и лошади, а вот прекрасные и гордые тролли должны жить и метать свободно и безвозмездно паюсную икру...

— Мы икру не мечем, — обидчиво сказал Квакарл.

— Точно? Ну проклятые кентавры с их низкой пропагандой! Какую клевету возвели!

Квакарл сказал гордо:

— Мы уже давно откладываем яйца!..

— Какой прогресс, — сказал я потрясенно, — и такое замалчивают? Не иначе, как от зависти!

— Еще бы, — сказал он довольно, — нашим женщинам не приходится в муках...

— Потому что вы безгрешные, — горячо сказал я. — Вас Творец не изгонял из рая! Вы всегда оставались любимцами. А кентавры... у-у, животные! Мало в них гвоздей забивают!

— Мало, — согласился он, ошарашенный лавиной хвалебной информации. — Надо бы еще и еще. Я проведу тебя к шаману. А потом будем пить.

Ыгал и Шкрекун шли за нами, а чтоб не пропустить ни слова, буквально наступали нам на пятки.

— У вас справедливая война! — говорил я по дороге горячо и громко. — Никакие жертвы не велики, если за нашу троллиную честь и наше достоинство двоякодышащих троллей. Мы лучше погибнем все до последнего лягушонка, но храм не отдадим!

— Не отдадим! — закричал Шкрекун воодушевленно.

— Отстоим! — прокричал Ыгал.

— До последней капли зеленой крови! — крикнул я звонко и страшно. — Бей четвероногих!

На окраине лагеря нас остановили, один из стражников хотел было шутки ради огреть меня дубиной по голове, у троллей чувство юмора на высоте, но Ыгал со Шкрекуном и дубину отняли, и самому чересчур бдительному дали по шее, но я, чтобы не провоцировать, дальше шел с радостным лицом и распростертыми руками, восклицая весело и жизнерадостно:

— Привет, ребята! Привет, привет! Меня зовут Рич, я с вами в родстве, я — гордый сын лесов и вильгельмотеллей, закон — тайга, медведь — хозяин, без добычи не возвращаясь, ходить в лесу — видеть смерть на носу, на кентавров ставят, а на троллей кладут... Доблесть сделала из лягушки великого тролля, а из лошади всего лишь кентавра!

Квакарл шел впереди и расталкивал зеленые тела, утихомиривая и объясняя, что я друг и уже почти побратим, так как не просто спас, но и вылечил...

Впереди показался очень даже неприметный шалашик на отшибе. Что-то в нем показалось даже мне опасным и пугающим, а Квакарл остановился и указал в его сторону перепончатой лапищей.

— Вот.

— Ваш колдун? — спросил я с недоверием.

— Великий колдун, — подчеркнул Квакарл с великим почтением в голосе и поклонился, словно тот стоит перед нами. — Шаман!

— Что-то у него шалашик бедноват, — сказал я с сомнением. — Он, наверное, слабоват?

— Он может останавливать тучи! — сказал Квакарл гордо.

Я обернулся к остальным троллям и сказал громко:

— Когда кентавры получают от троллей пару раз по хребту, они превращаются в верблюдов!

Тролли радостно заржали, начали пересказывать порочащую противника новость тугоухим. Хохот пошел перекачиваться по всему лагерю, и, думая, часовые в лагере кен-

тавров подпрыгивают и сжимают в тревоге оружие, опасаясь ночного нападения ввиду такого бурного веселья.

Я издали пригнулся, чтобы не снести лбом верхнюю притолоку из толстой и неошкуренной палки. Жилище в самом деле слишком мало для верховного шамана всего племени, Квакарл вошел следом, держится смиренно и почтительно, даже меньше ростом стал. Я огляделся в недоумении, где же шаман, хижина чуть больше собачьей будки, с запозданием сообразил, что это только крыша, а вон ступеньки...

Квакарл тихохонько спускался сзади, задерживал дыхание, ступеньки земляные, снизу из просторного подвала несет сыростью, просто рай для жаб любого размера.

Я еще на ступеньках шумно потянул носом воздух и сказал самым довольным голосом:

— Как тут хорошо!.. наверху жара, сухой воздух, а тут хоть жаб разводи! Красота.

Квакарл сказал тихонько:

— Ну, я пошел. Если что, отыщешь наверху.

— А ваш шаман?

— Он здесь, — прошептал Квакарл. — Великий и мудрый Фрогакл изволит тебя принять... если не зашибет ненароком.

Я слушал за спиной его шлепающие вверх по ступенькам шаги, полумрак рассеялся, вон там под противоположной стеной ряд плетеных корзин, а между ними спиной ко мне, ничуть не обращая внимания на гостя, худой и мелко-костный тролль, с большой головой и тонкими лапами, что-то деловито перекладывает, сортирует, пробует на вкус длинным узким языком.

Я кашлянул, запоздало подумал, что лучше бы тихонько квакнуть, ну да ладно, умные люди и нелюди на этикет внимания обращают мало, сказал медленно и важно:

— Приветствую мудрого и достопочтенного Фрогакла! Я человек, хотя вроде бы и так видно, но это на всякий случай, так как не всякий человек есть человек, и не всякий

тролль заслуживает высокое право называться троллем, а то и вовсе может опуститься... между нами говоря, почти до кентавра...

Тролль повернулся и смотрел на меня исподлобья. Зелено-серое и умное лицо казалось мне хмурым и неподвижным, хотя глупо судить о других по человеческим меркам. Говорят же, что война между кошками и собаками идет только потому, что по-разному машут хвостами, хотя это, конечно, хрень, раз я в нее не верю.

Я продолжал осторожно:

— Люди не участвуют в вашей войне с проклятыми кентаврами, источником всяческих нечистот, потому годятся в посредники. Мне кажется, даже ваша благородная и в высшей мере справедливая война — не совсем уж и выход. Хотя она ставит целью спокойствие, но сейчас несомненное зло. И закончить ее невозможно, война никогда не кончается, она отдыхает. Сегодня самый верный признак могущества — не способность начинать войны, а способность предотвращать их словами и решениями действительно мудрых.

Шаман поднял голову выше, взгляд стал внимательнее. Я ощутил себя увереннее, все-таки огромный риск начинать разговор так откровенно, но к этому троллю с мудрыми глазами почему-то сразу ощутил доверие.

Я перевел дыхание и заговорил уже увереннее:

— Война — всего лишь трусливое бегство от проблем мирного времени. В войне не бывает выигравших — только проигравшие.

Фрогакл произнес медленным и чутьчку квакающим голосом:

— А как же со справедливыми войнами?

— Никакая война не может быть справедливой, — возразил я, — потому что воевать справедливо нельзя, даже если воюешь за справедливость. Если вы не покончите с войной, война покончит с троллями и кентаврами.

Он проворчал:

— Главное, чтобы кентавры подошли.

— Вы в самом деле шаман? — спросил я. — Или этот, не к ночи будь сказано, доблестный герой, жаждущий подвигов?

Он опустил голову, похоже, стало стыдно, проворчал:

— Ладно, что ты хочешь? Учти, людей мы не любим. И словам их не доверяем.

— А делам?

— Смотря каким.

— Увы, — сказал я, — вот так взять и выложить дела пока не могу. Но умные люди сумеют больше поверить умным словам, чем глупым и бесцельным делам.

Глава II

Он подошел ближе, крупные жабыи глаза изучали меня очень внимательно.

— И что у тебя за слова?

— О мире, — сказал я. — Даже если вы, великий и достопочтенный Фрогакл, работаете на войну, все равно понимаете, что расцвет воинского ремесла возможен только в мирное время!

Он буркнул:

— Я не работаю на войну.

— А на что? — спросил я и замер.

Он помолчал, буркнул еще тише:

— Просто так.

— А племя?

— Я ему помогаю, — ответил он. — Это мое племя. А подлые кентавры пришли и захватили храм, в котором я жил и трудился. Потому их надо всех перебить.

— Согласен, — сказал я, поднимая руки, — согласен, мне тоже не понравилось бы, если бы кто-то занял мой храм. С другой стороны... гм... если бы я нашел чужой подходящий, да еще заброшенный...

Шаман перебил:

— Я отсутствовал временно! И недолго.

— С годик? — предположил я ехидно.

Он посмотрел на меня сердито.

— Чуть больше. Где-то лет семьдесят. Или девяносто! Но точно меньше ста, а это совсем уж несерьезно!..

— Да, — согласился я, — это же миг с точки зрения вечности! Даже меньше... Думаю, кентавры поступили по-свински. И что вы, мудрый и достопочтенный Фрогакл, изволите теперь? Как я понял из ваших слов, это война двух шаманов, а не троллей и кентавров. Если вы двое сумеете уладить недоразумение, война сразу прекратится.

Он проговорил все еще сердито, но я с облегчением слышал в его голосе не столько рык, сколько кваканье:

— Недоразумение? Погибли сотни наших героев! А кентавров мы перебили столько, что не скоро захотят мира.

— Уже хотят, — сообщил я.

Он раскрыл рот, по моей спине пробежал озноб при виде двух рядов белых и острых пластин, у троллей они растут всю жизнь, даже у дряхлых старцев не уступают подростковым.

— Откуда ты знаешь?

— Я с ними говорил, — ответил я, оглянувшись и сказал тише: — Только никому не говорите, мудрый и достопочтенный, а то начнут о предательстве... Кентавры готовы прекратить войну, она для них ничуть не легче!

Он спросил настороженно:

— Я это знаю. Как и то, что наши тоже готовы. Но... никто не уступит. И война будет длиться, унося жизни и разоряя троллей и кентавров. Кентавров мне, конечно, не жалко, это тупые лошади с человечьими головами, пусть хоть все подохнут, но война очень уж бьет и по нашим замечательным троллям, лучшим существам на свете.

— Мы найдем компромисс, — пообещал я.

— Как?

— Думаю, — сказал я. — Но вы готовы к поиску консенсуса?

Он кивнул.

— Если он нас устроит.

— В смысле, — сказал я саркастически, — устроит вас, мудрый и достопочтенный Фрогун.

Он даже не напомнил, что его зовут Фрогакл, не мелочный, мыслит широкими категориями, только кивнул, соглашаясь, что да, если его устроит.

— Иначе, — сказал он, — не стоит и начинать.

— Думаю, устроит, — сообщил я. — Разве на мне не написано, что я помогаю всяким там колдунам? Все бросаю и помогаю! Что, в самом деле не написано?.. Странно, а чего же я тогда, как дурак...

Он вряд ли что понял, но я видел, с какой надеждой смотрит на меня. Я сказал раздраженно:

— Что я могу сделать? В данную минуту еще не знаю. Злые языки говорят, что мне все выпадало не по уму, а по счастью. Дуракам везет, у вас так тоже говорят? Хотя я далеко не всегда дурак. Иногда просто идиот. Потому и счастья выпадало немерено. Но вдруг поумнею, и счастье разом кончится? Придется зарабатывать умом, а это так тяжело и уже непрестижно...

Он сказал торопливо:

— Что ты, человек, с чего твое счастье кончится? Людям вообще везет не по скудному уму, а по благоволению нашего Зеленого Бога. Ты такой молодой, сильный и забавный...

— Я понял-понял, — заверил я. — Можете, великий и достопочтенный Фрогаст, не договаривать.

Он снова не повел ухом на намеренное искажение его имени, у меня свои тесты, сказал ровно и уверенно:

— Тем более, в самом деле можешь помочь... не забывая какие-то свои интересы.

Я поморщился.

— Знаете, воспитанные люди об этом не говорят.

— Но мы же здесь... без лишних ушей?

— Все равно, — сказал я сердито. — Не во всем можно признаваться даже перед собой. Творец, который создал вас

и нас, хоть все видит, но не все сможет поставить в вину, если возразить, что мы не ведали, что творили!..

Он тарашил на меня глаза в великом удивлении. И без того выпуклые, как у всех жаб, они стали еще огромнее.

— Ну и... бессовестные же, — проговорил он наконец, — нам всегда говорили, что самые подлые существа на свете — люди. Даже Творца пытаются обмануть!..

Я сказал торопливо:

— Это не обман, а уловка. Мелкая. Все люди — юристы, хоть и разной квалификации. А раз мы такие увертливые, то в искупление своих прегрешений взяли на себя долг помогать людям... ну, и всем прочим земноводным, пернатым и даже насекомым. Понимаете, долг. Дурак, сделав глупость, всегда потом оправдывается, что это было его долгом! Но я иногда думаю, что лучше всего — беречь дураков. От любых поручений. Но если вы не убережете, то я уберегусь... убегаюсь сам. Лично.

Он всплеснул руками в полном отчаянии.

— А я уже начал было надеяться... Уже подумал, что буду работать не на войну, а ломать голову над тайнами живородящих...

— Странно не то, — сказал я с усмешкой, — что дурак не оправдывает доверия, а то, что этого ждете, верно?.. Хотя, если пошевелить прямыми извилинами, что от воинской жизни становятся все прямее... возможно... гм... в тумане нашей проблемы начинает проступать некий смутный и пока весьма скользкий вариант. Скажите, вы можете превращаться в человека?

Он перекосил в великом и чуточку преувеличенном отращении мерзкую широкую харю.

— С какой стати?

— Можете или не можете? — повторил я настойчиво. — У меня есть знакомый тролль, мой лучший друг, можно сказать, он вообще путешествовал среди людей в людском облике.

Шаман сказал недовольно:

— Могу, конечно. Но так противно...

— Прекрасно, — сказал я. — Может быть, даже не понадобится. Маги все-таки затворники, а в четырех стенах хоть в мыслящую плесень превратись... Сейчас я вспомнил, какой же я молодец и вообще замечательный... нет-нет, я не это вспомнил, это я и так все время помню, знаю и люблю, вспомнил вариант получше, чем отвоевывать этот захолустный храм...

Он спросил настороженно:

— Какой вариант?

— В королевстве Тиборра, — сказал я, — самый богатый и могущественный город — столица Тибор. Там сейчас башня мага пустует.

Он спросил с недоверием:

— Почему?

— Ученик хитростью захватил ее, — объяснил я. — Учитель едва успел убежать. Ко мне вот так же обратились за помощью. Я умиротворил ученика, а потом и мага... не так на меня посмотрели или не то хрюкнули, уже и не помню, но чем-то оба меня размиротворили. А я страшен в гневе, сам себя боюсь. Рассердить, кстати, меня очень легко, я возбудимый весьма и зело.

Шаман бледный и трепещущий, уже весь внимание, потерял важность и спесь, неотрывно смотрел мне в рот.

— И... что с той башней?

— Полна трофеев, — заверил я. — Маг собирал туда сотни лет, а люди пошли от хомяков, потому умеют собирать лучше благородных троллей. Я вот не видел, чтобы лягушки что-то собирали, а вот хомяки какие запасики делают! У хомяков, а от них и у людей — это в крови. Словом, я могу позволить вам, великий и почтенный, занять ту башню. Тупые кентавры пусть довольствуются этим заброшенным храмом, зато у вас будет...

Его запрятанные под костяные выступы глаза медленно выпучивались до самых пределов, рот приоткрылся так, что язык вывалился и повис концом на уровне живота.

— Ты в самом деле убийца магов и разрешаешь мне занять ту башню?

Я милостиво наклонил голову.

— Изволю. Только сразу же укрепитесь там, мудрый и достопочтенный. Вы же знаете своих собратьев... не важно, люди, тролли, эльфы или кентавры. А этот храмик, как я уже изрек так умно, оставим кентаврам. Область здесь бедная, зато богатый город там — другое дело! Вы сможете принести пользы своим братьям намного больше, работая и за границей, где у вас больше возможностей. Пусть совесть ваша будет чиста перед породившим вас народом, который вы вроде бы оставили, но на самом деле никогда не оставите, даже если и забудете о нем вскоре, как это всегда бывает.

Он прошептал с горящими глазами, а это жутковато, когда вот такие глазищи да еще и горят безумной жадой поскорее добраться до великих возможностей там далеко, среди чужого племени:

— Да, конечно... я унесу родину на перепонках своих задних лап, она будет посещать меня в редких, надеюсь, кошмарах, но там я смогу реализовать весь свой огромный потенциал... От меня потребуется что-то еще?

— Пустячок, — сказал я милостиво, хотя сперва собирался умолчать, но наивный тролль слишком честно высказал, как он стремится выехать за пределы своего бедного края, и только дурак не выжмет на моем месте больше. — Принесете мне вассальную присягу... Чистая формальность, сами понимаете, но так положено, иначе рухнет вся иерархия. Я скоро отбуду в Сен-Мари, это очень далеко отсюда, почти за краем света, контролировать не буду...

— Как вы это сделаете?

— Уладь все в племени, — велел я, уже переходя на приказное «ты», — покончи с войной, а потом выбирайся... выбирайся... во-о-он за тот лесок.

— И что там?

— Тебя буду ждать либо я, — сказал я, — либо гонец от меня. Он и доставит прямо в Тибор к башне мага.

— А как... — начал он.

Я прервал:

— Не будем затягивать. Время дорого. Сейчас я удаляюсь, а ближе к вечеру жду. Не опаздывай!

Фрогакл, чтобы не раздражать сородичей неприглядным видом в мерзкой личине человека, выбрался за пределы стойбища, там превратился в человека и ожидал в указанном месте уже в виде очень дородного мужичка с мясистым лицом и щеками на плечах. А еще с таким выпирающим животиком, что в людской личине походил на большую толстую жабу намного больше, чем когда оставался троллем.

Я вышел из-за каменной гряды, стараясь ступать неслышно, Фрогакл переменялся в лице и застыл, почтительно трепеща.

Я медленно пошел к нему, разминая плечи и могучие когтистые лапы. Фрогакл посерел, лицо несчастное, но старался выдавить улыбку, а от почтительности едва не припал к земле.

— Ну чего? — буркнул я, старательно приглушая голос. — Ты и есть тот троллий шаман?

Он пролепетал, мелко-мелко трясаясь всем телом:

— Я, великий дракон!

— Великий господин, — проревел я, — и повелитель всего Рич прислал меня, чтобы я отнес тебя к башне неугодного ему колдуна, которую он изволил взять себе. Все верно?

Фрогакла затрясло сильнее, он едва пролепетал:

— Да-а... Если можно...

— Что значит «можно»? — прорычал я. — Если великий и громopodobный Рич велел, то можно все. Если не велел, то не можно. Что характерно — ничего.

— Слава великому Ричу! — проговорил он торопливо.

— Слава, — согласился я охотно. — А ты чего сам не отпустил крылья? Уже давно бы летел, аки птица, облая и озорная...

— Но я, — пролепетал он, — не умею в что-то огромное! И такое страшное... Только во что-нить мелкое и поганое. В человека, например.

— Да, — согласился я, — превращаться в человека — последнее дело. Но когда нужно какую пакость и гнусность совершить, то лучше человеческой шкуры ничего на свете нет.

Он сказал робко:

— Мудрецы говорят, что когда Великий Жаб хочет наказать кого-то, он превращает его в человека.

Я довольно хохотнул.

— Все верно. Человек может всё, пока не начинает что-то делать... Залезай, нам обоим тут делать нечего... Великий Рич велел спросить строго и с пристрастием: все уладил в племени?

Его тряхнуло, он прошептал робко:

— С пристрастием? Меня?

Я подумал, поскреб лапой лоб. Фрогакл пожелтел от жуткого скрежета.

— Может, — сказал я без особой уверенности в голосе, — не тебя?

— Точно не меня, — заверил он.

— Тогда ответствуй без пристрастия, — разрешил я.

Он с великим облегчением перевел дыхание.

— Все-все уладил, — сказал он торопливо. — Войны больше не будет. Все согласились оставить храм кентаврам, если у меня будет настоящая башня, что для нас еще почетнее и престижнее. А я смогу помогать племени оттуда...

Я рассматривал его внимательно, этот толстенький тролль обладает настоящим мужеством ученого: трясется от ужаса, но не похоже, что его можно утешить настолько, чтобы...

— Еще не передумал? — спросил я и чуточку дохнул в

сторону. Длинная струя пламени выжгла по земле коричневую полосу, где остались дымящиеся стебельки травы. — А то, если не хочешь уже...

Он судорожно вздохнул и сказал почти плачущим голосом:

— Нет!.. Башня... собственная башня... Вбирающая в себя магию... Я готов и жажду...

Мне стало неловко, я буркнул:

— Тогда чего ждешь? Залезай.

Он прошептал торопливо:

— Простите, великий дракон, это очень непочтительно, но я... да, уже лезу на вас, хотя так непочтительно, так непочтительно, что я просто и не знаю...

Не удостоив его ответом, я подставил лапу под мягкую колышущую задницу и пихнул вверх. Трепещущий Фрогакл в мгновение ока оказался за спине, торопливо всадил себя в щель между высокими шипами гребня, ухватился передними лапами, уже руками, но все равно еще лапами.

— Готов?

— Да, господин дракон!

— Молодец, — проревел я. — Ты молодец. И не трусишь, и сразу разобрался, где и как сидеть.

Он поежился, очень довольный, а я разбежался, все четыре мощно ударили в землю, оставив вмятины в твердой сухой земле. Крылья торопливо оттолкнулись от плотного, как вода, воздуха. Я пошел набирать высоту как можно круче. Фрогакл со своим объемным телом заполнил щели между двумя шипами, никакой ураган даже не сдвинет, можно за него не трястись. Я еще раз подумал, что он, переходя в личину человека, выбрал облик истинного красавца с точки зрения троллей: толстого, пузатого, короткорукого и коротконового, но как раз среди людей такие пользуются симпатией и доверием, а мускулистые красавцы раздражают даже умных и влиятельных.

Я поднимался по крутой дуге, а когда перешел в горизонтальный полет, встречный ветер стал сильнее, ревет в

ушах, свистит между иглами гребня, пытается найти щелочку между мной и Фрогаклом.

Мои выпуклые глаза дают прекрасный обзор как спереди, так и сзади, я сказал предостерегающе:

— Фрогакл, не высовывайся!.. У тебя уже морду перекосило!

— Это ветер, — прокричал он. — Интересно, как... Я всегда думал, как же видят птицы...

— Птицы, — заявил я авторитетно, — дуры одноглазые.

— Одноглазые?

— Только совы смотрят на тебя двумя глазами, — важно пояснил я. — А остальные... даже орел одним глядит на тебя родимого, другим... хрен поймешь куда. Как только у магов и хватает терпения смотреть их глазами!

— Я ни разу не смотрел, — крикнул он.

— Ничего интересного, — заверил я. — Мне как-то один дал попробовать... Мало того, что этими тупыми тварями управлять очень непросто, к тому же, как уже сказал, у каждой гляделки в разные стороны и видят две картинки. В птичьих мозгах как-то складывается, но у меня они начинали драться и давить одна другую! И либо какой-то бред, либо невиданные монстры... К тому же птицы цвета либо не разбирают, либо все смешивают...

Он крикнул горестно:

— Ну вот, а я уже размышлялся...

— Лучше сам учись отращивать крылья, — посоветовал я. — Такая красотища... Если бы еще и не стреляли в пузо.

Он помолчал, потом, видя, что я не такой уж и надменный дракон, хотя величественный и грозный красавец хоть куда, осмелился прокричать:

— Великий дракон, а что это за образование? Вроде бы лес, но почему движется...

— Это не совсем лес, — сказал я снисходительно, — хотя и лес. Это...

Он слушал почтительно, впитывал жадно, на вид сытенький такой толстячок, любитель почревоугодничать и

поспать после обеда, но у троллей свои аполлоны и неферитити, а для магов и шаманов лучшая и самая лакомая еда — новые знания.

Потом у него возникли новые вопросы, я некоторое время отвечал, а когда надоело и хотел велеть заткнуться, на горизонте выступили знакомые города Тиборры, а затем и сам Тибор.

Фрогакл всматривался с великой жадностью естествоиспытателя, выпуклые глаза стали еще крупнее.

— Как... бесподобно, — с трудом проговорил он. — Я даже не предполагал, что люди живут так... тесно!

— Больше людей, — авторитетно сказал я, — больше возможностей.

Тибор проскользнул под пузом и остался позади, а впереди показалась и начала вырастать высокая башня.

Фрогакл нервно заерзал.

— Она?

— Угадал, — сказал я одобрительно.

Он прошептал:

— Я боялся поверить.

— Почему?

— Она прекрасна...

Я повертел головой, сказал властно:

— Слушай внимательно. Как только сяду, слезай сразу без всяких поклонов и «спасибо». Как только почувствуешь под задними лапами землю, сразу ныряй в башню и дуй вверх по лестнице.

Он прокричал возбужденно:

— Все сделаю, как велите! Вы спешите?

— Не могу задерживаться, — объяснил я. — А то весь край заиками и трясунками сделаю.

Он вскрикнул в восхищении:

— Как благородно! Вы заботитесь о благополучии таких мелких существ, как людишки!

— Ага, — буркнул я, — миротворец потомушта.

— Спасибо, великий дракон!.. Передайте благородному Ричу мои заверения в преданности и послушании!

— Все передам, — ответил я.

Земля быстро приближалась, я не стал нарезать круги, все отмерено и высчитано еще на высоте, повернул крылья. Напор плотного воздуха едва не вывернул из суставов, но я опустился точно перед дверью, присел.

Фрогакл быстро-быстро, как толстый хомяк, скатился с моей спины на землю.

— Ловушки обезврежены, — крикнул я вдогонку, — а призраков не испугаешься. Потом и ловушки можешь восстановить... Все, действуй!

Он бросился к двери, словно кто-то может опередить, хотя любую башню колдуна обходят стороной и даже стараются не смотреть в ее сторону, чтобы не сглазила.

Глава 12

Сердце тукает часто и сладостно, словно крохотный цыпленок жадно клюет пшенные зернышки, пока его не опередили большие и злые птицы. Тибор — это не столица королевства, а город, где живет принцесса Элеонора. А самое красивое, прекрасное и замечательное место в Тиборе — королевский дворец, но только потому, что принцесса находится именно там, либо гуляет по саду, либо на веранде кормит голубей и разных птичек, что доверчиво берут хлебные крошки прямо из ее ладони.

Я уже в прежней личине надменного кочевника вошел через парадные ворота, высокий и блещущий на солнце обнаженными плечами, на широкой перевязи меч за спиной, походка уверенная, взгляд твердый, хозяйский.

Дорогу мне уступают не только челядины, но и стражники, даже придворные торопливо отскакивают в сторону, потому что я двигаюсь, как айсберг, не обращая внимания на пышные одежды, напаянные на что-то такое суетливо и пискливо двуногое.

Я шел быстро и уверенно, так же вошел во дворец, из холла прошел в зал, ведущий на веранду. Ноги сами отяжелели, я торопливо замедлил шаг, а в голове заметались суматошные мысли.

На веранде, опершись руками о перила, Элеонора и Элькреф смотрят вниз на двор, я услышал страдальческий голос ярла:

— Элеонора... я видел, какими глазами ты смотрела на этого дикаря!.. Он только вошел в сад, а ты уже не отрываешь от него взгляда... Великое Небо, мне на миг самому захотелось им стать... но это же дико и глупо!

— Он силен и красив, — проговорила Элеонора задумчиво.

— И что?

— В нем есть достоинство.

— А в ком из нас его нет?

Она покачала головой.

— У челяди нет. Да и у большинства кочевников, хоть и говорят постоянно о своей гордости. А про этого даже не скажешь, что дикарь...

Я тихохонько отступил, намереваясь выйти и бесшумно закрыть дверь, однако за спиной послышались громкие голоса и приближающиеся шаги. Судя по разговору, идут придворные, разговор бестолковый, но им попадаться на глаза нельзя ни в коем случае, каждый о других судит в меру своей испорченности, тут же решат, что подслушиваю...

Я прижался к стене, ожидая, вдруг да пройдут мимо, однако эти тупые дураки остановились, то ли прощаясь, то ли заканчивая разговор, а мои уши сами по себе бессовестно ловят отчаянный голос влюбленного ярла:

— У дикарей достоинства больше, чем у королей!.. Но это ничего не значит! Он дик и необразован, я сам совсем недавно научился ценить сложность и красоту городов. Не станет ли тебе скучно с кочевником, когда пройдет первый восторг его силой и отвагой? Сперва скучно, а потом и вообще... Ты ведь не такая, ты не смиришься!

Я видел, как она чуть повернула голову, явно взглянула с новым интересом.

— Ты тоже подумал, что я могу... с ним?

Придворные точат лясы прямо у двери, не проскользнуть, даже если стану исчезником... я подумал и на всякий случай перетек в незримость, прижался к стене, но все равно видел, как руки ярла с силой сжали перила, и слышал, как голос дрогнул в мужском страдании.

— Элеонора, я ревную тебя ко всем! Даже к этому... Но только я тебя люблю безумно, я забросил дела племени, за что и поплатился, я забыл свой народ, я принял все то, что ценишь ты! Элеонора, я все для тебя сделаю, чтобы ты была счастлива! А этот дикарь даже не оценит, как много ты значишь!

Она сильнее оперлась обеими руками на широкий верх балюстрады, склонившись чуть, плечи выдвинулись остро и вызывающе, задумчиво смотрела поверх сада в темнеющую даль, где в небе все еще грозно догорают лиловые облака.

— Не знаю... — произнесла она таким неуверенным голосом, что я на миг усомнился, в самом ли деле говорит именно принцесса, получившая прозвище Гордой. — Он пришел... и я вдруг ощутила, что есть и другая жизнь...

Он повернулся к ней и встал боком к перилам, глядя на принцессу жадно и неотрывно.

— Элеонора! Ты и раньше знала, что у степняков все по-другому.

— Только знала...

— Этого мало?

— А сейчас ощутила.

— Элеонора, это невозможно! Простой дикарь не должен тебя смутить.

Из ее груди вырвался глубокий вздох.

— Я почувствовала, Элькреф, как мало я знаю. Нельзя презирать то, чего не понимаешь. А я так делала. Не пото-

му, что выше, а по невежеству. Надеюсь, он победит в состязаниях.

Он смотрел на нее отчаянными глазами.

— Опомнись! Что ты говоришь? Зачем тебе его победа?.. Неужели ты хочешь, чтобы он просил твоей руки?

Она загадочно улыбнулась.

— Эль... Разве ты не видишь, что он одолеет даже Улабега и Митиндра, а они считаются самыми сильными бойцами?

Он покачал головой, голос его упал до шепота:

— Элеонора... а как же мы?

Она быстро взглянула на него, мне почудилось, что щеки слегка заалели, затем она ответила ровным голосом:

— Мы всегда были хорошими друзьями. Мы ими и остаемся.

— Элеонора! Разве мы не условились? Как только пройдут праздники, я буду просить у твоего отца руки его дочери!

Она медленно повернулась и стала смотреть вдаль поверх вершин деревьев.

— Милый Эль, — донесся до меня ее тихий голос, — мне кажется, мы поторопились. Давай чуточку отложим этот разговор. Все переменялось. Я сейчас уже не такая, какой была совсем недавно. Я не знаю, что со мной произошло... или во мне. Но, пожалуйста, не торопи меня... не торопи...

Он вскрикнул, как раненый зверь:

— Элеонора!.. А все те планы, которые мы строили?.. Мы же продумали на десять лет вперед, как будем жить, чем заниматься, что делать!.. Вспомни, какую счастливую жизнь мы себе нарисовали!..

Она прошептала, не поворачивая головы:

— Это было детство.

— Это не детство, — запротестовал он. — Я все тот же! И я не позволю ни тебе, ни ему нарушить наше счастье. Я буду драться за нашу будущую жизнь.

Она произнесла ровно:

— Не надо, Эль.

— Ну почему?

— Ты не знаешь, на чьей стороне я буду.

Он вскрикнул:

— Что ты говоришь?

Она покачала головой, все так же рассматривая первую мерцающую звезду на пока еще залитом красным огнем небе:

— Я сама не знаю. Прости, Эль, у меня что-то разболелась голова. Давай отложим эти... разговоры.

Он вскрикнул отчаянным голосом:

— Я все сделаю для того, чтобы ты была счастлива!

Она сказала задумчиво:

— Ты меня прости, Эль, ты мой лучший друг, но... я чувствую, что этот десятник полностью завладел моими мыслями и мечтами. Он даже снился мне...

Придворные наконец разошлись в разные стороны, я поспешно отступил, не выходя из шкуры незримника, выскользнул за дверь, а уже там вернулся в личину издали видимого могучего и надменного кочевника, прошагал через залы и вышел во двор, где на другой стороне выглядывает из зарослей сада крыша гостевого домика.

По коридору в мою сторону грузно топают уже знакомый ветеран с вьюношем, по их лицам видно, что вот так оттопали уже взад-вперед несколько миль, я кивнул еще издали.

— Привет, орлы!

Ветеран поморщился, я уже ожидал, что поправит, дескать, они не орлы, а львы, однако тот сказал лишь:

— Говорят, тебе счастье привалило, с кучей золота вернулся...

Я буркнул:

— Для полного счастья хотелось бы выжить.

— Но ты нашел, — сказал он с завистью. — И выжил...

— Просто повезло, — сказал я. — Найти жемчужину среди ракушек непросто, ладони чаще загребают песок и

камешки. А насчет выжил... тоже говорить еще рано. Вы никогда не думали, что в городах опаснее, чем ночью в лесу?

Они молча смотрели, как я открыл дверь, выюнош сказал в спину тоскливо:

— Я бы лучше в лесу. Изюминку можно искать и в здешнем навозе, но что с ней потом делать?

Я усмехнулся с пониманием, знаем эту проблему, плотно закрыл за собой дверь. Их шаги удалились, я со вздохом облегчения стащил через голову перевязь с тяжелым двуручным мечом в богато отделанных ножнах. Громадный, зараза, но при моем росте полагается нечто соответствующее, иначе уважать не будут...

Мысль вернулась к ярлу Элькрефу и принцессе. Мужчины с начала времен сражаются за женщин. Но ради женщин ли? Или ради себя?

Я тяжело опустился на ложе, оно заскрипело под моей тяжестью, а мои уши уловили в коридоре шаги бегущего человека, резкие голоса ветерана и выюноша, что подражает старшему даже в окриках, чей-то сбивчивый голос...

Я насторожился, рука сама потянулась к отдыхающему рядом двуручному мечу.

Стук в дверь, я не успел открыть рот, дверь распахнулась, на пороге возник молодой стражник в кожаном панцире из простеганной в два слоя шкуры буйвола. Штаны тоже из буйволиной шкуры, как и сапоги, такое единство стиля характерно для людей конунга Бадии. А еще обязательный красный пояс, отличительный знак военной элиты мергелей.

— Десятник Рич, — выпалил он, — тебя срочно требует ярл Элькреф!

— Ого, — сказал я, — наконец-то... То тянул, а теперь срочно...

Он переступил с ноги на ногу, нахмурился, насколько сумел, и постарался сделать голос строгим:

— Срочно — это сразу же встать и бежать к нему!

Я уже хотел было подняться, но сейчас бес толкнул меня

в бок и заставил лежать да еще и развалиться поудобнее, словно сытая свинья на удобном для ее спины и задницы королевском ложе.

— Вот так сразу?

— Да! — сказал он еще строже.

— А я что, — спросил я с интересом, — служу Элькрефу? Или конунгу Бадии? Ты от него прибежал?

Он стиснул челюсти, шагнул в комнату и угрожающе напряг мышцы. Я смотрел насмешливо, но сердце начало бухать чаще, торопливо готовя организм для быстрой и злой схватки.

— Ты подчинишься? — спросил он сдавленным голосом.

— А ты бы подчинился? — спросил я.

Он прорычал что-то, его рука метнулась вперед, но сдернуть человека с кровати куда труднее, чем усадить, тем более, когда я уперся ногами и великодушно позволил ему попытаться меня поднять.

— Так ты... — пропыхтел он, — пойдешь сам... или...

— Или, — ответил я.

Он не успел хрюкнуть, как я ударом ноги в живот швырнул его через всю комнату. Стена дрогнула от удара, хоть и каменная, посыльный сполз на пол и лежал там, держась за живот и жадно хватая раскрытым ртом воздух.

— Уползай, — разрешил я милостиво. — И скажи, что людям степи нужно выказывать больше уважения. Кто бы тебя ни послал.

Он в самом деле половину пути к двери проделал ползком, потом поднялся на четвереньки и только там ухватился за косяк. Поднявшись на дрожащие ноги, он бросил на меня ненавидящий взгляд и вывалился в коридор.

Когда дверь за ним захлопнулась, я поднялся и опоясался мечом. На всякий случай осмотрел комнату, все ли взял, самое ценное из вещевого мешка переложил в кожаные сумочки на поясе, похожие на кошельки.

Жаль, остается таинственная шкатулка и нелепый арба-

лет, но еще не значит, что придется убегать и не смогу за ними вернуться.

Ветеран и вьюнош посмотрели с уважением и завистью. Ветеран вздохнул, а вьюнош проговорил горестно:

— Опять приключения!

— Я лучше бы поспал, — ответил я честно.

— Понимаю, — прошептал вьюнош.

Что он понял такое особое, я не стал интересоваться. Мы, сыны степей, интересуемся только великими свершениями, что обязательно к победе и славе.

На выходе от двери отпрыгнул челядин, мелкий и неприметный, таких хорошо брать в шпионы, настоящие незримники без всякой незримности.

Покои ярла Элькрефа в главном здании, пришлось пройти через три зала с придворными. И хотя их немного, но все провожают пытливыми взглядами, не люблю, так бы и дал по морде, хотя и знаю, что на такого красавца все смотреть и любоваться просто обязаны.

В этом крыле нет стражи, мне просто указали на роскошно украшенную золотыми листьями и желудями дверь, я открыл вежливо и переступил порог, сразу погружаясь в океан ароматов изысканных запахов. Так, думаю, пахнет только в женских покоях, да и то не у принцессы, а у Юденильды и прочих флейлин.

Элькреф в просторном одеянии, похожем на тогу римского сенатора, с голыми ногами, сидел за мольбертом, злой и нахмуренный. Едва я переступил порог, он вскочил, шагнул ко мне, прямой и напряженный, как тетива на тугом луке.

Я сказал предельно вежливо:

— Приветствую.

И замолчал, это женщины должны говорить много как при встречах и расставаниях, да еще и расцеловываться в обязательном порядке.

— Да-да, — ответил он нетерпеливо, — и я тоже.

— Что-то случилось? — спросил я ровным голосом.

Он всматривался в меня с изумлением и гневом, а когда заговорил, почудилось, что всякий раз с лязгом перекусывает толстую проволоку:

— Я составил письмо брату. Вот, держи! Отправляйся немедленно.

— Спасибо, — сказал я, вежливо поклонился, кочевник отдает дань уважения кочевнику, затем уточнил: — Спасибо за... быстрый ответ. Чувствуется, что успели пожить в городе. Здесь никто никуда не спешит, люди такие спокойные, мирные, ленивые... Приходи и бери их голыми руками.

Он нахмурился, сказал резко:

— Я уже распорядился, на кухне соберут запасов на две недели в дорогу. Коня твоего осмотрят и перекуют, если надо.

— И даже платить не нужно? — спросил я.

Он поморщился, сделал отстраняющий жест, словно отгонял муху.

— Не беспокойся. Здесь дворец короля.

— Хорошо живете, — сказал я. — Все вам бесплатно. Но если что, могу и заплатить! А то как бы не было урона моей степной чести и кочевому достоинству благородного варвара.

Он снова поморщился, сказал уже раздраженно:

— Никакого урона, уверяю тебя!..

— Прекрасно, — ответил я. — Только теперь уже я не спешу.

Он нахмурился.

— Что это значит?

— Побуду еще пару дней, — сказал я. — Благородный ярл, вы в первый же день, принимая меня с письмом от брата, посоветовали побродить, ознакомиться, пообщаться... Город меня в самом деле заинтересовал. Почти весьма. Не совсем весьма, можно и весьмае, но... ага, точно. А я такой любопытный, такой любопытный... Можно сказать даже, любознательный местами.

Он выпрямился еще больше, плечи стали шире, а вид в самом деле злой и грозный, почти уже не глиноед, а воинственный кочевник.

— Я бы посоветовал, — сказал он раздраженно, — ехать сегодня. Прямо сейчас. Брату нужен ответ!

— Он ждал столько лет, — напомнил я его же слова. — Пару дней для него ничего не значат. А вот для меня...

Желваки заиграли под его смуглой кожей, рука дернулась. Я видел, как удерживается, чтобы не пошарить в том месте, где должна быть рукоять меча, но сейчас пальцы нащупают только пустое место на поясе.

Судя по его лицу, вспомнил, что здесь давно уже ходит без оружия, взглянул бешеными волчьими глазами.

— Что, — проговорил он сдавленным голосом, словно с усилием душил в себе зверя, — что для тебя этот город? Или что в нем такое?

Я посмотрел на него в высокомерном недоумении.

— Разве не видно? Бадия медленно берет власть. Остался шажок, чтобы сесть на королевский трон. Я защищаю интересы Растенгерка, а это значит, мне усиление чужого конунга как поглаживание против шерсти. И хотя самого Растенгерка здесь нет, но тут его брат... младший, что налагает, а то и накладывает обязательства. Определенные.

Он произнес враждебно:

— Я позабочусь о своих интересах сам.

Я пожал плечами.

— Сколько угодно! Я представляю интересы Растенгерка.

— Как?

Я ответил так же прямо:

— Если понадобится, остановлю конунга. Других мужчин, как я вижу, здесь нет. Или настолько слепы.

Он переспросил с едкой иронией:

— Как? У него здесь десятки самых лучших воинов. Не знаю, что пообещал, но за ним идут в огонь и воду. К тому же в любой момент может вызвать еще хоть сотню из родного племени.

Я сунул пакет за пояс, отступил и сделал прощальный жест, вежливый и насмешливый разом.

— Развлекайтесь, ярл Элькреф.

Когда за мной закрылась дверь, я услышал грохот и свирепый рев, словно наедине с собой ярл крушит мебель и бросается на стены.

Глава 13

Во дворе то ли кочевников все больше, то ли я начинаю всматриваться в них слишком уж пристально, вот уж в самом деле в каждую бочку... и хорошо бы только в бочку.

Из домика для гостей вышел крепкоплечий мужчина, высокий и ладно сложенный. Лицо очень немолодое, но сухое тело полно силы, под смуглой кожей перекачиваются тугие мускулы и вздуваются толстые жилы. Пояс, как я сразу отметил, не красный, а коричневый, да еще и с характерной накладкой в виде медных ромбиков, что явно указывает на принадлежность к некому клану.

Он сразу вперил в меня цепкий взгляд острых глаз, брови слегка приподнялись.

— Эй, — сказал он с дружелюбной улыбкой, но голос звучал властно, — а ты кто таков?

Я ответил сдержанно:

— Ричард из клана Робких Зайчиков.

Он вытаращил глаза, окинул меня взглядом с головы до ног и вдруг расхохотался.

— Задиристые у вас мужчины!.. Это чтоб всякий, услышав такое, начинал хохотать, а ему сразу в морду?.. Здорово придумали!

Я пожал плечами.

— Это не я придумал. Еще при моем деде отделились от друтого племени...

— Какого?

Я развел руками.

— У нас это табу. Наверное, сильно рассорились, если даже имя под запретом. Так что мы теперь — клан Робких Зайчиков.

Он сказал весело:

— Добро пожаловать, Ричард из клана Робких Зайчиков!.. Имя у тебя тоже не совсем нашеньское.

— Не я выбирал, — ответил я предельно честно.

Он почесал в затылке.

— Да уж... Меня вот зовут Рогозиф. Представляешь?.. Врагу не пожелаю такое имечко.

— Достойное имя, — возразил я. — В наших краях так звали одного героя. В одиночку сразил дракона! Еще и золото драконье занибелунгил подчистую.

Он вытаращил глаза.

— Правда?..

— Клянусь, — сказал я. — Так что не имя делает человека. Все те, кто называют свои племена Тиграми, Драконами, Львами или Свирепыми Василисками, — трусы, что маскируются под сильных. А нам с тобой этого не надо, верно?

— Точно, — согласился он. — Пойдем, выпьем?

— С удовольствием.

Для прибывающих гостей Его Величества Жильзака Третьего, а также для кочевников конунга Бадии поставили добавочные столы на широкой каменной веранде, огороженной невысоким ажурным заборчиком из серого мрамора. Мне до пояса, справа грозная стена из крупных глыб, справа простор, далеко поверх вершинок невысоких деревьев сада виднеются домики, поля, отары овец, стада коров. Далекие горы покраснели в лучах вечернего солнца и выглядят слегка поджаренными, как корочка ржаного хлеба.

Вечер тих и спокоен, воздух неподвижен, настоящий на дневных запахах трав, сена и луговых цветов. Кроме кочевников за столами уже никого, что и понятно, приличные гости постепенно начали искать другие места для отдыха.

— Я прибыл недавно, — рассказывал Рогозиф, — хочу присмотреть домик, осесть, обзавестись семьей. Я тоже кочевник, но, как видишь, уже оседлый... ха-ха!.. И такой глиноед, что всем глиноедам глиноед. Пять лет прожил в одном

городе, три в другом... Но не прижился, хочу уюта еще больше, чтобы глиноедствовать, так глиноедствовать всласть!

Я поинтересовался:

— Не обижает?

— Прозвище?

— Ну да, все-таки почти ругательное.

Он ухмыльнулся.

— Они нас называют глиноедами, видишь, «нас», я уже причисляю себе к горожанам, мы их... гм... как и они себя — Рожденные Морем. Только для нас это не звучит настолько же красиво и величественно.

Я ухмыльнулся.

— Горожане вкладывают свое значение?

По его тонким губам скользнула и пропала мимолетная улыбка.

— Нет, принимают их.

— Так в чем же...

— А ты не видел, сколько мусора море выбрасывает на берег?.. Так что даже в этой мелочи у нас полное взаимопонимание. Главное, уживаемся. И пусть так и будет дальше.

— Выпьем за это, — сказал я.

Двое слуг вынесли и поставили на особом помосте кресло с высокой спинкой, похожей на трон. Чуть позже появился конунг Бадия, его встретили веселыми воплями, стуком ножей по столу, а он улыбался и милостиво наклонял голову.

Мы с Рогозифом неторопливо смаковали хорошее вино, я присматривался к нему с интересом. Странно и любопытно видеть, как человек стоит одной ногой там, другой — здесь. Иногда вспыхивает патриотизм кочевника, тут же признает, что у глиноедов вино намного лучше, даже именует их — невиданное дело! — тиборцами, горожанами, достойными и очень хорошими соседями, с которыми рядом хотел бы прожить остаток дней.

Я присматривался и к нему, такие ветераны нечасто бывают в городах, а если уж и появляются, то не задерживают-

ся. Рогозиф прибыл вчера, так он сказал, но по нему не видно, что пустит корни в этом городе, как заявил, в то же время у меня нет ощущения, что скоро покинет Тибор. Напротив, у меня возникает странное ощущение неясной тревоги, когда вижу, как он обводит испытующим взглядом стены дворца, останавливает его на окнах, дверях, на прохаживающихся часовых...

— Как тебе наш конунг? — спросил он внезапно.

Я помедлил с ответом, Рогозиф спрашивает слишком беспечным голосом, а по ответу многое можно будет понять, даже если совру. Конунг улыбается, снова улыбается, один из кочевников вскочил из-за стола и подбежал к нему с кубком в руке, конунг с той же улыбкой принял, сразу же осушил до дна под крики одобрения.

— Хорош, — осторожно ответил я.

Рогозиф удивился:

— И это все?

Я кивнул, не разжимая губ. Конунг выглядит слишком открытым и беспечным, а это самые хитрые и скрытные сволочи. Я сам такой, улыбаюсь и говорю любезности, в моем «срединном» королевстве это называется хорошим воспитанием и политкорректностью, а здесь — тем, чем оно и является: лицемерием и притворством.

Высок, силен. И, как говорят, очень умелый боец. А когда очень умелый, то и не различить, что от умелости, а что от магии. У простых кочевников хоть один амулет да есть, у иных — по два-три, а люди могущественные или богатые сосредоточивают в своих руках не по одному и не по два.

Конечно, все их берегут, жаль использовать по мелочи или там, где можно без амулета, но моя беда в том, что с конунгом вполне можем схлестнуться в схватке не на жизнь, а на смерть. И тогда пустит в ход все амулеты, талисманы и все-все, что у него есть...

Сердце мое время от времени начинало стучать чаще. Я спохватывался и старательно налегал на вино и мясо, с преувеличенным вниманием рассматривал красоты сада.

Соседняя веранда расположена на уровне второго этажа и намного левее. Я уловил там движение, хотя сидел спиной, чуть повернул голову и увидел красное с золотом платье принцессы. Но поприветствовать ее не успел: тут же из-за колонны появился ярл Элькреф, подошел и встал рядом.

Сердце мое оборвалось и упало из грудной клетки в бездну. Я никогда не думал, что я такая глубокая натура, падение продолжалось и продолжалось, а я сидел с таким мрачным лицом, что Рогозиф спросил участливо:

— Вино кислое?

— Если бы только вино, — буркнул я.

За столом все нарастает веселье, кочевники запели что-то лихое и хвастливое. Один выбежал из-за стола и пустился в пляс. Ему хлопали, кричали одобряюще, а он выделывал коленца все замысловатее.

На верхней веранде к принцессе и Элькрефу присоединились трое знатных придворных, я для себя их называл за неимением подходящего термина вице-канцлерами, монополия Элькрефа на принцессу нарушилась, но мое настроение осталось таким же мрачным.

Внизу из-за накрытого стола воздел себя крупный воин, лицо в шрамах, вид устрашающий, оглядел всех налитыми кровью глазами и заорал хриплым воинственным голосом:

— Мы, мергели, стали самым заметным племенем в Степи и Пустыне! У нас самые храбрые воины, у нас лучшее оружие, а наши женщины могут сражаться, как мужчины!

Кочевники довольно ревели и стучали по столам рукоятками ножей. Со второй веранды Элеонора бросила на меня быстрый взгляд, я тоже совсем недавно говорил о такой свободе для женщин.

Вице-канцлеры конфузливо улыбались и отводили взгляды. Я чувствовал растущее раздражение. Тупое бахвальство всякого выводит из себя, а когда отпора не может быть в принципе — это вообще отвратительно.

— Очень достойно, — сказал я саркастически, — возве-

личивать самих себя в своем же кругу! Я пока что вижу, мергели в этом преуспели.

Рогозиф положил ладонь мне на локоть.

— Не заводись, — шепнул он. — Я вижу, тебе очень хочется подраться. Но... не надо.

— Почему? — буркнул я.

— Это сам Корн, — сказал он негромко.

А кочевник, которого он назвал Корном, повернулся в мою сторону всем телом и прожигал меня ненавидящим взглядом.

Голос его прозвучал подобно реву лесного зверя:

— Что ты хочешь сказать?

Я повел рукой вокруг, а глазами держал лица сидящих за столами.

— Это же очевидно. Здесь нет людей из других племен, перед лицом которых ты рискнул бы повторить свое бахвальство. Может быть, потому и такой смелый, что их нет?

Элькреф насторожился, Элеонора ухватила его за локоть, Элькреф что-то пошептал ей на ухо, она отрицательно покачала головой, не сводя с меня взгляда.

Корн превратился в каменный столб с раскрытым ртом и выпученными глазами. Я думал, его тут же хватит удар, но у степняков прекрасное здоровье, он дико завизжал и ухватился за рукоять меча. Его друзья моментально повисли на нем, как собаки на медведе, ухватили за руки и плечи.

— Ты... — заорал он, — ты... ты кто? Ты откуда?

— Я единственный, — ответил я громко и гордо, — кто здесь не из мергелей. Потому по воле Морского Коня отвечу за все племена великой и вольной степи, гордым сыном которой являюсь... и мой ответ будет прост и ясен — ты врешь, как подлый и никчемный пес!

Он просипел, потеряв голос от ярости:

— Я?... Вру?

— Как наглый и трусливый шакал, — сказал я, — который облаивает львов тогда, когда они его не видят и не слышат.

Конунг, слегка наклонившись в кресле, рассматривал нас очень внимательно. Я чувствовал его ощупывающий взгляд, но следил за Корном, который время от времени делал резкие попытки вырваться из цепких рук.

Корн тоже бросил взгляд на конунга, я уловил неуверенность, еще не знает границы допустимого.

— Хорошо, — процедил он со злобой, — в чем я соврал?

— Мужчины в моем племени сильнее, — заявил я громко, — храбрее, отважнее. Еще умеют сражаться, а не вопят, как бабы на рынке, о своей умелости. А наши женщины тихие и робкие потому, что наши мужчины умеют их защитить. Им не приходится самим драться с чужими мужчинами.

Он снова завизжал, как недорезанная свинья:

— Наши женщины... они просто такие!

— Все возникает по необходимости, — возразил я. — Ни одна женщина не станет махать тяжелым мечом, если можно беспечно и без страха собирать цветочки, приучаясь нагибаться, и вышивать крестиком.

Он смотрел на меня бешеными глазами.

— Что ты хочешь сказать, дурак?

Я проигнорировал оскорбление, сказал холодно, такое запоминается и действует лучше:

— Женщина должна быть мягкой, покорной и ласковой. А не зверем с мечом в руках. В нашем племени женщины мягкие. И теплые. Вот что я хотел сказать. И сказал.

Его соратники ревели, хохотали, хлопали друг друга по обнаженным спинам, подбадривали, как ни странно, обоих. Симпатии разделились, хотя линия прошла странно по каждому: все за Корна, как за своего, и в то же время считают правым меня. Даже самые сильные из мужчин, чего уж прикидываться перед самим собой, предпочитают женщин мягких и покладистых.

Элькреф снова прошептал что-то Элеоноре, она так же отрицательно покачала головой.

Я сказал громко:

— Да отпустите вы его. Кто так громко лает, кусать не умеет.

Его отпустили, Корн тут же выхватил меч, но не бросился на меня, уже вспомнил, что сам конунг смотрит на ссору, а еще и лучшие воины племени, не говоря уже о горожанах.

— Если у вас такие сильные мужчины, — потребовал он, глядя на меня хищными глазами убийцы, — докажи!

Конунг нахмурился, я видел, как тень пробежала по его лицу. Рановато показывать свою силу, но, с другой стороны, я не горожанин, это как бы внутренние разборки кочевников, короля и его знать не рассердит и не обидит...

— Перестаньте, — сказал он медленно, — у нас, людей степи, все женщины прекрасны, а мужчины сильны и отважны.

Одни загудели, соглашаясь, другие заворчали, вдруг да схватка не состоится, а Корн, видя, что конунг не запретил прямо, а лишь как бы выразил неодобрение, даже сообразил, что конунг говорит больше для горожан-глиноедов, прорычал:

— Признайся, что соврал, расхваставшись, и я верну меч в ножны!

Я сказал громко:

— Правило нашего племени гласит: никогда не обнажай оружия без крайней нужды. Но если обнажил — бей, а не болтай языком, как старая баба...

Глава 14

Я не договорил, он завизжал в ярости и метнулся на меня с поднятым клинком. Я даже не успел выхватить свой из ножен, хотя уже готовился, еле успел избежать смертельного удара сверху, метнувшись в сторону, зато ухитрился дать проскочившему мимо герою пинка в зад. Он ударился о тяжелый стол и едва не перевернул на хохочущих кочевников, а я уже вытащил меч и ждал в боевой стойке.

Его удержали от падения, развернули ко мне лицом. Он

закричал еще громче и бросился с той же яростью, полосуюя воздух ударами во всех направлениях. Я не стал увертываться, хотя, наверное, успел бы, пусть даже он очень быстр, зато я становлюсь быстрее не по дням, а по часам, вскинул меч, стальные полосы сшиблись со скрежещущим визгом, звоном, полетели короткие искры.

Крики замерли, бой из банальной пьяной ссоры перерос в красивый поединок: Корн рубил и сильно, и быстро, и очень умело, демонстрируя богатейший арсенал ударов, приемов, связок, каскадов, ложных замахов и обманных движений. Им любовались, покрикивали редко, отмечая особенно красивый финт, кочевники ценят виртуозное обращение с оружием, я же лишь защищался, парировал и даже тихонько отступал, стараясь двигаться в пределах отведенного нам круга.

Конунг, как успел заметить краем глаза, смотрит заинтересованно, в исходе поединка вроде бы не сомневается, лицо довольное, он демонстративно и громогласно запрещал эту дикость, с точки зрения горожан, цивилизованный, а это двое дикарей, причем один из них — чужой, он и виноват, а когда будет наказан, все снова станет тихо...

Я поймал удачный момент, звон, лицо Корна исказилось от боли. Кисть вывернуло с такой силой, что он вынужденно разжал пальцы. Меч взлетел в воздух, я поймал его за рукоять и, взмахнув пару раз, бросил его же вперед противнику.

— Держи! И будь внимательнее.

Он машинально поймал, в глазах сильнейший стыд, по его виду непонятно, предпочел бы уронить меч или вот так ухватить с моей милостивой подачи. Мелькнуло бледное лицо Элеоноры, кочевники довольно взревели, все ценят эффекты, а Корн с диким воплем, что должен заморозить во мне кровь, ринулся в атаку.

Я снова отступал, слишком яростный вихрь ударов, долго искал брешь, наконец ударил, скрежет и звон, меч вылетел снова, я подпрыгнул и снова поймал на лету за рукоять.

— Слишком часто, — сказал я снисходительно. — Наверное, ты силен в чем-то другом?

Он смотрел, не веря своим глазам, в толпе взревели и начали безжалостно высказывать догадки, в чем именно силен их виртуозный соплеменник.

Я бросил меч к подножию кресла конунга, свой сунул в ножны, а затем отстегнул перевязь и все хозяйство отбросил в сторону.

— Может, — сказал я, бросая ему спасительный круг, — ты силен в бою голыми руками?

Он прошипел люто:

— Я убью тебя! Если не убью сейчас, подстерегу ночью и убью в спину!.. Ты не будешь жить и смеяться...

— Смеяться будут другие, — согласился я. — Но спасибо за предупреждение.

Мы сшиблись в середине, я уперся в землю и несколько мгновений выдерживал шквал атак. Толпа вскрикивала, как один человек; в какой-то момент мы сцепились так плотно, что если нас разорвать насильно, брызнет кровь, затем снова разъединились на расстояние вытянутых рук и щупали друг друга, стараясь поймать на боевой прием.

Он хватал и бил так, как убивают часовых, но я ускользал, удары отзываются болезненно, но ни один не смертелен, успеваю сдвинуться, но теперь вижу, что свести схватку к шутке не удастся, кто-то должен погибнуть, что совсем пока не нужно. С другой стороны, этот Корн не прост и вызван из степи в город не случайно. Он и Рогозиф здесь с какой-то целью. Как и все эти ветераны...

Мы оба все убыстряли схватку, ошибки начинают проскакивать с обеих сторон, но я первым поймал на сложный прием. За нашим хриплым и надсадным дыханием никто не услышал хруст костей. Я тут же выпустил из рук обмякшее тело и отступил, чувствуя, как грудь жадно требует свежего воздуха.

Дрожащие пальцы подобрали пояс, пот застилает глаза. Кто-то из кочевников услужливо помог мне надеть через

голову перевязь и подтянуть пряжку потуже. Элькреф подхватил Элеонору под руку и увел почти насильно, она оглянулась в дверях, я перехватил взгляд ее расширенных глаз, но Элькреф потащил с силой и закрыл за собой дверь.

Я смахнул соленую влагу с лица, конунг все так же смотрит, сильно наклонившись с кресла, будто готовится встать, лицо стало темнее июньской тучи.

— Пусть отдыхает, — сказал я хриплым голосом. — В другой раз будет осторожнее болтать языком.

Несколько человек быстро подняли грузное тело и унесли. Нескоро разберутся, что их друг не просто выбит из этого мира, но даже когда очнется, с переломанным хребтом никак не подстержет меня ночью с кинжалом в руке.

Конунг с кислым видом пару раз хлопнул в ладоши.

— Ты хорош, — сказал он как можно спокойнее, как должен вести себя беспристрастный судья. — И победил честно. Как, говоришь, называется твоё племя?

— Клан Робких Зайчиков, — ответил я с вызовом.

За столом заревели, но конунг не позволил губам дрогнуть в усмешке, смотрел очень внимательно, лишь брови чуть приподнялись, а взгляд стал острее.

— Не слышал о таком.

— Мир велик, — ответил я. — Еще услышите.

В толпе довольно заговорили, гордые ответы нравятся всем, всяк отождествляет себя с героем, который может дерзить власти.

Конунг кивнул.

— Не сомневаюсь. Не хотел бы пойти ко мне на службу?

— Нет, — отрезал я.

— Почему? — спросил он с интересом. — Лучше служить сильному вождю. С ним больше славы, чести, наград, захваченной добычи. Зачем прозябать в неизвестности?

— Я сын степи, — ответил я гордо. — Бродяга и романтик. Мчаться по бескрайней степи, укрываться звездным небом — разве не счастье? Что хорошего жить в городе?

Он помедлил с ответом, глядя на меня испытующе, затем улыбка раздвинула его твердые губы.

— Но ты же нашел?

— Я всего лишь гонец от ярла Растенгерка, — напомнил я, — к его брату ярлу Элькрефу. Завтра поеду обратно в степь.

Он кивнул.

— Ярл Элькреф стал слишком похожим на горожан и потому долго раздумывал над ответом, когда требовалось сказать «да» или «нет». Но сегодня ты получил письмо к его брату...

Все знает, мелькнула злая мысль, везде обзавелся шпионами.

— Да, — сказал я, — и завтра уеду. Но я ничего не нашел в городе и даже одной ночи не провел в нем. Всякий раз брал коня... своего или чужого, и... здравствуй, ночная степь! Здравствуй, бешеная скачка под родными звездами!

Кочевники на меня смотрели с явной симпатией, каждое мое слово — гимн их образу жизни, их превосходству над глиноедами.

Конунг поморщился, но сказал все тем же приветливым голосом:

— Хорошо. Но если надумаешь к нам — дай знать. Сильным и отважным рады везде.

— Благодарю за честь, — ответил я.

Вернулся на свое место я в гробовом молчании и провожаемый уважительными взглядами. Едва я сел, разговоры возобновились, а Рогозиф, сам темный, как грозовая туча, придвинул мне металлический кубок с вином.

— Выпей, — сказал он участливо. — У тебя точно в горле сейчас, как в огненной печи.

— Спасибо, — сказал я хрипло.

— Полегчало? — спросил он, когда моя рука со стуком опустила опустевший кубок на столешницу, но я понял по его глазам, что говорит не о вине. — Чего ты так вспылал?

Я вяло отмахнулся.

— Да так... Одну бабу вспомнил...

Он чуть скосил глаза, я догадался, что поглядывает на веранду, где была принцесса, ощутил тревогу, а нехорошее предчувствие стиснуло грудь.

— В них все зло, — сказал он философски. — А ты непрост.

— Чего так решил?

— Это был сам Корн, — напомнил он.

— Степь велика, — ответил я. — В каких-то краях таких корнов продают кучками. За мелкую монетку.

Со стороны сада пришли музыканты, заиграли нескладно, зато громко. Я покосился с неодобрением.

— Недостаточно атлетические, чтобы бить в бубен.

Рогозиф отмахнулся.

— Тогда пусть хоть играют. Но если под музыку нельзя драться, то это плохая музыка.

Я окинул музыкантов придирчивым взглядом.

— Лохматые... Стричься еще не умеют, значит, будут играть только тяжелую музыку... А под нее драться хорошо.

— Конунг знает дело, — откликнулся Рогозиф знающе.

— Будет драка?

— Обязательно, — заверил он.

— Зачем?

Он удивился:

— А как без драки? У вас что, бездрачники?

— У нас только на свадьбах, — пояснил я. — Свадьба без мордобоя — вообще не свадьба. А еще на днях рождениях, юбилеях, встречах для хорошей выпивки и просто так.

— Воздержанные вы люди, — сказал он с уважением.

— Здесь, как я понимаю, готовятся к королевским состязаниям? Разминка?

— Гоняют кровь, — согласился он, — присматриваются друг к другу. А чем заняться, если до состязаний еще два дня?

— Уйма времени, — согласился я. — Девать некуда.

Кочевники в самом деле, разогрев себя вином, пригля-

дываются друг к другу оценивающе, некоторые прямо за столом обматывают кулаки ремешками, другие хищно сжимают и разжимают пальцы, готовые цепко хватать противника и бросать через бедро, через голову, через руку или плечо.

— Как ты? — спросил Рогозиф.

— Ни за что, — сказал я твердо.

Он удивился.

— Почему?

— Лучше посмотрю, — объяснил я. — Вот посмотреть такое люблю больше. Только место займу получше.

Он сказал весело:

— Я тоже так люблю больше. А потом оно как-то само... Вдруг — и уже в драке!

— Я сдержанный, — сказал я, — очень сдержанный.

Он хмыкнул с сомнением, но промолчал, взгляд его устремился мимо моего уха, я даже слышал легкий свист и дуновение воздуха. Оглянуться я не успел, там послышался нежнейший голос:

— Дорогой герой...

Я обернулся, милая девушка кокетливо присела передо мною, глазки хитрые, а щечки круглые и нежные, а еще тугие и спелые, так и хочется укусить. Еще умильные ямочки, на них нельзя смотреть без удовольствия. А когда она улыбнулась, ямочки стали глубже, делая личико из просто хорошенького изумительным.

— Привет, Юдженильда, — сказал я с удовольствием, на хорошеньких женщин всегда таращим глаза просто с наслаждением. — Какая ты прелесть, теперь всю ночь будешь сниться...

Она заулыбалась шире, голосок прозвучал кокетливо:

— Помнишь мое имя?

— Как же его не запомнить? — изумился я. — Все только и говорят: взгляните на эту изумительную девушку, она же мечта мужчин, как ее зовут, кто она, откуда она, как бы с нею...

Она рассмеялась чисто и звонко:

— Не продолжай! Я, знаешь ли, такая скромная, такая скромная бываю в некоторых случаях. Милый Рич, моя подруга Элеонора послала отыскать тебя.

— Ты отыскала, — сообщил я и жадно раздел ее взглядом, подумал и не стал одевать. — Можешь броситься мне на шею. Обещаю не отбиваться.

Она расхохоталась, милые ямочки на щеках стали глубже.

— Нет-нет, я по другому делу. Она сейчас во-о-он в том павильоне. Понял?

— Понял, — ответил я.

Она подождала, я стоял и с удовольствием смотрел на нее, так и не сумев заставить себя вернуть ей платье, наконец она сердито топнула ножкой в изящной туфельке. Я озадаченно посмотрел на ногу, на туфлю, потом на ее милое личико.

— Что ты понял? — переспросила она с недоверием и мило наморщила носик.

— Что она во-о-он в том павильоне, — послушно ответил я.

Юдженильда с укоризной покачала головой.

— Это значит, — произнесла она наставительно, — ты должен бежать туда сломя голову!

— От тебя? — спросил я с возмущением.

Она расхохоталась и ухватила меня за руку.

— Надеюсь, — сказала она деловито, — мои родители меня не убьют, что взяла мужчину за руку. Но это ж только за руку, а не за...

— Юдженильда, — перебил я торопливо, — вы слишком невинны, потому помалкивайте, пока не сказали такое, после чего я уже не смогу остановиться.

Она хихикала всю дорогу и заговорщицки сжимала мне пальцы. Павильон приблизился, весь в зеленом плюше, за исключением входа, мы обошли вокруг, я не сразу обнару-

жил щель в зеленой стене, Элеонора сидит в королевской позе и смотрит в нашу сторону.

Юдженильда хихикнула громче, Элеонора покачала головой, взгляд был холоден и полон неодобрения.

— Иди домой, — сказала она резко. — Рано еще хватать мужчин за руки.

— Так это же за руки, — ответила Юдженильда тоненьким голоском, — а не за...

Мы с Элеонорой прикрикнули в один голос:

— Беги домой!

Юдженильда надулась и пошла прочь, выправив спину и покачивая уже вполне созревшими для жадных мужских рук сочными булочками.

Элеонора жестом пригласила меня войти и сесть. Я с поклоном повиновался, она вперила в меня сердитый взгляд.

— Что-то не так? — спросил я.

Она спросила раздраженно:

— Что у вас за шуточки?

— В смысле?

— Насчет лапок гарпий, — сказала она рассерженно, — теперь весь двор судачит!.. В жизни не пробовала такой гадости! И даже не верю, что их где-то едят.

— Где-то едят, — заверил я. — Мир так объемён и разнообразен, что все, что может случиться, — где-то случается. И лапки гарпий кто-то ест. Правда, у этих не лапки, а лапищи...

— Почему то существо на вас напало? — потребовала она. — И почему я только сейчас об этом узнаю? Это не было случайностью, так все говорят.

— Правда?

— Правда, — отрезала она сердито. — Гарпия не кружила, а сразу ринулась именно в окно той комнаты, где находились вы. Хотя ближе были такие же окна.

— А там люди были?

— Были!

Я подумал, предположил:

— А что, если я вкуснее?

Она поморщилась.

— Вам все шуточки, а у нас двор до сих пор жужжит и волнуется. Как это случилось?

Я пожал плечами.

— Это так давно было, разве вспомнишь?.. Сколько воды утекло, сколько не сделано, сколько предстоит еще не сделать...

Она сказала резко:

— Это было вчера!

— Для ленивых и год — один миг, — объяснил я. — А для таких орлов, как ваш покорный слуга... видите, кланяюсь?.. за сутки можно развязать войну, провести несколько сражений, совершить подвиги, изнасиловать побежденных, заключить мир и успеть попить!

Она смотрела исподлобья, в темных глазах поблескивают, затухая, искорки, потом тяжело вздохнула, суровость из глаз испарилась, вместо них проступила некая растерянность.

— Вы не такой, — проговорила она, как мне показалась, с трудом, — как остальные. И теперь догадываюсь, не станете участвовать ни в каких состязаниях...

— Почему? — полюбопытствовал я, потому что, как ни гоню эту идею пинками взащей, но появляется такая не совсем честная мысль, что вот выйду на ристалище и блесну, еще как блесну! Всех нагну, повергну, похваляюсь бицепсами. — Проясните свою по-женски глубокую мысль.

— Вы заведомо сильнее, — объяснила она. — Вам будет зазорно состязаться не с равными.

— Гм, — пробормотал я, на самом деле самый кайф состязаться со слабыми, а то равные могут и рыло разбить, — ну да, вы проницательны... Я такой, ага, шас... Ну ладно, я пойду, не рискну мешать вам мыслить по-женски о высоком.

Она сказала повелительно:

— Задержитесь, герой.

Я ответил с настороженностью:

— Да, ваша светлость?

— Ярл Элькреф, — произнесла она ровно, — все никак не мог составить правильный ответ... он сам долго не мог решить, как поступить. Трудный выбор между долгом и свободой. Вы ждали ответа настолько терпеливо, что это наводит на мысль...

— Какую, ваша светлость?

— Что вы больше ничем не связаны, — произнесла она. — Вы герой, сами выбираете дороги. У нас говорят, что герой, мудрец и красивая женщина, куда бы ни пошли, везде найдут приют. Вы его нашли, десятник Рич! Я понимаю, что вам все равно: десятник вы или тысячник, вы на такие мелочи внимания не обращаете!

Она говорила все воодушевленное, на щеках проступил румянец, как у простой и здоровой служанки, глаза заблестели, словно яркие звезды в полночь.

— Что делать, — проговорил я неуклюже, — я такой невнимательный.

— Вы нашли, — повторила она.

Я вскочил в тревоге, но снова сел, вспомнив, что в разговоре с коронованными особами при любом режиме надо бы дожидаться разрешения на депортацию.

На ее щеках румянец стал жарче, поджег скулы и опустился на шею, чего я никогда бы не предположил, Элеонора — само воплощение женской неприступности.

— Простите, ваша светлость, — произнес я гордо и так проникновенно, что чуть не зарыдал, — но я — степняк. Кочевник. Сын степей и мустангов. Это такие кони, потертые в битвах и одичавшие... Просто звери, даже кусаются. Мне в городе не совсем уж... Я понимаю ярла Элькрефа, у него вы, он готов и глиноедов нюхать, а что мне? Я не смогу разогнаться в дикой скачке по этим узким и кривым, как суставы ревматика, улицам! А без этого как жить, спрашиваю?

Она быстро покачала головой.

— Мы с ярлом Элькрефом... друзья. Да, одно время собирались скрепить дружбу браком, но сейчас вижу, это ошибка. Он очень хороший человек, но мои мысли, так уж получилось, теперь только о вас, Рич. А этого не должно было случиться, если наше с Элькрефом решение насчет брака... верное.

— Не спешите, — предостерег я.

— Я думаю о вас две ночи! — воскликнула она. — И поняла наконец, что вы и есть тот герой, которому я безропотно вручу себя всю. Вы меня понимаете?

— Боюсь, да, — сказал я с испугом. — Но так нельзя, Ва-ша светлость!

— Почему?

— А освященные традиции? Как можно?

— Я сегодня же поговорю с отцом, — сказала она решительно. — Вы пришли такой загадочный и таинственный, с легкостью расправились с колдуном... даже двумя!.. и даже не считаете это подвигом? Это невероятно. Только такому мужчине я могу поклониться, как мужу и повелителю...

Я сказал нервно:

— Не надо никому кланяться! Я сторонник равноправия. Что это такое — уже говорил. У нас женщина не кланяется мужчине. Напротив, чаще всего ездит на нем, свесив ножки... И раздвинув, конечно. И нет ничего зазорного, если самка сильнее и берет на себя бремя решений. Вы в плену, так сказать, устаревших взглядов. Женщина никому не должна кланяться! Ну, за исключением случаев, когда ей какая дурь взбредет в ее хорошенькую головку.

Она сказала счастливым голосом:

— Да, я всегда мечтала, чтобы плечом к плечу с сильным и благородным мужчиной! Я могу быть не только женой, но и другом. Рич, само небо послало тебя в Тиборру и к нам в Тибор! И само небо не позволило Элькрефу сразу дать ответ, чтобы я успела тебя увидеть во всем блеске мужественности и скромного обаяния.

Я отшатнулся, выставил перед собой, как щиты, обе ладони.

— Нет-нет, я даже не мечтаю о такой чести! Я — дитё степи, не надо меня видеть во всем блеске, а то глаза лопнут. Зачем мне то, что не смогу подхватить в седло или сунуть в мешок?

— Но ты пока не знаешь радостей выше, — возразила она, — чем радость схватки! Ты не знаешь упоения властью, а разве мужчины не к ней стремятся?

— Друг у власти, — сказал я, — потерянный друг. А я не хочу ни друзей растерять, ни самому стать потерянным. К тому же, стремясь к вершине, можно попасть не на Олимп, а на Везувий... Ну, это такая гора, что не пошла к пророку и тем самым изменила ход истории. Нет, мне эта самая власть почему-то совсем неинтересна. А вот хороший конь, острый меч из закаленной стали...

— У власти больше очарования, — сказала она убеждающе, — больше возможностей, больше тайн...

— Тайна власти в том, — сказал я, — чтобы знать: другие еще трусливее нас. Потому ошеломляй и властвуй! Только и всего. Но это не интересно...

— Откуда ты знаешь?

Я чуть не брякнул, что знаю, иногда дурь так и прет на поверхность, но принцессе палец в ротик не клади, там зубки острые, а женской хватке все гарпии завидуют.

Я сказал гордо:

— Чувствую! Мы, дети степи, чуем неправду, как стрижи чуют дождь, а муравьи — землетрясения и смену королей. Ладно, ваша светлость, я прям с ног падаю, такой я слабый, так что пойду, пойду, куда вы меня раньше посылали...

Она кивнула, скрывая разочарование, но голос постаралась сделать любезным:

— Идите. А я посмотрю, все ли звезды на месте. И на прежних ли местах горы после того, как вы там побывали.

Я поспешно поднялся, отвесил поклон попочтительнее, мы всегда почтительны, когда чувствуем виноватость, от-

ступил и быстро пошел из павильона, пока она не сказала чего еще, от чего мужчине отказываться не просто трудно, а как бы неприлично, что ли.

Глава 15

Во дворе уже сдвинули в сторону столы, убрали лавки и стулья. Кочевники хвастливо и гордо демонстрируют свою национальную забаву: драку всех против всех, заодно самоутверждаясь, нам это нужно, в своей способности держать удары и бить в ответ.

Я вспомнил Каталаунский турнир, как я тогда готовился, трясся, как сшибался в яростных схватках, с того времени прошло времени с воробыный нос, но сейчас смотрю на себя тогдашнего, как на пришибленного, что ничего не понимает, как дурак Киплинга на женщин, сейчас уже умный, эти детские забавы не для меня, перерос, взрослею не по дням, а по часам... или становлюсь осторожнее, что вообще-то близко к трусости, не переступить бы черту...

Горожане в самом деле чем-то похожи на глиноедов: трусливо улыбающиеся и с желтыми лицами наблюдают за дракой. Ни один не осмеливается вломиться в это побоище, даже Ланаян с его людьми остановился вдали и смотрит холодными рыбьими глазами.

Я прислонился к каменным перилам и насмешливо наблюдал за дракой. Иногда и ко мне подбегал кто-то, приняв за одного из своих, я такой же обнаженный до пояса и покрытый сильным ровным загаром, но я успевал среагировать на взмах кулака на столетие раньше, после чего либо чуть сдвигался неспешно, и кулак с хрустом врезался в каменную стену, либо отвечал небрежным тычком, и несчастный отлетал так, будто его лягнул вожак кентавров. Иногда я хватал за шкурку, разворачивал и поддавал под зад ногой, и герой пробегал половину двора прежде, чем успевал затормозить.

На меня обращали внимание все чаще, уже не случай-

ные бросались в атаку. Пару раз я получил по лицу очень сильно, а какая-то сволочь с такой силой ударила в пах, что я взвыл и с чудовищным усилием воли удержал беспечное и беззаботное выражение лица, ведь с балкона смотрят очень заинтересованная Юдженильда и парочка ее подруг.

Кто бросался с кулаками — получал кулаком, кто с палкой — у того отнимал ее и бил ею же по морде, чтобы следы остались. Некоторых швырял о стену, хорошо так шлепаются, как мокрая глина, а потом так же медленно сползают на землю, красота, и все шло как игра, слишком все медленные, то ли из-за выпитого, то ли от обильной еды, но я опережаю настолько, что могу подпустить летящий мне в лицо кулак почти вплотную, а потом качнуться в сторону, и пьяный герой, уже уверенный, что расквасит меня, как гнилую тыкву, летел через подножку, не понимая, что и почему с ним так.

Когда один гад ухитрился больно съездить по уху, я сильным ударом увалил его на землю, а там дал такого пинка, что того подбросило в воздух, словно паршивого кота.

Наконец на меня ринулся Митиндр, которого прочат в победители состязаний, я посерьезнел. Митиндр вообще не принимал участия в общей драке, но сейчас то ли решил испытать лично меня, то ли ему кто-то указал на чужака из другого племени, однако пошел в схватку злой и решительный.

Я был готов, как сам беспечно полагал, но Митиндр трижды врезал по лицу и один раз дал под дых, прежде чем я понял, что это уже совсем не пьяная драка. Разъярившись, я начал бить быстро и точно, лицо Митиндра превратилось в кровавую маску, но он лишь громче ревел и пер на меня, как разъяренный бык.

— Уймись, дурак, — крикнул я. — Чего тебе от меня?

— Ненавижу... — прохрипел он.

— Зря, — сказал я. — Со мной дружить выгоднее.

Но Митиндр, гордый сын степей, выгоды не искал, еще дважды промахнулся, а я ударил не только точно, но и силь-

но. Он вздрогнул, как подрубленное дерево, выпрямился во весь огромный рост и рухнул навзничь. Его переступали, о него спотыкались, пока не прибежали друзья и не вытащили в безопасное место.

На меня продолжали набрасываться, я чувствовал, как ярость все сильнее бьет в голову, сердце бухает мощно, кровь гремит в ушах, а надо мной зачем-то подбадривающе трубят фанфары. Кулаки мои бьют, как молоты, я уже не встречал нападение, а сам пошел вперед, повергая всех по дороге.

Во дворе постепенно становилось почему-то тише, но кровавая пелена застилает взор, я бил зло и сильно, затем в уши прорезался пронзительный крик:

— Рич, остановись!.. Рич, прекрати!

Я тряхнул головой, кровавая пелена наполовину опустилась с глаз. Сквозь розовый занавес с плавающими красными пятнами проступил двор. Двое телохранителей конунга выставили перед собой копья, во дворе странная тишина, а сам конунг вскочил с кресла, в его руке блистает меч.

Кто-то ухватил меня за руку.

— Остановись!

Я с рычанием выдернул локоть из пальцев Ланаяна. Зрение очистилось, наконец-то увидел за собой дорогу, по которой прошел почти к самому креслу Бадии. Широкий такой тракт, где лежат, постанывая и хватаясь за ушибленные места, не только удалые драчуны, но и трое из телохранителей конунга. Сам он бледен, а в руке подрагивает обнаженный меч.

— Неплохая забава, — прорычал я и взмахом руки стер остатки кровавой пелены с глаз. — Если для детей. Вот только для мужчин такие игры перестают быть играми.

Конунг перевел дыхание, рука его красивым жестом бросила меч в ножны, а сам он выпрямился и мигом из воина превратился в правителя.

— Берсерк, — определил он полностью контролируе-

мым голосом. — Ценный воин. Очень хорошо... Так и не надумал ко мне на службу?

Я покачал головой.

— Нет. Я вольный сын степи.

Он проговорил, тщательно выговаривая каждое слово:

— Я могу найти тебе достойное место и в степи. Ты станешь сотником, когда придешь ко мне. И сотню воинов дам не простых, а отборных удальцов!

Я сделал вид, что заколебался, пробормотал:

— Сотником?

Он едва сдержал вздох облегчения, я видел, какого труда стоило оставаться таким же бесстрастным.

— В первый же день!

— Подумаю, — ответил я и посмотрел ему в глаза. — Если сотником, то... подумаю.

Ланаян почти насильно оттащил меня на другой конец двора. На лице удивление и тревога, то и дело оглядываясь, наконец прошептал:

— Зачем?

Я буркнул:

— Как гордый сын степи, отвечаю...

Он отмахнулся.

— Да знаю я, какой вы сын степи. Ни разу не теряли головы! А сейчас зачем?

Я вздохнул.

— Не поверишь, но в самом деле потерял. Иногда и такой замечательный умница, как я, та-а-акой дурак! Но спорить с дураком бесполезно — по себе знаю.

Он смотрел недоверчиво, все еще уверенный, что лишь изображал за чем-то ярость, вот так другие о нас иногда думают даже лучше, чем мы о себе, что вообще-то удивительно.

— А насчет «подумаю», — спросил он, — зачем?

— Ты же догадался, — сказал я. — По глазам вижу.

— Чтобы оставили в покое? — спросил он. — Да, конунг мог бы приказать тайком подстеречь и зарезать. Правители иногда поступают, как... правители. Но вообще-то на ва-

шем месте можно в самом деле принять такое предложение...

Я буркнул:

— Ты так хорошо знаешь мое место?

Он опустил голову.

— Да, это так... с языка сорвалось. Привычное. Показалось.

— Держи карман шире, — сказал я. — Какие новости еще?

— Люди конунга уже и на воротах во дворец, — сказал он мрачно. — Пропускают тех, кого изволят.

— А твои?

Он поморщился.

— Пока тоже там.

— Конфликты?

— Не очень, но... Бывает, что мои хотят остановить и не пропускать кого-то, а эти пропускают! И все с шуточками... Не драться же с такими вроде бы...

— Драться, — сказал я. — Если все время уступать, никогда не остановятся. Придут в твой дом, лягут в постель к твоей жене, начнут раздевать твоих дочерей... Если надо, пусть твои даже убьют стражей конунга! Только удвой или утрой сперва караулы. Время пришло, Ланаян. Дальше отступать некуда.

Он посмотрел исподлобья, старый воин, жаждущий покоя и любимой работы по охране дворца, а я, безродный чужак, лезу со своим уставом, однако этот чужак первым сказал неприятную правду там, где он еще раньше увидел сам.

— Ладно, — сказал он неопределенно, — посмотрим.

За нами послышались тяжелые шаги, Рогозиф идет покачиваясь, на скуле ссадина, костяшки кулаков ободраны, но морда довольная. Увидев, что обернулись и ждем его, радостно заулыбался, подошел и, не обращая внимания на Ланаяна, хлопнул меня по плечу.

— Ну как, — спросил он с довольным хохотком, — посмотрел драку?

— Да, — ответил я. — Посмотрел.

Он засмеялся.

— Хорошее место выбрал! Изнутри драки. Это чтоб ничего не пропустить, да? Тебя тоже никто не пропустил.

— Я тоже, — признался я и зябко повел плечами. — Что я такого съел?

— Мясо пережарено, — объяснил он авторитетно. — Я тоже, если пережаренного поем... да если еще какая сволочь горьких травок для вкуса положит, то и своим готов морды бить, только бы зуд в кулаках унять!

Ланаян сказал сухо:

— Желаю вам обоим хорошо провести остаток ночи. Сыны степи, как теперь понимаю, никогда не спят.

— Иди-иди, — разрешил Рогозиф благожелательно. — Нежный больно. А мы, Рич, пойдем выпьем?

— С огромным удовольствием, — ответил я. — В горле после этой разминки снова пересохло.

Он дружески обнял меня за плечи, но едва сделали первый шаг, сверху раздался строгий женский голос:

— Храбрый воин, я задержу вашего друга ненадолго.

Рогозиф вскинул голову, принцесса Элеонора склонилась над перилами и смотрит на обоих, глаза полны укора.

Рогозиф сказал мне весело:

— Рич, иди пей сам, мне повезло больше... ха-ха!

Элеонора проговорила надменно:

— Я обращалась к вам.

Рогозиф снова хохотнул, явно хотел еще поприкидываться, что не так понимает, но посмотрел на меня, вздохнул и, шлепнув по спине, наклонился к уху и шепнул:

— Желаю удачи. И чтоб «ненадолго» затянулось до утра.

Он поклонился принцессе, улыбка до ушей, и удалился, а я покорно поднялся, как на эшафот, на второй этаж. Элеонора встретила прямым взглядом, в глазах бушует пламя, сама прямая и натянутая как струна.

Я поклонился, она повелительным жестом указала на свободное кресло.

— Садитесь, Рич.

Я пробормотал:

— Как посмею, ваша светлость? В присутствии женщины...

Она кивнула, голос прозвучал холодно:

— Вы не сказали «в присутствии принцессы». Значит, в ваших краях в самом деле такие странные обычаи?

— Вам не нравятся? — спросил я.

Принцесса величественно села, я тут же брякнулся и сам, ноги гудят, по ступням побежали сладостные мурашки.

— Нравятся, — ответила она, — но вы мне зубы не заговаривайте. Вы сказали, что падаете с ног от усталости и отправляетесь спать...

— Это я во сне, — сказал я быстро. — Лунатик я. Со-мнамбула!.. Вот сплю и слышу ваш нежный чарующий голос...

Она сказала саркастически:

— Это у меня нежный? Что-то ваш сон странноват... Ну да ладно, ответьте на главный вопрос. Зачем вы начинаете ссориться с конунгом? Мне говорят, вы уже побили его сильнейших воинов.

Я спросил удивленно:

— Это были сильнейшие? Куда мир катится... Когда придут из Сен-Мари, таких возьмут голыми загребущими...

Она сказала сердито:

— Они никогда не придут! А вздумают... наши мужчины дадут отпор. Как давали его наши предки.

— У них появился грозный предводитель, — сказал я. — Огромный, как гора, зубы вот такие, лютый и победоносный...

— Пусть появится, — сказала она. — Я своими руками выдеру его зубы!.. Но вы хитро уводите разговор в сторону, а я хочу узнать, зачем вам нужно ссориться с конунгом? Или просто так? Из удали? Зов степи или зуд в крови?

Я развел руками.

— Принцесса... как бы вам сказать...

— Так и скажите, — потребовала она еще сердитее.

— Вот так прямо?

— Да, — отрезала она, — вот так! Что, у меня колени по-
догнутся? Что задумали, Рич?

Я помыслил, пожал плечами.

— Ничего.

Она спросила ошеломленно:

— Это как?

— А вот так, — ответил я хладнокровно. — Некоторые вещи надо делать, не раздумывая. Бросаться в воду, спасая тонущего ребенка, помогать женщине, оказывать почтение старику, помогать гасить пожар, бить в морду, если не так посмотрели или слишком близко высморкались... Да много ли чего! Сейчас я тоже просто обязан вмешаться. Не хочу, но должен. Бремя белого.

Она молчала и смотрела удивленно, я говорю слишком серьезно, уже не виляю, а взгляд мой прям.

— погоди, — проговорила она, — ты как будто вообще не одобряешь, что конунг укрепляется в Тиборе?

— Не одобряю, — согласился я. — Хорошее слово: не одобряю.

— Почему? — спросила она. — Это же так понятно! Человек такого ранга и власти в его огромном племени не может оставаться простым жителем! Он и здесь хочет получать больше уважения, чем рядовые горожане. Ну, хотя бы на уровне придворных короля...

Я сказал саркастически:

— Ага, придворных! Вы сами в это верите?

Она поморщилась.

— Да знаю я эти слухи. И ярл Элькреф намекал, но с его стороны это всего лишь ревность. Нет-нет, в мою сторону конунг даже не смотрит, это ревность одного сильного мужчины к другому. Двух степняков близко к трону быть не может, как сказал Элькреф. Но он ослеплен своими чувствами, сам вообще-то не несет никакой нагрузки! А конунг берет на свои плечи тяжелые и неприятные обязанности, моему отцу меньше забот. Наши люди преуспевают в ре-

мисле, торговле, нам все равно не нравится носиться с оружием... Если даже мой отец, король, не против усиления Бадии, то какое дело тебе?

— Оружие порождает власть, — возразил я. — И портит характер. Даже нравы. Тем более, у слишком юных.

Она поинтересовалась с недоумением:

— Кого ты называешь слишком юными?

— Кочевники, — сказал я, — остаются юными, даже дожив до седых волос. И умирают юными, хотя у них очень редко кто умирает от старости. Таким нельзя давать в руки оружие. Тем более — власть.

— Верховная власть останется у моего отца, — запротестовала она, — а остальная у его советников — Раберса, Фангера, Сарканла, Иронгейта...

Я покачал головой.

— Не останется.

— Ты не прав!

— Хотелось бы, — сказал я сухо. — Но Бадия, как мне кажется, все же сместит твоего отца. Он не настолько изощрен, чтобы оставить его прикрытием. Он по-своему честен и прям и просто убьет, просто потому, что его племя потребует крови и ясных знаков его власти. У кочевников военная демократия. Бадия вынужден считаться с мнением военной верхушки и даже общим настроением воинов своего племени. Они попросту возжелают захвата города, разграбления... и еще введут, как мне иногда кажется, человеческие жертвоприношения. Хотя бы по большим... даже особым праздникам.

Она отшатнулась.

— Они не посмеют!

— Будучи здесь полными хозяевами? — усомнился я. — Элеонора, вы мне казались не только красивой, но и умной! Но теперь решили, что быть только красивой — достаточно?.. Да, это путь большинства женщин. Простите, я должен идти. У меня дорога большинства мужчин.

Она сказала резко:

— Сидите! Что у вас за привычка уходить без позволения?..

— Вы мне прошлый раз разрешили, — пробормотал я. Она сказала с гневом:

— Вы меня вынудили! А это недостойно мужчины. Единственное оправдание, что полностью снимает с вас вину, ваша грубость не от черствости, а от чрезмерной чуткости и скромности.

Я разинул рот.

— От... скромности? Моей?.. Ага, ну да, я еще какой скромный! Сам сижу частенько и восхищаюсь, какой же я скромняга, с ума сойти! Другого такого поискать...

— А еще вы побаиваетесь обязанностей, — сказала она быстро. — Я всю ночь думала о нашем разговоре, но чаще видела ваш полный достоинства взгляд, гордый разворот плеч, вашу осанку героя и... я бы даже сказала, полководца. Вы пока не думаете об этом, но вы можете...

— Ни за что, — твердо сказал я, плечи мои зябко передернулись. — Как славно быть простым героем-одиночкой! Иду себе, играю арбалетом... Впереди все цветет, а сзади все горит... Нет, я ни за что не стану жить в этих каменных джунглях, где человек человеку волк, товарищ и брат. Джунгли — это такая дико разросшаяся оливковая роща, полная ужасных хищников.

Она покусывала губы, почти не слушая, взгляд стал отстраненным, на лице отражается борьба множества разноречивых и достаточно мощных, судя по мимике, мыслей. Наконец несвойственные женщине морщины со лба ушли, лицо разгладилось, она вскинула голову и обратила на меня сияющий взор.

— Я боялась этого ответа, — произнесла она ясным голосом, — но предчувствовала, что гордый сын степи просто не может ответить иначе... Что ж, тогда я пойду за тобой, Рич! Женщина всю жизнь ждет настоящего мужчину и редко когда вообще видит даже издали. Но если у нее был шанс и она его упустила, то жизнь ее превратится в ад. Если упу-

щу тебя, я никогда себе не прощу! И жизнь моя станет горька и безрадостна.

Сиденье начало накаляться подо мною, воздух показался чересчур жарким и душным, словно весь павильон в огне. Элеонора, гордая и прекрасная, смотрит воспламененным взором, даже страшновато, вдруг да бросится на шею, переполненная собственной жертвенностью, женщины умеют раздувать ее до невероятных размеров, чтобы предьявить нам счет на сумму побольше.

— Ваша светлость, — сказал я почтительно.

Она прервала:

— Называй меня Элеонорой!

— Я не посмею...

— Ты посмел сразиться с магами, — возразила она сияющими глазами. — Я даже не могу предположить, сколько драконов ты перебил, чтобы добраться до них, и ты робеешь перед женщиной?

Я вздохнул и развел руками.

— Зато перед какой...

Она сказала счастливо:

— Ты герой, Рич!

— Ну, с этим мне трудно спорить...

— Ты мой герой, — сказала она жарко. — О тебе я мечтала, таком скромном и мужественном, исполненном внутреннего достоинства и отваги. Мои подруги с первого же дня прожужжали о тебе уши, но я, такая самоуверенная, не желала слушать ни о ком, кроме Элькрефа! Но теперь вижу, что впервые правы были они, а не я. Рич! Если ты не захочешь жить в городе, я пойду за тобой в степь!

Я замер, мозги разогрелись так, что начинают плавиться, на лбу выступил пот, начинает жечь кожу.

— Я вообще-то, — сказал я поспешно, — по большей части в пустыне...

— Я пойду и в пустыню!

— Там раскаленные под солнцем дюны, — сказал я то-ропливо, — скорпионы, тарантулы, змеи и пауки. С ними

сражаться — ничего героического. А еще, самое главное, я не останусь здесь. У меня не то, чтоб уж важные дела... но я хочу увидеть весь Гандерсгейм, потому вскоре подо мной заскрипит седло, на задних ногах зазвенят шпоры, а мой верный конь заржет и пойдет вскачь, набирая скорость, чтобы свист ветра в ушах...

Она выкрикнула пламенно:

— Я с тобой!

Я спросил пугливо:

— Верхов?

— Я поеду с тобой, — повторила она твердо, глаза ее сияли. — Ты говорил, у вас женщины ездят верхом, как мужчины!.. Я именно такая женщина. Увы, здесь каждый шаг под надзором десяти нянек, меня это бесит, хотя для всех это норма. Я поеду с тобой!

Я покачал головой.

— Принцесса... Элеонора, я поеду в опасные места.

Она вскрикнула:

— Я буду рядом!

— Гм, я ценю такое... — проговорил я в затруднении, — романтически возвышенное, но женщина не должна скитаться по дорогам. Мне показалось, что ярл Элькреф именно тот человек, который может построить для вас дом, какой изволите, разбить при нем сад по вашему желанию, а еще у вас будут прекрасные дети...

Часть 3

Глава 1

Я выскользнул из павильона, как король Ричард из замка Дюрнштайна, даже из замка Трафельзе, почти отбежал на полусогнутых и дрожащих. Свежий воздух моментально нагрелся о мое раскаленное, как у закаляющегося в короткой колоде Сослана, тело, пот на лице зашипел и превратился в пар.

Я пару раз глубоко вздохнул, разговаривать с женщиной — не дикого кабана душить, руки до сих пор трясутся и сердце трепещет, словно мотылек, торопливо двинулся по сверкающей дорожке из золотого песка... и почти сразу наперерез вышел сумрачный Ланаян. Он рассматривал цветущие кусты роз с таким вниманием, будто собирается стать садовником, мимо меня прошел с полнейшим равнодушием, даже головы не повернул, будто миновал плохо окрашенный столб.

Губы начальника дворцовой стражи почти не шелохнулись, когда обронил короткое:

— В левом крыле в малом зале. Сейчас.

Я только раскрыл рот спрашивать, что там за интересное такое, не уроню ли достоинство сына степей, если позволю себе изволить заглянуть, а то подберут, и будет у кого-то два, но начальник охраны уже удалялся, как всегда, подчеркнуто прямой, собранный, готовый тащить и не пущать, бдящий и все замечающий.

— Ладно, — пробормотал я и покосился по сторонам, и хотя не заметно таких, кто присматривался бы к нам, но это не значит, что таких нет, — мне можно, я простой варвар... а простым везде у нас дорога. Мы можем быть бесцеремонными и не знать этого...

У левого крыла дворца свой вход, как и у правого, дворец — это не просто хата, а целый комплекс зданий, у входа двое воинов в дорогих доспехах бдят и настороженно посматривают по сторонам. Я уловил их нервозность и неуверенность, даже ухватил смутно причину: приказано охранять явно не Ланаяном и уж точно не королем, а в этом натасканные на подчинение воины чувствуют нечто противозаконное...

Я замедлил шаг, быстро-быстро соображая, какую линию поведения выбрать: сказать пароль, попросить впустить, шарахнуть их головами друг о друга, просто дать по рогам, дать в рыло, дать в морду... гм, что-то меня заклинило, а раньше был такой разнообразный, ноги уже донесли до закрытых дверей, стражники скрестили передо мной копья.

— Туда нельзя, — сказал один твердо.

Почти любой на моем месте послушно повернулся бы и пошел обратно, так на каждого действует это «низзя», я поморщился и, небрежно отведя острие копья в сторону, сказал негромко:

— А ты знаешь, что за такие дела могут повесить?

Он оторопел, а второй сказал торопливо:

— Мы только выполняем приказ!

— А гражданская совесть где? — спросил я. — Когда Отечество вопиет... эх, ладно, я и вас спасу, не жалко.

Дверь открылась без скрипа, я вошел тихонько. В зале полумрак, хотя день солнечный, это на окнах такие плотные шторы. Зал наполовину заполнен людьми в богатых одеждах. От всех веет властью и могуществом, расположились в роскошных креслах, только один стоит у дальней стены лицом ко мне, я узнал вельможу по имени Раберс.

Его я еще при первом свидании определил, как вице-канцлера, хотя самого канцлера пока еще не видел, да и нет такого вроде бы. Сам король Жильзак Третий исполняет функции канцлера за неимением подходящего человека. У Раберса вид вечного вице-канцлера, который хоть сто лет прослужит, но канцлером никогда не станет.

Он бросил в мою сторону рассерженный взгляд, сразу нахмурился, но продолжал говорить:

— ...Как мы все знаем, конунг выдвинул новые требования к Его Величеству. Я еще не говорил с ним... в смысле, с Его Величеством, однако можем предположить...

Один из сидящих сказал торопливо:

— Не требования, а пожелания! Конунг всегда высказывает только пожелания.

— И готов отступить, — спросил его сосед саркастически, — если Его Величество не пойдет навстречу?

Раберс проигнорировал выпад, оглядывал зал из-под кустистых бровей. И хотя все ко мне затылками, но я догадывался, какие у них сейчас бледные и напряженные лица.

— Можем предположить, — повторил он и запнулся, — можем предположить...

Я не услышал, что можем предположить, мое присутствие ощутили, начали оглядываться в неудовольствии. Один из тех, что помоложе, вылез из кресла, злой и нахмуренный, старается выглядеть как можно страшнее и опаснее.

— Благородный десятник, — произнес он достаточно твердо, — здесь собрались самые знатные люди королевства...

— Ничего, — ответил я миролюбиво, — они мне совсем не мешают.

Он нахмурился сильнее, сказал жестче:

— На такие совещания допускаются только знатные люди.

Я сказал громко:

— На мне написано, что я не знатен?.. Кроме того, мою мощь могут подтвердить Крон, Митиндр... и еще некоторые, да, некоторые. А еще я здесь не сам по себе, а как по-

сол от Его Величества ярла Растенгерка... ну, пусть, Его Светлости, неважно. В Тиборе его младший брат, потому моему господину очень важно знать, что здесь происходит и как ему вести себя с вами всеми и отдельными лицами сего данного королевства.

Вельможа проворчал:

— Так и вести себя, как вел. Хотя как он вел, не знаем и знать как-то не изволим.

Кто-то буркнул ехидно:

— А он как-то себя вел?

— Я и говорю, — ответил вельможа, — пусть себя так и ведет.

— Такие нас устраивают, — сказал еще кто-то со сдержанным смешком. — Даже очень.

— А Растенгерка вообще не видели, — добавил вельможа. — Это устраивает еще больше.

— Невежливо, — констатировал я. — И опрометчиво. Нельзя ссориться с теми, кого не знаешь. Можно сразу получить по рогам, если ваш оппонент не слишком сдержанный. Но, на ваше счастье, ярла Растенгерка представляю я. Тихий, скромный, красивый и просто невероятно какой сдержанный. Крон, Митиндр и прочие не в счет. Они нарывались еще больше, чем вы.

Они переглядывались, наконец молодой вельможа скривился и буркнул недружелюбно:

— Хорошо, сядьте вон там. Это кресло для господина Эдельса. И постарайтесь не сопеть, не чесаться и не рыгать... если вы такой сдержанный.

— Приложу все усилия, — заверил я.

Он величаво вернулся на свое место, довольный победой, а я скромненько пересел, избегая с кем-либо встречаться взглядом, чтобы те... не нарывались. А то бывают взгляды, на которые реагировать не хочется, а надо.

Раберс, докладчик он или просто ведущий это тайное собрание, повторил терпеливо:

— Что мы можем предположить по данной ситуации?

Все помалкивали, сопели, поглядывали на докладчика и друг на друга испытующе. Поспешешь — людей насмешешь, а неспешность в государственных делах — признак мудрости и осмотрительности. К тому же рискованно брякнуть что-то такое, что вразрез с мнением большинства. Лучше ошибаться с коллективом, чем быть правым в одиночку.

Один из сильных мира королевства Тиборра, массивный господин поперек себя шире, поерзал беспокойно в кресле.

— А мы можем? — спросил он неожиданно тонким для такой массы голосом. — И что можем?

Раберс замялся, взглянул на собравшихся испытующе.

— Вы знаете, — проговорил он наконец, — мы можем многое. Но нужно правильно сориентироваться в сложной ситуации.

— Всем? — спросил толстяк скептически. Мне он казался бесхитростным или же умело играющим прямодушного. — У нас редко бывало, чтобы все предполагали одно и то же.

Раберс поморщился сильнее.

— Осмелюсь предположить, господин Фангер, в данном вопросе будем солидарны. Конунг желает учредить в нашем главном храме, ныне заброшенном, жертвоприношения. Не людей, конечно. Они всегда режут баранов... Этот обычай издавна практикуется в их племени и считается священным и неотъемлемым. А еще он высказал настойчивое пожелание, чтобы его люди заняли должности командующего войсками, а также казначейства.

Толстяк, которого он назвал господином Фангером, подскочил, лицо побагровело, даже рот распахнул для протестующего вопля, однако посмотрел на угрюмые лица, махнул рукой и сел. Лицо его стало злым и обреченным.

Раберс посмотрел на него язвительно.

— Вам что-то есть сказать?

Фангер огрызнулся:

— Вы знаете мое мнение!

Из второго ряда кресел поднялся с кряхтением почти такой же массивный вельможа, но я заподозрил, что кряхтит ради солидности, просто сложение такое борцовское, но кряхтение и жалобы на здоровье могут добавить очки симпатии.

— Сейчас особый случай, — проговорил он неспешно, голос гудел мощно, как у шмеля размером с быка. — Мы решаем, на чьей стороне быть. С одной стороны, должны быть лояльны легитимному правителю, но с другой... конунг обещает гораздо лучшие условия для ремесленничества, торговли, разработки рудников, выплавки металлов. Сейчас наша власть ограничена городскими стенами, а во владении конунга все долины до реки Эллабы, а в другую сторону его власть простирается до самого моря!..

Раберс быстро вставил:

— Что позволит нам заняться и рыболовством. Спасибо за подсказку, господин Сарканл.

Господин Сарканл кивнул.

— Совершенно верно. Мы можем строить рыболовецкие корабли... и даже попытаться попробовать силы в каботажных плаваниях!

— Пираты, — обронил Фангер предостерегающе.

По залу словно пронесся холодный злой ветер. Все ежились, переглядывались, мрачнели. Поднялся еще один, прямой и сухой, бледное неподвижное лицо и высокомерный взгляд.

— Все верно, — сказал он сухо, — пираты!.. О них не забываем, не забываем. Так что с перевозками придется повременить. И корабли лучше не самим строить, а принимать заказы у тех, кто пожелает рискнуть и сорвать большой куш. Зато рыбу, да, можно. Хотя и не самим. Желаящие выйти в море всегда найдутся. А пираты, если на то пошло, появляются не так уж и часто!

Фангер сказал язвительно:

— Тогда почему не самим?

— Предпочитаю минимальный риск, — ответил господин с бледным лицом. — Зато не мешаю рисковать и хорошо зарабатывать на этом другим.

— Хорошо сказано, — одобрил Раберс, — господин Иронгейт.

Я слушал-слушал, наконец заерзал на стуле, тот протестующе завизжал, как попавший под колесо кот. На меня оглянулись с негодованием.

Я поднялся и улыбнулся как можно обаятельнее, умею, среди таких акул жил, теперь страшно вспомнить, а тогда все было нормой, другой жизни не знал...

На меня смотрели враждебно и с немалой долей бесильной ненависти. Я заговорил медленно и величаво, подпустив в голос побольше восторга:

— Я просто счастлив попасть в общество людей, где так радеют за развитие экономики!.. Что значит умы, великие умы. Знающие люди собрались, что так важно для любой страны.

Многие заулыбались, хотя Фангер и Сарканл смотрят с возрастающим подозрением, если варвар мягко стелет, то спать вообще не придется.

Раберс сказал угрюмо:

— - Спасибо, спасибо!.. Еще раз спасибо. А теперь, пожалуйста, сядьте и не прерывайте.

— Сейчас сяду, — заверил я. — Я еще и усидчивый! Я это не сказал? Да, я усидчивый. Вот сколько усидел!.. Хотя у нас говорят, что если не можешь усидеть на двух стульях — возьми третий. Но это не намек, не поймите меня как-то не так... Но сейчас хочу выразить осторожнейшее опасение, что конунг Бадия... речь о нем, верно?.. этим удовольствуется.

Раберс вообще-то должен бы настоять, чтобы я сел или покинул зал, но, как истинный демократ, не смог устоять перед напором тоталитаризма и невольно возразил:

— Почему нет? Это его последний шаг!

Я изумился:

— Последний?

За нами следит весь зал, и он сказал раздраженно:

— Ну да. Конунг долго к этому шел, сейчас ему остался только этот шаг. Когда в его руках окажется вся власть, он ощутит, что уже безопасно начинать большое строительство.

Сарканл вставил:

— А нам, собственно, все равно, кто на троне. Лишь бы правитель заботился о своей стране, о ее развитии.

— А король Жильзак Третий не заботится? — спросил я. — Как я заметил, проезжая через королевства, ваше и самое крупное, и самое богатое.

Раберс кивнул, сказал терпеливо:

— Король Жильзак Третий хорош, но он не прыгнет выше головы. Стены городов, увы, его границы. А у конунга границы шире, намного шире... Все земли, по которым кочует его племя, будут отныне в королевстве! Это огромный добавочный рынок сбыта товаров, это дешевая рабочая сила, это возможность привлекать массы народа на грандиозные проекты...

— Это здорово, — сказал я, — просто здорово. Я был бы всеми конечностями «за», но только...

Я умолк, быстро сканируя выражения их лиц, а Раберс спросил нетерпеливо:

— Что вам, степному человеку, не нравится?

— Я степной человек, — согласился я, — и как степной, я лучше понимаю другого степного. Степняк степняка... Почему вы решили, что все люди одинаковые? Разве не видите, что у нас, степных людей, другая мораль, другие идеалы, другие ценности?.. Вы на месте конунга сочли бы, что достигли цели, и на этом успокоились бы, начали бы эти свои грандиозные проекты! А конунг?.. Даже если он сам такое восхотел... в смысле воссоединение с глиноедами, его тут же убьют патриотично настроенные полководцы и старейшины — хранители вечных и так далее ценностей! Это предательство национальных интересов племени!..

Раберс не успел ответить, его опередил рассерженный моим бесцеремонным вмешательством господин Сарканл:

— А ваш господин Растенгерк и его брат Элькреф?

Я покачал головой.

— Это у вас такие шуточки? Элькреф сразу потерял власть, как только с вожделием посмотрел на женщину из города! Пусть даже принцессу, для нас вы все — глиноеды и низшая раса. Как бы ни жили богато. Защищаясь от тлетворного влияния этого самого богатства, мы выработали философию и даже мировоззрение, простите за грубость, что богатство — зло. И учим этому молодежь. Я вам тут с ходу могу привести сто пословиц и поговорок, что богатство — зло, а бедность — добро. Хотите?

Раберс сказал поспешно:

— Нет-нет.

Иронгейт поддержал:

— Не надо!

А Фангер пропищал:

— Кое-какие мы уже слышали...

— Ну вот, — сказал я, — верите, значит. То же самое и с братом Растенгерка, ярлом Элькрефом. Он жив только потому, что умчался далеко и давно не представляет интереса для племени. Он изгой. Его даже догнать и срубить ему голову — слишком велика честь для изгнанника. А вы думаете, конунг пойдет на то, чтобы его вытолкали из племени или прибили, как Юлиана Отступника?

Глава 2

В огромном зале стало тихо, но доводы мои, кажется, ни при чем. Я видел, как морщатся и явно страстно желают, чтобы я провалился сквозь пол на этаж пониже, а там через подвал еще дальше, на глубину до самого ада.

Раберс наконец проговорил надменно:

— Конунг — очень неглупый человек. Он сумел вокруг

своего крохотного племени объединить еще с десяток. В его власти союз племен!

— Эти союзы как возникают, — отпарировал я, — так и рассыпаются. По десять раз на день. Может быть, вам сказать, что будет дальше, когда вы поможете конунгу взять власть в королевстве?

Раберс сказал полупрезрительно:

— Ну, мы можем изволить послушать.

— Спасибо, — сказал я вежливо. — Очень рад. Как человек степи, как родной ее сын, вскормленный газелями и акынами, я романтик до мозга костей, и для меня самое важное — жить красиво и умереть красиво. Это у всех у нас в крови, так нас воспитывают с колыбели. Для нас цель — погибнуть в жаркой схватке, а самый большой позор — умереть в постели.

Раберс под одобрительный гул сказал нетерпеливо:

— Это мы знаем. Дальше! И покороче.

Я изумился:

— Знаете? В самом деле?.. Так что дает вам идею, что конунг и все его люди вот так разом превратятся в торговцев? И будут жить богато и сыто, чтобы в конце концов умереть от старости в постели, окруженными слезливыми женщинами и гадя под себя в постель? И второе, кто из гордых сынов степи... вот посмотрите на меня!.. позволит, чтобы его вождь, которому мы клялись служить верно и доблестно, пал так низко и опозорил наше гордое и непокоренное племя, у которого свой собственный путь к светлому будущему? И которому никто не указ! Тем более — глиноеды.

Похоже, мои слова здорово поколебали их уверенность, но перспектива неимоверного роста и могущества королевства, а заодно и баснословные прибыли тех, кто у кормушки, явно перевешивает разумные доводы, это уже не экономика, а психология примитивных организмов, знаем, проходили, вроде бы тропизм, если ничего не путаю, как у всех экономически ориентированных.

Раберс произнес почти мягко:

— Мы ценим ваши прекрасные идеи. Но с возрастом они меняются... История идей — это история ошибок. Идея должна быть практичной, тогда ее можно использовать и с правой, и с левой стороны.

— Мудро, — согласился я. — Вы, конечно, планируете стать при конунге тем, кем вам не удастся при короле?

Он побавровел, быстро зыркнул по сторонам.

— На что вы намекаете?

— Стать первым, — сказал я четко, — при правителе. Его правой рукой! Не так ли?

Одновременно я косил в сторону зала. Что-то идет не так, я же был уверен, что вытащил козырной туз и помахи-ваю им так это эффектно, однако на меня почему-то по-сматривают со снисходительными усмешками. Что возь-мешь с этого дурака, сына степей? Не только Раберс, они все рассчитывают занять положение повыше при новом правителе...

Я сказал упавшим голосом, но достаточно твердо:

— Как хотите. Я гордый сын степей и быстрых коней, поклоняюсь честной силе и потому не боюсь пролить кровь. Конунг Бадия — не мой вождь, я присягал Растен-герку, а он поддерживает ярла Элькрефа. Но конунг, пося-гая на верховную власть в королевстве, наносит ущерб ин-тересам Элькрефа. Потому я против!

Раберс, чувствуя, что я уже ухожу, победно засмеялся.

— Ваше мнение, десятник, и... как я понимаю, еще и посол, ничего не стоит.

— Почему?

Он обвел рукой зал.

— Здесь люди, в чьих руках власть. Конунгу без нас не укрепиться в королевстве. Все зависит от нас, гордый сын... степей.

— И конунг зависит от нас, — добавил Иронгейт.

Я сделал над собой усилие, сказал напыщенно и гордо:

— К сожалению, мир еще долго будет далек от царства законности. Все куплю, сказала злато, все возьму, сказал

булат... Меч в руке рождает власть! А я вот такой дурак, что совсем не колеблюсь, когда нужно ухватиться за оружие. Так что у меня тоже есть оно самое, что называется властью... прощайте!

Я вышел из зала, провожаемый смешками, как же любим глумиться над теми, кто глупее нас, но я в самом деле глупее, себе-то могу признаться...

Стражи проводили меня насмешливыми взглядами, я ушел, громко топая, свернул за угол, там в укромном месте перетек в изчезника и, бегом вернувшись на цыпочках, проскользнул между часовыми. Они так и остались торчать по обе стороны широкой двери, а я прильнул к ней, страстно желая как-то научиться просачиваться хотя бы через такие вот непрочные деревянные загородки, начал прислушиваться к разговорам по ту сторону, что после моего ухода сразу оживились.

— Конунгу непросто, — донесся голос Раберса, — хотя он и не показывает виду. Этот дикарь прав, старики верны законам степи! Конунга тут же обвинят в отступничестве! Чтобы переубедить адептов старины, он должен продемонстрировать...

Перебил, судя по тонкому визгливому голосу, господин Фангер:

— Им? Пусть лучше продемонстрирует своему народу! Их большинство. Если восхотят те преимущества, что дает более плотный союз с городами, никакие старики, ревнители былой славы, не смогут удержать в прошлом...

Третий голос, резкий и отдающий металлом, произнес холодно:

— Это его проблемы. Вы уже забыли этого дерзкого, что явился без спросу на это собрание уважаемых людей?

Раберс спросил настороженно:

— А что с ним?

— Это наша проблема, — отрезал Иронгейт, если я правильно запомнил голоса. — Часто бывает, что в моменты,

когда чаши весов висают в равновесии, достаточно одной песчинки... А этот варвар еще та песчинка!

Я услышал глухой шум, словно далеко-далеко на берег накатываются волны, затем Раберс довольно резко огрызнулся:

— А что он может?

— Не знаю, — прозвучал голос Иронгейта, — но он сам заявил, что вмешается!..

— Пустые слова! — донесся мощный голос, похожий на шумный вздох, это явно Сарканл. — Этот кочевник просто поиграл мышцами перед нами. А когда вышел, то забыл о своем непонятном обещании.

— Непонятном? — усомнился Иронгейт. — Мне он показался подозрительно развитым для варвара. Если он кочевник, то по каким городам кочевал и где набрался таких слов, которые даже я не все слышал, а понял с изрядным трудом?..

Раберс произнес нетерпеливо:

— Нам не все равно? У нас другая задача, и определить сейчас нужно сейчас. Немедленно.

Кто-то из зала спросил:

— Какая?

Раберс сказал раздраженно:

— Мы должны решить, поддерживать конунга или нет в его притязаниях, а если поддерживать... как поддерживали ранее, то до какой черты?.. А этот варвар — слишком мелкая величина, чтобы ему уделяли внимание!

Стражи по эту сторону двери стоят достаточно далеко от меня, я рискнул перейти на запаховое зрение, мир поплыл, короткий приступ тошноты, перед глазами все расцвело странными красками, среди которых розово-кислая или шершаво-зеленая — самые обычные цвета, зато я все отчетливее стал видеть то, что происходит в зале по другую сторону этой двери.

Некоторые встали и беседуют группками, другие повер-

нулись лицами друг к другу, игнорируя Раберса. От него идут отчетливые коричневые запахи недовольства.

— Мелкая ли? — переспросил Иронгейт, его фигура окружена странным запахом, он похож на тюленя в полупрозрачном синеватом желе. — Насколько я знаю, он исчез из королевского дворца, а возвращался так же таинственно. Подруги принцессы рассказали, что он вернул ей фамильную ценность, некогда отнятую у нее великим магом...

— Вранье, — сказал кто-то.

— Я сам видел, — отрезал Иронгейт. — Хотя тоже не поверил, но нарочито постарался попасться принцессе навстречу и все рассмотрел. Этого рубина в виде головы дракона у нее раньше не было!.. Говорят, забрали еще в ее детстве.

Раберс пробормотал:

— И что же? Великий маг вот так просто взял и отдал?..

— А если, — сказал кто-то с ехидным смешком, — этот варвар просто отнял? Вы же знаете дикарей, никакого почтения к старшим.

— К старшим у них даже чрезмерное почтение, — возразил Иронгейт, — что и вредит конунгу, однако недостаточно почтения к власти и богатству.

— Герои всегда сражаются с колдунами, — произнес Фангер значительно. — Мечи против колдовства! Ну и что?

— Где здесь место экономике? — поддержал его Раберс. — Предлагаю о нем забыть и сосредоточиться...

Сарканл прогудел густым тяжелым голосом:

— Темный он какой-то... И слишком в нем много неясного.

— Он же не просто гонец от старшего брата к младшему, — возразил кто-то из зала. — Он посол, как сам сказал!

Раберс раздраженно отмахнулся.

— Назваться может кем угодно!.. Но я согласен, такого вообще лучше изгнать или как-то удалить из королевства. Пока неприятности не захлестнули и нас.

— Он отважен, — пробормотал Сарканл, — даже слиш-

ком... Конунг рассвирепел, когда этот дикарь побил его сильнейших бойцов. Я видел, с каким трудом он сдерживается. Но пока улыбается! Конунг не похож на остальных варваров. Те открыты, этот хитер...

— Похож на нас, — сухо заметил Иронгейт.

Фангер сказал визгливо:

— Конунг уже укрепился здесь. Даже мы поддерживаем его почти открыто. А этот десятник... откуда его принесло на нашу голову?

Раберс пожал плечами.

— Степные племена — бурлящие котлы. Там постоянно рождаются герои с неистовой жадой подвигов и славы. Большая часть гибнет в схватках друг с другом, но самые яркие идут искать приключений дальше. Побеждают лучших в племенах по дороге, и очень гордые едут дальше, дальше...

— Лучше бы он сломал шею по дороге к нам, — пробурчал Сарканл.

— Надо помочь, — сказал Раберс с недоброй улыбкой. — У нас спокойное благополучное королевство. Нам не нужны возмутители. Даже конунг не случайно старается вписаться в наш быт и наши обычаи. У нас вообще никто не носит оружия, кроме городской стражи. И охраны дворца. А этот разгуливает с мечом за спиной!

Брешешь, возразил я беззвучно. Я видел мужчин при оружии. Правда, не местные, а вроде меня. Но главное — все люди конунга вооружены до зубов. Разоружатся ли, когда полностью впишутся в местный быт, неизвестно...

Сарканл тяжело повернулся в кресле, вокруг сдвинулись волны кишечно-коричневого цвета.

— А если они схлестнутся с конунгом? — произнес он гулким голосом. — Ну и что? Не думаю, что ярость Балии заденет нас. Он знает, что этот десятник просто один из приезжих. Просто привез новости гостю Его Величества короля Жильзака.

— Так дайте ему ответ в зубы, — потребовал Иронгейт, — и пусть везет обратно!

— Уже получен, — сказал всезнающий Фангер. — Ярл Элькреф составил письмо брату и передал этому десятнику.

— Что в том письме?

Фангер развел руками.

— Даже не пытался узнать... из-за ничтожности интереса. Нам какая разница, будет ярл Элькреф или не будет возвращаться в свое племя? Он и здесь не больше мелкой рыбешки.

— А что десятник сделал с письмом?

— Набирается сил перед дальней дорогой! Скоро уедет.

Раберс пробормотал:

— Мы не вольны ему приказывать. Насколько знаю, он вольный степняк, его крохотное племя далеко и ярлу Элькрефу не подчиняется. Как и его брату. Передать письмо — было просто любезностью попутчика.

— И чего он тут торчит?

— Он только приехал, — вступился Фангер. — Правда, сразу же подрался с челядью Его Величества, из-за чего немедленно привлек к себе внимание.

— Иначе кто бы его заметил, — вставил Иронгейт желчно.

— А потом, — закончил Фангер, — то ли подвиги, о которых никто не знает, то ли слухи о них...

— Может быть, — с раздражением в голосе спросил Иронгейт, — ему денег дать на дорогу? Коня перековать, запасы купить?... Что нужно, чтобы убрался немедленно?

Раберс сказал со вздохом:

— Степняки слишком помешаны на чести, гордости. Он денег не возьмет, а уедет только тогда, когда захочет. Даже когда восхочет! Мне кажется, он сам уже зол на конунга. И жаждет с ним схватки.

Фангер воскликнул тонким голосом, я видел, как его затрясло, распространяя по залу кисло-тошнотворный цвет резеды:

— Только этого не доставало! Они же разнесут весь дворец!

— Если бы только дворец, — пробормотал Иронгейт. — А вот город...

— Может быть, предложить ему выполнить какое-то поручение на противоположном краю Гандерсгейма? За большую награду. И еще пообещать почести, конечно.

Раберс буркнул:

— А нам это зачем?

— Он может погибнуть, — пояснил Фангер, — по дороге туда, может — на обратном! А еще наверняка погибнет там, на месте, если придумаем что-то невозможно трудное...

Я видел, как лица у всех посветлели, сам подумал, стоит ли братья, смотря что пообещают в награду, но Раберс устало махнул рукой и заявил раздраженно:

— Перестаньте! Такие люди все делают по-своему. Никаких поручений он брать от нас не восхочет.

— Почему? — спросил Фангер обиженно.

Раберс фыркнул:

— Они ж гордые!

Ну, не настолько, мелькнула у меня мысль, смотря что предложили бы. Ну да ладно, они думают обо мне лучше, чем я о себе сам, так что постараюсь соответствовать народному мнению.

Самый пугливый из активных заговорщиков, Фангер, пропищал тонким голосом:

— Как собрание думает, десятник все-таки ввяжется в противостояние с конунгом?

Иронгейт пожал плечами.

— Кто знает. Варвары непредсказуемы. Им резоны не указ, они прислушиваются к внутреннему голосу чести. Что тот скажет, то и делают. А мы хоть стой, хоть падай от того, что получается.

Раберсу, похоже, надоел разговор, что ушел в сторону, сказал нетерпеливо:

— В любом случае, это касается только этого безрассуд-

ного десятника и конунга. Оба степняки, оба считают себя великими героями, оба предпочитают решать сложные вопросы простыми ударами мечей. Вот пусть и решают.

Я чувствовал, собрание подходит к концу, скоро все хлынут к дверям и сомнут меня. Стражи так и не ощутили, когда я осторожно поднялся, затаив дыхание, и на цыпочках пробежал за угол, где в глубокой нише вышел из незримости и уже гордо-деловым шагом удалился.

Конечно же, никто не сомневается в исходе схватки конунга и десятника. Конунг не только умелый воин, но и умный, осторожный, предусмотрительный. А я, понятно, только умелый...

Глава 3

Воздух чистый и свежий расцеловал меня, едва я ступил за дверь. Почти с чистого синего неба по саду бьют крупные редкие капли летнего дождя. Солнце просвечивает все капли, и они сверкают в падении ярче бриллиантов.

Он прекратился раньше, чем ноги вынесли меня из-под навеса. Я почти ослеп от бьющего солнца не только сверху, но из-под ног, с мокрых листьев деревьев, отмытых камней обычно запыленных стен.

Голова закружилась от бездны света, я чувствовал себя странно, инстинкт вел в сад поглубже, спасаясь от ярких лучей, здесь все дремлет, отягощенное жарой и зноем, терпеливо ждет вечерней прохлады. Узоры светотени скользят по дорожке взад-вперед, откликаясь на едва слышный ветерок далеко вверху, воздух неподвижный, как в неглубоком и прогретом до дна озере.

Чуть дальше затаились в тени куста две антилопы. Говорят, принцесса приучила их брать лакомства из ее рук, на ветвях под защитой крупных листьев дремлют огромные бабочки, а по соседней аллее идет быстрым шагом прямой, словно копье проглотил, Ланаян, как всегда в начищенном

до блеска панцире, в стальных наколенниках и наручниках, даже сапоги с металлической окантовкой по краям.

— Вот вы где, — произнес он без выражения, — не готовитесь к состязаниям? Зря.

Я пожал плечами, Ланаян свернул и вышел на мою дорожку, перегородив мне путь.

— Выигрыш будет большой, — сообщил он.

— Знаю, — ответил я. — Рука Элеоноры Гордой?

— Только возможность, — уточнил он. — Но это очень много. А должность при дворе — наверняка.

— Я на такие мелкие ставки не иду, — сообщил я.

— Сейчас не мелкие, — возразил он скучным голосом. — На этот раз впервые будут участвовать и кочевники. Им и раньше не запрещалось, но ни один не падал так низко, чтобы опуститься до участия в этих смехотворных играх, где убивать нельзя по-настоящему.

— Кочевники, — сказал я, — крепкие ребята. Все время упражняются, презирают смерть, драться будут жестоко.

— Наши тоже умеют, — заверил он.

— Ваши обучались на чучелах, — возразил я. — А кочевники вообще презирают тех, у кого на лице нет боевых шрамов.

— Опасаетесь, — спросил он напрямик, — что после состязаний охрану короля наберут из чужаков?

— Не сам король важен, — сказал я. — А вот его охрана вхожа во все помещения, башни и подвалы. В нужный момент могут перебить всех, кто все еще против смены власти... Такие есть?

— Таких немало, — ответил он со вздохом. — Очень достойные люди. Не хотелось бы их потерять.

Я запнулся, не зная, говорить ли больше, чем уже сказал, но, с другой стороны, уже и так сказано больше, чем достаточно, уже не повредит откровенность чуть больше, чем уже есть.

— Ланаян, — сказал я, — даже не знаю, кто ты и что ты, но мне кажется, ты стойкий и верный солдат. Верный коро-

лю, а не своему кошельку. Потому скажу прямо: кочевников нужно остановить раньше. Когда перебьют соперников на этих дурацких соревнованиях, конунга уже ничто не остановит.

Он смотрел исподлобья, лицо стало неприятным.

— И что вы предлагаете?

— Я тоже предпочел бы, — сказал я, — чтобы на троне усидел король Жильзак Третий. Возможно, это еще и будущий тесть ярла Элькрефа, младшего брата моего ярла Растенгерка, я в этом как бы заинтересован. Но если конунг Бадия приподнимется еще на одну ступеньку, ему и король будет уже не король, не так ли? А еще он точно сумеет избавиться от ярла Элькрефа....

Ланаян смотрел на меня все так же, привыкшись, а после паузы проговорил с угрозой:

— Вы не простой посланец, не так ли?

Я понизил голос:

— А ты не совсем дурак, верно?

— Жизнь во дворце научит всему, — буркнул он. — Значит, вам доверено не только письма носить... но и от имени своих ярлов что-то делать?

— Я пользуюсь полным доверием, — сказал я скромно. — Больше сказать ничего не могу.

Он кивнул.

— Этого достаточно.

— Вот и славно...

— Я так и подумал, — проговорил он все так же угрюмо. — С первого же дня, когда вас увидел. Но я заметил, что и конунг вас оценил выше, чем другие.

— Конунгу пока не до меня, — заметил я. — Потом, конечно, может заняться и мною. Но мы попробуем не допустить его до следующей ступеньки, когда вся власть окажется в его руках.

Он пробормотал:

— Мы?

— Да, мы.

- Кто-то с вами есть еще?
- Есть, — ответил я.
- Кто?
- Ты, дорогой Ланаян.

Он посмотрел на меня странно, козырнул и, обойдя меня, как вкопанный дураками столб посреди дороги, пошел дальше. Я не стал смотреть ему вслед, и так никто не убедит меня, что начальник дворцовой стражи попался мне совсем случайно.

Как всегда, когда мысли враспыху, жутко захотелось кофе. Крепкого, горячего, сладкого. Огляделся украдкой, сад велик, вот там вообще дремучий уголок, отступил туда, сосредоточился... через пару мгновений в ладони ощутил горячую тяжесть.

Моя глиняная чашка, уродливая и безобразная, но я к ней чувствую объяснимую нежность: это же первое, что я сотворил, пользуясь новыми возможностями!

Правда, это не помешало зашвырнуть ее в кусты, как только опорожнил содержимое в глотку. Мозги, получив с притоком крови и порцию кофе, разогрелись и выдали новую мысль: в самом деле, почему не попытаться сотворить гору золотых монет? Это уже другой уровень, больше соответствующий майордому... а майордом все же выше, чем маркграф. Вообще майордом — моя самая высокая ступенька, а майордому как ходить по дорогам, что ничем не лучше бездорожья, с копалкой в руке? Несolidно...

Долго не мог сосредоточиться, в голову лезли то плюмбумы, то феррумы, наконец, в памяти всплыл аурум, формула золота, это тоже ничего не дало, напрягся и вспомнил атомный номер, атомную массу, плотность, температуру плавления, память у меня теперь, как у стада слонов, всякую хрень помнит, нужное в этом хламе не сразу отыщешь, даже о сусальном золоте с отчаяния подумал, уже хотел бросить ломать голову, не маркграфье это дело, как вдруг уже не в мозгу, по крайней мере — не в головном, всплыло про-

сто ощущение золотой монеты, а их немало прошло через мои пальцы.

Почти сразу я ощутил холод, словно подуло с севера и принесло колючий снег, а на ладони потяжелело. Горячий комок трудно назвать монетой, но это золото, я шупал, пробовал на зуб, подбрасывал на ладони, чувствуя тяжесть благородного металла.

Придать нужную форму никак не удавалось, что-то у меня с воображением, слишком пляшет и бунтарит, но я уже вошел в азарт и заставлял себя с таким напором, словно ломаю тюремную решетку в ночь перед казнью. Наконец удалось расплющить и делать ровные такие диски, но с изображением никак не клеилось, однажды только получился всадник, пронзающий копьем мелкую такую ящерицу, буквы вообще плясали.

Наконец я решил, что эти монеты будут выдавать за особо старинные, да и кого интересует клеймо, в золоте главное — вес. Сейчас измочалился, создавая одну-единственную монету, словно отряд смертельно раненных вылечил, но, возможно, со временем научусь делать с меньшими затратами сил...

По аллеям за это время бесчисленное количество раз прошли гуляющие. Мне кажется, кто-то замечал меня в кустах, но предпочитал делать вид, что не видит, так спокойнее. Когда покой и демократия, никому ни до кого нет дела, что удобно в первую очередь для Бадии. Диктатуры возникают только в демократических обществах, там нет против них защиты...

Выждав момент, когда вблизи никого, я хотел выскользнуть на аллею, но послышались голоса, я присел за толстым деревом. Показались двое придворных короля, осанистые, дородные, все в расшитых золотыми нитями костюмах, один на ходу втолковывал другому:

— Даже мышь можно продать как слона, если правильно ее упаковать! А ваши люди работают по старинке...

— Да они просто тревожатся, — возразил собеседник,

толстый, даже тучный, но с непропорционально худым лицом. — Слухи всякие ходят...

— Чем тревожнее слухи, — сказал первый, — тем быстрее можно сколотить богатство.

— Только обладая аппетитом бедняка, — ответил худощавый уныло, — можно со вкусом наслаждаться богатством; только при кругозоре глиноеда можно наслаждаться по-королевски... У меня богатство... гм... уже есть. А что дальше?

— Копить еще! — сказал первый энергично.

— Зачем? — спросил худощавый. — Быть богатым в наше время как-то рискованно.

— Вы о конунге?

— Да.

— При нем станем еще богаче!

— Может быть, — согласился худощавый. — Если выполнит все обещания. А если нет? Вдруг захочет отобрать, и что мы сможем? Скажем, что это нехорошо?

— Но не дурак же он!

— Глупости делают не всегда из-за дурости, — сказал худощавый рассудительно. — Вон Энтони Пауэр — мудрейший человек!.. А как вожжа под хвост попала, что натворил?...

Они медленно удалились, иногда останавливаясь и рассматривая цветы, я не расслышал, что там случилось с Пауэром, выждал еще чуть, выскользнул на аллею и направился твердым шагом сына степей к гостевому домику.

После дождя все чисто, светло, вымыто, а дворец сверкает в солнечных лучах, как драгоценный камень. На мраморных ступенях дворца расплескалось жидкое золото, глазам больно от его блеска.

Из-под такого же тяжелого мраморного козырька выпала группа девушек, Элеонора среди них, как гордая лебедь среди утиц и гусят, идет ровно и смотрит перед собой, а они щебечут, верещат, дурачатся, блудливо зыркают по сторонам, где далеко за деревьями мелькают налитые моло-

дой силой мужские фигуры не слишком скованных приличиями кочевников.

Я сосступил с аллеи за толстое дерево, увидел цветочки и присел, делая вид, что считаю лепестки. Элеонора остановилась, девушки сгрудились вокруг нее, затем брызнули в разные стороны, как испугнутые птички. Она выждала чуть, я вздрогнул, когда ее взор каким-то образом отыскал меня через заросли цветущих кустов, и наши взгляды встретились.

— Рич, не прячьтесь, — услышал я ее чуть иронический голос. — Я вас точно не покусая.

— Жаль, — пробормотал я, — это было бы здорово...

Прикусил язык, нельзя вставать на привычную дорожку легкого трепя, принцесса может всерьез принять мои слова, в смысле, как приглашение к флирту, продрался между двумя высокими клумбами цветущих роз на ее сторону.

Элеонора смотрит с вопросом в темных глазах, волевое лицо слегка похудело, ставши еще более элегантным и стильным.

— Подкову потеряли? — спросила она сочувствующе.

— Да меня и не подковывали, — сообщил я.

— Я имела в виду, — поправила она себя, — вашего коня.

— Да, — согласился я, — мы с ним так похожи, так похожи!.. Нет, я ничего не терял. Просто мы, кочевники, такие романтики... А это так романтично: присесть под цветущей черемухой под пение соловья!

— Вашего коня перековали, — сообщила она невесело. — И всю сбрую заменили.

— Там и так хорошая сбруя, — ответил я. — Как и седло. Недавно купил. Задешево.

Она слабо улыбнулась.

— Просто знак внимания. Ярл Элькреф старается следить для вас все...

— ...чтобы я поскорее убрался, — закончил я. — Да уже и сам готов, хотя для меня собраться — затянуть пояс.

Дворец за ее спиной пронизан светом и солнцем, и сам

словно из сгущенного солнечного золота. Принцесса с ее черной копной волос на его фоне как благословенная ночь, полная желанной прохлады и отдыха, а темные глаза смотрят загадочно и полны жгучей тайны.

— Великолепный день, — сказал я с чувством. — Впрочем, здесь других и не бывает.

Она посмотрела с некоторым удивлением.

— Здесь?... А что, где-то другие?

Я отмахнулся.

— Под ярким знойным солнцем как вообразить страны, где низкое, давящее к земле небо в тучах изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц? А мелкие гадкие дожди, что длятся тоже неделями?.. А размытые дождями дороги... Небо же давит, давит... Серое, неопрятное от края земли и до края.

Она зябко передернула плечами.

— Как там люди живут?

Я подумал, пожал плечами.

— Многие счастливее, чем здесь даже короли. Так на Севере, на Востоке, на Западе. Даже на Юге... хотя на Юге уже прохладнее. Это раньше казалось, чем дальше на юг, тем жарче, пока не вломишься в настоящее пекло...

Я думал, она вздрогнет, как сделала бы любая женщина при упоминании таких просторов, женщины предпочитают камерные уютные мирки, окруженные прочными стенами, однако Элеонора подалась вперед, глаза заблестели, как утренние звезды.

— Как прекрасно, — прошептала она, — есть еще миры... страны, народы, племена, королевства... Но вы не рассчитывайте, Рич, что выскользнете из моих рук!

В ее шутилом голосе прозвучала угроза, а темные глаза стали еще темнее и серьезнее.

— Не задушите? — спросил я, сворачивая на шуточки.

— Постараюсь быть нежной, — ответила она. — Хотя, правда, не пробовала. Буду учиться.

— Нежной, — пробормотал я, — это неплохо...

— Если не останешься, — сказала она серьезно и твердо, — я поеду с тобой. Если не возьмешь — побегу следом за твоим конем!

Я горел, как в аду, свести к шуточке подло, как ответить иначе, не знаю, серьезности нас не учат, все на своей шкуре, и как спасение с небес услышал приближающиеся шаги и мужские голоса. Один из них принадлежит конунгу Бадии, вот уж не думал, что обрадуюсь его появлению...

Я сказал торопливо:

— Ох-ох, убегаю, чтобы вас не компрометировать... А то подумают что-нибудь для меня лестное...

Глава 4

Она не успела возразить, я отступил и зашел за высокую стену из декоративных кустов, где и листьев нет, одни благоухающие цветы. Вдали на аллее показался конунг с двумя воинами, как мне сперва показалось, затем рассмотрел их пояса с золотыми бляхами... оба полевые вожди. Как я подсознательно и ожидал, воины матерые, среднего возраста, бывалые, таких не проведешь, не перевербуешь, и если поддерживают конунга, то у него в самом деле скоро будет вся власть в руках как в городе, так и в степи.

— Принцесса! — воскликнул конунг радостно. — Как хорошо, что я вас встретил!..

Она в удивлении вскинула брови.

— С чего бы?

Он учтиво поклонился.

— Надо бы сказать, что встреча с такой совершенной красотой — всякий раз счастье... и хотя на самом деле все так, но от меня ждут мудрости... гм... и хотя она начисто выпархивает из моей головы при виде вашей совершенной красоты...

Она прервала, лучезарно улыбаясь:

— Вы это говорили, любезный конунг!

Я попытался отступить, чтобы не оказаться в роли под-

слушивающего, это совсем не то, что внимать тайному сборищу заговорщиков во главе с Раберсом, там я — бравый лазутчик, вызнающий важные секреты, а здесь — свинья рогатая...

Соблазн скользнуть в личину исчезника с сожалением отпихнул. Если кто издали увидит меня поблизости — не удивится, варвар любопытствует и поражается громадности дворцового сада, его деревьям и прирученным животным, но если хотя бы один из людей Ланаяна, что наверняка владеют нужными амулетами, заметит призрачно-багровую фигуру исчезника, тут же поднимется тревога.

Оба вождя смотрели на принцессу бесстрастно, даже не поклонились, а конунг продолжал с поклоном:

— Да-да, ваша совершенная красота смешает мысли любого мудреца... Но я еще и конунг, потому я прежде всего отец своего племени и тем людям, кто вверяет себя моей заботе. А как конунг, позвольте заверить вас, что при всем восторге вашим совершенством еще больше уважаю вас и восторгаюсь вашим умом! Даже больше, чем красотой. Красоту видят все, а ваш блистательный ум и вашу цельность характера — только такие же, равные вам.

Она тоже не повела в сторону полевых вождей даже бровью, подумаешь, дикари немые, смотрела настороженно на конунга.

— Это вы к чему? — поинтересовалась она.

Он сказал с обаятельной улыбкой, что так неестественно смотрится на его жестоком лице:

— Вы прекрасная пара с ярлом Элькрефом. У вас все хорошо, вам сейчас не нужна моя помощь...

Она произнесла с удивлением:

— Конечно, не нужна! Мы в безопасности, у нас все прекрасно...

Он поклонился.

— Простите, я выражаюсь сумбурно, но обстоятельство... Я сам слышал гнусные слухи, что якобы усиливаю свои

позиции в королевстве для того, чтобы потребовать у короля вас в жены.

Она отшатнулась.

— Правда?

Он поспешно выставил перед собой руки.

— Я что, похож на сумасшедшего? Ваша светлость, я никогда бы не стал претендовать на вашу руку, будь я ниже, выше или ровней вам. Более того, есть и намного более важные причины...

Она спросила невольно:

— Какие? Вы женаты?

Он отмахнулся.

— Нет, но дело не в этом. Даже был бы женат, нам можно брать до четырех жен. Причина куда важнее...

— Говорите, — потребовала она. Спутники конунга чуть поморщились, но оставались прямыми и неподвижными, как чингачгуки на костре. — Что у вас такое важное?

— Можно, — спросил конунг преувеличенно серьезно, — я буду с вами предельно откровенен?

— Говорите, — повторила она уже настороженно.

— Ваша светлость, — сказал он, — вы... слишком хороши. Простите за откровенность, но... я никогда бы не был с вами спокоен. У вас есть ум, сила, решимость, целеустремленность. Вы стали бы величайшим человеком... родись мужчиной. Мне, уж простите, жена нужна попроще. Простая женщина, для которой я буду богом. Для вас же поставить мужчину выше себя — невысказано. Потому я и говорю вам совершенно искренне: хочу вас видеть в друзьях, готов вам помогать, если вам это вдруг понадобится, но сам я не претендую на вашу руку!

Настороженность медленно уходила с ее лица, глаза чуть сощурились, а губы дрогнули в улыбке.

— Довольно откровенно, — произнесла она насмешливо. — Спасибо. Я знаю, многие думают так, но вы все выразили и в словах. Спасибо! Думаю, мы с вами можем быть друзьями.

Он поклонился и поцеловал ей руку. Я наблюдал, как она удалилась с довольным и величественным видом, не понимая, что эта хитрая тварь усыпила ее бдительность, а когда захватит власть, брыкаться будет поздно. Такие люди обожают покорять, нагибать, ломать непокорных. Он обязательно возьмет ее в жены, чтобы ежедневно давать ей понять, что сильнее, главнее.

Один из вождей, кряжистый и кривоногий, олицетворение кочевника, что и спит на коне, сказал с враждебностью:

— Да, твой сладкий язык любого зачарует. Но зачем ты привел нас сюда, в смрадный город глиноедов?

— Мы получим больше, — заверил Бадия, — чем получали когда-либо люди степи и ветра. Если не считать первых Людей Моря, что высадились на этот берег! Поверь, Эмекток!

Второй вождь молчал, а первый, который Эмекток, спросил с недоверием:

— Что именно получим?

— Контроль над городом, — заверил Бадия, — это больше, чем дань. А затем и контроль над королевством.

— Зачем нам этот мелкий контроль? — спросил Эмекток упрямо. — Разве мы не хозяева всему Гандерсгейму?

— Мы не пользуемся своей властью, — сказал Бадия. — Нам в своей гордыне достаточно, что победили, что нам кланяются, а нашему Мечу в городах ставят победные памятники, напоминая глиноедам о их разгроме и унижении. И все наши кочевники почему-то считают, что этого достаточно! Глупцы.

Эмекток сказал резко:

— Мы все с детства помним, что в городах превращаемся в никчемных существ, а затем исчезаем. Потому все племена строго исповедуют Закон Степей. Это закон выживания! А ты предлагаешь после короткой сладкой жизни в городах всем нам исчезнуть, как гордому и отважному народу чести и доблести?

Бадия молчал, отводил глаза. Я видел, что конунг поко-

леблен, Эмекток говорит не только с напором, но и со страстным убеждением, что говорит не он, а через него вещает мудрость поколений. И, похоже, сдвинуть его с позиций непросто.

— Мы не исчезнем, — проговорил наконец Бадия.

— У нас останутся только имена, — сказал Эмекток еще резче. — А вот кем мы станем?

Бадия огляделся по сторонам.

— Послушай, Эмекток, — проговорил он тихо, огляделся еще и приглушил голос почти до шепота, — послушай и ты, Бадрутдин. Я никому этого еще не говорил, но, вижу, вам сказать можно и нужно...

Он сделал паузу, глядя испытующе, Эмекток сказал резко:

— Сомнение оскорбительно.

— Прости, — сказал Бадия и приглушил голос. — Словом, я скажу вам то, чего никому еще не говорил. Только вам, потому что вы — лучшие! На вас держится племя, в вас живет и рвется наружу неукротимый воинский дух кочевого народа, рожденного в доблести и для доблести... В общем, я только делаю вид, что хочу влиться в городскую жизнь и принять ее такой, какая она есть. Да, это гибель для нас, как для самобытного народа. И я этого не допущу.

Бадрутдин снова промолчал, Эмекток покачал головой, не отрывая горящего взора от лица конунга.

— Не понял, — сказал он с расстановкой. — Что именно ты скрываешь от всех?

— От всех, — возразил Бадия, — но для всех!.. Мы изменим город. Введем свои законы. Сейчас от нашей власти в городе только стела в честь победы наших предков! Да еще небольшая дань. Когда-то была тяжелой, но города выжили, разрослись, разбогатели. Теперь эта дань что подаяние богача нищему.

Бадрутдин снова смолчал, только сердито засопел и переступил с ноги на ногу, а Эмекток нахмурился.

— Мы не можем изменить Закон Степи! — сказал он резко. — Размер дани был вписан в Великий Закон Победы.

— Мы не будем менять закон, — сказал Бадиа. — Но когда сами станем горожанами... не дергайся, мы останемся Народом Холодных Волн и Людьми Моря! Повторяю, когда станем горожанами, в королевстве Тиборра сможем менять многое. Уже не как кочевники, а как местные жители! По закону и праву.

Эмекток озадаченно молчал, Бадрутдин шевельнулся и впервые разомкнул плотно сжатые губы. Голос его прозвучал грубо, как стук неподкованных копыт:

— Кочевникам нельзя, глиноедом — можно.

— Золотые слова, — похвалил конунг. — Не зря все в племени говорят, что вождь Бадрутдин говорит редко, но всегда по делу.

Эмекток поморщился.

— Позволить, чтобы нас называли глиноедом?

— Мы ими не станем, — заверил конунг. — Мы будем жить в городе, как живем в степи! И везде будут только наши законы. И богатства городов будут наши! А не крохи, которые бывшие побежденные нам сбрасывают со стола, руководствуясь устаревшим Законом Победы.

Эмекток сказал угрюмо:

— Благодаря этому закону мы сохранились, как народ.

— Гордыми и бедными, — вставил Бадиа.

— А сколько, — возразил Эмекток, — других племен исчезли? Захотели быстрых перемен!

— Они поторопились, — сказал Бадиа. — И они были... дураками. Мы не станем меняться, вот в чем дело! Мы всего лишь приспособим королевство Тиборра под себя. Запомни, не мы изменимся, а мир вокруг себя изменим!

Я проводил их долгим обеспокоенным взглядом. То, в чем подозревал Бадию, начинает подтверждаться, но от этого только тревожнее. Все-таки жила трусливая мыслишка, что слишком осторожничаю, ничего такого не произойдет, кочевники насмотрелись на беспечную и сытую жизнь горожан, сами восхотели такой же привольности и беззаботности, однако эти люди степи оказались крепче духом.

В то же время со дна души поднимается смутное недовольство, что перерастает в острое. Вроде бы все делаю правильно, к тому же — успешно, однако странное гадкое чувство не то неуверенности, не то стыда поднимается, растет и начинает потихоньку грызть то непонятное, что высокопарно именуется душой.

Делать все правильно — этого мало, если честно. Каждый из нас вообще-то должен делать наибольшее из того, что может. Хотя в действительности абсолютное большинство погрязают... да, погрязают. И стараются делать по минимуму из того, что от них требуется. Даже философия такая выработалась: «А что, мне больше всех надо?»

Неужели и я постепенно сползаю в измельчание? Какой хреню занимаюсь! А ведь жадно и страстно пробивался на эту сторону Великого Хребта, только потому, что дальше за океаном загадочный Юг!..

С другой стороны... ну не могу вот так оставить этих людей, раз уж увидел, соприкоснулся! На будущее дураку наука: лети выше, чтобы не замечать, не слушай ничьих жалоб, иначе всю жизнь будешь разгребать навозные кучи и вытаскивать оттуда застрявших дураков и неудачников...

Я вздрогнул, обнаружив, что в глубоких размышлизмах выбрался из дворцового сада в город, и сейчас мои умные ноги несут прямо к таверне.

Вздыхнув, я отворил двери пинком, не люблю так, но надо — статусное движение. За столами все сразу повернули головы, а хозяин за стойкой приподнялся и уставился с надеждой и подозрением: то ли деньги вломились, то ли неприятности.

Столы в два ряда, половина заполнена, это устраивает, я пошел в сторону стойки, но еще с середины зала провозгласил громко:

— Мне нужен Кроган, Барсук или хотя бы Ухорез!..

За столами зашептались, не отрывая от меня взглядов. Я прошагал к хозяину и сказал повелительно:

— Стол почище и лучшего вина!

Он сказал торопливо:

— Сейчас будет сделано... господин.

Я бросил на прилавок монету, хозяин взял с почтением, золото попробовал на зуб, хотел было бережно опустить в кошелек на поясе, но всмотрелся внимательнее, глаза расширились в удивлении. Я наблюдал, как он поворачивает ее так и эдак, рассматривает под углом, царапает ногтем торца.

Подошел толстенький распаренный человечек, от него так мощно пахло кухней, что можно не спрашивать, где работает и чем занимается. Он тоже начал смотреть и рассматривать. Оба время от времени бросали на меня удивленные и настороженные взгляды.

— Что-то не так? — спросил я.

Сердце тукает чаще, я повел плечами, если придется драться, то надо меч выхватывать как можно быстрее, здесь тесно, могут сразу прижать к стене.

Хозяин проговорил с осторожностью:

— Монета больно редкая... Мне кажется, что-то о таких слышал... но не помню, что...

Повар зябко передернул плечами.

— Из жуткого времени уцелела...

Говорил он грамотно, смотрел почти интеллигентно-грустно, словно писец, которого вышибли из гильдии за пьянство и драки.

— Почему жуткого? — спросил я.

Он покачал головой.

— А вы что, не разобрали, что там начертано?

Я сказал самым небрежным тоном:

— Да мне все одно. Лишь бы золото.

Хозяин пощупал монету, поскреб пальцем, лицо оставалось озабоченно-задумчивым.

— Из чистого золота, — согласился он, — но на ней кочевник в латах убивает дракона!.. Первый раз вижу монету, на которой убийство.

— Так дракона же убивают, — возразил я. — Не человека.

Он снова покачал головой.

— Никто никогда не изображает на гербах или монетах убийство. Это дурной знак! Такое просто нехорошо. Убийств и так много. Нельзя напоминать о них еще и с монет.

Я сказал лениво:

— Никогда не задумывался. Хотя я, если честно, монет видывал мало... ха-ха!.. Они в моих лапах не задерживаются.

Повар хмыкнул, но смолчал, хозяин сказал серьезно:

— А через мои руки за сорок лет работы в гостинице... уж и не знаю сколько. К тому же у нас столица, люди отовсюду и деньги отовсюду. Могу точно сказать, что ни одно королевство не чеканит на монетах сцены убийств...

Повар задумчиво вертел монету между пальцами, брови сдвинулись над переносицей.

— К тому же всадник убивает не дракона, а его детеныша... А это совсем нехорошо.

Я помолчал, по легенде дракона встретила девушка, повязала ему на шею свой пояс и привела доверившегося ей зверя в город, где его и убил воин Георгий, получивший потом прозвище Победоносца. В самом деле, что-то не совсем красиво. И недостойно воина.

— Да ладно, — сказал я. — Это было давно. К счастью, и монет таких не осталось... Добавлю еще одну, если представят перед мои светлы очи любого из той тройки.

Говорил я нарочито громко, хозяин искоса зыркнул в зал, где тут же снова пошли перешептывания.

— Да как вам сказать, — проговорил он с неуверенностью, — люди они темные... Здесь не появляются... У нас чистое заведение...

— А за последние дни? — спросил я. — Никто из них не вынырнул, чтобы погулять?

Что-то в его лице дрогнуло, он снова зыркнул в стороны, словно если прямо взглянет мне в глаза, то сразу отдаст всю харчевню, проговорил неуверенно и совсем шепотом:

— Это не в счет...

— Почему?

— Ну... оба были одеты по-благородному, деньгами сорили, всех поили... Вроде они и уже не они...

Я сказал громко и насмешливо:

— А кто, по-твоему, им дал так заработать? Все по-честному, никаких грабежей!

Хозяин отшатнулся, лицо быстро менялось, но в глазах оставалась прежняя настороженность. В зале нарастали разговоры, кто-то яростно спорил, ему возражали, я не вслушивался, реакция хозяина интереснее, он мялся и мямлил, наконец проговорил с неуверенностью, настоящей или притворной:

— Здесь появляется мальчишка... я могу его послать...

— Пошли! — прервал я.

— Сейчас его нет, — промямлил он. — А когда появится...

Дверь из кухни распахнулась, рослая статная женщина из тех, кто коня на скаку, появилась, как статуя командора, бросила на меня лишь один короткий взгляд, а хозяину сказала повелительно:

— Скажи!

Он вздрогнул, помялся, посмотрел на меня снизу вверх искательно.

— Супруга дело говорит, — сказал я доброжелательно. — Женщины лучше людей чувствуют, кому доверять, кому нет. У нас ум, у них — чутье.

Он тяжело вздохнул.

— Хорошо... Я пошлю к ним. Но если зря, они меня убьют.

— Если не пошлешь, — сказал я ласково, — я убью раньше. Поторопись! И вот тебе плата.

Глава 5

Он снова успел поймать монету над самым столом, но едва разжал ладонь, цепкие женские пальцы мгновенно экспроприировали, хозяйка попробовала добычу на зуб, улыбнулась мне чисто и светло, и снова исчезла за дверью,

откуда успели вырваться умопомрачительные запахи свежей бараньей похлебки с луком и чесноком.

Хозяин посмотрел на меня обреченно.

— Ладно...

— Не трусь, — сказал я подбадривающе.

— Да как не трусить, — вздохнул он.

— Ты же не трусил, — возразил я, — когда эту корчму открывал?.. А мог бы сидеть тихо. Тут одни неприятности, зато и прибыль идет.

Он вздохнул так душераздирающе, словно затаскивал тяжело груженный воз на вершину горы.

— Зато все время как на иголках.

— День без потерь, — сказал я, — записывай в прибыль.

Он сказал с кривой улыбкой:

— Ну... если учтены все расходы...

— От всякого труда есть прибыль, — сказал я веско, — а от пустословия только ущерб.

Он намек понял, помялся, бросил беглый взгляд на закрытую дверь кухни.

— За ними уже послали...

— Жена?

— Не сама, — объяснил он. — На кухне всегда есть кого послать.

— Как долго ждать?

— Это смотря где они гуляют.

Сбоку робко приблизилась хорошенькая девушка с румянцем во всю щеку, поклонилась и прошебетала заискивающим голоском:

— Стол вытерла, лучшее вино ждет вас, господин. Что-нибудь еще?

Я окинул ее взглядом, так надо, она ждет, вон какие глазки, сказал с сожалением:

— Хорошо бы, но... в другой раз.

Она довольно, хоть и с сожалением улыбнулась, исчезла, а я отправился за чистый стол дожидаться Кругана. Мужчины за столами продолжали перешептываться, никто

не решается подойти и предложить услуги, хотя я видел, как многих просто подмывает вляпаться во что-то опасное, зато прибыльное.

В моем нетерпении время всегда тянется долго и проходит бесцельно, однако дверь распахнулась как раз, когда я допил вино и уже начинал подумывать о чашке кофе.

Мужчина вошел, наклонив голову, чтобы не задеть верхом роскошной шляпы с длинными перьями притолоку. Когда он поднял голову, я с изумлением узнал преобразившегося Крогана. Еще со ступенек быстро провел взглядом по залу, все притихли, а он широко и радостно улыбнулся и пошел ко мне быстрым шагом.

— Господин...

Я указал на стул по ту сторону стола, Кроган неуклюже отвесил замысловатый поклон, явно готовится в приличное общество, одежда на нем указывает на благородное сословие, осторожно сел и уставился в меня счастливыми глазами.

— Я счастлив видеть вас снова, господин, — сказал он преданно.

Я заметил, как за столами прислушались и жадно ловят каждое слово. Даже хозяин далеко за стойкой замер, будто пытается по губам понять, о чем договариваемся.

— Счастлив так просто, — спросил я, — или что-то чувствуешь?

— И так просто, — ответил он с сияющими глазами, — и чувую... такие люди, как вы, шагу не пройдут, чтобы... гм... словом, словом...

— Словом, — помог я, — со мной не соскучишься.

— Золотые слова! — сказал он с восторгом. — Я всю жизнь буду вспоминать то приключение, а у вас каждый день такое...

— Бывает интереснее, — сказал я, подливая масла в огонь. — А бывает и намного, намного... Ты уже остепенился? Вон одежду какую приобрел, манерам учишься... Как Барсук и Ухорез?

— Барсук получил часть доли, — сообщил он. — За меня

потому и держатся, что не гребу все себе. Ухореза просто напоили хорошим вином, чтобы чувствовал, что потерял. Ко мне сейчас многие липнут, просятся, но я собираюсь дом купить, подыскиваю вот с приличными соседями.

Я покрутил головой.

— Здорово. Значит, мне надо искать отчаянных в другом месте.

Он подпрыгнул, глаза округлились.

— Господин! Да ни за что! Я за вами на край света!.. Только скажите!

В зале настала мертвая тишина, никто не двигается, а когда за дальним столом кто-то обронил ложку, на него зашикали со всех сторон, замахали кулаками и вообще чуть не прибили на месте.

— Скажу, — сказал я негромко. — Но сейчас речь уже не о деньгах.

Он кивнул.

— Хорошо-хорошо. Я и так получил больше, чем мечтал.

— Ты не так понял, — сказал я терпеливо. — Нельзя иметь все сразу, поэтому ты начал с малого — с денег. Но пора переходить на следующую ступень.

— Это... как?

— Деньги, — сказал я, — ступенька к власти. Можно подняться на эту ступеньку, а можно и не подниматься... Ты об этом не думал?

Он сказал ошарашенно:

— Н-нет...

— А я подумал за тебя, — ответил я заботливо.

— Спа... сибо, — пробормотал он. — Но... как? Я о таком даже не... ну просто не — и все!

— Путь от богатства к власти вполне респектабелен, — сказал я, — а от власти к богатству... не весьма, хотя чаще бывает именно так. У тебя все путем, не дрожи.

Он взмолился несчастным голосом:

— Но... как?

— Созови тех, кому доверяешь, — посоветовал я. — А тебе, думаю, теперь доверяют еще больше, чем раньше. Дело опасное, но добыча будет измеряться уже не в золоте...

— А в чем?

— Есть и повыше ценности.

— Драгоценные камни?

Я отмахнулся.

— И драгоценные камни могут отобрать. Если удастся то, что я задумал, ты сам станешь тем, кто сможет отбирать. Но, конечно, этого делать не будешь, верно?

По дороге из трактира мне дважды предлагали работу, одна молодая женщина сама предложила свои услуги, торговцы зазывали в лавки с товаром, кто-то настойчиво выспрашивал, почем в этом сезоне воловьих шкур, словом, город живет своей жизнью, не подозревая, что это может быть его последний день.

Стражи дворцового сада молча отворили ворота, я вздернул подбородок и уверенно пошел по широкой аллее к дворцу. Справа и слева ударили фонтаны, легкий ветерок донес водяную пыль, из зарослей цветущих кустов донесся недовольный птичий крик.

Я свернул на боковую аллею, потом еще и еще, там в глубине проступил домик для гостей, ноги сами несут к его порогу, но в это время неподалеку прозвучал суровый голос с нотками привычного недовольства:

— Чем еще могу помочь сыну степей?

Сотник Ланаян вышел из-за вечноцветущих деревьев, быстрый и собранный, взгляд острый, но лицо каменное, блокирующее любые выражения.

— В засаде? — поинтересовался я ехидно.

— Просто хожу тихо, — ответил он ровно. — Я отвечаю за все, что внутри этого квадрата за железным забором. Сад, конюшни, пекарни, дворец...

— Нужен глаз да глаз, — согласился я. — Всем все втол-

куй, переспроси, как поняли, а потом ходи и проверяй, так ли поняли.

— Примерно так, — согласился он. — Какие-то неприятности?

— Нет, — ответил я и пояснил: — Я иду из таверны. Какие могут быть неприятности?

— А-а-а, — протянул он. — Ну и как самочувствие?

Я с удовольствием вдохнул прохладный от водяной пыли воздух и раскинул руки.

— Когда сыт и пьян — кругом очень красиво!

Он сказал кисло:

— Да, конечно... Ну, а как вообще? Шансы есть?

Голос его звучал почти безнадежно, я согнал с морды ухмылку и ответил серьезно:

— Шансы есть всегда, даже когда их действительно нет.

Он не успел ответить, далеко послышались крики, конский топот, затем в сад ворвались, топча кусты драгоценных роз, мелкокостные степняцкие кони, приземистые и злые. За ними почти влетела, подскакивая даже на ровном месте, сурового вида телега, сколоченная, как мне показалось, с нарочитой небрежностью, люди в ней почти лежат, укрытые толстыми шкурами.

Я ожидал, что пронесутся так же либо до самого дворца, однако возница резко натянул вожжи. Кони остановились на развилке аллеи, она вся усыпана белым песком, его здесь зовут золотым, храпят и грызут удила, глаза дикие, налиты кровью, телега слегка подперла их сзади и тоже замерла, будто вросла в землю, тяжелая и настолько неуклюжая, как будто первотелега, созданная человеком.

Седоков четверо, трое медленно поднялись, суровые и с расписанными красками лицами, очень немолодые. Длинные волосы переплетены лентами и бусами, одежда под дикую старину, на груди ожерелья из волчьих и медвежьих клыков.

Четвертый остался с вожжами в руках, согнутый, сгорбленный, злобно зыркает исподлобья, облучка не покидает.

Ланаян пробормотал сдержанно, но я уловил глубоко запрятанную враждебность:

— Шаманы прибыли...

— Они-то зачем? — спросил я.

Он повел глазами в сторону.

— Нам незачем. А вот ему...

По ступеням дворца быстро спускался конунг Бадия. Лицо сияет преувеличенным счастьем, руки распахнуты, словно пытается обнять весь мир.

— Приветствую вас, — прокричал он еще издали громко и приподнято, — отцы племени, Хранители Духа!..

Шаманы молча и сурово смотрели на него, а конунг то-ропливо подбежал к телеге, словно и не вождь, а мальчишка на побегушках, почтительно преклонил колено.

Ланаян пробормотал:

— Для таких почтенных могли бы повозку получше...

— Нельзя, — шепнул я.

— Почему?

— Все старинное — свято, — объяснил я. — В некоторые края даже обрезание делают каменными ножами... А короли в одной отдаленной стране ездят на вот на такой же примитивной повозке, запряженной волами, в то время как майордомы носятся на быстрых конях... Но зачем они здесь?

— Конунг вызвал.

— По какому делу?

Он покосился на мое лицо.

— Не догадываетесь?

— Нет, — ответил я. — Шаманы — тоже власть. Зачем ею делиться?

— Если в одних руках не удержать, — пробормотал он, — делиться приходится поневоле. Конунг все делает для укрепления своего влияния. А в какой это стране короли ездят на быках?

— На волах.

— Пусть на волах. Не слышал.

Я отмахнулся.

— Далековато, камнем не добросить. Все-таки при чем тут шаманы?

Вместо того чтобы выбраться из телеги, опираясь на склоненную голову конунга, все три шамана долго стояли неподвижно, затем синхронными движениями достали из сумок что-то сморщенное, похожее на засохшие мухоморы, забормотали в унисон, запели, потом умолкли, медленно-медленно повернулись в другую сторону и снова запели, помовая плавно дланями.

Песня длилась и длилась, словно исполняли «О все видавшем», затем умолкли, подумали, повернулись в другую сторону и запели скучно и монотонно снова.

— И сколько так будет длиться? — спросил я злобно.

— Сторон света всего четыре, — сказал Ланаян утешающе.

— Да? А если знают про зюйд-зюйд-весты?

Ланаян покосился в немом изумлении, смолчал, только время от времени зыркал исподлобья. Шаманы между песнопениями то ли засыпали, как мухи на зиму, то ли набирались сил, но все равно двигаются, как будто жуки пытаются выбраться из тягучего клея.

Хуже того, еще и надолго замирали в определенных позах, я извелся, переступал с ноги на ногу, все-таки хочется дожидаться конца церемонии и понять, к чему это все, явно нехорошее готовится, иначе уже плюнул и пошел бы разгдывать секреты арбалета или зеленой шкатулки.

— Ну почему, — спросил я, — все шаманы и священники такие черепашистые?..

— А что вы хотите, Рич?

— Давай как-то ускорим? — предложил я кровожадно.

Он прошептал испуганно:

— И не думайте!.. Если сойдутся хоть в одном слове, начнут все сначала.

— Господи упаси! — прошептал я в ужасе.

— Тс-с-с, — сказал он. — И Господа не призывайте, здесь адепты древних богов.

Я покосился на его суровое лицо.

— Но хоть вы о нем помните.

Он ответил, едва шевеля губами:

— Помнить, насколько я понимаю, мало.

— Верно, — согласился я. — Но с паршивого края хоть веры клоч. Как думаете, зачем он их привез?

Ланаян пожал плечами.

— Не представляю.

— Я тоже. Здесь старые храмы есть?

Он кивнул.

— В северной части города. В старину там была церковь, потом... потом просто забросили.

— Даже под склад не сумели?

— Церковь на отшибе, — объяснил он. — Там везде камни, дорогу туда не проьешь, только пешком. Думаете, конунг предложил этим шаманам церковь под их капище?

— Надо проверить, — ответил я.

— Зачем?

— Если привез шаманов, — объяснил я, — наверняка введет обычаи своего кочевого племени. Не для себя, для горожан-глиноедов. Еще не поздно предупредить Раберса и ближайшее окружение короля, если Его Величество по каким-то причинам и пальцем не шевелит.

Он сказал несчастным голосом:

— Боюсь, даже это их не переменит.

— Почему?

Он поморщился.

— Скажут, у нас свобода. Кочевники вольны молиться своим богам, мы — своим.

— Дураки, — сказал я рассерженно. — Не понимают! Им же первым придется поклониться богам кочевников.

Шаманы, закончив обряд прибытия в нечестивый город, медленно покидали повозку. Их подхватили под руки и

увели с почестями, едва не прометая перед ними дорогу, дабы те не дай бог не раздавили какого несчастного жучка.

Ланаян сказал недовольно:

— Пойду взгляну.

— Давай, — сказал я. — Проследи, дабы утеснений высоким гостям от какого-то короля и его двора не было.

Он скривился, но ушел молча, а я перевел взгляд на последнего, четвертого из прибывших. Он наконец выпустил из рук вожжи, поднялся.

Среди собравшихся кочевников пронесся почтительный шепот:

— Неужели... Диолд?

— Диолд...

— Сам Диолд!

— Это же Диолд!

— Смотрите, нас посетил великий Диолд!

Диолд степенно спустился с телеги, хотя мог бы просто прыгнуть, еще не стар, вскинул руки в приветствии. Кочевники ревели в восторге, словно увидели живого бога, теснились и смотрели восторженными глазами.

Глава 6

Я переводил взгляд с них на Диолда и обратно. Что-то странное, все кочевники, за исключением этого Диолда — высокие рослые красавцы, бронзовотелые, белозубые, с картинными торсами, руки перевиты толстыми жилами и венами, плечи широки, похожи один на другого, как близнецы и братья, а этот сутул, с неприятной болезненной рожей, а когда ветер дохнул в мою сторону, я отшатнулся от запаха из гнилого рта. Скулы широкие, узкоглаз, борода жидкая, противная, как у больного козла, от зубов одни желтые пеньки.

Даже ноги кривые, как и должно быть у кочевников, выросших на конях. Грудь плоская, нездоровая, отвисаю-

шая, а живот почти переваливает через пояс, желтый и в складках.

Перевязи у него две, рукояти мечей торчат по бокам изящные, резные, отделанные с той тщательностью, что годится больше для музея, чем для настоящей жизни.

Он потряс руками в воздухе, тоже кривыми, как ветки дерева, с корой вместо мускулов, ловко выхватил мечи и сделал несколько очень быстрых движений, рассекая воздух.

Кочевники одобрительно зашумели, а он оскалил зубы и завизжал, как недорезанная свинья, что сумела выплюнуть кляп.

На него смотрели с восторгом, степняки да и не только они обожают все новое, необычное, лох-несское или бермудско-катаканное тыквондейство с примесью восточной, ага, мудрости. В необычности подразумеваются чудеса, ну хочется нам так, хочется, и любой, кто вот так непонятно зачем подвергает передними конечностями, может с самым таинственным видом говорить, что творит нечто небывалое, мистическое, особо пранное, мистически йогизмное, понятное только посвященным, даже Посвященным...

Я поморщился, тяга человека к чудесам объяснима, но нельзя же ее эксплуатировать так беззастенчиво. Хотя почему нельзя, постоянно находятся такие вот ловкие, что любую экзотику выдают за нечто необыкновенное, а себя — за особо необыкновенных.

Он посмотрел в мою сторону, что-то уловил по моему честному и бесхитростному, выпрямился и смерил с ног до головы презрительным взглядом. Особенно задержался на рукояти моего двуручного, что так красиво и грозно выглядывает из-за левого плеча.

Зашелестели шаги, я услышал запах вина и довольное сопение, а затем услышал приглушенный голос Рогозифа:

— Как он тебе?

— Никак, — ответил я честно.

Он встал рядом, касаясь плечом, на лице столько почтения, словно перед ним сам Морской Всадник.

— Диолд, — сказал он почти шепотом, — величайший воин. Изволил посетить нас для встречи со своими почитателями. Смотри, у него сразу два меча!..

Я буркнул:

— Пусть хоть одним пользоваться научится. Видал таких.

Он покосился на меня в великом изумлении.

— У вас что, не слыхали о нем?

— И не услышат, — пообещал я мрачно.

Он покачал головой.

— Такого просто быть не может! Надо ему сказать, что в твоих краях о нем еще не знают. Он туда съездит и расскажет о себе, своем великом мастерстве, своих участиях в турнирах, о своем понимании секретов древнего мастерства...

— Зачем?

— Молодым воинам нужен пример, — сказал он нравоучительно.

— Не тянет он что-то на пример.

— Говорят, — сказал он осторожно, — Диолд владеет древними секретами боя наших предков.

— Что-то нашим предкам не помогли их секреты, — заметил я.

Диолд, не отрывая от меня взгляда, что-то сказал своим, те угодливо захохотали. Раздражение вздыбило мне шерсть, но я лишь сделал каменное лицо и повернулся к Рогозифу.

Он прошептал с суеверным восторгом:

— Смотри, смотри! Говорят же, он самый великий воин на свете!

— Кто говорит? — поинтересовался я.

Рогозиф быстро зыркнул на меня, ответил искренне, не замечая подвоха:

— Он и говорит... Зато как убедительно и красиво!

К нам подошел еще степняк, дружески стукнул Рогозифа кулаком в спину.

— Я слышал, — сказал он, вклиниваясь в разговор, — у него двадцать девять наград за турниры.

— За победы? — спросил я.

Степняк как-то замялся и сказал торопливо:

— В состязаниях важна не победа!

— Это Диолд говорит? — уточнил я. — Ну да, ну да, а как же, еще бы. Важна не победа, а красивый костюм, в котором выступаешь. И публика, перед которой кувыркаешься.

Рогозиф оживился:

— Вот и Диолд постоянно об этом говорит. Грубые люди не могут оценить всего совершенства его дивного мастерства, потому он выступает только среди своих.

— Таких же... красивых?

— Ну да! — согласился он. — Зато все его движения, как говорят знатоки, филигранны и витиеваты до совершенства! Ни одного простого или простонародного, ни одного ошибочного, все красиво и...

— Кудряво? — спросил я.

Он быстро взглянул на меня, развел руками.

— Слава его катится впереди него. И хотя ее всеми силами катит он сам, но катится же?..

— Нарвется, — пообещал я угрюмо. — Не все же такие задуренные. Кто-то попадется и нормальный, не даст себе на уши всякое вешать и мозги... запылывать.

Розогиф вскрикнул тихонько:

— Да ты что? Диолд непобедим!

Диолд в кругу своих почитателей что-то сказал со смехом и показал пальцем в мою сторону. Во мне вскипело, хотя обычно реагирую не так быстро.

Я в ответ метнул злобный взгляд и развел плечи пошире, но Диолд лишь захохотал громче и снова показал пальцем.

— Остановим, — пообещал я зловеще. — Бог правду видит... и уже скоро скажет. Тут это существо зарвалось, на меня наехало зря, а палец не вымыло. Я простой и очень да-

же простой, завитушек не разумею, в лоб дам так, что уши отпадут.

Рогозиф вскрикнул встревоженно:

— Только не схватка!

Я буркнул:

— Почему?

— Знаешь ли, — сказал он заботливо, — как-то ты мне понравился чем-то. Может, потому, что мы оба не мергели? Жаль тебя увидеть без головы. А он, говорят, успевает срубить уши, нос, руки, а уже затем голову... и все так быстро, что никто и глазом не успевает мигнуть, а труп еще стоит и почти дерется...

— Это он рассказывает? — спросил я саркастически. — Диолд? Ладно, сейчас посмотрим.

Я посмотрел в сторону Диолда и смачно плюнул ему под ноги. Конечно, недоплюнул, не верблюд же, но все намеки поняли отчетливо. Рогозиф охнул и даже отодвинулся от меня. Поклонники Диолда заговорили оживленно, сам призовой герой нахмурился, посмотрел по сторонам, словно ищет пути отступления, знаю этот тип людей, у них все на пиаре, а мастерства предъявить не могут, но поклонники галдели и указывали на меня пальцами.

Он наконец сделал ко мне пару шагов, церемонно поклонился. Я, глядя в его лицо строго и сурово, медленно поднял руку к торчащей над плечом рукояти меча, стараясь, чтобы хорошо прорисовалась двуглавая. Пальцы коснулись рифленной поверхности закаленного металла.

— Готов?

Он превежливо поклонился и спросил тонким сюсюкающим голосом:

— Господин будет сражаться этим мечом?

— Ага, — ответил я басом с достоинством аристократа, кланяться в ответ и не подумал, обойдется желтомордый.

Он снова поклонился низко-низко, чуть не ударился лбом о землю и поинтересовался:

— Только этим?

— Ага, — ответил я и подумал, что для разнообразия можно сказать «ну», это все-таки выше, но еще не «да», когда могут заподозрить вообще в позорном умении читать и писать. — Этого хватит.

— Именно этим?

— Ну? — ответил я в недоумении.

Он в третий раз поклонился, на этот раз стукнулся лбом с на удивление мягким хрящевым звуком и сказал, рассюсюкивая каждое слово:

— Если этим мечом... тогда будем драться до смерти.

— Дык понятно, — пробурчал я. — Что за восточные церемонии... А как же еще драться? Или трусишь?

Он завизжал дико и некрасиво, весь перекосившись, как драная кошка, что попала под колесо тяжело груженной телеги, сделал какие-то судорожные движения руками туда-сюды и еще сюды-туды, а потом выхватил из ножен оба меча, какие-то несолидные: короткие и тонкие. Кочевники отшатнулись, вокруг супергероя образовалось пространство.

Полагая, что народ уже вдоволь налюбовался на мои мышчатые мышцы, люблю это дело, я наконец потащил меч из ножен, стараясь делать это красиво и по-европейски. Стальная полоса со свистом прорезала воздух. Диолд выставил перед собой оба меча и отскочил, путаясь в цветной хламиде, но почему-то недостаточно далеко, хотя, на мой взгляд, мог бы.

Длинное лезвие двуручного меча блеснуло на солнце эффектно и обрекающе. Все ахнули, услышав тихий хлюпающий скрежет. Отточенная сталь рассекла голову восточника, шею, грудь и живот, развалив единоборца на две половины вместе с крохотными гениталиями.

Мир застыл, птицы повисли в воздухе, а зрители замерли в горестном оцепенении. Бой только начался, все готовились смаковать удары и считать раны, мои, конечно, но рассеченное надвое тело уже бесславно истекает кровью у ног такого нетитулованного и нераспиаренного. Мне показалось, левая часть посмотрела единственным глазом на

правую с укором, пинком придвинул, чтобы снова стали вместе, и воссоединившийся на минутку Диолд, выплевывая кровь, прохрипел в диком изумлении:

— Но как же можно...

— Все меня недооценивают, — ответил я скромно.

— Я не ожидал...

— Чего?

— Что сможешь... — шепнули его бледнеющие губы, — вытащить из-за спины... двуручный... Он слишком... Так не бывает...

Я услышал как в толпе кто-то изумленно ахнул, другой сказал пораженно: «Во дурак...»

— Кто-то не может, — ответил я высокомерно, — кто-то может все. Еще есть адиёты? Нет? Удивительно, куда враз все делись.

Подошел Рогозиф, глаза огромные, как тарелки на королевском столе, сказал со странным выражением:

— Поумнели.

Я отмахнулся.

— Я не такой оптимист. Придумают, что поединок был не по правилам. Да хрен с ними, пусть говорят, все равно ничего больше не умеют, кудрявщики.

Глава 7

Иногда чувствую, как во мне ворочается нечто мрачное и злое, сразу хочется сказать, что это Темный Бог, а мои вспышки ярости ни при чем, это он, гад, виноват, а я весь в белом, но умом понимаю, что все больше злюсь от нетерпения, от пробуксовок на одном месте.

Когда был простым рыцарем, и то чувствовал некие масштабы, а сейчас весь измелочился, хотя должно бы все наоборот. А про Темного Бога, если на то пошло, уже и забыл, это было нечто вроде грубой неорганизованной мощи, что полностью под контролем... да каким-то там контролем, суть Темного Бога растворилась полностью, я даже не

могу воспользоваться его возможностями, потому что... потому что не знаю, что у него за возможности и чего пожелать!

Вообще-то «чего» у меня много, но не знаю, как это вымычать, оформить в понятное. Потому и злюсь, этого дурака убил зазря, он вообще-то безобидный, просто добивался известности всеми путями, но не воровал же кошельки, даже чужих жен не насиловал, вот только героя из себя зря строил, не все же такие доверчивые, у кого-то и своя голова на плечах отыщется...

Показался слегка запыхавшийся Ланаян, увидел меня издали и помахал рукой. Доспехи на нем и в тени блестят, словно постоянно на ярком солнце. Я покосился на Рогозифа, начальник стражи обычно предпочитает общаться наедине, спросил ехидно:

— Устроил высоких гостей? Виноват, высочайших?

Ланаян подошел, на Рогозифа зыркнул с раздражением.

— Без меня устроили, — сказал он хмуро.

— Конунг?

— А есть другие? — спросил он зло.

— Без вариантов, — согласился я. — Ты чего так запыхался?

Рогозиф тоже смотрел на него с покровительственным интересом, хоть и глиноед, но все-таки воин, это уже наполовину глиноед, наполовину — человек, такого не обязательно в морду, можно и по плечу похлопать, как шустрого слугу.

Ланаян снова бросил на него хмурый взгляд.

— Десятник Рич, — сказал он громко и официально, — вас вызывает к себе Его Величество Жильзак Третий, король Тиборры!

Я дернулся было идти, но вспомнил про свою саностепейность, гордо переспросил:

— Вызывает?

Рогозиф засмеялся, хлопнул меня по спине, звук такой, словно тюлень шлепнул мокрым ластом.

— Ха-ха, ты чего весь пошел колючками? Старый человек зовет, надо выказывать почтение старшим.

Ланаян поморщился и сказал резко:

— Приглашает. Его Величество приглашает!

— Благодарю за любезное приглашение, — ответил я степенно. — Когда пожилой человек вот так это самое, как не пойти? Отведешь меня или как?

— Отведу, — ответил Ланаян сердито. — Хорошо бы под стражей.

Рогозиф сказал вдогонку:

— Не напивайся слишком, Рич!.. А то посуда там дорогая... А мебель так вообще...

— Сам дворец тоже чего-то стоит, — откликнулся я весело.

Ланаян лишь втянул голову в плечи, лицо его кажется мне озабоченнее не с каждым днем, а с каждым часом.

Толпа вокруг двух половинок Диолда становится теснее, голоса громче и удивленнее, мы оставили ее позади, а на полдороге к зданию я поинтересовался учтиво:

— И чего изволит соизволить Его Величество... Жильзак Третий, король Тиборры и еще чего-то?

Ланаян шел ровный, как монумент, которого перевозят по льду, на мои недостаточно почтительные речи поморщился, но я чужак, сын степей и потому вне юрисдикции короля, законов королевства и дворцовой стражи.

— Понятия, — проговорил он сухо, — не имею.

Я сказал:

— Ланаян, не хитри.

Он даже не повернул голову, двигается ровно, но переспросил с преувеличенным недоумением:

— Я?

— Ты, — сказал я. — Еще в первый день, когда я только прибыл, ты зачем-то сказал, что конунг Бадия все больше подгрывает под себя власти. Вот так вряд ли сказал бы первому встречному!.. Такой болтливый, да? По тебе не скажешь.

Его лицо оставалось озабоченно-каменным, а взгляд устремленным только вперед, пока мы огибаем стену дворца, за которой располагаются залы для массовых приемов.

— Да что-то захотелось пооткровенничать, — произнес он. — Это со мной бывает редко.

— А еще ты сказал, — напомнил я, — что если я что-то надумаю, чтобы дал тебе знать.

Он изумился:

— Я так сказал?

— Сказал, сказал, — ответил я. — Словом, мне надоели пустые разговоры. Я — сын степей и конского топота, человек действия. Мне кажется, пора убрать из дворца и вообще из города людей конунга.

Он переспросил в непритворном недоумении:

— Убрать? Что это?

— А ты не знаешь? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

По его лицу и глазам я видел, что не врет, вот же королевство, вот же мир, да их обобрать можно среди белого дня, не заметят, а еще и спасибо скажут.

— Убрать, — сказал я сердито, — нейтрализовать, изъять, вычеркнуть, стереть, ликвидировать, удалить, зачислить, замочить... Ну как тебе еще сказать, чтобы не употреблять грубое и некрасивое слово «убить»? Мы же культурные люди, мать твою, плохих слов избегаем, потому и плодим синонимы-хренонимы. Культура культурой, а убивать надо.

Он оторопело кивал, содрогаясь под лавиной культурного шока, наконец почти прошептал:

— Но вы... все еще один?

Я взглянул на него в удивлении:

— Как это один? Разве я не сказал?

— Н-нет...

— Нас двое, — сказал я с энтузиазмом.

Он вздрогнул, лицо вытянулось.

— Да?.. А я было не поверил, хотя плохое предчувствие

было, было... А зачем так много? Людей конунга здесь не больше полусотни. Вам одному делать нечего.

Я кивнул.

— Абсолютно верно! Но если все будет от меня, потеряется легитимность. Надо, чтобы я тебе только помогал. Чуть-точку. Временами. Лучше — издали. Советами. Мысленно. И горячим сочувствием. Хотя поставил бы, конечно, на конунга. Сочувствие сочувствием, а бизнес бизнесом.

Он хмыкнул, скривился, затем спросил очень серьезно:

— Все-таки не пойму...

— Чего?

— Вам-то какое дело?

— А сам как думаешь?

Он развел руками.

— Теряюсь в догадках.

Я сказал зло:

— Да никакого дела, прекрасно понимаю!.. Но вот такой я дурак, что-то во мне уцелело от дурацкого воспитания. Мол, ах-ах, мы за все в ответе... Кого приручили, а теперь уже и кого не приручили! Дикий животный мир теперь под охраной тоже. Вот и охраняю вас, живую природу от загрязнения. И когда вижу, что дикость вот-вот захлестнет и утопит цивилизацию... да-да, вот это болото, в котором живете, все-таки цивилизация, если сравнивать с романтикой резни и убийства всех, кто не из нашего племени, то чувствую, как толкает нечто внутри выйти на дорогу и остановить эту скачущую по колено в крови поэзию.

Он мало что понял, но смысл уловил, а на мелочи мужчины внимания не обращают, это дело женщин и политиков, буркнул хмуро:

— А силенок хватит?

— Если бы дело в них, — ответил я безнадежным голосом. — Но это проклятое воспитание требует в любом случае быть на стороне... ха-ха!.. Добра. Даже если силенок совсем ни гу-гу. Это вы добро представляете? Самому смеш-

но, но если сравнить с кочевниками... ладно, это я говорил. Теперь пора действовать. Разбегайтесь, гуси, я иду!

С этой стороны дворца стражи только из местных, хотя двух кочевников я заприметил вблизи, очень высокие, сильные, жилистые, каждый стоит пятерых в бою, настоящие ветераны, что умеют сражаться яростно, однако не теряют голов.

Стражи напряглись, услышав мой грозный клич, его можно принять и за призыв к кровавой схватке. Ланаян помахал успокаивающе.

— К Его Величеству! — сказал он грозно.

Дверь приоткрылась, выглянул осанистый вельможа, но золота на нем столько, что тяжело двигаться, таким может быть только церемониймейстер.

Ланаян сказал без особой надобности:

— Его Величество изволил посылать за десятником Ричем.

— Сейчас доложу, — ответил церемониймейстер с несвойственной для его работы поспешностью. — Подождите!

Дверь оставил приоткрытой, мы с Ланаяном вздрогнули от громового рева:

— К Его Величеству Жильжаку Третьему! Десятник Рич по вызову Его Величества!

Я поморщился, ну да ладно, не мелочный, пусть думает, что вызвал, а я буду думать, что сам пришел, мы ж цивилизованные.

Ланаян отступил в сторону и поклонился, сделав лицо еще непроницаемое. Я выпятил грудь, выдвинул подбородок и пошел вперед, могучий и грозный, а еще и, надеюсь, красивый до упомощения. За спиной тяжело громыхал Ланаян.

Оказалось, старался вообще-то зря, это еще не личные покои Его Величества, а только зал для особо приближенных, коим иногда разрешается даже присутствовать при утреннем туалете Его Величества короля Жильзака Третьего. Под стенами и поближе к заветной двери шушукуются при-

дворные. Я узнал в одной группке Иронгейта да и других орлов-заговорщиков, сам Иронгейт поморщился, перехватив мой пристальный взгляд.

Возле последней двери Ланаян остановился с тяжелым вздохом. Двое стражей отдали ему салют, а на меня посмотрели с нескрываемой неприязнью.

— К Его Величеству, — пояснил Ланаян и снова тяжело вздохнул. — Король желает видеть.

— Не так тяжело, — предложил я сочувствующе. — Я похлопочу, чтобы тебе добавили пенсию.

— Идите, — сказал он недобро. — Пока я вас сам туда не отправил... по инвалидности.

Стражи синхронно распахнули передо мной створки. Я шагнул в ароматные запахи небольшого роскошного зала. Возможно, это кабинет, у королей даже туалет должен быть роскошным, поклонился с порога.

Король, как и водится, восседает на троне, огромном, величественном и помпезном, хотя комфортном, словно не для приемов знатных гостей, а для отдыха за чашечкой кофе. Жильзак Третий не молод, но и не стар, хотя сытная и беспечная жизнь выхолостила из него все железо, оставив рыхлое и сытое лицо, такое же тело, тщательно укрытое искусно сшитым платьем, где массы фижмочек, бомбоночек и рюшечек не позволяют рассмотреть размер его животика.

Но глаза умные, лицо дышит довольством и спокойствием. Я раскрыл рот для приветствия и осекся: из-за портьеры вышла Элеонора, прекрасная и блистательная, олицетворение силы и здоровья.

Король улыбнулся ей, она подошла и, обняв, поцеловала в щеку. Жильзак словно помолодел, выпрямился в кресле-троне и взглянул веселее, сделал приглашающий жест.

— Подойди ближе, герой.

Голос его звучал властно и повелительно, но в то же время и отечески, не просто король, а еще и отец народа, королевства, думает и заботится о нем, потому вправе приказывать и повелевать.

Я послушно подошел, покосился на его блистательную дочь, ответил просто и с достоинством:

— Да, Ваше Величество, вот я весь перед вами. Простой и бесхитростный.

Он смотрел, как мне показалось, с удивлением, хотя и с таким же неудовольствием, но улыбался широко и доброжелательно. Я тоже так умею, всего лишь натренированная работа определенных мышц лица, у каждой профессии свои особенности.

— Мне уши прожужжали о твоих подвигах, десятник, — проговорил он веско. — Это моя вина, что я все еще не наградил тебя.

Я сдержанно поклонился, низко кланяться могу только своему вождю, а если чужому, то уже почти измена Родине и Отечеству.

— Ваше Величество! Ваши слова — лучшая награда. Другая мне ни к чему. К тому же, как я слышал, нельзя награждать чужих граждан.

Он изумился, брови взлетели совсем как у Элеоноры, когда она изволит выразить принцессе удивление.

— Разве?

— Точно, — сказал я твердо. — В той стране могут такого счесть перекупленным. Или тайным врагом.

Он сказал шокированно:

— Что, даже могут повесить?

— Я бы повесил точно, — сказал я откровенно.

Он скупно улыбнулся.

— К счастью, вы еще молоды и не управляете королевством. Думаю, уж не обижайтесь, вам рано доверять даже десяток кур. А когда повзрослеете, станете мягче и терпимее. Кроме того, если нужно наградить граждан дружественного королевства, что тогда?

— Пусть награждает свой король, — решил я.

— Но у нас награждают и чужих граждан!

— И потому награды обесцениваются, — сказал я серь-

езно. — Нельзя их раздавать налево и направо всем, кто протянет руку. Лучше бы по этой руке палкой!

Элеонора смотрела на меня, не отрывая взгляда, я старательно раздвигал плечи и старался выглядеть глупее и отважнее, но проклятый бес оппозиции толкает в ребро и заставляет возражать достаточно аргументированно, чего варвару никак нельзя, уважать не будут.

— Лучше бы, — согласился король мирно. — Но палкой должен не король. Король всегда улыбается и милостиво помавает дланью.

— И наклоняет голову, — добавил я. — Тоже милостиво.

— Вот-вот, вы все понимаете!

— Но помавать дланью и кивать всему, что скажут...

Он вскинул брови.

— А как же? Короли вообще не слушают, что им говорят. На то и короли! Но ты, как я вижу, скромн, как и подобает герою. Но я — Мое Величество, должен следить, чтобы виновные не оставались без наказания, а добродетельные — без награды. Иначе вся система рухнет... но это ты еще не понимаешь.

Я поклонился снова.

— Ваше Величество, детям степи незачем понимать. Нам мир дан в ощущениях! Мы сразу чувствуем то, что другим еще долго понимать и понимать.

— И что ты чувствуешь сейчас?

— Будет награда или нет, — сказал я, — мой конь не побежит быстрее, а я не научусь летать, как птицы. Так зачем мне что-то лишнее?

Он нахмурился, всматривался в меня, словно впервые увидел кочевника и старается понять нашу философию. Элеонора встала за его спиной и опустила ладони на его плечи. Взгляд ее темных глаз оставался нежным и загадочным.

— Я могу сказать зачем, — буркнул он. — Мне вообще-то, если хочешь быть таким уж честным, тоже наплевать, будешь ты награжден или нет. Это нужно для других! Поряд-

док существует до тех пор, пока виновные, как я уже сказал, будут наказываться, а заслуженные — награждаться. Это должны видеть все! Глядя на твои награды, кто-то из лентяев и лежебок, может быть, поднимется с дивана и выйдет в опасный и трудный мир, где можно что-то совершить для города, для королевства, для короля!

— А-а-а, — протянул я, — то-то думаю, почему все, принимая награду, обязательно говорят, что рассматривают ее как аванс... Они берут аванс, а остальное пусть вносят, значит, другие. Так?

Элеонора смотрела неотрывно, лицо посерьезнело, я вроде бы говорю глупости, но король воспринимает очень серьезно, что странно, спорит и оправдывается, словно на чем-то схваченный за руку.

И сейчас он хмуро и с явной неохотой проговорил:

— Ну, в общем... так и задумано.

Я развел руками.

— Тогда что пожелать... У моего коня ремень на левом стремяни потерялся. Замените его королевским указом... И вам будет не накладно, и герольды протрубят по всем городам о королевском подарке.

Элеонора нахмурилась, король посмотрел на меня исподлобья, пожевал губами в раздумье.

— Больно мало...

— Главное, — сказал я внушительно, — не сам подарок, а внимание.

— Я согласен, — сказал он уже несколько более довольным голосом, — одаривать королевским вниманием — не так разорит казну. Но, боюсь, народ не оценит.

— Народ? — изумился я. — У вас демократия? Народ всегда безмолвствует!

— Но иногда слишком громко, — уточнил он, — безмолвствует. В этих случаях надо слушать особенно внимательно.

— Если король позаботится об исправном стремяни для моего коня, — сказал я, — все люди королевства увидят не

только вашу заботу, но и то, что от вашего зоркого, аки у рыси, глаза не ускользает никакая мелочь! Сразу с восторгом заговорят, что сам король заметил изношенный ремешок и заботливо велел заменить на новый... за счет казны. Причем, не своему подданному, а страннику из других стран. Это привлечет в ваше королевство дополнительных зевак, они спустят деньги в местных кабаках, что даст дополнительный доход в казну, а потом их самих можно продать в рабство.

Он нахмурился.

— У нас нет рабства.

— Мне тоже жаль, — сказал я с сочувствием. — Хорошее было время... Так как насчет стремени?

Он тряхнул головой, Элеонора слегка помассировала ему виски. Взор Его Величества слегка прояснился, голос еще колебался, как кораблик на волнах, но постепенно окреп и наполнился королевской решимостью:

— Стремя... стремя, да... стремяна для героя-всадника — важно, потому я весьма благосклонно...

— Отец, — произнесла Элеонора с укором.

Король встрепнулся, покосился в ее сторону.

— Что-то не так?... Ах да, этого, конечно, не совсем уж и достаточно. Нехорошо, если короля считают прижимистым, хотя на самом деле это простая королевская бережливость. Король должен быть хозяйственным!

— Золотые слова, — сказал я с восторгом.

Он посмотрел с подозрением.

— Вы в самом деле так думаете?

— Абсолютно, — сказал я твердо. — Большинство слабых и никчемных королей стремятся стать великими и потому развязывают кровопролитные опустошительные войны. Вы не такой король, вы мудро укрепляете экономику, а на драки положили... свое невнимание. Это мне можно к подвигам, я дурак, любой подтвердит, да и по мне видно, а вы далеко не лыком шиты, у вас даже халат в золоте!

Глава 8

Он морщил лоб, стараясь уследить за изгибами моей великолепной речи. Элеонора хлопала глазами и растерянно улыбалась, принцессам положено улыбаться и олицетворять; наконец король спохватился и сказал потвердевшим голосом:

— Да-да, вы заметили, это весьма... дивно, что с таким ростом и с такими данными... но я все-таки должен... что я должен?

Элеонора наклонилась к его уху, я видел, как двигаются ее полные губы, почти задевая ушную раковину короля. На миг возникло страстное желание, чтобы мне вот так шептала и касалась горячими губами.

— Ага, — сказал король, — вы ведь десятник, да?

Элеонора снова наклонилась к его уху и что-то тихонечко сказала. Король кивнул, не отрывая от меня испытующего взора.

Я пробормотал хмуро:

— Ну да.

Он сказал торжественно:

— Я возвожу вас королевским указом в сотники!

Элеонора нахмурилась и посмотрела на отца с такой укоризной, словно ожидала производства меня в генералиссимусы.

— Спасибо, — сказал я настороженно, — но где же сотня? И — золотыми сотня или серебром?

Он поморщился.

— Доблестный герой, ты не так все понял... Сотню не дам, ни золотом, ни людьми. Денег жалко, а людей нет. У меня самого не наберется сотни воинов. Наше королевство избрало путь наращивания экономической мощи, как ты сам прозорливо заметил... с чьей-то помощью, наверняка, потому мы сократили военные расходы. Правда, не без давления со стороны победителя, но это частности.

— Но тогда какой я сотник? — сказал я резонно. — Без сотни?..

Он задумался, поскреб бороду.

— Гм... тогда нужно что-то такое, чтоб сопровождало тебя во всех странствиях...

— И не тяготило, — вставил я. — Это к тому, что золотые копыта моему коню ни к чему: тяжело и непрактично.

— Тогда титул, — сказал он, загораясь, — титул ничего не весит!

— Вы хороший король, — сказал я одобрительно, — это же надо так одарить, даже не открывая кошелек, а не то что казну!.. А то бывают же рубаха-парни: полцарства за коня, другую — в приданое... Вы ничего не профукаете!

— Потому и богатею, — сказал он довольно.

— Весьма впечатлен, — сказал я. — Кланяюсь и удаляюсь в полнейшем восторге от ваших умений беречь казну и законы королевства.

Элеонора вскрикнула:

— Нет-нет!

— Что? — спросил я тупенько.

В ее глазах я видел сердитое, что нельзя покидать короля без его позволения, но вместо этого сказала быстро и почти умоляюще:

— Останься! Его Величество еще не все сказал и не все извелел. А ты не спеши, не спеши.

Король смотрел рассерженно, я поклонился и сказал с предельнейшим уважением:

— Ваше Величество, вы поступаете очень мудро и расчетливо! Всегда можно найти способ поощрять как подданных, так и гостей столицы с разными понаехавшими, без ущерба для казны. Ну там дипломы, почетные грамоты, всевозможные сертификаты... Вам это ничего не стоит, а человек доволен, на стену вешает в рамочке, гостям показывает и раздувается, как жаба на теплом болоте, от непомерной гордости. Вообще короли могут чеканить людей, как и монету, присваивая те или иные достоинства. На од-

ном и том же кусочке меди можно поставить клеймо с одним су, а можно с пятью, и все окружающие будут один считать в пять раз ценнее другого, хотя вес тот же...

Он слушал с великим удивлением, но очень внимательно, глазки заблестели, а потом и вовсе разгорелись государственным азартом.

— К примеру, — сказал я проникновенно, — можно давать звание «деятель культуры», и все будут принимать такого, как деятеля культуры. Даже если и будут знать, какой из него деятель, тем более — культуры... Остальной же люд не знает о ваших подковерных решениях и чистосердечно принимает не по цене той меди, из которой состоят эти деятели, а по той, какую изволили на ней вычеканить.

Элеонора поглядывала то на меня, то на отца, что-то заподозрила, слишком уж я серьезен и строг, передернула плечами и перебила с жаром:

— Но люди не дураки!

— Разве? — удивился я. — Посмотрите на меня, Ваше Высочество! Второго такого вы еще не видели. И не скоро увидите.

Она пропустила мимо ушей мою попытку наприсниться на комплимент, какой я умный и талантливый, сказала с жаром:

— Люди все поймут!

Я ответил ласково:

— Но не сразу. А до этого такой вот, обвешанный премиями, успеет нахватать всего вокруг и натаскать в норку. Он начинает хапать с того момента, как выхватит почетную грамоту из ваших рук, и хапает прямо по дороге к дому! И будет хвастать везде и всюду, будет тыкать в глаза наградами от Вашего Величества и добиваться привилегий, лучших мест, места для сада, лошадей из королевской конюшни, павлинов и шаперончиков для соколов...

Король откинулся на спинку кресла, смотрел с великим удивлением, потом перевел ясный взор на взволнованную дочь.

— Дорогая, почему ты все время говорила только о его силе и отваге?

Она сказала торопливо:

— Отец, его отвага беспримерна...

Он отмахнулся.

— Он же мудр, как все мои советники!.. Да куда там им, дураки все. Он их всех вокруг пальца обведет!

Элеонора смотрела растерянно то на него, то на меня, я очень серьезен, даже слишком, а она успела меня узнать больше, чем король. Я успел заметить, как щеки залило ярчайшим румянцем, дыхание пошло чаще, возмущается девушка, я не стал ждать взрыва и продолжил проникновенно:

— Ваше Величество, но все-таки есть люди, что все-таки, уж простите за вольнодумство и вольтерьянство, не нуждаются в сертификатах. Это на меди можно ставить любую цену, а вот золото вне королевской власти. И какую бы цену на золоте ни пытался поставить какой-нибудь не очень умный правитель, золото принимают по цене этого благородного металла, а на оценку его королями внимания, уж простите, не обращают.

Элеонора вздохнула, густой веер длинных ресниц спрятал от меня ее взгляд. Я не понял, была в нем укоризна или разочарование, может быть, просто печаль.

Король в неудовольствии заерзал, роскошная мантия сбилась на спине, делая одно плечо выше другого.

— Но все-таки, — проворчал он упрямо, — золото не различишь сразу... пока не попробуешь на зуб или не потравишь кислотой. А вот достоинство клейменной монеты видно сразу. Так и люди, дорогой мой и слишком умный друг Рич!

— Не спорю, — ответил я и поклонился, это никогда не бывает лишним, короли поклоны обожают, хотя иногда и лицемерно возражают против слишком уж низких и витиеватых. — Но я не спешу, Ваше Величество, чтобы меня признали моментально! Это нужно только жуликам, чтобы успеть урвать.

Он нахмурился.

— Дорогой Рич, вы должны понимать, что в любом государстве существует иерархия. И чем государство крупнее, тем ступенек в иерархии больше. Подданным нужна простая и ясная картина сразу. Вон тот на двадцатой ступени, тот на пятнадцатой, а вон тот уже на шестой — шапки долой!

— Все верно, — сказал я. — И все правильно. Но в любом государстве есть личности, что стоят вне иерархии. Я слышал о простом крестьянине Попеле, что всего триста лет тому стал здесь королем. А Сигурл? В одиночку убил ужасного дракона, в то время как оцененные очень высоко герои трусливо прятались по домам, и освободил принцессу Геортриссу. О нем и до сих пор поют песни и рассказывают легенды... А вот во время правления какого короля он такое совершил — никто не помнит. Престолюдин Гавгамел отказался от женитьбы на принцессе ради своей любимой девушки-рыбачки, и его славили больше, чем самого короля... И сколько таких? Даже о любви ярла Растенгерка к прекрасной Мириам уже начинают слагать легенды! Снедаемый страстью и любовью, он десять лет скитался по свету, искал ее. И хотя встречал много красивых женщин, но все же сохранял ей верность... в большинстве случаев. Думаю, история их непростой любви переживет века, забудут великих королей и конунгов, а простого и небогатого ярла помнить будут...

Король хмурился все больше, наконец взглянул затравленно в сторону дочери, сказал нервно:

— Тогда сделаем иначе... Я вижу, вам не нужен придворный титул, однако в нем нуждаются другие. Да и вы сами.

— Я?

— Вы, — отрезал король. — Вы получили письмо ярла Элькрефа к его старшему брату, верно? На этом ваша миссия здесь закончена. Доступ в королевский дворец и сад для вас закрыты. Официально вы простой гонец, не так ли?... Я не знаю, кем являетесь на самом деле, и знать не хочу, но

во дворец вас больше не пустят, таковы правила. Это даже не от меня зависит, таков закон, таковы освященные веками традиции. Однако если с надлежащим титулом...

Элеонора помалкивала, только нервно кусала и без того ярко-красные зовущие губы, давно созревшие для жарких поцелуев.

— Рич, — заговорила она нервно, — тебе нужен титул.

— Зачем?

— Нужно, — сказала она, — чтобы тебя воспринимали по высокой цене сейчас, а не потом, когда рассмотрят, что ты из благородного металла! Ты ведь хочешь играть какую-то роль в нашем муравейнике?

— А если не хочу? — спросил я.

Она закусила губу, поколебалась, но взглянула в меня прямо и решительно.

— Я хочу.

Король смотрел с ожиданием, но лицо лишилось королевской бесстрастности, явно такое с ним впервые, кто же в своем уме отказывается от титула. Хоть титул и не деньги, но умелый человек сможет из него выжать даже золото высшей пробы.

— Вас не будут больше пускать во дворец, — повторил он раздельно. — Догадываюсь, это не в ваших интересах. Ну?

Я подумал, поморщился, кивнул.

— Хорошо, Ваше Величество. Только не громкий, а... минимальный, только бы оставался открытым доступ во дворец.

Элеонора сказала быстро:

— И достойный доблестного сына степей!

— Ага, — проворчал я, — ну да, а как же?.. Сын степей при титуле, надо же... Скажи кому, в морду получишь за шуточки. Какой титул можно дать кочевнику?

Король и Элеонора переглянулись. Я заподозрил, что проработали какие-то детали до моего появления, что-то состыковали, кое-что утрясли, теперь у них другая задача:

навязать хорошо продуманный и подготовленный экспромт мне, сыну степей, копытного ветра и свежего воздуха.

— Вильдграф, — произнесла Элеонора приподнято, прозвучало чуточку слащаво и слишком торжественно, чувствуется, что еще тот экспромт, а король слишком уж удивился и вытаращил глаза. — Отец, как тебе титул вильдграфа?

Король сказал с фальшивым энтузиазмом:

— Великолепно!.. ты у меня умница!.. Это самый подходящий, самый точный, что годится такому яростному герою, свирепому и необузданному... Именно с них, вильдграфов, начиналась древнейшая история... с диких и яростных завоевателей, пришедших на эту пустынную землю, населенную чудовищами.

— Вильд, — повторил я тупенько, — граф... Дикий граф?

— Граф Дикого Поля, — уточнил король. — Диких Земель! Властелин степей, которые никому не принадлежат. Носитель свободы!

Он даже привстал на троне, глаза разгорелись, словно и он тоже сын степей и романтик, хотя, если честно, мы все, мужчины, в самом деле романтики, пусть и стыдимся этого слова.

— Благородный носитель свободы, — подчеркнула Элеонора. — Высокорожденный!..

— Я не высокорожденный, — возразил я. — Что я, горец какой-то захрыченный? Наоборот, рожден в богатой низине, где много сочной травы, где все по пояс... У нас там степи ровные, как этот стол... хотя на нем ничего и нет.

— Теперь высокорожденный, — сказала Элеонора с победной улыбкой. — Графы не бывают низкорожденными. Ты выше по рангу всех придворных моего отца.

Ее темные глаза стали золотыми от воспламенившегося в них огня. Победа, читалось в ее взоре, хотя сын степей отказался от состязаний за ее руку, но все-таки сумела заарканить дикого кочевника золотой цепью, великолепная жен-

щина, сильная и настойчивая, умеет ставить перед собой цель и двигаться к ней напролом.

Да, она молодец... но я? Дожил до такого позора, что титул получил... по женской протекции! А не столько за заслуги, хотя да, за такое вообще можно и корону короля вручить, но ради того, чтобы я хоть чуть поднялся до уровня невесты и чтоб ей было не слишком со мной стыдно появляться на людях.

Я поклонился, стараясь не выглядеть чересчур довольным.

— Спасибо, Ваше Величество. Вельми и зело, ага. Я не нахожу слов от нахлынувших чувств, такое переполнение в моей торичеллевой... гм... что просто по своей сыностепейскости даже как-то и не!.. Вот. Ага.

Король перевел взгляд на Элеонору.

— Ну как? Ты довольна?

Она порывисто обняла его за шею и жарко поцеловала в щеку. Король хитро посмотрел на меня.

— Это она демонстрирует, что умеет не только кусаться!

— Отец, — сказала она с упреком.

— Последний раз целовала, — пояснил он, — когда ей было три годика.

Элеонора, все еще обнимая отца, мило улыбнулась мне, глаза сияют, как утренние звезды, омытые чистой водой.

— Не верь ему! Просто здесь все мужчины такие...

Она запнулась, король пришел на помощь:

— Какие?

— К которым противно притрагиваться, — ответила она серьезно и убрала руки. — Даже смотреть бывает гадко. Но я научусь всему, чего ты хочешь, Рич.

Король торопливо хлопнул в ладони, будто пытался заглушить ее необдуманные слова, какая женщина что обдумывает, потому их нельзя принимать всерьез, крикнул с натушной бодростью:

— А подать сюда вина!

Глава 9

Я шурился на выходе из дворца, под ногами такая густая и горячая тень, ступить страшно, а впереди слепящий отсвет усыпанных золотым песком дорожек, раскаленных и мертвых. В жаркий полдень глиноеды расползаются по нормам в ожидании вечерней прохлады, но я не они, сыны степей покрепче, и хотя мозги в жару плавятся, но стремлюсь повернуть что-то хитрое, умное, а не переть дуром, как у меня получается чаще всего.

За зеленью деревьев мягко шелестит, словно складывается в кипы тончайший шелк, фонтан. Ветерок доносит водяную пыль, я с удовольствием подставил разгоряченное лицо, даже глаза прищурил, и сразу же услышал насмешливый голос:

— А вам здесь понравилось, сэр Ричард!

Я вздрогнул, открыл глаза и огляделся дико, мое настоящее имя никто не знает, если не считать огров. Деревья приблизились осторожными шажками, расступились.

Фонтан великолепен, а на невысокой каменной оgrade сидит в расстегнутой на груди рубашке черноволосый смуглый господин в шляпе с широкими полями и страусиным пером. Брюки тоже из тончайшего полотна, сапоги больше похожи на чулки, но богатые горожане одеваются именно так.

Он улыбался мне во весь рот, ногу забросил на ногу, довольный и отдыхающий, хотя я знаю, как напряженно работает над своими планами, и знает, что я знаю, но оба ведем себя так, как принято: принимаем то, что нам показывают. В ответ на то, что и другие принимают нас такими, какими выглядим для них, а не какие на самом деле.

— Нравится, — повторил он, — мир Гандерсгейма? Здравствуйте, кстати, сэр Ричард.

— Не очень, — ответил я. — И вам не хворать, сэр Сатана, хотя отец Дитрих меня за такое на костер бы... Но что

поделаешь, мы же культурные люди местами? Впрочем, некое своеобразие здесь наблюдается, не спорю.

— Странная смесь и взаимодействие культур, — сказал он, — верно?

Он улыбался, уверенный, сильный и реальный, но по моей коже сыпануло морозом, когда заметил, как мелкие капли от фонтана, долетающие иногда в нашу сторону, проходят сквозь его одежду, не оставляя следа.

— Насколько устойчиво? — поинтересовался я.

— Вот уже триста лет, — ответил он уклончиво.

Я решил, что стоять перед нашим общим врагом, когда он сидит, это как бы признать его сюзереном, смахнул незримую пыль на каменном бордюре и тоже сел, даже ногу на ногу закинул, хотя сразу же пожалел, какая-то подростковая обезьянность, нельзя так явно...

Он прочел мои мысли, все еще не умею прятать достаточно надежно, однако смолчал, за что я благодарен и Сатане.

— По меркам людей, — сказал я, — триста лет — немалый срок. Правда, по меркам племен и народов не очень уж...

Он ухмыльнулся.

— Заметили, что и здесь потихоньку начинает меняться?

Я кивнул.

— Мергели — только начало?

— Точнее, этот отважный конунг, — уточнил он. — Мергели всего лишь стадо, хотя и достаточно воинственное. Он сумел превратить это стадо в стаю, но без сильного лидера стая снова быстро превращается в стадо.

— Стая, стадо, — пробормотал я. — Как-то не вяжутся эти термины с понятиями прогресса.

Он поморщился.

— Дорогой сэръ Ричард, вы еще не убедились, что люди могут жить либо стадом, либо стайей? Третьего им не дано.

— Не дано, — сказал я, — так сами возьмут. Человек, как вы могли заметить, имеет тенденцию развиваться. В отличие от всех остальных, что живут стаями, стадами и даже одиночками.

Он посмотрел хитро.

— А кто его развивает?

По соседней аллее прошли трое гуляющих, я придержал ответ на тот случай, если Сатана зрим только для меня, дождался, когда они скрылись за деревьями, и ответил, приглушая голос:

— Надеюсь, меня не услышит святейшая инквизиция, но, по моему глубокому убеждению, человек так быстро и успешно развивается только благодаря вашим совместным усилиям с Творцом.

Он засмеялся весело и беспечно.

— Совместным? Как бы не так! Это я тащу человека вперед, проламываясь сквозь всю религиозную дурь, развиваю человека во всех направлениях...

Я поморщился, он уловил движение моих губ еще до того, как они скривились, остановился и уставился вопрошающими глазищами: что не так он сказал?

— Во всех, — обронил я. — Направлениях.

Он сказал быстро:

— Человек должен быть разносторонним!

— Нет, — сказал я.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Понятно и без объяснений.

— Мне непонятно, — сказал он живо. — Разносторонность — хорошо! Даже прекрасно. Кроме того, неизвестно, что больше востребуется в будущем.

— В человеке от Змея, — сказал я, — слишком... много. И если развивать все стороны, что достались от него, то сперва станем свиньями, а потом и уже не знаю кем. Если честно, я сам совсем недавно заглянул в Библию. Все на нее постоянно ссылаются, я тоже ссылался, глядя на других, потом велел принести для себя экземпляр повнушительнее...

Он кивнул, глаза смеялись.

— Я видел, эта штука у вас на столе на самом видном

месте. Чтоб все видели вашу религиозность. Толстый фолиант, обложка из латуни с золотом, каждая глава с картинки, каждая заглавная буква киноварью... Но вы так и не заглядывали в священные книги ни в северных королевствах, ни в Армландии... а эта, что в Сен-Мари, пролежала на столе несколько недель, прежде чем вы ее открыли разок из любопытства.

Я развел руками.

— У меня хорошая память, раньше мне хватало и услышанного, чтобы слыть христианином. Тут главное вовремя опустить глазки и перекреститься. Двигать ладонью от плеча к плечу и ото лба к животу научился быстро, а если еще запомнить «Во имя Господа» и «Господи, благослови», этого хватит на все случаи жизни. Но как-то на досуге я все-таки раскрыл эту книгу...

Он сказал с живейшим интересом:

— Ну и как? Признайтесь, ужаснулись нагромождению мифов и легенд, в котором глупо искать смысл?

— Как сказать, — ответил я дипломатично. — Читать трудновато, но там немало и любопытного.

Он спросил с недоверием:

— И много вы прочли? Неужели весь толстый фолиантище? От корки и до корки?

Я покачал головой.

— Ну, еще не совсем весь...

— А сколько?

— Скоро подойду к концу, — сообщил я, — первой главы. Не люблю рукописное. По возвращении велю эту роскошь сдать в музей, а мне пусть принесут из типографии. Так вот там же, где описывается грехопадение Евы, сказано, змей не был нынешней гадюкой. Этим гадом его сделал Творец в наказание за соращение невинной и доверчивой дурочки. Был он таким же красавцем, как и Адам, тоже млекопитающим, а не земноводным. Разница с Адамом лишь в том, что у змея души не было. Он был таким же, как и остальные животные, только ходил вертикально, был че-

ловекообразен, разумен и умел говорить лучше косноязычного Адама.

Он смотрел с интересом, кивал одобрительно, а когда я закончил, сказал с уважением:

— Правильное прочтение! А то все пробегают быстро по тексту, не задумываясь, а слово «змея» просто ассоциируют с нынешними ползающими в пыли пресмыкающимися. Ума не хватает даже подумать, что человек не может ни согрешить с гадюкой, ни, тем более, зачать от нее. Все верно! Но вы считаете, что наследие того бунтаря-змея развивать не стоит? Почему? Он был умен, отважен, имел свобододолюбивый дух, в то время как Адам был несколько... робок и покорен.

Я снова дожидался, пока мимо неспешно продефилирует роскошная пара, смешки и хиханьки, Сатана все понимает и молча ждет, наконец они прошли, я сказал твердо:

— У змея не было души!

Он вздохнул.

— Ну что это за туманности такие: душа, душа... Нет никакой души! Во всяком случае, в человеке нет. Есть только неясная тоска, томление и прочие, как вы говорите, мерехлюндии. Они заставили человека создать Церковь, вот уж чудовищное образование, надо же до такой глупости додуматься... Да и вообще, Церковь — это насилие над свободным и взрослым человеком. Змей бы ни за что не принял Церковь. И цивилизация с ним не ползла бы, как теперь, а мчалась, летела, как вольная птица!

Я сказал трезво:

— И погибла бы сразу. Войны Магов прокатывались здесь только потому, что в человеке от змея слишком много. И потому задача Церкви — вытравить из нас змея как можно больше.

Мне показалось, что в его глазах проступила неясная тоска.

— Вы так думаете? Интересная интерпретация. И как планируете применить свои взгляды здесь, в Гандерсгейме?

Впрочем, можете не отвечать, уже вижу в ваших глазах и на вашем исполненном решимости лице.

— Исполненном решимости? — переспросил я. — Хорошо бы... А то я, как принц датский, все мерехлюндствую. С головы до ног в раздумьях, как не знаю кто. Скажи такое рыцарям — уважать перестанут.

— Полагаете, — поинтересовался он, — варвары ведут корень по большей части от змея?

— Все от Адама, — уточнил я. — Точнее, от его сына Сифа, в котором уже не было ничего от змея...

— ...и если бы не дочери Каина, — уточнил он с улыбкой. — Правда, была блестящая операция?

— Катиться вниз всегда легче, — согласился я. — Этим ли стоит хвалиться? Конечно, дочери Каина были распутнее, доступнее, потому и слаще... На бабах как раз и попадаемся. А вот как вести человека в будущее, не срываясь в войны, что всякий раз опустошительнее...

Мне показалось, что в его голосе прозвучала оправдывающаяся нотка:

— Я пробую разные варианты!

— И много их было?.. — спросил я с сарказмом. — Не отвечайте, боюсь даже вообразить.

Он сказал раздраженно:

— Это всегда метод проб и ошибок.

— И выбора пути.

Он поморщился.

— А не простой перебор?

— У кого нет цели, — ответил я с ехидцей, — тому разве что перебором...

— Цель есть, — возразил он. — Вы ее знаете.

— Тогда у вас нет стратегии, — сказал я. — А у Церкви есть.

Он кривил губы, глаза блеснули нехорошей насмешкой.

— Это нехорошая стратегия. Человека вести по узкому коридору, не давая шагу ступить в сторону. Это неволя! А я за свободу. Вы разве против свободы?

— Против, — сказал я твердо.

Он охнул.

— Вы? Такой молодой и сильный?

— Я уже хлебнул свободы, — ответил я. — Дело в том, что ее уже завоевали к моменту моего рождения. Деды, прадеды, отцы. И я появился в свободном мире! И чуть не захлебнулся в том дерьме. У нас там парадокс: впервые в истории старшее поколение — за свободу, а молодые — за ограничения и жесткие рамки. Ну, за исключением простонародья и преступников.

— Временная абберрация!

— Нет, — сказал я, — просто свободы никогда не было, начиная с пещерных времен. Само создание человеческого общества началось с резкого ограничения индивидуальных свобод! И чем оно выше, тем свобод меньше. Этого не соображали, за непонятную свободу боролись, сражались, погибали, шли на костры и снова добивались ее все века... И наконец-то выбороли. И вдруг увидели, что это же возврат в допещерное состояние. Странно было ощутить, что человеку, чтобы оставался им, в самом деле нужны жесткие рамки. Впервые об этом сказано в Библии. Вот я и удивился.

— Что создатели Библии, — отмахнулся он пренебрежительно, — могли знать? Неграмотные кочевники, иногда поклонявшиеся мелким божкам, иногда лупившие их за дождь невовремя...

— Дык это аксиома, — сказал я с достоинством. — Грамотность изобрели неграмотные, религию — безбожники. Все создается тогда, когда возникает острая нужда. Без грамотности человечество топталось бы на месте, а с грамотностью, но без Церкви продвинулось бы на шагок дальше, но остановилось бы снова.

— Уверяю вас, — сказал он с наигранной, как мне показалось, веселостью, — не раз удавалось продвинуться без всяких Церквей и религий так далеко... вы даже вообразить не можете!

— И чем заканчивалось? — спросил я. — Катаклизма-

ми? Нет уж, лучше двигаться не напролом по минному полю, это такие ловушки под ногами, а по разминированному коридору. А всех, кто пытается сделать шаг в сторону, — бить по голове! Несмотря на крики о зажиме свобод и неполиткорректности.

Он слушал с застывшей улыбкой, затем беспечно отмахнулся.

— Да ладно, что мы всякий раз о таких серьезных материях! Что намерены перевернуть в Гандерсгейме?.. Эта принцесса к вам неровно дышит! Вот уж настоящая женщина. Безошибочно выбрала самого сильного самца и вцепилась руками, ногами и всем существом. Наследие безымянного змея, как вы говорите, рулит!

Я поморщился.

— Гандерсгейм будет завоеван. И окрещен заново. Возможно, эти язычники станут еще более твердыми и убежденными христианами, чем завоеватели. Как уже было, к примеру, с англосаксами, которых император Карл Великий истребил на две трети, пытаясь им силой навязать христианство, но затем уже они пронесли его по всему миру...

Он поднялся, зевнул.

— Что-то скучно с вами становится, сэр Ричард. Раньше от вас искры летели! Теперь вижу зануду... Где ваш задор?

Я ощутил некую правоту в его словах, сам это чувствую и потому часто злюсь без особой причины.

— Тяжела шапка Мономаха, — возразил я, — но корона государя тяжелее.

— Рыцарский шлем, — согласился он, — полегче, не спорю. Как и полный стальной доспех легче камзола короля. Вас ответственность уже пугает?

— Если думаете, — огрызнулся я, — что это меня останавливает на пути к короне...

— Не остановит, — ответил он любезно. — Еще как не остановит! Даже, если совсем станете занудой.

Он вскинул руку в прощании, улыбнулся и пропал, даже улыбка не осталась висеть в воздухе.

Я огляделся, никто вроде бы не заметил меня беседующим с таким странным человеком, хотя сейчас при дворе много новых, могут и не обратить внимания.

В роскошном королевском саду кочевников не прибавилось, но теперь чудится, что их коричневые тела мелькают за каждым деревом, а в кустах уже не антилопы дремлют, а мергели сжимают рукояти кривых мечей.

Конечно, они отважные до дурости, кто спорит, на то и сыны степи, но сейчас то ли ума хватило, то ли исполняют строгий приказ, но я не вижу, чтобы где-то кочевник прогуливался в одиночку, а только по двое-трое, а то и целыми группами.

Я вытащил из мешка арбалет, все такой же подозрительно легкий, потянул рычажок. Он поддался с легкостью, стальная тетива послушно натянулась и легла в паз, вот только стальной болт почему-то упорно не желает подниматься из полой рукояти.

Послышались голоса, я поспешно сунул арбалет в мешок, а тот перебросил через плечо.

Рогозиф шел в обнимку с одним из воинов конунга. Увидев меня, Рогозиф расплылся в улыбке и помахал мне рукой, а мергелец, напротив, злобно нахмурился, высвободился из объятий и резко пошел в сторону.

Рогозиф с обидой посмотрел ему вслед.

— Что это они так тебя не любят? — спросил он.

— Бывает ли любовь с первого взгляда? — спросил я. — Сам вот удивляюсь. Может, потом полюбят?

Он хмыкнул.

— Не так уж много их ты и побил. И все по-честному. Не понимаю мергелей!

— Я тоже, — сказал я. — Рогозиф, можешь оказать мне услугу?

Он сказал с готовностью:

— Любую! Нас тут только двое немергелей, а это значит, мы с тобой почти из одного племени.

— Точно, — согласился я. — Племени немергелей. И вот

как немергелец немергельца прошу подойти к заброшенной церкви, что вон за тем леском.

Он огляделся, уточнил:

— Это ее купол блестит?

— Ее, — ответил я.

— Почему без креста?

— Там уже не церковь.

— Так ты сказал, подойти к церкви...

— Мало ли что говорим, — сказал я с досадой. — Бывает, даже церковь — не церковь, а здесь вообще... Не поленились на купол взобраться и крест сшибить! Герои.

— Нехорошо, — согласился Rogozif равнодушно. — Лежачих вообще-то не бьют. Хорошо, я буду там, если это тебе нужно. Когда?

Я помедлил, не решаясь довериться чуть больше, но Rogozif смотрит прямо, такие не виляют и не предают, либо отказываются, либо уже все сделают, если согласятся...

— Вернись за мечом, — сказал я. — И сразу же к церкви. Мне нужно, чтобы кто-то прикрыл спину. Так, на всякий случай.

Он смерил меня озадаченным взглядом, заколебался, на лице сомнение, стоит ли ввязываться во что-то непонятное, но инстинкт воина, что выбирает себе самого умелого вожака, пересилил, он расправил плечи и сказал гордо:

— Я прикрою твою спину.

Он вскинул кулак в воинском салюте, жест гордый и красивый, я блеснул зубами в ответной усмешке и направился к выходу из города. За спиной захрустела галька, Rogozif пошел, ускоряя шаг, в гостевой дом.

Часто надеешься, что человек прикрывает тебе спину, а он, оказывается, за ней прячется, однако Rogozif, чую, из другого теста и его слово — слово мужчины.

Лес совсем недалеко от городских ворот, скромно держится сбоку, рассеченный двумя широкими дорогами, по-

трепанный все расширяющими опушками и нелегальными вырубками.

Я держал направление на верхушку церкви, что с приближением к лесу исчезла за яркой изумрудной стеной листвы. Лес здесь почти парк, горожане выбирают все падающие сучья и ветви, уволакивают засохшие стволы, а на вырубку здоровых деревьев наложен королевский запрет.

Арбалет намозолил бок даже через мешок, не столько тяжелый, как тяжелый непривычно, от такой крохотульки ждешь и веса игрушечного. Я огляделся, в лесу тихо, впереди раскрывает объятия поляна, где на той стороне огромный раскидистый дуб с непременным родником, выбравшимся на поверхность благодаря помощи могучих корней. В двух шагах от ствола массивный валун размером с барана, даже мхом оброс не слабее, чем козороги шерстью...

Мешок с великим удовольствием выпустил на свободу эту непонятную и тяжелую штуку. Его я оставил на земле, а этот странный арбалет в который раз оглядел со всей тщательностью. Гизелл тогда таким тоном сказал, что он принадлежал Гарраксу, что я должен был бы сразу упасть ниц и целовать землю, если бы знал, о чем или о ком речь. Наверное, в этих краях Гарракс был великим героем или не менее великим магом древности. Именно древности, все герои жили, как считали и считают, только в давние-давние времена, а сейчас люди только мельчают, глупеют, спиваются, а еще всячески и по-разному вырождаются.

Зеленый ключик, что так хорошо подошел к шкатулке, неизвестно куда приложить, но Жакериус сказал, что он и к моему арбалету или от моего. Да, теперь уже моего. Хоть и бесполезного, но слишком уж много в нем таинственного, чтобы сунул подальше и забыл. Да и после потери лука Арианта как-то слишком остро чувствуется полная беспомощность, когда нужно достать гада на расстоянии. Надеюсь, Арнульф, начальник королевской охраны Кейдана, уже переслал его за это время со своими доверенными людьми из резиденции Кейдана в Геннегау...

Если, конечно, король не дознался и не обломал самому Арнульффу рога за пособничество противнику...

Ключик чуть шелохнулся в моей ладони. Или мне так показалось, я весь из себя сверхчувствительность, но с возродившейся надеждой начал ощупывать арбалет, тыкать ключик всюду, где и щелей нет... Снова ощутил движение, остановился, начал прикладывать так и эдак к унылой серой поверхности слева под дугой, поворачивал, прижимал, сдвигал...

Щелкнуло, ключик прилип, в пальцы приятно кольнуло. Я замер, глядя, как тонкая пластинка металла искрится и тает, словно сгорает в зеленом пламени. Через несколько секунд на сером остался изумрудный отпечаток заурядной такой фигурки, вроде клейма, вот только не знаю ключиков, что сами вырастают в... скажем, замочную скважину, а там испаряются бесследно.

Я торопливо натянул тетиву, сердце радостно дернулось: стальной болт за это время незаметно приподнялся на пару миллиметров, и жилка из металла легла точно в пропил.

— Сработало? — прошептал я. — Ну какой же я молодец, какой умница, и никто не видит, не восхищается... И похвастаться некому...

Оглядевшись, поднес арбалет к плечу и прицелился сперва в дуб, но подумал, что живое все-таки, а мы вслед за животными начинаем предохранять от своей дури и растительный мир, перевел взгляд на массивный угрюмый валун, неорганику пока можно, надо успеть, пока не запретили.

Палец коснулся спусковой скобы. Мягко щелкнуло, я почти не ощутил толчка в плечо. Арбалет слишком нежен, словно сработан для эллов, но там вдали сухо и зловеще треснуло. Валун исчез в сером облачке, а листва в ужасе затрепетала, пропоротая сотнями мелких осколков камня, что даже срезали тонкие молодые веточки.

Крупнозернистая пыль быстро осела, я охнул и сглотнул слюну, а потом опомнился и закрыл рот. На месте валу-

на зияет черная яма с рваными краями, туда с тихим шорохом сыплется ошарашенная и потревоженная земля.

Я приблизился на цыпочках, сердце колотится так, что на ребрах изнутри будут кровоподтеки. На дне ямы крошево камней, ошметки зеленого мха, а в стенках блестят каменные осколки.

Далеко на той стороне леска послышался стук копыт. Я напряг слух и различил грубый мужской голос:

— Эй, Буланый! В той стороне что-то треснуло...

— Ну и что?

— Если там кабаны, вернемся не с пустыми руками!

— А если нет?

— Дурень, выполняй!

— Уже бегу, — донесся другой голос.

— Я зайду слева, — предупредил первый. — Не стреляй в меня, как в прошлый раз, дубина...

Пригнувшись, я побежал за кустами в другую сторону, а когда различил треск веточек под чужими подошвами, торопливо присел за кустом.

Зеленые листья трепещут, щекоча кожу. По веточке пронесся рыжий муравей и торопливо перебрался на мое голое плечо. Там побегал на солнцепеке, ошалелый от громадности найденного куска мяса, непонятно, как и тащить в муравейник одному, а ни одного из собратьев поблизости...

Шаги приблизились, за деревьями мелькнул человеческий силуэт. Я пригнулся еще, веточки шевелятся, то скрывая, то показывая, как обнаженный до пояса, что значит — кочевник, осторожно пробирается в эту сторону.

Я рассмотрел наконец красный пояс. Понятно, мергель, даже здесь они. Многовато что-то, пора бы Господу поубавить их, но Он по своему милосердию давно уже никого не наказывает напрямую, это молча поручил нам, верным духу справедливости крестоносцам...

Я с таким вниманием следил за мергелем, что совер-

шенно не расслышал за спиной шагов, только вздрогнул от недружелюбного голоса:

— И что это высматриваешь?

Второй воин, неслышно зайдя со спины, рассматривал меня шагов с пяти. В руках лук, а стрела нацелена мне в середину груди. Когда я обернулся к нему, в его глазах вспыхнула свирепая радость узнавания врага.

— Ты не поверишь... — начал я, понимая, что выстрелит, как только я закончу фразу. Арбалет смотрит в его сторону, мой палец тихохонько надавил спусковую скобу, — но я такой невнимательный дурак...

Арбалет трянуло не сильнее, чем на него прыгнул бы с дерева кузнечик. Болт исчез, мергель на мгновение превратился в алый цветок с разбрызгивающимися во все стороны струйками и крупными каплями. На деревья брызнуло красным, на сучьях и ветках повисли кровавые ошметки. Далеко-далеко послышался треск, одна из вершинок молодой березки затряслась и начала клониться.

— ...еще какой дурак, — закончил я.

Сердце колотится, будто бежал пару миль без отдыха. В виски стучит, ну что за беспечный гусь, как можно подпускать так близко, меня даже дураком назвать — дураков оскорбить смертельно...

Издали донесся крик:

— Буланый, у тебя все в порядке?

Я стиснул челюсти и взвел тетиву снова.

— Если бы...

Кусты затрещали, в мою сторону ломился напрямую крупный широкоплечий человек, конунг подобрал для ударной группы лучших. Я прицелился ему в грудь, тетива все так же на самом ближнем к дуге делении, страшно подумать, если натянута на дальнее.

Он выбежал на поляну, мигом увидел кровь. Глаза расширились при виде меня с игрушечным арбалетом в руках.

— Что...

— Извини, — прервал я, — зачистка есть зачистка.

— Но как же...

Стрела ударила в живот, исчезла и разнесла кровавые ошметки по всей поляне, запятнав красным толстые стволы деревьев. Потревоженные насекомые взвились в воздух и застыли, всматриваясь во мгновенно изменившийся мир.

На месте мергеля остались сапоги из добротной кожи, окровавленные кости голени торчат из них испуганно и ошалело, расщепленные неведомым взрывом.

— Извини, — повторил я зачем-то, но все герои так говорят, а пока я не установил новые стандарты героизма и красивых фраз, хотя уже пора, буду пользоваться старыми клише: — Ничего личного, сам понимаешь. Ты просто оказался не в то время и не в том месте.

Он ничего не ответил, что характерно, я сунул арбалет в мешок и торопливо двинулся между деревьями, надеясь, что не потерял направление на церковь.

Почва начала повышаться, за деревьями мелькнул силуэт человека, я встал за ствол потолще и ждал. Когда мергель оказался шагах в пяти, я вышел, держа его на прицеле.

— Стоять!

Он машинально сделал еще шаг, я вскинул арбалет и направил стрелу в грудь. Он остановился, на лице такая дикая ненависть, словно я лично его обидел еще в детстве, те обиды помним особенно хорошо.

— Тебя найдут, — сказал он. — Тебя уже ищут! Ты труп.

— Зачем вас вызвал конунг? — спросил я.

Он ответил резко:

— Никто нас не вызывал!

Я не физиономист, но эти мергели совсем не умеют прятать выражение лиц, я спросил:

— Когда должны захватить дворец?

Он фыркнул:

— Зачем мы стали бы его захватывать? Дурость.

— Понятно, — сказал я. — Значит, уже завтра в полночь?.. Сколько вас?

Его глаза расширились, не понимает, как это я из его

ответов получаю то, что все хранят в тайне, зарычал и внезапно ринулся на меня, поднырнув под выстрел из арбалета.

Стрела разнесла вдрызг толстое дерево, я упал от сильного толчка в ноги, а мергель, обхватив мои колени, сперва бросил на землю, а потом нанес два жестоких удара, от которых я едва не потерял сознание. Рот наполнился кровью, я перехватил одну руку, он ударил другой и рассек скулу почти до кости.

Кровь заливала мне лицо, я с трудом поймал его в захват, сдавил изо всех сил, мы перекатались дважды, я снова сдавил так, что потемнело в глазах. Что-то хрустело, сквозь грохот крови в ушах я услышал хриплое дыхание, это мое, на четвереньках отошел к брошенному арбалету и поспешно взвел тетиву.

Мергель остался лежать на спине, ноги подергиваются, а глаза застилает пелена смерти. Я стер с лица быстро засыхающую кровь, скула безумно чешется. Распухшие губы слушаются плохо, я выплюнул коричневые солоноватые комочки, а потом отряхивал их с груди. Тело дрожит от макушки до пят, снова я не на высоте, да что со мной, так и убить могут, соберись, дурак...

— Вперед, — сказал я себе зло. — И смотри в оба, халявщик.

Почва продолжала подниматься, деревья сперва карабкались по склону, затем разочарованно остановились. Молодняк еще некоторое время пытался карабкаться на высокий каменистый холм, но дальше некоторое время двигались только неприхотливые кусты, потом и те сдались. Даже трава не смогла пустить корни между грубыми камнями, и потому церковь на вершине такая гордая и одинокая, словно это она не позволила бурьяну забить к себе дороги.

Даже не на вершине, уточнил я, древние строители саму верхушку горы превратили в церковь, вырубив в толще скального массива храм.

Это гарантирует ему вечность, горы как-то ухитряются

жить дольше, чем все, что делают люди. Я рассмотрел широкие и удобные ступени, сразу пятеро или даже семеро мужчин пройдут в ряд, дальше массивные и хорошо украшенные городскими мастерами створки двери, даже ворот, а то и врат. Широкий каменный навес укрывает от непогоды, сейчас там в тени расположились на страже четверо крепких мергелей.

Я вышел из леса и шел к ним по солнцепеку, такой же обнаженный до пояса, загорелый, крупный и с широкими плечами. На лице доброжелательная улыбка, это мой мир, и мне в нем все нравится.

Все четверо уставились на меня с ленивым любопытством. Я вроде бы степняк, но без красного пояса. Я пытался увидеть на их лицах следы ненависти, но все смотрят без всякой злобы.

— Новенькие? — спросил я. — В городе еще не были?

Один спросил с ленивым интересом:

— А что, по нам видно?

Я хохотнул.

— Еще бы! Все трезвые, унылые и не рассказываете друг другу, кто, как и где провел ночь. Главное, с кем и как!.. И не кричите, завидев меня, вон идет Рич, самый веселый человек в Тиборе!

Другой страж сказал со вздохом:

— Ничего, скоро нас сменят. Говорят, скоро в Тиборе станет еще веселее...

— И во всем королевстве, — пробормотал третий со зловещим весельем в голосе. — Эй-эй, стой! Дальше нет ходу.

Я удивился.

— Как это нет? За вашими спинами храм!

Первый из стражей, что заговорил со мной, медленно поднялся на ноги, высокий, но я все равно выше, крепкий, но я крепче даже с виду, и он сразу нахмурился.

— Нельзя, — сказал он резче, в голосе прозвучала обида, что я крупнее, а руки толще. — Туда нельзя.

— Ты чего такой грубый? — спросил я.

Он хохотнул.

— Это я грубый? Да ты не видел еще грубых!

— Ребята, — сказал я, — я иду в храм. Просто иду в храм.

Вы поняли?

Он рассмеялся.

— Да? А мы уж подумали, что перепутал с таверной. Туда нельзя, говорю еще раз, если не расслышал сразу.

— В таверну?

Расхохотались уже все четверо, первый объяснил:

— В таверну можно и нужно. Тебе особенно, вид у тебя... похмельный. Даже очень.

Я спросил:

— А в храм нельзя?

Они переглянулись, продолжая хохотать, первый сказал с сожалением:

— Увы, нельзя. Хотя не понимаю, почему...

Второй нахмурился и сказал предостерегающе:

— Придержи язык, Митволь.

— Молчу, — ответил Митволь смиренно и посоветовал мне уже строже: — Поворачивайся и топай обратно. Сейчас в храме обряд освящения. По древнейшему обычаю.

Я сказал понимающе:

— Ну да, это человека в жертву?.. Глиноеда, надеюсь? Я видел, как приехали шаманы.

Самый молчаливый из них буркнул:

— Не своих же... Ладно, иди, не мешай.

— Вы мне тоже мешаете, — сказал я.

Глава 10

И, не давая им опомниться, сделал еще шаг, преодолевая сразу две широкие ступеньки, а кулак уже рванулся в челюсть Митволя. Его швырнуло на стену, а я уже бил жестоко и без всякой жалости остальных. Двух пришлось вырубить очень грубо, даже не знаю, очухаются ли, но время до-

рого, последнего оглушил тяжелым ударом в лоб, а затем с силой ударил этим же лбом в ворота.

Затрещало, створки дрогнули, и хотя явно открываются изнутри, но грубой силе уступают даже вещи. Страж влетел вовнутрь и растянулся во весь рост, раскинув руки и ноги, как пловец, закончивший дистанцию.

Внутри храм сделан грубо и зримо, в стенах нарочито оставлены необработанные выступы, тем самым подчеркивается мощь строителей, вырубивших в сплошном камне такую пещеру.

Вдоль стен жарко пылают огни десятка светильников, а на противоположном от меня конце на каменной плите лежит на спине обнаженная женщина, руки и ноги связаны широкими кожаными ремнями. Над нею нараспев читают мантры двое шаманов в рогатых шапках. У одного в руках большая чаша из темного дерева, у другого — каменный нож.

За спинами жрецов явно недавно установленный деревянный столб с раскрашенной кровью жуткой оскаленной мордой демона. Для нас — уродливый демон, для них — прекрасный и жестокий бог войны и побед. Десяток кочевников в неподвижности красиво преклонили колени перед идолом.

Ни один из шаманов не повел в мою сторону даже бровью, но кочевники тут же подхватились и с готовностью бросились на меня, на ходу выхватывая ножи, мечи, топоры. Я торопливо выстрелил в бегущего на меня могучего толстяка с безумными глазами. Стрела ударила ему в живот, исчезла, тут же вскрикнул и согнулся в поясе бегущий за ним следом.

Я выстрелил чуть вправо, еще раз — влево, увернулся от меча, отпрыгнул от удара кинжалом другого, выстрелил еще раз, остальных жестоко бил арбалетом, с его весом он может быть и молотом, а острые края рассекают плоть почище тяжелого топора.

Когда рядом не осталось этих крепких и злых, я подхва-

тил из рук падающего замертво варвара его гигантский боевой топор, шаманы в испуге отпрянули, а я со свирепым наслаждением шарахнул со всей дури по столбу с оскаленной мордой.

Тяжелый топор перерубил основание идола почти до половины. Я налег на рукоять, она выдержала, а столб закрипел и переломился. Шаманы отпрыгнули еще дальше, я торопливо размахнулся и швырнул топор, как плоский камешек над водой, в выбежавших из глубины пещеры воинов.

Женщина вскрикнула:

— Рич, освободи меня!

— Я для того и пришел... дорогая, — ответил я браво.

— Я Юдженильда, ты меня помнишь?

— Чего бы тогда пришел? — удивился я. — Ни один мужчина тебя не забудет.

— Правда?..

Я заверил:

— А если увидит в таком виде, вообще...

Первый выстрел, судя по всему, сразил и вообще разнес того массивного толстяка, затем стрела, пройдя навывлет, убила или тяжело ранила еще двоих. Плюс по два-три убитых болтами справа и слева, прекрасная скорострельность, а про убойную силу уже молчу, сам ошарашен...

Юдженильда смотрела на меня радостными блестящими глазами. Я вытащил нож, намереваясь разрезать ремни, но из соседнего небольшого зала выбежали с дикими криками полуголые кочевники.

— Подожди пока, — сказал я и добавил просто необходимое в подобных случаях: — Только никуда не уходи, хорошо?

Ножом, кулаком и ногами я разбросал их, оставив стонущими и ползающими на полу, вернулся к жертве. Юдженильда пыталась поднять голову, но ремень на шее с силой тянул обратно и бил ее затылком о камень.

— Молодец, — сказал я ободряюще, — ты настоящая женщина. И фигура у тебя великолепная.

— Правда? — спросила она польщенно. Тут же глаза ее округлились, вскрикнула: — Сзади!

Из-за колонны выскочил гигант с двуручным топором. Я с наслаждением ударил его в живот. Варвар был настолько уверен в своем могучем замахе, что даже не напряг мышцы. Мой кулак пробил до хребта, там сочно хрустнули и сминались, разрывая ткань и нервы, острые позвонки.

Тут же, реагируя на топот за спиной, я ударил ногой, и хотя не смотрел, но там был задушенный вопль и грохот падения тяжелого тела. Еще двое набежали с поднятым оружием, я развел руки в стороны и ударил, напрягая мышцы. Обоих перевернуло, как на перекладине, на каменный пол шлепнулись, словно выдернутые на берег одуревшие рыбыны.

— Слева! — прокричала Юдженьльда.

— Спасибо, — ответил я бодро. — Мы с тобой прекрасная пара...

— Еще! — закричала она в страхе.

Я обернулся, встретил прямым ударом в лицо еще одного отважного, а из того же зальца снова выбежали воины.

— Размножаются там, что ли, — предположил я. — Вегетативным путем, надеюсь.

— Каким-каким? — спросила она заинтересованно.

— Ты еще слишком невинная, — отрезал я, — чтобы знать такие непристойности. Сперва на бабочках поучись...

— Как скажешь, Рич.

— Но все равно, — сказал я, — отсюда лучше убраться.

Она охнула, когда я, разрезав ремень, держащий ее голлову, подхватил на плечо и побежал к выходу. За нами гнались, у самого выхода настигли, я чувствовал их за спиной так, словно видел, и, развернувшись, сшиб сразу двух связанными ногами Юдженьльды, еще двух отправил на пол кулаком и мощным пинком.

У меня длинные не только руки, но и ноги: я успевал встречать ими набегающих справа и слева, бил несчастных,

появившихся впереди и успешно лягался сзади, любой дикий жеребец удавится от зависти.

Вспомнив, что запястья у нее связаны, я перебросил ее за спину, успев просунуть голову между ее рук, сам как можно скорее достал арбалет и трижды выстрелил, прорубая перед собой просеки. Уцелевшим, что набежали на меня уже по инерции, быстро дал по мордам арбалетом, эта штука просто неоценима в бою: помесь палицы, топора и клевца.

Юдженильда верещала за спиной, не останавливаясь:

— Справа!..

— Слева!..

— Двое сзади с булавами!..

— Один бежит с пикой...

Я хряснул последнего по черепу, вокруг стало пусто, если не обращать внимания на пол, заваленный стонущими и пытающимися ползти людьми с красными поясами.

Сунув арбалет в мешок, двери я распахнул могучим пинком. Солнце с силой ударило в глаза и едва не отшвырнуло назад. За спиной топот, двое или трое самых усердных догнали, я пожалел, что убрал арбалет, вертелся, отбиваясь ногами и работая Юдженильдой, как бревном на плечах.

Она закричала:

— У меня закружилась голова!

— Постараюсь, — ответил я нахально, — воспользоваться...

— Я сейчас упаду тебе под ноги!

— Наконец-то дождался.

Я забросил ее на спину и, пригнувшись, быстро вытащил и зарядил арбалет. Болт пронесся мимо все появляющихся из глубины храма воинов. Один из шаманов вскрикнул, его с развороченной грудью отбросило на стену. Когда он сполз на пол, в каменной стене осталась ниша, способная вместить голову барана, вся заполненная стекающей кровью.

Второй шаман бросил чашу и повернулся бежать. Я со свирепой радостью нажал на спусковую скобу. Его разорва-

ло, расплескало, окрасило стены кровью и мелкими окровавленными клочьями.

Воины остановились в угрюмой растерянности.

— Уберите здесь, ребята, — посоветовал я.

Снаружи солнце и яркий свет, Митволь медленно поднимается со стоном на дрожащих руках, на губах кровь, на меня посмотрел с суеверным ужасом.

Я сказал доброжелательно:

— Выпивки там не нашел, зато женщину...

Он перевел ошалелый взгляд на Юдженильду, в самом деле сочную и, несмотря на крайнюю молодость, с зовущим к утехам телом. Она улыбнулась ему, ничуть не стыдясь наготы, не сама же разделась, ее вины нет, вообще-то она скромная, а я быстро разрезал веревки на ее руках и ногах.

Митволь осторожно потрогал нижнюю челюсть.

— Ну и развлекухи у вас в городе...

— Только начали, — сказал я ему и подмигнул, — мужчины — дети степей или нет?..

Юдженильда сказала, явно подражая моему тону:

— Помоги им там убрать. Мы немного намусорили...

Я выдернул из-под одного убитого расстеленный на земле плащ, чуть продырявленный, набросил ей на плечи.

— Держи. Ничего, что дыра?

Она деловито застегнула плащ на большую брошку с изображением дракона, зябко передернула плечами, но посмотрела на меня и сразу заулыбалась.

— Ничего. Сзади я ее не вижу, а значит, и не отвечаю. К тому же у меня там вроде бы все в порядке.

— Булочки у тебя сдобные, — согласился я. — Так и хочется вцепиться зубами. С рычанием.

Она спросила ликующе:

— Ты на меня здесь набросишься?

Из леса выбежал, прыгая через упавшие деревья, запыхавшийся Рогозиф, и понесся в нашу сторону. Огромный меч за левым плечом, лук и колчан со стрелами за правым, щит на локте, на запястьях широкие боевые браслеты, из

толстых листов стали, со вмятинами и глубокими отметинами от мечей.

Я указал на него взглядом.

— Он бежит к нам.

— А отослать не можешь? — спросила она.

— Он вольный сын степи, — ответил я со вздохом. — Сам пошлет... Да и не могу...

Она сказала настойчиво:

— Но я уже не на шее у тебя, а у твоих ног. Насладись мною, степной герой. Хватай и мни меня бесцеремонными и грубыми руками, которыми ты привык ломать коням хребты...

— Коням хребты? — переспросил я. — Зачем? Да ни за что, я не настолько развращен и цивилизован. И вообще ты меня не так поняла. Ты мне шею давила, вот я и мечтал, чтобы упала мне под ноги. Только в этом смысле.

— Жестокий! — ахнула она. — Чтобы попинать?

— Ну да...

— Так пинай же, наслаждайся!

Я великодушно отмахнулся.

— После победы я такой добрый, такой добрый... Пойдем быстрее, сегодня еще столько дел!

Она послушно семенила задними лапками рядом, женщины все такие маленькие, когда без обуви, оглянувшись на удаляющийся храм и зябко повела плечами.

— Я все еще дрожу...

— Тебя это не портит, — успокоил я.

Она просияла, сразу став еще более юной и красивой.

— Правда?

— Еще как не портит, — подтвердил я. — Как ты попала туда?

Она зябко передернула плечами.

— Прямо из сада украли! Зажали сзади рот, сразу кляп, мешок, веревки. Не успела побрыкаться, как принесли сюда, а здесь уже вытащили эти ужасные люди в этом мрачном каменном гробу.

— В церкви, — поправил я. — Она тебя и спасла, ибо по своей святости не приемлет жертвоприношения людьми. А только деньгами, имуществом, льготами...

— Меня спас ты!

— А послала меня Церковь, — сказал я. — В резкой и грубой форме. И я пошел, как видишь. Ладно, и это на общий счет нанижем...

— Счет? Какой счет?

— Я все равно тебя возьму, — пообещал я, — одну или вдвоем с Парижем...

Она хихикнула.

— Бесстыдник! А кто такой Париж?

Рогозиф, хватая широко раскрытой пастью воздух, бежал навстречу по ступенькам, с натугой прыгая через одну, а то и две сразу, дышит так, что слышно на милю вокруг, а голову держит наклоненной, словно приготовился бить ею, как тараном, в запертые ворота..

Я вытянул вперед руку, Рогозиф с разбегу уперся темением в растопыренную ладонь, ухватился за рукоять меча и одновременно вскинул голову.

Глаза его расширились при виде томно улыбающейся Юдженильды. Полы застегнутого у шеи плаща дальше расходятся, открывая жадному мужскому взору белое-белое женское тело, никогда не знавшее солнца.

Он охнул:

— Ни...чего... себе...

— Видишь, — сказал я победно, — кто рано встает, тому Бог вот такое дает!

— Я спешил, — сказал он, оправдываясь. — У тебя просто ноги длиннее, бегаешь, как дикий кулан... А там еще такой не осталось?

Юдженильда сказала с обидой:

— Таких больше не бывает!

Он вздохнул.

— Я согласен и на чуть похуже.

— Всех разобрали, — победно сообщила Юдженильда и прижалась ко мне. — Вот!

Он простонал:

— Ну почему я всегда опаздываю? Эх, так и не пришлось мне прикрыть твою бесстыжую спину... Что ж ты так нечестно начал без меня?..

Впрочем, упрека я не услышал, скорее, облегчение, не пришлось обагрять меч в крови мергелей, с этими парнями пил, никто из них вообще-то не сделал ему ничего дурного.

— Да увидел, — сказал я скромно, — из-за чего стоило начать самому да побыстрее... Как видишь, даже работа на благо Отечества может иногда оказаться приятной. Доставь эту милую девушку во дворец, но постарайся, чтобы ее не увидел конунг или его люди.

Он кивнул на темный вход во храм.

— А там... что сейчас?

— Ничего, — ответил я.

— Э-э... как ничего?

— И никого, — пояснил я. — Главное, оба шамана как-то так погибли, я даже не заметил. Зато на работе! Впрочем, они не столько деятели культуры, а как бы служители чуждого народу культа, потому их можно и нужно. Стражи побиты, поэты это туманно называют кровавым пиром, где красного вина всем хватило, даже из ушей хлестало. Деревянный идол срублен пусть не под корень, но зато под самые, а это, как ты понимаешь, еще больнее.

Он скривился.

— Это изуверство! И надругательство над святынями.

— В бою все можно, — сказал я, оправдываясь. — А на такой пьянке простительно. Я ж завтра не вспомню, что творил! В общем, жертвоприношения возобновятся не весьма скоро.

Он вздохнул.

— Значит, обратно ее нести нет смысла?..

— Нет, — ответил я честно.

— До храма ближе, — сказал он. — Ладно, кому в городе сдать на руки?

— Обратись к Ланаяну, — посоветовал я. — Это начальник дворцовой стражи.

— Да знаю-знаю, — сказал он. — Обязательно найду. Может быть, не сразу только.

Юдженильда высокомерно вскинула брови, но промолчала, только взгляд ее был красноречив, хотя в нем чуть позже и появилось что-то вроде колебания.

— Вон там кони, — сказал я. — Выбирай любого, хозяева уже не будут спорить. Или бери всех сразу.

— Лучше всех!

Он исчез, буквально через мгновение примчался уже на великолепном рослом жеребце с огненными глазами и с дорогой сбруей. Юдженильда тихонько вскрикнула, когда он наклонился и легонько поднял ее в седло.

Пока он укутывал ее в плащ плотнее, чтобы никто не узнал, она успела бросить на меня укоризненный взгляд.

Я развел руками.

— В другой раз, милая. Отечество в опасности! И хоть не мое, но почему-то надо, хоть и сам не понимаю, почему и с какой дури. Иногда я убежденный абсурдист... это чтоб не называть меня по-другому, попонятнее.

Глава 11

Кровавый закат поджег облака, что как лохмотья горячей лавы застыли у края горизонта. На землю пали длинные багровые тени. Я шел к темному проему в белоснежной городской стене настороженный, как тетива взведенного арбалета. Хотя конунг еще не взял власть, но усиливает ее с каждым часом, на воротах вполне могут быть его люди...

Багровые лучи высветили горящие как жар доспехи и кольчуги, я вздохнул с облегчением. Сыны степей презирают металлические скорлупы, как они их называют, и счита-

ют трусостью прятать свое гордое мужественное сердце за всего лишь металлом.

— Привет, ребята, — сказал я, — бдите, бдите!.. Меня не проведешь.

Один скривился, словно откусил редьки, второй пробурчал что-то недовольное, типа много вас начальников, а я с воспрянувшим духом вошел в город.

Городская стена скрыла заходящее солнце, в городе уже не тени, а темень полумрака, что сгущается с каждой минутой.

Церковь великое и благородное дело пытается осуществить, строго-настроено запрещая использовать луки и арбалеты. Но у Церкви нет законодательных функций, а мы даже основные заповеди насчет не убий, не укради, не солги нарушаем еще как.

Единственное, что Церкви все-таки удалось, а это очень немало, провести грань между «хорошим» и «нехорошим». До прихода Христа убивали и гордились, на соседей бесхитростно и простодушно ходили грабить и захватывать рабов, но с приходом христианства убиваем как бы по необходимости и всякий раз оправдываемся, к соседям несем более высокое духовное учение, а грабим уж как-то попутно, это уже не самоцель, как до христианства...

Луки и арбалеты не удалось запретить полностью, но сумели перевести в запрещенное хотя бы для благородных людей. С подлых какой спрос, потому рыцарь с негодованием отвергнет предложение взять в руки лук, а вот подлое сословие пока еще может им пользоваться. А раз так, то нужно его снабдить хорошими луками, что я и делаю, развернув производство композитных луков в Амальфи.

Я зашел в лавку оружейника, он проворчал, не поворачиваясь:

— Закрыто!

— Еще солнце не зашло, — сказал я.

— Это там не зашло, — ответил он, — а здесь... зашло!

Я бросил на рабочий стол серебряную монету. Мастер

обернулся на звук, могучий и кряжистый, с толстыми руками, смерил меня пытливым взглядом, затем только посмотрел на монету.

— Может быть, — спросил я любезно, — все-таки еще не зашло?

Он подумал, сказал рассудительно:

— Ну, если не зашло, то уже над самым краем. За это время что можно успеть?

— Всего лишь маленький надпил, — сказал я.

Он спросил недоверчиво:

— За серебряную монету?

— Да.

Он пожал плечами.

— Ну, ради такого пустяка могу задержаться; главное — чтобы жена не решила, что пошел по бабам.

— Меня нечисть боится, — сказал я.

Он посмотрел исподлобья.

— Думаете, шучу? Ладно, меня только пугают, а чужака могут и... словом, что за надпил?

Я вытащил из мешка арбалет, мастер удивленно покачал головой, но в руки не взял.

— Что это?

— Сынишке игрушку купил, — сказал я. — Но тот совсем мал еще, нужно сделать вот здесь крохотный надпил, а то не сможет натянуть тетиву так далеко.

Он посмотрел, как я уверенно кладу арбалет на его стол, покачал головой.

— Надпил вот здесь?..

— Можно еще и вот здесь, — сказал я. — Сынишка у меня совсем маленький.

— Но стрела тогда не вылетит вовсе!

— Это неважно, — сказал я ласково. — Лишь бы у ребенка была игрушка. Оружие, а не кукла из тряпок.

Он пожал плечами.

— Хорошо. Но тогда плату вперед.

Я наблюдал, как он взял инструменты и начал водить

зазубренной пилочкой с остро блестящими зубчиками в указанном месте. Движения, сперва медленные, убыстрялись, затем мускулы начали вздуться под кожей, дыхание стало хриплым и злым, дважды менял инструменты, наконец в раздражении смазал густыми и дурно пахнущими мазями, однако поверхность странного дерева оставалась гладкой и блестящей.

— Что за игрушка, — пробормотал он замученно. — Я таких не встречал...

— Детская, — объяснил я со светлой улыбкой счастливого родителя. — Мы, дети степей, обожаем оружие. Вы дадите своим игрушечным лошадок, а мы — деревянные мечи, копыя, луки, арбалеты... А потом уже и настоящие.

— Это не дерево, — сказал он с досадой.

— Дерево, — возразил я. — Неужели не найдется хорошей пилочки? Может быть, помочь?

Он покосился на меня исподлобья.

— Здесь мускулы не помогут!

— А что?

— Головой надо...

— Как пилить головой? — спросил я в патетическом недоумении кочевника. — Что-то вы, глиноеды, чуточку сумасшедшие...

Он пробормотал, не реагируя:

— Можно, конечно, попробовать что-то и посильнее... Но тогда одной монетой не обойдешься.

— Что так?

— Одноразовые, — ответил он лаконично.

Я бросил на стол золотую монету. Он вздохнул, полез в дальний ящик и вытащил блестящую ярко полоску. Зубчиков я не заметил, однако мастер приложил ее краем к месту намеченного пропила, сжал обеими руками, что-то прошептал. Полоска вспыхнула и пропала, а на сером дереве появилась тонкая поперечная канавка.

— Как раз, — сказал он. — Теперь тетива точно захватит болт.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Мой сын будет очень рад!

Я взял арбалет, осмотрел и взвел тетиву на новое место, мастер насмешливо кривил губы.

— Вот видишь, — сказал я покровительственно, — не так уж сильно и задержались!

— Ночь еще не началась, — буркнул он. — Да и по запаху не заподозрит ничего дурного...

Я переспросил:

— По запаху?

Он сказал с подчеркнутым почтением:

— Я хотел сказать, аромату! Вы ведь, дети степи, как все настоящие мужчины, никогда не моетесь, для вас кровь и грязь нипочем, спите где попало, как подлинные герои, и никогда не стираете одежды.

Я сказал довольно:

— Ты верно сказал, га-га-га! Мы настоящие, нас везде узнают.

На улице уже совсем стемнело, особенно мрачно после ярко освещенной мастерской. Я хлопал глазами, заставляя их поскорее привыкнуть к плохому освещению, высматривал гуляющих, но их как повымело.

Тиборцы, еще не разумом, а чувствами, как животные, ощутили приближение катастрофы и с наступлением темноты попрятались в дома, оставив улицы прогуливающимся кочевникам.

Я прошел вдоль улицы, выбирая самую густую тень, взглядом ловил на прицел то одного варвара из племени мергелей, то другого, и чувствовал эту нехорошую легкость убийства, что и не убийство вовсе, когда не лицом к лицу. А так: нажал спуск, а там далеко подпрыгнул человечек и упал. Только и всего. Если при схватке на мечах или любом другом рукопашном видишь лицо противника, слышишь дыхание, бьешь по нему и сам содрогаешься от его ударов, где каждый пропущенный может стоить тебе жизни, то из

лука можно убивать издали, убивать из-за угла, из кустов, поражать безнаказанно в спину более сильного, более ловкого, более умелого, когда все навыки фехтования ничем помочь не могут.

Потому из всего стреляющего может убивать и трус, который никогда не решится взять в руки меч и встретить противника лицом к лицу. Это значит, кровавая вакханалия убийств разгорится со страшной силой, только разреши луком пользоваться всем.

По нервам пробежал предостерегающий холодок, по улице медленно идут в мою сторону трое с широкими кожаными поясами клана мергелей.

В черепе стукнула мысль, высекая злые искры: пора опробовать арбалет в новом режиме. Да и вообще, откладывать дальше — смерти подобно. Как сказал великий теоретик: вчера было рано, завтра будет поздно.

Я взвел тетиву до свежего пропила, сердце колотится и даже всхлипывает, представляя разлетающиеся кровавые ошметки на месте человека, хотя это и не человек, а варвар, кочевник, одобряющий человеческие жертвоприношения, и вообще гиря на ногах прогресса. Да не гиря, а хуже: человек, который в команде конунга намерен тащить прогресс вспять...

Еще раз напомнив, что теперь стрела не будет бить с этой ужасающей мощью, я сосредоточился, унимая дрожь в руках и стараясь согнать крупные мурашки по всему телу. Для того чтобы вывести неприятеля из строя, вовсе не обязательно расплескивать его, как муху толстой книгой. Да куда там мухе, ее только в лепешку, а тут разбрасывает мелкими ключьями...

Арбалет слишком мал, чтобы приклад прижимать к плечу, я повертел его так и эдак, принаравливаясь, чтобы можно было стрелять с одной руки. При известной сноровке получится даже с легкостью, он хоть и тяжеловат, зато компактен...

Я взял на прицел крайнего слева мергеля, еще раз про-

крутил в голове доводы, мол, не хочу, но надо, у каждого стреляющего найдется оправдание, мы всегда себе находим оправдание, даже если жена застает нас в постели с чужой женщиной.

Скажем, численное превосходство противника позволяет прибегнуть к запрещенным методам войны. Или этот гад настолько подл, что его можно убить чем угодно. А все, кто против нас, и козе понятно, самые подлые, сволочные, и пусть бы лучше их земля не рожала вовсе... Но раз уж родила, мы поможем ее очистить, и сразу будет всем хорошо, все запоют... И все-таки опустил арбалет и отступил в проул.

Далеко по улице послышался мерный стук сапог. На дальнем перекрестке показалось двое городских стражей, в кольчугах и латах поверх кожаных колетов, мирные и сонные, идут не в ногу, меня не заметили, а когда прошли мимо, я ощутил сильный запах дешевого вина и жареной рыбы.

Я хотел было выйти из тени, но на том же перекрестке показались три фигуры, лунный свет красиво заиграл на могучих плечах кочевников. Они шли, быстро настигая стражей, я услышал, как один сказал приглушенным голосом:

— Давай сейчас?

Второй, постарше возрастом, возразил:

— Сказали завтра, значит — завтра!

— Да какая разница? Мы им и вообще никому не скажем, что уже началось! Просто эти двое погибли в пьяной драке из-за женщины. Это же глиноеды.

— Рискованно, — проворчал старший.

Третий промолчал, а первый сказал еще настойчивее:

— У меня руки чешутся.

— Потерпи.

— Не могу, — сердито сказал молодой. — Сейчас ночь, никто не подумает, что их убили мергели. Раньше не убивали?

— Не убивали, — согласился старший. — Ладно, но

молчок, понял? Вдруг все завтра отменяет, так что никто из нас их не убивал, они сами убились...

Голоса отдалились, я не услышал, что сказал молодой да горячий, но все трое быстро догнали стражей, те даже не оглянулись, молодой подошел сзади к левому, я не поверил глазам, одной рукой быстро зажал ему рот, прижав к себе, а тот, что старше, моментально всадил лезвие длинного острого ножа в правый бок. Часовой дернулся и затих, мгновенно умерев от страшного болевого шока, когда стальной клинок разрывает печень.

Второй страж умер от удара в горло, ему старший точно так же умело зажимал рот, не давая даже прохрипеть. Третий настороженно оглядывался по сторонам, везде тихо, он подал знак соратникам продолжать путь.

Я, конечно, свинья, ощутил не гнев или сострадание, а облегчение. Конец мукам Вертера, быть или не быть, как себя держать, можно ли убивать в спину, я же рыцарь, да еще и паладинства пока не лишился. Я вытащил из-под полы арбалет, быстро натянул тетиву на новый пропил. Убивающих в спину даже мать Тереза разрешит с чистой совестью убивать тоже так же скрытно и не давая им шанса на защиту.

Задержав дыхание и поймав в прицел голову молодого варвара, я легонько нажал на спуск. Инстинктивно ждал звонкий щелчок стальной тетивы, но там лишь чуть шелестнуло. Не услышал бы, не прислушивайся так, а на той стороне улицы один мергель исчез, а на его месте мгновение висел кровавый туман, затем красные ошметки разлетелись в стороны. Голова второго стала короче: верх черепа снесло, а кровью забрызгало третьего, что в испуге отпрыгнул и быстро выдернул меч.

Что за болты у меня, мелькнула испуганная мысль, ну и маг, ну и штучки у тебя. Зачем я мучился, пилил, хотя пилил не я, но все равно заморачивался и надеялся, а тут будто и нет никакого нового пропила... Вторая стрела сама поднялась из поллой рукояти в желоб, рычаг натянул тетиву все

с той же легкостью, что за фигня, почему нет усилия, я поймал третьего на прицел, кончик пальца придавил спусковую скобу.

— Тревога! — закричал мергель громко. — На нас напали!

Щелчок я не услышал, так громко барабанит сердце, а варвар выронил меч и ухватился за грудь. Оттуда ударила темная струя, я замер в тени, кочевник медленно повернулся вокруг оси и рухнул лицом вниз.

В ночной тишине, холодной и напряженной, послышался стук подошв. Бегут, как я понял по звуку, трое, а когда они вынырнули на свет, я узнал впереди Ланаяна, холодного и четкого, ничуть не запыхавшегося, хотя железо на нем еще не успело остыть после жаркого дня.

Он первым увидел разбросанные клочья мяса, сбавил бег. Двое стражей выбежали вперед, мечи в ножнах, но руки на рукоятках мечей.

Один вскрикнул испуганно, красные от непривычной нагрузки лица вдруг начали бледнеть.

— Что тут было... — прошептал один.

— Гарпии пировали? — предположил второй.

Третий мергель, которого задело осколком, распростерся на мостовой почти цел, только под головой большая лужа крови. Ланаян остался, осматриваясь, а стражники осторожно присели перед убитым на корточки.

— Что с ними? — спросил Ланаян.

Он не смотрел на труп, его глаза двигались в орбитах, высматривая хоть какое-то движение поблизости, а уши подрагивают, как у коня, вылавливая любые звуки.

Один страж поднялся, лицо бледное, вот-вот стошнит, второй, напротив, склонился еще ниже, потрогал, деловито и без отвращения перевернул на спину.

— Кто-то снес ему полчерепа.

— Мечом?

Стражник помедлил, поворачивал голову убитого так, чтобы луна освещала все ямочки.

— Скорее, секирой...

Второй сказал угрюмо:

— Вилми, ну какая тут секира? Даже от тупого лезвия край был бы ровнее.

— А что тут?

— Дубиной, — предположил стражник уверенно. — Или палицей! Я видел, как один кочевник в красивом замахе снес вот так полголовы другому, а тот еще долго бежал, разбрызгивая кровь...

Ланаян наконец опустил взгляд, лицо теперь в тени, я не мог рассмотреть, что оно выражает.

— А что с третьим?

— С этим проще, — доложил стражник. — Его пробили насквозь копьем. Копье вытащили и унесли, вон вроде бы след...

— Это не след, — сказал Ланаян. — Вон там тоже...

Первый стражник спросил тоскливо:

— Все три — мергели. С нас шкуры спустят.

Второй возразил:

— За что?

— Они погибли, — сказал первый зло.

— Не погибли, — поправил первый, — а убили друг друга. Подрались! Горячий народ, степняки. Кровь играет.

Ланаян внимательно всматривался в убитого.

— Что у них за копье? — пробормотал он. — Толщиной с дерево?.. Пробили насквозь и унесли?

Первый стражник вздрогнул.

— Неужели у них есть и огры?

Второй сказал тоскливо:

— Нехорошо, что все трое — люди конунга Бадии!

— Меж собой вряд ли подрались бы, — согласился первый. — У конунга с этим строго.

Ланаян обошел вокруг убитых, но не присаживался, оценивал обстановку в общем.

— Полагаете, их убили воины другого племени?

Первый стражник возразил:

— Нет, как раз ихнего. Говорят, у них там в племени

большой разброд. Я слышал, старейшины негодуют. Конунг уже и дом себе завел здесь в городе, а по их обычаям — это осквернение их нравов.

— Ну не до смертоубийства же этот разброд!

— Это у нас бы только покричали да полаялись, а это дикари, дети ветра и кобылиц...

Ланаян тяжело вздохнул.

— Да, горячий народ. Ладно, так и доложим. Только бы не подумали, что это наши их...

Стражник возразил:

— С чего бы? Они знают, наши и мышей боятся.

Ланаян зло сверкнул глазами.

— Но-но, разговорчики!

Я отступил в тень поглубже, на цыпочках выбежал на параллельную улицу. Если конунг Бадиа объявил на меня охоту, пока еще неофициально, я имею право ответить тем же. Если еще не объявил, то все равно у любого человека есть право дать сдачу. Даже заранее.

С арбалетом что-то непонятное, либо нужно делать пропил еще ближе к дуге, чтобы натяжение стальной тетивы было минимальным, либо дело не в натяжении. Но при прежней стрельбе первого мергеля разнесло на клочья, соседнему сорвало полголовы, а вторым выстрелом всего лишь пробил в третьем широкою дыру...

В глубокой тени, присев за густыми кустами, я затих и шевелил только мозгами, поворачивал так и эдак сцены, наконец воображение сопоставило первого мергеля, которого в клочья, и третьего с дырой в груди. Первый толще и мускулистее, есть такие люди с плотными и широкими костями, настоящие быки, под ними земля прогибается, широкий пояс покрыт массивными стальными бляхами, а еще на поясе длинные ножи в тяжелых ножнах...

Есть, сказал я себе. Первому я целил в брюхо, чтобы не промахнуться, болт ударил в этот пояс, а третьему попал в голую грудь, пробил ее, как облачко тумана, и унесся даль-

ше вдоль улицы. Может быть, где-то далеко что-то разрушил, если не потерял убойной силы. Может быть, вообще вылетел за пределы города, здесь место высокое, болт мог пройти и над городской стеной...

Еще один пропил делать, мелькнула мысль. Господи, что за мощь у этого арбалета? Какой же гений его сконструировал, и почему не вложил свой жар изобретательства в строительство дорог, мостов, ускоренную выплавку железа, придумал бы ткацкий станок, ведь от прялки до него — крохотный шаг!

Ладно, блаженны миротворцы, как сказал Христос, и хотя меня то и дело начинает трясти, не до блаженства, но Церковь говорит, что Бог не на стороне больших батальонов, а на стороне лучших стрелков, а лучший стрелок сейчас кто? Значит, я должен с легким сердцем выполнять угодную Господу миссию.

Человек в самом себе носит самого страшного из своих врагов, потому я сейчас просто убиваю этих самых страшных. Пока, увы, вместе с их телами, но другого способа пока не придумано.

И все-таки я трижды опускал арбалет, начиная сомневаться в правоте: иногда встреченные мергели казались непричастными к заговору, слишком благородные лица, гордые взгляды, прямые спины. Потом напоминал себе, что благородны только с себе подобными, но не в отношении глиноедов, какое благородство у нас к животным?

К тому же ходят по двое, а то и по трое, ни разу не видел одинокого мергеля. Это значит, что не на отдыхе, идет серьезная военная операция. Сейчас в городе отборный отряд, только те, кому конунг доверяет захватить ключевые посты. По одному будут ходить, когда закончится...

— Не будете, — прошептал я и стал ловить в прицел так, чтобы прогуливающиеся оказывались друг к другу как можно ближе. — Не по той дорожке пошли...

Силен и могуществен не тот, кто сбивает человека с ног

одним ударом. Действительно сильным является тот, кто способен сдержать себя в порыве гнева. Я себя сдержал. И сейчас просто веду зачистку.

Глава 12

Из воздуха ушло тепло, а луна смотрит так, словно вот-вот посыплется снег, но уже тает, как прозрачная льдинка. Со стороны востока небо сперва медленно и мучительно светлело, потом очень быстро разлился нежный румянец зари.

В городе начинались испуганные крики. Кто-то из запоздавших ночных гуляк наткнулся на развороченные тела, кто-то пораньше встал, чтобы набрать без сутолоки воды у городского водоема, все охали, вскрикивали, но одни поспешно уходили, другие проявляли гражданский долг и начинали вопить, призывая стражу.

Солнце еще не выглянуло из-за края земли, но вспыхнули облака, затем жарко заискрились, словно в неистовом огне, вершины далеких гор. Воздух еще прохладный, но день скоро разогреет его так, что в полдень все попрячутся по норам...

Хотя не сегодня. Сегодня особый день. Первая часть зачистки подошла к концу, но вторая, завершающая по санкции королевского дворца, начинается. Надо только постараться сохранить местных. По возможности.

Редкие горожане поглядывают пугливо, один только осмелился поинтересоваться:

— А почему пояс... не красный?

— По кочану, — ответил я. — Бей краснопузых!.. Иначе они побьют тебя, возьмут твою жену и дочь. Ах, ты человек мирный... Это хорошо, все насильники мирных просто обожают. С вами можно делать все, что восхочется, отпора не получишь.

Он примирительно улыбнулся, якобы понял шутку,

вежливый такой и приятный, таких все хотят иметь в соседях.

— А что, люди в красных поясах хотят здесь остаться?

— Уже остались, — заверил я. — Теперь возьмут власть, а вас поставят... вместо мишеней.

Он заулыбался несколько принужденно.

— Все шутите... Веселый вы народ. Романтики!

К воротам дворцового сада я подходил с дрожью в коленях. Надо бы исчезником, вряд ли дорогие амулеты по распознаванию этих гадов вручат простым стражам у дальних ворот, это во дворце у королевских покоев такие наверняка у всех, да еще у Ланаяна, конечно...

У ворот четверо, двое местных и двое мергелей. Местные мне заулыбались, вот уж не ожидал, к тому же это как раз те, кого я в прошлый раз... обидел. Зато мергели посмотрели с хмурым неудовольствием, но, судя по лицам всей четверки, никто еще не знает насчет моей прогулки в храм. Иначе реагировали бы еще... заметнее.

В саду я свернул с широкой аллеи, шаг сам собой стал, как у опытного браконьера. Роскошные кроны укрыли от посторонних взглядов, я поколебался, но не справился с соблазном и как только услышал впереди приглушенные голоса, торопливо скользнул в личину исчезника.

Двое из дворцовой челяди несли на длинной толстой палке массивный чугун. Он раскачивался на веревке и заставлял их раскачиваться тоже.

Тот, что впереди, сказал со вздохом:

— Третий котел ставим... Не лопнут?

— Если бы, — ответил второй. Он боязливо огляделся по сторонам и сказал, понизив голос: — Прибыло еще человек десять. Кукундр уже и не знает, где их размещать...

— А почему не на постоялом дворе? — спросил тоскливо первый. — Там места всем хватит...

— Не знаю, — донесся до меня голос второго. — Зачем-то им надо здесь...

Они прошли от меня в двух шагах, я даже не старался от них укрыться, челядь потому и челядь, что тупая и невнимательная. Их по голове бей — оглянутся в недоумении: где это стучат?

Ближе к дворцу начали попадаться гуляющие придворные, с этими я держался осторожнее, обходил за стеной кустов и деревьев, а когда услышал знакомый голос Раберса, сердце застучало с предостережением.

Кусты поплыли в стороны, впереди роскошная клумба с пышными цветами, деревья держатся на почтительном расстоянии от такой роскоши, и вроде бы нельзя подкрасться ближе и подслушать...

Я насторожил уши, сосредоточился. Начали доноситься слова, Раберс говорил тревожно:

— ...Дорогой конунг, наши люди волнуются. Все-таки подданные королевства лояльны в отношении монарха!.. А если учесть, что у вас не так много людей в племени, разделяющих ваши стремления...

Он сделал паузу, я видел, как он выжидательно поглядывает в ожидании опровержений на конунга.

Бадия нехорошо улыбнулся.

— Уверены?

Раберс развел руками.

— Я имею в виду не сами стремления, а готовность идти с вами до конца.

— Конечно, — сказал конунг, — не все племя. Но у меня наготове могучий кулак из самых лучших.

Раберс сказал осторожно:

— Мне кажется, их недостаточно.

— Для чего?

— Если город возмутится, — сказал Раберс еще осторожнее, — а в нем все-таки одних оружейников, бронников и кузнецов не меньше полутысячи... не все они храбрецы, конечно, но если увидят угрозу для себя и своего ремесла...

Конунг сказал успокаивающе:

— Вы не всех еще видели.

— Разве ваши люди не все на виду?

Конунг быстро посмотрел по сторонам, на миг мне показалось, что заметил меня за толщей зелени, еще больше понизил голос:

— Которые прибыли со мной... еще не все, что у меня есть.

— Кто-то еще?

Он кивнул.

— К городу уже идут мои самые верные люди. Как только придут, мы сразу же и откроемся.

Раберс помедлил, я видел, как ему не хочется говорить неприятное, но все же пересилил себя и поинтересовался:

— Достаточно ли будет? Насколько нам известно, большинство в вашем племени резко против вашего сближения с горожанами. А то, что вы в городе иногда... только иногда!.. одеваете более удобную одежду, расценивают как предательство...

Конунг ответил благодушно, но Раберс, думаю, как и я, уловил стальную нотку в голосе вождя кочевников:

— Все верно. Но этих поставим перед случившимся. Я уж позвал тех, кто мне предан лично. Прежде всего мои братья, племянники, а также несколько бесшабашных головорезов, которых я в свое время спас от казни. А когда стану здесь королем, я заверю племя, что в первую очередь остаюсь их конунгом и прежде всего — конунгом! А уже потом — правителем королевства Тиборра!

Раберс вздохнул с надеждой в голосе:

— Надеюсь, это объединит королевство Тиборра и благородное племя мергелей.

— Которое вы поведете к вершинам богатства и расцвета, — сказал конунг. — Я помню, что я властвую, но правите — вы!

Раберс произнес:

— Это единственно правильное решение.

Он поклонился, конунг лишь кивнул слегка, и оба поспешно пошли в разные стороны.

Вот сволочь, стучало у меня в черепе. Предаст интересы своего королевства с такой легкостью всего лишь за обещание поставить его старшим управителем. Правда, управителем всего королевства, но все-таки быть на побегушках у человека с чуждым складом ума, других взглядов, идей, культуры, ценностей...

Ишь, благородное племя мергелей! Как язык повернулся брякать такую глупость, дураку же видно, что нет благородных племен, народов, наций, а есть только благородные особи. Впрочем, политики во все времена обожают красиво звучащие, но ничего не значащие слова и сочетания слов.

Интернационалист проклятый, не понимает, что соединять мед с дерьмом — не есть гуд, сливать воедино нужно хоть и разных, но одного уровня, а еще желательно — одной культуры...

Никто не заметил, как я прокрался к домику для гостей Его Величества, в моей комнате стоит забрать мешок, пусть там не так уж и много барахла, но таинственная шкатулка, а также ряд камешков, я хоть и дурак, но не настолько, чтобы все отдать первой же попавшейся принцессе... хотя Элеонора в самом деле заслуживает и большего, чем заурядные или даже необыкновенные драгоценности...

Предостерегающий холодок кольнул пальцы руки, едва я потянулся к ручке двери. Я замер, прислушался, везде тихо, рискнул перейти на тепловое... по ту сторону двери смутно проступают два силуэта. Судя по согнутым позам, готовы ударить справа и слева, едва переступлю порог...

Идиот, мелькнула мысль. Конунг велел устроить засаду, а здесь вокруг домика все открыто, увидели издали в окна, ждут ротозея. Что-то я стал совсем беспечный, а еще сын степей...

Можно бы ворваться через окно, оно в пяти шагах, а там успею сориентироваться, здесь окна по-южному широкие, тепло беречь нет нужды... но грохот и выбитое окно привлекут внимание и тех, кто сейчас просто прогуливается в саду... или же прогуливается не совсем просто.

Стиснув зубы, я несколько раз быстро и сильно вздохнул, нагнетая кислород под давлением, в ушах зашумело, сильным рывком открыл дверь и прыгнул в проем с такой скоростью, что мышцы ног едва не лопнули от перегрузки.

За спиной был вскрик боли, стон. Я развернулся уже с оскаленными зубами и мечом в обеих руках. Двое коренастых мергелей, одинаковых, как близнецы, смотрят друг на друга выпученными глазами, а пальцы стиснуты на рукоятках кинжалов...

Я перевел дыхание. Оба на мое вторжение среагировали быстро, даже молниеносно, но я был шустрее, и длинные ножи вошли в обнаженные торсы по самые рукояти.

— Молодцы, ребята, — сказал я хрипло. — Хвалю.

Один с усилием выдернул нож из бока напарника, красная струя ударила с напором. Оба смотрели на меня больше с изумлением, чем с ненавистью, первый попытался шагнуть ко мне, но мешал нож второго засадника.

Он перекосялся, заскрипел зубами, второй наконец дернул нож на себя. Колени подкосились, он рухнул вниз лицом, под ним быстро пошла расплываться лужа красной густой жидкости, как у пустившего завесу кальмара.

Первый прошептал:

— Нам говорили... ты быстр...

— И мудер, — добавил я. — Иди в свой рай и встречай остальных. Скоро попрут толпой.

— Тебя остановят, — шепнули его быстро синеющие губы. Кровь хлещет из бока с таким напором, словно все тело сжимает незримая рука великана. — Мы... мергели...

— Всего лишь мергели, — возразил я.

— А ты кто...

— Так тебе и скажи!

Он пытался что-то возразить, спорить, все еще не сдаётся, но глаза заволокло смертной пеленой, качнулся и рухнул навзничь, не сгибая колен.

Я торопливо взял мешок, все цело, воины не унизились, чтобы рыться в нем. Другое дело, после моей смерти, это уже трофей, а не банальное воровство, что для мужчины — позор.

Солнце в зените, мир ослепляюще ярок, я выскользнул тихохонько и тщательно прикрыл за собой дверь. Похоже, на меня уже открыта охота, но Бадия предпочитает до прихода ударного отряда действовать втихую. Но это значит только, что меня постараются не убивать на глазах у глиноедов, хотя и это небесспорно: я не глиноед, так что народного возмущения это не вызовет. Разве что ярл Элькреф возмутится, но и то вряд ли, чересчур тихий и весь в искусстве...

По аллее движется целый отряд мергелей, и хотя идут нестройной группой, но чувствуется слаженный отряд, сыгранная в сражениях боевая единица, когда не просто знают, а чувствуют друг друга.

Я быстро зыркнул по сторонам, везде открытое пространство, только и остается дверь за спиной, я попятился и успел шмыгнуть в здание за секунду до того, как мергели вышли из сада.

Оставив щелочку, я наблюдал, как старший послал двоих вдоль здания, а сам махнул рукой в сторону двери, за которой затаился я. Не веря себе, я медленно отступил на другой конец холла как раз в момент, когда дверь распахнулась.

Болт ударил старшего в грудь, раздался мягкий звук, словно лопнул бурдюк с вином. Во все стороны брызнуло красным, двое отпрыгнули, один с перекошенным лицом держался за плечо, второй открыл рот, готовясь завопить во

всю глотку, я поспешно выстрелил второй раз и снова взвел тетиву.

Второй выстрел оказался еще удачнее: второго мергеля разорвало пополам, раненому снесло полголовы, а каменную стену тряхнуло с такой силой, что сорвался металлический светильник. Рядом с ним появилась вмятина, куда поместился бы котел для каши на пять-семь человек.

За моей спиной послышался испуганный вскрик. Молодая прачка, Надин, кажется, младшая сестра спасенной мною в первый же день от порки, смотрит вытаращенными глазами, румянец медленно сползает с пухлых щечек.

— Привет, — сказал я дружелюбно. — Это не к тебе шли?

— Н-н-нет, — пролепетала она.

Я сказал бодро:

— Тогда не жалко. Как-нибудь к тебе загляну, ты не против?

Она сказала поспешно, сразу приободрившись и не обращая внимания на убитых и лужи крови, подумаешь, это все глупые мужские забавы, ее не касаются:

— Не против, еще как не против!.. В любое время! Можно сегодня... или сейчас...

Я сказал с великим сожалением в голосе:

— Увы, сейчас у меня, как видишь, некоторые досадные, хоть и мелкие дела, мы же, мужчины, без этого не можем, нам нужна война и бабы, война и бабы... Но как только разделаюсь...

Она провожала меня полным надежды взглядом, я помахал рукой от двери в зал; она закрылась за мной удивительно бесшумно, я тихонько охнул и стиснул челюсти. Двое мергелей прохаживаются взад-вперед, зал удивительно пуст, хотя в прошлый раз придворные здесь просто блистали нарядами и драгоценностями.

— Привет, ребята, — сказал я дружелюбно. — А куда де-

лись прежние королевские стражи? Вас повысили до глениоедов?

Они смотрели на меня неверящими глазами, затем оба моментально выдернули мечи и бросились ко мне. Я вытащил двуручник, передернул плечами, все так почему-то делают, в это время в соседнем зале прозвенел жизнерадостный девичий смех, донесся мелкий топот женских ножек.

Дверь начала открываться, оба мергеля моментально убрали мечи. В зал вбежали две молоденькие девушки, обе хохотали и хватались друг за друга. Я успел сунуть меч в ножны прежде, чем они успели заметить такого редкого гостя, как я.

Одна радостно вытаращила и без того большие красивые глаза, знает, что надо тарашить, вскричала с веселым торжеством:

— Лилея, смотри!.. Это же сам десятник Рич!.. А говорили, его сюда уже не впускают!

Я спросил с любезной настороженностью:

— Не впускают? Почему? Я в чьей-то немилости?

— Вы были гостем ярла Элькрефа, — объяснила одна словоохотливо, — но теперь у вас письмо к его брату. Ваша миссия выполнена! Вход во дворец для вас должен быть закрыт.

— Мда, — сказал я озадаченно, — видимо, приказ издали, но не успели довести до охранников. Буду иметь в виду.

Лилея проговорила с сомнением:

— Нет, что-то другое... Вас бы уже не пустили. Или это правда, что вы получили титул вильдграфа?

Я спросил с интересом:

— Правда, дикий слух?

Она быстро посмотрела на подругу, та вытаращила на меня глаза.

— Ну, не совсем дикий... Это вы дикий, могли бы чаще общаться! А то совсем не. Как-то обидно даже. Его Величе-

ство волен жаловать любые титулы. Главное, чтобы мог объяснить другим, за что.

— У вас почти демократия? — удивился я. — Король отчитывается перед народом? Или хотя бы парламентом?.. Ладно, сознаюсь! Мне в самом деле пожаловали этот титул. Специально для того, чтобы я мог волочиться за вами, Лилея, и за вашей подругой, по праву.

Подруга Лилеи сказала быстро:

— Меня зовут Керена. Волочиться лучше за мной. Я более... доступная. И покладистая.

Лилея сказал с обидой:

— Вот так она всегда! Прямо из-под носа выхватывает! Даже выдергивает, можно сказать.

Мергели вернулись на свои места у двери, злые и с напряженными плечами, сопят и поедают оттуда меня свирепыми глазами. Я читал в них обещание быстрой и злой смерти, как только эти две хохотушки выйдут из зала.

— Как жаль, — прошептала девушка, которая назвалась Кереной, — в следующий раз приезжайте и погостите подольше!

— Обязательно, — сказал я.

— Про вас такие чудеса уже рассказывают...

— Я еще чудеснее, — пообещал я, — вот когда узнаете получше...

Я выпятил грудь и прочие мышцы, девушки восторженно охнули, а я сказал с сожалением:

— Увы, мне нужно наверх. Принцесса вызвала.

Лилея вздохнула.

— Да-да, идите. Она не терпит промедлений.

— Уже бегу, — сказал я.

Керена добавила:

— Потом возвращайтесь к нам! Если не найдете, мы вас отыщем сами. И та, кто быстрее отыщет, той и достанется.

Они весело хохотали и щебетали вослед, милые женские шуточки и нешуточное соревнование. Дверь за мной за-

хлопнулась, я торопливо взбежал на этаж выше, попались только двое придворных, лица тревожно-крысиные, чуют беду, в глазах вопрос: тоже убежать за остальными или чуть еще выждать. Один было сунулся ко мне с вопросом, но вовремя увидел выражение моего лица, поспешно отпрянул.

Я взбежал наверх по мраморной лестнице, на втором этаже пустынно, только навстречу идут двое стражей: местный и мергель. Я сразу понял, что у тиборца ни единого шанса против кочевника, несмотря на доспехи с ног до головы, варвар — настоящий зверь, в нужный момент удавит голыми руками.

Завидев меня, мергель выругался и схватился за меч.

— Стой на месте! — велел я тиборцу.

Мергель облегчил мне задачу, ринувшись навстречу. Я сделал шаг на ступеньку выше, уклонился от просвистевшей над головой стальной полосы, ударил быстро и жестко.

Мергель споткнулся и с разрубленной грудью покатился по ступенькам.

— Убери тело, — велел я стражу.

Он проговорил bleющим голосом:

— Там выше... еще трое...

— Благодарим за коллаборацию, — гроыхнул я надлежащим тоном и бросился наверх.

Ступеньки промелькнули под ногами с непостижимой скоростью, словно не бегу, а лечу, как заблудившийся стриж. Справа и слева распахнулись широкие коридоры, больше похожие на залы. Светильники распространяют не столько свет, сколько мощно благоухающие ароматы, на то и дворец.

Следующий зал поразил богатством, здесь чем выше — тем роскошнее, король вообще живет в голубятне, зато высоко сижу — далеко гляжу, кто не спрятался, он не виноват.

Глава 13

Я пробежал на другую сторону зала, вспугнув пару лакеев, еще этаж, уже четвертый, слева от меня уходят трое обнаженных до пояса героев, на красных поясах болтаются длинные ножи, на спинах в кожаных ножнах покоятся, как приклеенные, широкие мечи. С правой стороны точно такие же загорелые орлы, одинаковые, как братья, идут в мою сторону.

Слаженно, как один человек, эти трое выхватили мечи и бросились навстречу. С арбалетом уже не успеваю, я взвинул метаболизм и встретил всех троих сверкающей завесой из отточенной стали.

Один мергель отшатнулся с рассеченным лицом, второй вскрикнул, потеряв меч вместе с рукой, третий успел зацепить меня по плечу. Острая боль жгла пару мгновений, я перебросил меч в левую руку и прикончил его жестоким ударом в голову.

Настороженный слух, несмотря на мое хриплое дыхание, уловил за спиной топот бегущих ног. Я уронил меч, выхватил арбалет, повернул влево и выстрелил в одно мгновение.

Впереди мчится красивый воин с яростным лицом, меч зловеще блестит во вскинутой руке, лицо горит азартом боя. Он даже не вздрогнул, когда в груди возникла сквозная дыра, зато бегущего за ним болт расплескал по стенам.

Третий набежал на меня с поднятым мечом. Я уклонился, ударил арбалетом. Острый рог рассек голову, я рванул оружие на себя, треснула кость, открыв дамбу со скопившейся кровью, я отпрыгнул, все еще ухитрившись не испачкаться.

Их вожак привалился к стене, пытаясь устоять на ногах, из дыры хлещет кровь в обе стороны, он смотрел с немым изумлением, губы что-то прошептали.

— Да-да, — ответил я нетерпеливо, — встретимся в аду и все такое... И ты будешь меня ждать там у входа, знаю-знаю!

Так что иди, там уже толпа ждет меня, не дождется. А ты займи очередь. Как-нибудь приду на досуге погонять вас, гадов, в хвост и в гриву...

Он упал вниз лицом, я поднял свой двуручник и повернулся к зарубленным. Только один, который с обрубком у плеча на месте руки, пытается встать, держась за стену.

Наши взгляды встретились, он прохрипел:

— Добей...

— Живи, — предложил я, — романы и одной рукой писать можно, вон как Сервантес.

— Это... позор...

— Быть умным позор? — спросил я. — Грамоте учишься...

— Добей, — прошептал он.

— Добейся сам, — сказал я. — Благородно и красиво. Можешь броситься на меч, как римлянин. Можешь головой о стену, как удалой казак за неимением дуба... Ты единственный дуб на этом этаже.

Он сумел встать, кровь продолжает хлестать, лицо уже бледное, как у мертвеца.

— До...бей... Окажи честь воину...

— Ладно, — ответил я хмуро. — *Coup de grace* двуручной мизерикордией.

Острая сталь рассекла ему грудь и располовинила сердце. Он сумел выдавить благодарную улыбку, так и сполз со счастливым выражением на пол, а я вытер лезвие о его брюки и рывком открыл роскошно украшенную дверь.

...И замедлил шаг: навстречу по-королевски идет Элеонора в сопровождении двух девушек. Она властным взмахом руки отправила их обратно, лицо сердитое, губы поджаты, темные глаза с ходу метнули острую и шипастую, как моргенштерн, звездастую молнию. Я чувствовал, что сейчас резанет нечто злое, весь истеку кровью, сказал быстро и очень настойчиво:

— Ваше Высочество, туда ходить не стоит.

Она даже не поправила, что ее зовут Элеонорой, хотя должна бы, женщины ее склада такие вещи не забывают, только спросила холодным тоном:

— Почему?

— Напачкано, — объяснил я.

Она поморщилась.

— Куда слуги смотрят?.. Кстати, забудем про прачку, хотя мне очень не понравилось, что я отсюда услышала... да-да, вы так громко обсуждали некие бесстыдности, здесь даже стены покраснели!.. но только что у меня была Юженильда...

Тон ее не понравится еще больше, чем вид, я сказал уклончиво:

— У вас очень милая подруга, ваша светлость. Она вас очень любит. И ценит. А уж как восторгается, как восторгается вашими невообразимыми достоинствами!

— Да? — спросила она саркастически. — Но вот она скромненько так это похвасталась, что была в твоих объятиях!

— Правда?

— Чуть не лопнула от скромности, — сказала она гневно, — все глазки опускала и хихикала!

Я выдавил из себя:

— Да, она мне тоже показалась... скромной.

— Она лжет? — спросила принцесса с надеждой. — А еще утверждает, что она была совсем голая! Как ты мог?

— Ну, — пробормотал я, — в том случае не столько голая, как обнаженная, я же эстет... Но этот эксгибиционизм ничего не меняет, я же сын степей и особой разницы, как и вы, прекраснейшая из принцесс и цветок королевства, не вижу.

Она вскрикнула:

— Так она... посмела? И ты еще сказал ей, что вы — прекрасная пара?

— Я точно так говорил? — спросил я опасливо. — А то в некоторых случаях говоришь все, что угодно, лишь бы...

Она снова метнула в меня глазами молнию.

— Как ты мог?.. И как она посмела?

— Свободная женщина, — заступился я, — хоть еще и малолетка. Но у вас свободные или полусвободные нравы, так что она вольна в своих развлечениях. Хотя именно на них любопытных дур и ловят... Вот и ее поймали. Нет, не я. Извините, ваша светлость, сюда уже бегут...

Она оглянулась на плотно закрытую дверь. Из коридора приближается грохот тяжелых сапог. Судя по звукам, те двое мергелей из самого нижнего зала сообщили обо мне кому следует, сюда ломится целый отряд, толкаясь в тесноте и звеня оружием.

Секундой позже Элеонора повернула голову в мою сторону, но меня в ее покоях уже не было.

А я, выпрыгнув с разбега в окно, успел в падении превратиться в летающую тварь с перепончатыми крыльями. Булыжники мостовой ударили по мохнатой морде, но я отпихнулся лапами и быстро-быстро заскользил между деревьями, прижимаясь к самой земле и держась в тени деревьев.

Птеродактиль слаб, однако его чутью любой зверь позавидует, я замечал всех в саду, поспешно нырял в заросли, пережидал, а когда добрался до высокого забора из металлических пик высотой в два моих роста, даже не подумал идти к воротам, теперь там явно ждут совсем не те, кого хотел бы увидеть.

Вместо этой глупости я сделал другую, перелетел через забор так низко, что едва не распорол об острия беззащитное пузо. Дальше настороженно смотрел по сторонам и с разлету ударился о каменную стену высокого мрачного здания. Из глаз посыпались искры, несмотря на птеродактильность.

Уже на земле, до чего же надежна это спасительная

твердь, я как можно быстрее перебрался в людскую личину. Повезло, здесь глухая стена, окон нет, прохожие сюда не заглядывают.

Сердце стучит так, что кровь гремит в ушах, я кое-как перевел дыхание и торопливо пошел вдоль домов, стараясь не выходить из тени и радуясь наступающей жаре, что загоняет всех в дома до вечерней прохлады.

Впереди из-за высоких, как горы Хребта, деревьев с блестящими листьями выдвинулось здание таверны. Мои чувствительные ноздри издали уловили запах дешевого вина, вареной рыбы со специями и неизменной бараньей похлебки.

Хозяин бросил на меня взгляд, едва я вырос на пороге, кивнул и тут же исчез на кухне. Когда я спустился в зал и шел между столами, на половине для благородных гостей уже спешно вытирали один из лучших столов и накрывали чистой скатертью.

— Вина, — сказал я коротко, — мяса и Крогана. Мясо жареное, Крогана... жарить не обязательно. Хотя попробовать можно.

Двери время от времени отворялись, входили и выходили люди. Я перестал бросать на них взгляд, Кроган есть Кроган, меня увидит с порога. Я замечен издали, что не всегда здорово, мясо хорошо прожарено и пахнет просто одуряюще, вино молодое, в нем своя прелесть.

Я сперва насыщался, потом просто смаковал, и как раз к завершению трапезы дверь распахнулась так, что ударилась о стену.

В дверном проеме возникла фигура Крогана, все в той же добротной одежде зажиточного горожанина, шляпа с пером, сапоги из тонкой кожи, вид молодцеватый и задиристый.

Он сразу же зашагал ко мне, шляпу на ходу сорвал и помахал в воздухе.

— Мое почтение, господин Рич!

— Садись, — велел я и указал на лавку с той стороны стола. — Если косишь под добропорядочного гражданина, прекрати открывать двери пинком.

— Даже в трактир? — спросил он с огорчением.

— Даже в трактир, — ответил я. — Знаю, старые привычки уходят туго. Правила хорошего тона гласят, и в пустой комнате, где никого из людей, держись так, будто за тобой следят десятки глаз.

— Зачем?

— Чтобы привыкнуть, дубина... Как там твои молодцы?

— Барсук готовит, — сообщил он.

— Собирает?

— Уже собрал. Вооружает и распределяет кому что.

— Хорошо, — сказал я как можно бодрее, хотя сердце тревожно заныло в ожидании неприятностей. — Нам предстоит дело попроще, поскучнее, чем в прошлый раз, но противники посерьезнее. Не драконы и не гарпии.

Он спросил тревожно:

— Люди?

— Увы; да.

Он поскуchnел, поерзал.

— Да, но... что делать. Людей убивать не хочется, но надо. Барсук уже роздал оружие.

— Хорошо, — одобрил я. — Все-таки людей убивать не так жалко, как беззащитных животных, что нам никаких пакостей... Словом, операция простая, но повозиться придется. Зато я порушил кое-что в святилище, которое супостаты пробовали открыть в бывшей церкви... в смысле, побил всю посуду, так что шаманы не так уж и сильны. Точнее, я побил и самих шаманов, а смена побитым всегда приходит не скоро... Если вообще приходит. Главное, побил зеркала, так что никто не следит за нами. И стол порубил на всякий случай.

— А стол зачем?

— Да так, — отмахнулся я. — Стол у них не совсем стол,

а еще и не стол вроде бы как-то совсем вроде. И зеркала не зеркала... Или это было в другом месте? Ну вот всегда так: смешались в кучу кони, люди, стали кентаврами...

— Ага, — кивнул он обалдело, — понятно.

— Держи, — сказал я, протягивая ему сверток, — я выйду отсюда вместе с тобой в этом плаще, потом свернём за угол, ты быстро натянешь его, капюшон на голову поглубже, и расходимся в разные стороны, понял? Главное, чтобы приняли за меня. В драку не лезь. Не потому, что беспокоюсь за тебя, ты такой орел, что и десятерых раскидаешь...

Он пробормотал польщенно:

— Пусть не десятерых, но пятерых точно завалю... если их связать, конечно.

— А вот драться не надо, — сказал я строго, — а то сразу раскроют по твоей беспримерной отваге, силе и лихости, что это ты, орел, а не я... совсем другая птица, что в чешуе и не чирикает. Надо, чтобы как можно дольше не знали, где буду я.

Он пробормотал подозрительно:

— А где вы будете?

— Когда за тобой побегут, — сообщил я, — то как раз и украду самое ценное. Заодно прибью тех, кто должен охранять, а вместо этого следит, как ловят тебя.

Он кивнул, не врубаясь в детали, но раз в прошлый раз все прошло удачно, то за таким вождем можно и дальше в огонь и воду.

— Все сделаю, — пообещал он.

— Не дай себя убить, — сказал я строго. — Мне вообще-то тебя не жалко, но так сорвешь всю операцию. Увидят, что ты — не я, сразу поймут мой глубокий стратегический замысел, которого я пока что не знаю и сам, но верю, что будет, как же иначе с таким орлом и пальцеводителем...

Он снова кивнул, на секунду позволил себе улыбнуться, мол, понимает юмор, но тут же стал серьезным.

— А когда можно будет раскрыться?

— Когда перестанут за тобой гнаться, — определил я. — Тогда ты со своими людьми собирайтесь около дворца.

— Хорошо, — сказал он и ухмыльнулся.

— Барсук сейчас где?

Он помялся, сказал осторожно:

— Людей пришло много, большую часть пришлось оставить за городской стеной.

Накидывая на голову капюшон, я сказал обрадованно:

— Прекрасно! И для них есть задание.

Глава 14

Воздух за дверьми таверны знойный, сухой и жаркий, настоящий на запахах городской жизни. Я тихохонько пробирался между шорных мастерских, кожаных, дальше пошли дома бронников, яростный блеск солнца пытается притупить чувство опасности, и я все время напоминал себе, что на меня уже открыта охота. Пусть официально откроется только завтра, но и сейчас меня постарается убить любой мергель. А они по одному не ходят...

На выходе из города стражи нет, да и зачем, никто в такую жару не везет товары, все привычно ждут вечерней прохлады. Большинство горожан спят, в жарких странах полуденный сон — святое дело.

Я покосился на башни городской стены, там спать не должны, но Ледяных Игл в королевстве не осталось, во всяком случае — у самого короля их нет, а в башне колдуна новый хозяин Фрогакл если и найдет какую новую гадость, то ни за что не выстрелит в дракона из опасения, что им может оказаться посланник его благодетеля.

Потому я сразу за городом выбрал место между дюнами поглубже, и чтоб людей никаких поблизости, зажмурился и пожелал как можно быстрее стать летающей тварью, просто

летающей, неприметной, неопрятной и невкусной даже с виду.

Взлетать уже приучился вверх, как жаворонок, самый безопасный способ, а там на высоте расправил зубчатые крылья и созерцал проплывающий далеко внизу суетливый мир, заполненный всякими мелкими и никчемными заботами, и печально удивлялся, скоро ли стану совсем философом.

Далеко внизу показались повозки, я не стал снижаться, только напряг зрение, голова закружилась, а укрупненное изображение начало суматошно скакать из стороны в сторону, как норовистый конь, еще не попробовавший сладости седла, шпор и плети.

На грубо сколоченные телеги набросаны серые туши оленей, коз и кабанов. Первые две телеги небрежно укрыты мешками и тряпками, на остальные щедро оседает дорожная пыль. Судя по толстому слою, везут издалека, но для кочевников расстояния — не проблема. Вообще-то племя конунга Бадии уже наполовину оседлое, точнее — кочевое, но по старинке обожает охоту, и добытое таким образом составляет немалую часть пропитания.

Я плыл, покачивая крыльями, вдоль дороги, еще ряд повозок и навьюченных лошадок, наконец сердце стукнуло предостерегающе, вон с тем караваном что-то не так. Я завис неподвижно, словно приклеенный растопыренными крыльями к твердому небесному куполу, всматривался, трусливо убеждая себя, что это не те, кого жду и опасюсь, а просто слишком хорошо охраняемый караван чересчур трусливого купца.

Основа каравана — нагруженные верблюды, навьюченные кони, ни одной повозки, а это значит, идут из мест, где вообще нет дорог. Впереди отряд воинов, как и положено, позади тоже не меньше десятка, а еще справа и слева по барханам скачут вооруженные всадники...

Сердце начало стучать чаще, я пошел кругами ниже,

всматриваясь, и старался найти слабое место в обороне. Эта ударная группа даже сейчас соблюдает некую оборонительную структуру.

Вряд ли на самом деле готовы ко всем неожиданностям, это так, привычное, как умение спать с одной рукой на рукояти меча, а щитом укрывать ноги. И все-таки даже к спящему можно подкрасться тихохонько и нанести удар, так и внезапно шархнуть по этому каравану...

Проследив их направление, я ушел в сторону, затем во все зашел сзади и осторожно опустился между огромными песчаными барханами. На этот раз я страстно возжелал стать огромным и сильным драконом, с прочной чешуей, быстрым в движениях, с сильными крыльями, ужасным и огнедышащим...

Когда период беспамятства закончился, я оглядел себя, посопел недовольно, ну никак не удастся стать совершенной машиной убийства: либо защита недотягивает, либо ударная мощь слабее. А если и то и другое сбалансировать, придется ослабить то и другое. Хотя в данном случае ударная мощь, скорость в нападении и ловкость важнее защищенности...

Я взлетел, поднялся над вершинами барханов и понесся, почти задевая песчаные верхушки поджатыми к пузу лапами. За мной сразу поднялась, воздетая могучими крыльями, и пошла догонять песчаная стена, настоящая пустынная буря, самум.

Караванщики и охрана, убаюканные монотонностью движения, сонно смотрят вперед, никто не ощутил опасности.

Я налетел на арьергард и обрушился, как гора. Земля дрогнула под моей тяжестью, а я уже быстро хватал когтями, пастью, торопливо выводил из строя и быстро прыгал вперед.

Стражи справа и слева оглянулись, их руки метнулись к оружию. Я поспешно дунул огнем. Ревущее пламя вырва-

лось с такой силой, что я сам изумился и почти струсил. Впереди крики, лошадиное ржание, звон металла. Я дунул снова, а то вдруг кто уже целится сквозь стену огня в мою сторону, вильнул вбок и, обойдя жаркое пламя, бросился на оставшуюся половину отряда.

При всей растерянности караванщики все же обнажили оружие и попытались дать безнадежный бой. Я с диким ревом несся вперед, подпрыгивал и давил всем весом, а тех немногих, кто успевал отпрыгнуть, хватал лапами и пастью. По мне били мечами и тыкали копьями, я плевался огнем, чувствуя, как запасы подходят к концу, ладно, это короткая схватка, лапы дрожат от усталости, не для такой туши резвость трепетной лани, но наконец последние три человека, бросив оружие, пустились в бегство.

Я с победным ревом догнал их и втоптал в песок, чувствуя, как трещат кости. Не до милостивого обращения с военнопленными, куда важнее, чтобы конунг не узнал о судьбе отряда по захвату власти и все так же в нетерпении ждал его скорого появления.

Справа и слева налетели всадники охраны. Стрелы застучали, как крупный град, по моей костяной броне. Следом с визгом рикошетили дротики, брошенные умелыми и сильными руками.

Я заревел грозно и выпустил длинную струя огня. Двое или трое кубарем скатились с лошадей, те испуганно ржали и вставали на дыбы. Остальные умчались, не слушая поводов, многие кони беспомощно вскидывали болтающиеся поводья, чтобы не наступить и не упасть, двое мотали головами с опаленными гривами. Я ощутил острый укол совести: в старых книгах, которые читал в детстве, всегда упоминалось с гордостью, сколько коней загнал насмерть такой-то гонец, спеша поскорее доставить некую весть королю или просто адресату. Или герой, торопясь увидеть любимую, как вон дартаньяны и прочие атосы постоянно за-

гоняли их десятками, просто желая куда-то прибыть поскорее.

В моем срединном королевстве ни в книгах о тех временах, ни в чем-то еще коней уже не загоняют насмерть. Даже в пене я их не видел, негуманно, могут пришить пропаганду жестокого обращения с животными. Даже в жестоких сражениях армия на армию убивают только людей, но кони все целы и невредимы. Как я понимаю, если встанет выбор: загнать ради спасения королевства пару коней или же спасти коней, то мы обязаны выбрать коней, и хрен с ним, королевством, династией, прекрасной принцессой, наследованием трона и ходом истории.

Лапы дракона хороши для схваток, но не для раскрытия мешков, я со злостью окинул взглядом трупы. Это похоже кровавой битвы, там просто убивают, а здесь вон те двое похожи на обугленные головешки, а вон там большая кровавая лужа с расплюснутыми, словно по ним проехал баггер, телами...

— Барсук! — проревел я страшно. — Ты где, гад, прячешься?

Во все стороны волнистые бугры золотого песка, бесконечные барханы и дюны, над ними пронзительно синее небо — и все, ясность и чистота пустыни, ничего лишнего...

— Барсук! — проревел я еще страшнее. — Немедленно ко мне!

Из-за бархана совсем близко высунулась голова, повязанная платком песчаного цвета. Вытарашенные глаза смотрели на меня с диким ужасом.

— Я здесь... господин дракон...

— Крган велел, — сказал я грозно, — чтобы никто не улизнул. Через городские врата не пропускай ни одного мергеля!.. Это те, кто с красными поясами. Убивай без разговоров, пока Его Величество не изволит отменить приказ. Твои люди пусть обшарят трупы, все ценное заберут себе. Как и коней с верблюдами.

Он пролепетал, заикаясь:

— К-к-кроган... велел?

— Да, — рыкнул я нетерпеливо, — ты что, не знал?..

— Н-н-н-нет...

— Он уже и водяными драконами повелевает, — сообщил я. — Да, расспроси, расспроси обязательно.

Из-за барханов начали робко подниматься еще головы. Я припал к земле, мощный толчок всех четырех лап отправил меня в небо, где я сдвинулся всего на полмили в сторону и тут же опустился между самыми высокими дюнами.

Долгое головокружение и беспмятство, наконец превратился в птеродактиля, отбежал, пригибая голову и лавируя между барханами подальше, а там уже взвился в небо, чтобы никто не обратил внимания, что эта странная птица взлетела именно там, где зачем-то приземлялся могучий и огромный дракон.

В разных частях города собираются толпы горожан, грозно блистает солнце на металле доспехов вооруженной стражи. Их тоже стало больше, все-таки Ланаян потихоньку принимает меры на свой страх и риск.

Обнаженных плеч и голых торсов не видно, зато местные галдят, как галки, возбужденно машут руками. Мне показалось, слышу сдержанное одобрение, труп врага хорошо пахнет, а среди найденных тел пока не отыскивали местных.

Донеслось сдержанное позвякивание железа, подошел еще один отряд городской стражи. Эти ребята оттесняют толпу, но сами еще не знают, что делать, слишком уж не похоже на мелкое воровство или ограбление.

Я вытащил из мешка плащ, набросил на плечи, а капюшон опять надвинул на голову. Так многие ходят, одни спасают головы от солнечного удара, другие не желают, чтобы другие видели, куда они шастают, пока жены сладко спят в полуденной дреме.

Опустив голову, я смиренно двигался вдоль стен, как

всегда ходят местные ловеласы, из-за спин горожан донесся уверенный голос:

— Говорю же вам, это Призрачный Пес!.. Сегодня какой день? То-то!.. В такие дни он выходит из особо крупных солнечных зайчиков и рвет в клочья всех, кого видит...

— А вот и нет, — возразил другой голос, — ребенка лизнет и бежит дальше! Это все знают.

— Дурень, ты перебил!

— А что я сказал не так?

— Он рвет всех, кого видит с оружием в руках! А это видишь кто? Они с оружием не расстаются!

— А где их оружие?

— Унес тот, кто наткнулся первым. Потому и помалкивает.

Я прошел мимо, но на перекрестке улицы другая группа горожан окружила место, на котором, помню, подстрелил сразу троих, голоса возбужденно-радостные:

— ...Только Исчезающий Всадник!

— Ну, его давно уже не видели...

— А он появляется в годы великих перемен!.. Это только начало, вот увидите!..

В третьей группе, мимо которой я прошел, скромно опуская очи долу, словно согрешил с невинной дочерью, идет горячий спор, временами переходящий в потасовку, ночные гарпии порвали этих молодцев или же Серые Сестры позабавились.

Я сам подумал, что насчет ночных гарпий — глупо, сейчас ясный день, но поймал краем уха аргументы, призадумался, вот уж не думал, что и такое в природе гарпий, буду знать, но все-таки Серых Сестер опасаться нужно больше, мое очарование и умение ладить с людьми и женщинами может не сработать с такими причудливыми существами, у которых вкусы куда уж страньше и страньше...

Хотя для меня вообще-то предпочтительнее версия о Сумрачном Всаднике, можно подверстать под великие и

благостные перемены при вторжении крестоносного воинства.

В четвертой группе разговор идет, как ни странно, о политике, повеяло чем-то родным, но поспешно миновал их, а то начну прислушиваться и не смогу уйти, зато в середине пятой группы увидел только одного мергеля, он красиво распростерся на спине, жизнерадостно раскинув руки, словно возжелал обнять весь мир. Остальных, как я понимаю, уже унесли или увезли на телеге, покрыв с головой.

Горожане сдержанно переговариваются, в животе кочевника сквозная кровавая дыра шириной в тарелку. Кровь уже вытекла, заполнив щели между отесанными камнями темной густой массой, рана сузилась, но я все равно рассмотрел сквозь нее булыжники мостовой.

Здесь с двумя стражами присутствует Ланаян, еще двое работников подгоняют лошадь с волокушей. Бедное животное в испуге вращает глазами, упирается и не желает приближаться к труп.

Ланаян неторопливо обошел тело со всех сторон, стараясь не наступать на темно-коричневую массу загустевшей крови. Вид его был грозен, а в голосе прозвучало сильнейшее раздражение:

— Чем это его так?

Он оказался спиной как раз передо мной, я наклонился к его уху и сказал авторитетно:

— Переел, вот и вырвало. Видно же, вовсе нет живота. Такое бывает при чревоутодии.

Оба стража, бледные и вздрагивающие, смотрели на труп, один произвольно пощупал свой слегка выпирающий живот и заметно побледнел.

Труп наконец вскинули на волокушу, лошадь потащила ее бодро, почти побежала, спеша уйти от страшного места. Ланаян пошел следом, медленно отставая. Стражи держались возле него, он нетерпеливым жестом услад их вперед.

Я скромненько пошел сзади, он произнес, не поворачивая головы:

— И что, он в самом деле умер от обжорства?

— Не совсем, — ответил я.

— А зачем им сказали, будто тот перече рвоугодничал?

Я ответил мирно:

— А что сказать другое? Что умер от стрелы из моего арбалета, как это и было? Они бы решили, что здесь колдовство, и такое бы началось...

Он сказал раздраженно:

— А что это было?

— Колдовство, — ответил я мирно.

Он напрягся и шел прямой и напряженный, как струна. Я догнал и пошел рядом, его глаза чуть дрогнули в орбитах, поворачиваясь в мою сторону, но тут же устремил взор перед собой.

— Значит, — произнес он, — это ваших рук дело?

— Какое? — поинтересовался я.

Он сказал нетерпеливо:

— Вы их убили?

Я поморщился.

— Ланаян... мы же культурные люди, мать твою! Культурные таких слов не употребляют и вообще не знают. Убийство — это грубо. В крайнем случае — нейтрализация. Если нужно уничтожить с женщинами и детьми, то — зачистка. Если с кошками и козами — полная зачистка. Если такая, как провела армия Иисуса Навина при взятии Иерихона, — то зачистка абсолютная...

Он прервал нетерпеливо:

— Конунг уже знает.

— О чем?

— Что вы начали против него войну.

— Тоже мне новость, — фыркнул я. — Он начал против меня еще раньше! Наверное.

Он покосился удивленно.

— Не кажется ли, что силы не равны? Один человек не может объявить войну целому племени.

Я сказал гордо:

— Смотря какой. Кроме того, конунг пока не начинает на меня масштабную охоту. Для него главнее взять власть в королевстве, а не раздавить одинокого дерзкого кочевника из чужого племени. Он терпелив и ждет подхода ударной группы из самых отпетых головорезов. Он отбирал их тщательно не один год.

Он спросил быстро:

— Что за ударная группа?

— Основной кулак, — объяснил я, — из его братьев, племянников и прочей родни, что пойдут за ним в огонь и воду.

— Когда войдет в город?

— Уже не войдет, — ответил я. — Они уже пошли...

— Куда?

— В огонь и воду, — ответил я небрежно. — Если кто успел убежать, тех ловят и добивают разбойники Крөгана. Я сам не ожидал, что окажутся патриотами большими, чем придворные Его Величества. И более решительными, чем его дворцовые войска... Вот такие нюансы приходится учитывать будущим политикам! Но пока конунг о судьбе своего элитного отряда не знает, он подождет с переводом холодной войны в горячую. В смысле, с переходом к активным действиям в широком масштабе.

Он помрачнел, глаза стали темными, а скулы заострились.

— Неужели... начинается война?

— Сам видишь, — сказал я, — лучшего времени для переворота не придумать. Только это не война, а так... мелочь.

Он сказал невесело:

— Мергелей около полусотни только в самом дворце. А еще в самом городе...

— В городе почти нет, — заверил я. — Понимаешь, что-то не спалось...

— Не спалось, — повторил он тупо и как-то растерянно. — Комары? Или не комары?

Я отмахнулся.

— С комарами разве справишься? Пришлось побить хотя бы мергелей. Душу отвести.

Он вздохнул.

— Ну да, ну да, степная кровь вскипает быстро.

— Да какая теперь разница? — сказал я. — Пойдем во дворец. Если сейчас не осилим конунга, рухнет вся ваша государственность. И суверенитет в придачу. И на диво налаженная экономическая система.

Глава 15

Небо затянули тучи, но воздух сух, дождем не пахнет. Из переулков то справа то слева резко дует ветер и тут же стихает, словно сторожит только отведенный ему участок, а когда вышли на площадь, маленький вихрик бросился под ноги и закрутился, как щенок, не то ловит свой хвостик, не то умоляет поиграть с ним.

Ланаян проговорил мрачным голосом, глядя прямо перед собой:

— Тот кочевник... который не из мергелей...

— Рогозиф?

— Да, — ответил Ланаян хмуро, — он с ними.

— Ничуть, — запротестовал я. — Он их тоже не любит!

— Это он так сказал? — спросил Ланаян. — А я вот видел, как они с конунгом долго беседовали. Сперва враждебно, потом конунг хлопал его по плечу, а твой друг улыбался и кивал. Затем встал на колени и что-то сказал тихо. Я слов не слышал, но сам решай.

— Спасибо, — пробормотал я.

По эту сторону решетки ворот двое мергелей дежурят с копьями в руках, мечи на перевязях, по ножу справа и слева на поясах, сухошавые и подтянутые. Заметив нас, один холодно бросил короткую фразу, тихо и почти не шевеля губами, лицо все такое же каменное и бесстрастное. Второй кивнул, взгляд его острый и оценивающий перебегает с Ла-

наяна на меня и обратно. Оба высокие, жилистые, плечи широки, а руки толстые, в синих вздутых венах.

Увидев нас, одновременно повернули головы и замерли, как готовые к прыжку псы при виде двух жирных зайцев.

Ланаян скрипнул зубами, глаза стали отчаянными.

— А где двое моих?

— Успокойся, — сказал я.

— Их убили!

— Не обязательно, — сказал я успокаивающе. — Может быть, просто отослали парней в таверну.

— Там были Усмар и Топтун, — выдавил он с трудом.

— И что?

— Молодые, — сказал он, — но усердные. Они бы не ушли... Что я их родителям скажу?

Стражи напряглись, тугие мышцы красиво прорисовались под загорелой кожей. Мы подошли ближе, один ударил пару раз рукоятью меча по решетке. В саду начали выпрыгивать из-за деревьев кочевники, все ринулись в нашу сторону бегом пугающе слаженно и без единого лишнего движения.

— Не надо было этого делать, — сказал я.

— Теперь вижу, — буркнул Ланаян.

Он схватился за рукоять меча, лицо злое, но все еще колебался, а я парировал первый удар стража, нанес ответный, а второму даже не позволил замахнуться. Его череп раскололся с чмокающим треском, я отпрыгнул от фонтанирующей крови.

С той стороны набежали крепкие воины и разом навалились на ворота. Створки дрогнули и начали расходиться в стороны.

Я вскинул меч над головой и прокричал страшным голосом:

— Смерть предателям! Совет старейшин племени сегодня сместил конунга Бадию с трона вождя мергелей!.. Все изменники, предавшие исконно-посконные обычаи нашей

священной Родины и Отечества, будут преданы хуле и смерти!.. Чужие обычаи не пройдут!.. Мы, Люди Моря, сохраним свою самобытность и пойдем своим собственным путем, начертанным Великим Конем Океана!.. Кто был обманут ныне свергнутым конунгом — пусть поспешит в родное племя и заверит старейшин в преданности нашим степным обычаям!

Ланаян ошалело хлопал глазами, мергели перестали давить на ворота, переглядывались злобно и угрюмо. Трое повернулись и бросились в сторону коновязи, где с десятком лошадей под седлом покорно ждут хозяев.

— Открыть ворота! — велел я. — Кто верен духу степи — возвращайтесь. Старейшины вам все объяснят!.. Обманутые будут прощены, а упорствующих ждет позорная смерть за измену степной Родине и даже Отечеству!

Еще двое попятились, не сводя с меня ошалелых взглядов. От коновязи послышался конский топот, трое мергелей вылетели вихрем из ворот и понеслись в сторону городской стены.

— Не препятствовать тем, — грозно сказал я, — кто хочет узнать правду и только правду!..

Еще двое вырвались вскачь из ворот, остальные смотрели злобно и сжимали в руках оружие, но на лицах читалась сильнейшая растерянность.

— Мечи в ножны! — велел я высокомерно. — Закон Степи и Великого Морского Коня — нерушим, как эта земля, как эти горы, как это небо!.. Мы всегда останемся кочевым народом и не сменим свой гордый быт на жизнь презренных глиноедов!.. Ланаян, за мной. Надо арестовать конунга и доставить его на справедливый суд старейшин, хранителей наших священных и незыблемых законов, и всего племени!

Ланаян вошел за мной бочком-бочком, лицо потрясенное, но на него не обращают внимания, презренные глиноеды не совсем люди.

Я обернулся к растерянными мергелям.

— Идите с нами!.. Если вы верны духу Священного Морского Коня, если в ваших одурманенных душах еще жива честь и доблесть кочевников, романтиков и бунтарей — идите с нами и потребуйте ответа от своего вождя!..

Ланаян смотрел с тревогой, но и с надеждой. Проверить мое обвинение несложно, достаточно примчаться в племя, выяснить, так ли это, услышать, что это наглая ложь, никто конунга Бадию не смещал, вернуться обратно, и меня можно подвешивать за ребро на крюк у городских ворот.

Кочевники ворчали, никто оружие так и не убрал, сталь сверкает вокруг нас, рассыпая солнечные лучи. Так мы двигались по широкой аллее к дворцу, а оттуда разом высунулись головы.

На ступени из здания выбежали обнаженные до пояса воины. Пояса красные, а головы бриты — знак лучших из лучших, у каждого на счету не меньше пяти убитых противников.

Я вскинул руки и прокричал:

— Совет старейшин сместил конунга Бадию!.. За измену старинным обычаям!.. Расступитесь, его нужно доставить на суд старейшинам!

Мергели медленно соступали со ступеньки на ступеньку, дальние двигаются быстрее, отрезая мне дорогу вправо и влево, передние вообще остановились, я видел по их стойке, что готовятся выдержать мой натиск, в то время как с боков меня пронзят копьями.

Ланаян пробормотал:

— Я пробьюсь наверх. Встретимся там.

— Не спеши, — прошептал я. — Я же миротворец...

— А что это?

— Обхожусь без жертв, — объяснил я гордо. — По крайней мере, без лишних.

Он прошептал тоскливо:

— А кто тут лишний?

— Проверим, — сказал я, — зачищать нужно осторожно и бережно, с уважением к человеческим жизням. Не повре-

дять гражданским лицам и ни в чем не повинным людям, хотя никогда не понимал этой формулировки. Дюрренмат говорит, что любого человека, не объясняя ему причины, можно посадить в тюрьму на десять лет, и он про себя будет знать, за что.

Ланаян не слушал, дыхание его становилось все чаще, злее, надсаднее. Мне показалось, что ему уже тесно в панцире, лицо побагровело, глаза налились кровью.

Мергели придвинулись почти вплотную, я сказал с широчайшей улыбкой на миролюбивом лице всем довольного человека:

— Не нужно ссориться! Все можно решить путем переговоров! Я — лучший в мире переговорщик, все уладим без бряцания оружием... Расскажите мне подробно и внятно свои проблемы, начните с несчастного детства, где отец-алкоголик был тираном и подавлял вашу волю, а мать — слабовольной и забитой истеричкой с некоторыми сексуальными отклонениями, что привело к вашему двойному искривлению психики, но при надлежащем двуручном лечении и последующем уходе... чем дальше, тем лучше, все придет в норму, а ступени здесь все равно отмоют, челядь никто не лечит, вот и плодятся...

Ланаян уже хрипел, красные глаза стали багровыми и едва не лопаются, мергели оцепенели, сперва впад в ступор, затем переходя в странное состояние, когда руки начинают дрожать, челюсти лязгают, а из горла начинает доноситься некое непонятное рычание, наверное, от удовольствия.

— Вместе подумаем, — обещал я, — покопаемся в вашей искривленной обстоятельствами психике, выпрямим, выровняем, даже горбатых ровняем весьма успешно...

Ланаян прохрипел:

— Я больше не могу...

— Миротворцы должны быть терпеливыми, — сказал я с упреком. — Ладно, ты у нас еще начинающий...

Со стороны ворот ворвалась целая толпа одетых небрежно горожан, многие даже в рванье, в таком платье

только по лесу шастать да под мостами сидеть, но у всех в руках луки, а на поясах мечи.

Впереди бежит Крган, я мазнул по нему взглядом и сказал Ланаяну:

— Ладно, пошли. Учись, как надо без потерь среди мирного населения. И лишних разрушений.

Ланаян метнулся вперед, я отстал на долю секунды, кровь ударила в голову, я рубил во все стороны, сразу разогревшись так, что вокруг меня задымился воздух, сперва вертелся на месте, успевая находить бреши и увертываясь от тяжелых стальных полос, а потом пошел прорубываться вверх через стену из блестящих на солнце тел.

Впереди был крик, лязг железа, вопли, это Ланаян понесся, как яростный вихрь, через три ряда воинов. Я не верил глазам, полагая, что его остановят достаточно быстро, однако он двигался с невероятной скоростью, избегал смертельных ударов, а сам бил зло и точно. Рослые и ужасные с виду воины падали, как спелые колосья под острым мечом человека, который однажды победил всех на состязаниях и стал с того дня начальником дворцовой стражи.

За ним оставалась торжествующе пурпурная полоса крови, стонущие мергели пытались подняться на скользких от крови ступеньках, не понимая, что уже убиты быстро и безжалостно, а Ланаян прорубился на верхнюю площадку к двери...

Она распахнулась, с грозным топотом вышли два законных в железо гиганта, каждый на две головы выше Ланаяна. Тролли, мелькнула мысль, конунг их тоже привел, то ли для устрашения, то ли еще зачем, непонятно, взятие власти в этом королевстве не требует таких уж чрезмерных усилий...

Тролли с неожиданным проворством обнажили огромные мечи. Ланаян рубил быстро и люто, но лезвие меча лишь высекало искры о стальные плиты доспехов, а эти громоздкие туши размахивали сверкающими полосами металла размером с доски купеческого забора.

И все-таки он поднырнул под руку одного и всадил лезвие узкого меча в приоткрывшуюся на миг щель между толстыми стальными пластинами. Трольль вздрогнул, начал поворачиваться, Ланаян уже отпрыгнул с обагренным мечом в руках, избежал тяжелого удара со стороны второго тролля.

Я понял, что рано или поздно тролль тоже пропустит смертельный удар, крикнул во весь голос:

— Кроган, лучники!

Кроган прокричал издали:

— Все на месте!

— Пусть ни один не уйдет! — заорал я страшно. — Кто к нам с мечом...

Синее небо потемнело, с востока движется туча странной мошкары, я напряг зрение и рассмотрел множество летящих в нашу сторону гарпий.

— Рассредоточиться! — крикнул я. — Кроган, в первую очередь — небо!

Он поднял голову и охнул.

— Как же этот гад сумел...

— Сумел, — сказал я пристыженно, — а я прохлопал. Даже не подумал, дурак. Нет, конунг просто гений...

Лучники поспешно отступили под защиту деревьев, гарпии разочарованно заорали, не желая ни ломиться через плотные сучковатые ветви, ни опускаться на землю.

Кроган заорал:

— Бей!

Стрелы взвились через листву, длинные и острые. Сверху раздался дикий крик. Стальные жала, что пробивают доспехи, с легкостью пронзали тела, а древки мешали взмахивать крыльями.

На земле их добивали дубинками, везде стоял крик, хлопанье крыльев. Небо посветлело, это уцелевшие гарпии развернулись и полетели обратно.

Ланаян сразил второго тролля, перепрыгнул через его тело, я бросился за ним в распахнутые двери.

В просторном зале, к моему удивлению, множество

придворных, я сразу увидел знакомые лица Сарканла, Иронгейта, Фангера и других заговорщиков, у двери напротив трое мергелей, еще несколько кочевников у окон.

Ланаян закричал во весь голос:

— Вы свободны!

На нас уставились с изумлением и ужасом. Растолкав придворных, навстречу засемила толстая разряженная туша Фангера. Он еще издали завопил тонким голосом:

— Остановитесь!.. Все уже решено!..

Ланаян послушно остановился, королевский советник — фигура на самом высоком уровне, но я ответил дерзко:

— Вы уволены.

Он охнул.

— Что-о-о?

— С конфискацией, — добавил я. — Как и все, кто поддерживает преступный заговор.

Мергели уже проталкивались в нашу сторону, им поспешно давали дорогу.

Я крикнул:

— Ланаян! Быстрее к королю!.. Теперь его постараются убить.

Он спросил с беспокойством:

— А как вы здесь?

— Надеюсь, — ответил я, — не засну. Если нет, добьешь остатки.

Он кивнул, ничуть не удивляясь, что я готов умереть за их династию, как же, весь мир крутится вокруг них, сделал шаг и остановился, будто ударился о стену.

Обе створки дальней двери с грохотом рухнули. Я услышал сдавленный вскрик Ланаяна, а у самого кровь застыла в жилах. Пригибая голову, в зал попыталась втиснуться стальная гора, я видел только блеск стали.

Затрещало, вылетели роскошные косяки и, едва не выламывая глыбы из стен, к нам пролез мой оживший кошмар: огр в доспехах. За ним с таким же трудом, оставляя на

стальном панцире и наплечных пластинах каменную крошку, вошел второй, еще выше и громаднее.

— Сволочь, — прокричал я в страхе, — этот военный генерал успел сделать то, что я только-только держу в планах! Ланаян, отходим!

Его трясло в ярости, зубы стучат, а оба меча в руках мелко-мелко звякают друг о друга.

— Я лучше... паду... здесь...

— Еще один сын степи, — крикнул я. — Пошел-пошел! Я здесь приказываю! Выполняй.

К моему изумлению, он послушно попятился к выходу. Я сцепил зубы и, ухватив арбалет, натянул тетиву до самой дальней прорези. Огры двинулись, как две несокрушимые горы, доспехи толщиной с наковальни, мрамор пола трещит под их весом...

— Стоять! — велел я.

Они зарычали и пошли быстрее. Огромные мечи в их толстых лапах, упрятанных в железо, задвигались, как крылья мельницы под сильным ветром.

Ланаян выскользнул в коридор, я слышал за спиной, как он с кем-то рубится, а мои руки уже вскинули арбалет. Стальная тетива щелкнула чуть громче обычного, в руки толкнуло легкой отдачей.

Я не поверил глазам: локоть огра сверкнул искрами, словно по нему чиркнули точильным камнем. За его спиной рядом со входом грохнуло, выкатились камни, образовав громадную дыру, а дальше глухо и тяжело загрохотало.

Мои пальцы поспешно взвели тетиву, я нажал на спуск, когда огр оказался в двух шагах. Болт ударил его на моем уровне в живот, даже в низ живота.

Раздался металлический лязг, скрежет раздираемого металла. Жуткий рев потряс дворец и тут же оборвался, я повернул арбалет в сторону второго огра, торопливо взвел тетиву. Он был близко и мог бы достать меня мечом, но остановился и потрясенно уставился на груды окровавленного

металла, откуда торчат толстые обломки кости и висят ошметки горячего дымящегося мяса.

— Я не враг, — сказал я быстро. — Я говорил с вождем аяныбеков!.. Вот у меня от него амулет...

Он взревел гулко и страшно, так мог бы закричать смертельно раненный дворец, бросился на меня, почти прыгнул, так и не дав мне вытащить из-за пазухи зуб редкого зверя:

— Это... мой... брат!

Я нажал на спусковую скобу, страшный скрежет разрываемого металла едва не разорвал барабанные перепонки. В лицо плеснуло горячим, а в живот больно садануло.

Глава 16

От двери неслся неумолчный крик. В зал вбежали с десятков мергелей, я впервые увидел на их лицах страх. Не ожидая, когда придут в себя, я натянул тетиву снова, повернул в их сторону и выстрелил.

Болт ушел выше, это не лук Арианта, чьи стрелы можно успеть подправить в полете. Стена над головами мергелей разлетелась вдреизг, калеча их каменными обломками. Потолок затрещал и начал проседать, посыпалась цветная плитка отделки, известь, мелкая крошка, а затем и камешки.

Соседние стены закачались, колонны попытались просесть, но лишь лопнули и рассыпались в мелкие обломки.

Я поспешно бросился вслед за Ланаяном. За спиной тяжело рушится потолок, схлопываются стены, громадные глыбы с силой проламывают мраморный пол.

В спину ударила волна тугого воздуха. Меня почти вынесло наружу, я почти видел, не оборачиваясь, как рухнула и последняя стена, а сверху рушатся перекрытия верхних этажей, все крыло прекрасного дворца тяжело оседает, теряет форму, рассыпается в безобразную гору камней, где торчат обломки дорогой мебели и пугливо блестят начищенные до блеска чаши светильников, теперь жутко погну-

тые. Ветерок, как веселый щенок, ухватил застрявшую между камнями полу украшенного золотым шитьем халата и треплет из стороны в сторону, словно старается вытащить раздавленного камнями ее хозяина.

У самого основания под глыбами быстро темнеет, кровь раздавленных смешивается с пылью.

Ланаян с двумя окровавленными по самые рукояти мечами оглянулся, ярость на лице мигом сменилась страхом. Ему под ноги скатился сломанный и погнутый флюгер.

— Там зачищено, — сообщил я.

Ланаян отпрыгнул, лицо дикое, глаза полезли на лоб.

— Теперь понимаю, — проговорил он сдавленным голосом, — что такое... миротворец! Никто лишний не убит, никто не обижен...

— Побочные потери, — заверил я. — Неизбежные! Они всегда учитываются и потому не считаются.

— Да-да, — сказал он нервно, — по-моему, никто вообще ничего не заметил.

— Так и надо проводить операции, — сказал я, — бесшумно и точно. Где конунг? Что-то у нас все как-то бес толково.

— Ни один план не выдерживает удара о действительность, — сказал он трезво. — Да еще такого... Но думаю, что попытается уйти.

— Что с королем?

— Цел.

— Не убьют?

Он покачал головой.

— Смерть короля конунгу уже не поможет.

— Неужели понимает? — спросил я с недоверием. — Мне казалось, только я один такой умный...

Треск и крики раздалились со стороны главного входа во дворец. Ланаян первым сорвался с места, но застыл, как вкопанный, перед ним гарпию и едва не растянулся во весь рост.

Лучники Крогана, рассыпавшись по саду, часто стреляли вверх. Гарпии за это время попытались повторить атаку, но Крган выполнял приказ и не сводил глаз с неба, сейчас гарпии визжали, вопили, скрежетали, но редкая пыталась снизиться и вцепиться в человека. Ее тут же убивали пиками и ножами, а тех, кто рисковал броситься ей на помощь, встречали градом стрел.

— Хорошо подготовился, — прорычал я со стыдом. — С трехкратным запасом! Как будто знал, гад, что сюда забреду я собственной персоной. Такого бы да мне в помощники...

По веранде второго этажа пробежал в развевающемся цветном халате ярл Элькреф. Он швырнул в меня ненавидящий взгляд и, отворив дверь, исчез в помещении, что ведет к королевской оружейной палате.

Сердце мое сорвалось с ремней и рухнуло в пропасть. Если отыщет Ледяную Иглу или Костяную Решетку, шансы мои даже выжить равны нулю. Бадия с телохранителями уцелел и явно готовит сокрушительный удар, Рогозиф не показывается, что куда опаснее, а еще и сам Элькреф на господствующей высоте, сверху так хорошо выбрать любую цель...

Ланаян прокричал:

— Конунг выходит из дворца!

Я крикнул:

— Не дай уйти! Эта сволочь слишком хитрая и умная. Со второй попытки всем нам рога посшибает.

Я бегом обогнул дворец, из распахнутых ворот высыпала группа мергелей. Одинаково блестя мускулистыми торсами и острыми мечами, самые рослые и могучие, они почти закрыли конунга, а тот с мечом в руке холоден и быстр, зыркает во все стороны, все видит и все замечает, редкая по уму сволочь, ну почему у меня таких мало в помощниках...

Я закричал на бегу:

— Дворец окружен, всем сложить оружие!..

Воины моментально бросились навстречу. Я выстрелил и, забросив арбалет за спину, встретил остальных веерной

атакой. Болт прорубил просеку в их рядах и пробил широкую дыру в стене дворца, но из мергелей никто даже не моргнул.

Я рубил, вертелся, как уж на сковородке, дважды меня полоснули по плечам и один раз по руке, но все ускорял темп, отбивал удары и опасно бил сам, стараясь не дать стиснуть себя на тесном пяточке, когда у них будет свобода удара, а у меня нет.

Я входил в раж, наша нервная жизнь настолько обострила все наши чувства и рефлексы, что даже сейчас, когда буквально стиснули в кольцо, я опережаю всех и в скорости, и в сообразительности, вижу, куда прыгнуть и кого ударить раньше.

Передо мной осталось всего двое, один все пытался зайти со спины, я воспрянул духом, хотя сердце едва не выпрыгивает от напряжения, а соленый пот бежит по раскаленному лицу и сразу испаряется...

...в спину страшно ударило с такой силой, что я услышал скрип и треск собственного позвоночника. В диком усилии я развернулся и разрубил голову зашедшему со спины. На его оторопевшем лице застыло такое изумление, что даже не успел защититься от моего меча, а я ощутил, что в моей спине торчит стальной арбалетный болт.

Отпрыгнув отседающих мергелей, я кое-как парировал их удары, поймал одного на ошибке из-за торопливости, лезвие скользнуло в незримую щель и разрубило ему горло.

Последний оставшийся оскалил зубы, лицо мрачное, но лишь усилил натиск.

Я вскинул меч и прохрипел зло:

— Отправляйся за остальными...

В спину снова ударило, как тараном. Я покачнулся, острое железо пробило меня, как глину, раздробило лопатку и проткнуло легкое. Мергель вздрогнул и, уже не ожидая отпора, сам занес меч. Я с трудом уклонился от меча, мое острие вспорол мергелю брюхо, он выронил оружие и ухва-

тился обеими руками за живот, удерживая выпадающие кишки.

Я начал поворачиваться, отыскивая взглядом арбалетчика. В окне дворца блеснуло, я рассмотрел солнечные искорки на металлической дуге. Человек уже взвел тетиву и подвинул вдоль подоконника тяжелый арбалет, поправляя прицел.

Слева от меня раздался яростный крик, я узнал голос конунга:

— Он смертельно ранен!.. Добейте его!

Сам он, сжимая в руке меч, бросился в мою сторону. Краем глаза я увидел, как с другой стороны выбежал Рогозиф с обнаженным мечом и тоже ринулся на меня. Я старался не потерять сознания, острая боль рвет внутренности, и в этот миг третья острая стрела ударила уже в левый бок. Я услышал треск ребра, боль просто невыносимая, я ощутил, что вот-вот умру.

Всхлипывая, я приподнял арбалет и выстрелил в окно, где все еще тускло блистает в тени металл, а за ним шевелится человек. Отдача вызвала новый прилив острой боли. Я упал на колени, задыхаясь, рот наполнился горячим и соленым. Кровь хлынула бурно, но тут же иссякла до тонкой струйки, исчезла. Я сцепил зубы и тихонько выл, чувствуя, как бесцеремонно и поспешно регенерация сращивает порванные ткани и сосуды.

Из дворца выбежал, прыгая через три ступеньки, высокий красивый кочевник, обнаженный до пояса, но странно белым торсом, на поясе цвета расплавленного золота болтаются тяжелые ножны с резными ручками двух кинжалов. Широкие плечи блестят под солнцем, перед глазами у меня все плывет, но я узнал ярла Элькрефа. Сбросив дорогой костюм придворного короля Жильзака Третьего, он впервые показался сильным и опасным.

В руке длинный хищно загнутый меч, по виду тяжелый, но держит его ярл легко. Он тоже бросился ко мне, лицо темнее грозовой тучи, я даже с такого расстояния ощутил

его злость и услышал тяжелое дыхание. Он бежал, все ускоряясь, глаза мечут молнии.

Я с ужасающей обреченностью ощутил, что регенерация не успевает: болты застряли в спине, пробив легкие и раздробив кости лопаток. Конунг перешел с бега на шаг, я уже на коленях и никуда не денусь, он насмешливо улыбался и красиво поигрывал широким мечом.

Вялая мысль всплыла в охваченном болью черепе: встретить конунга или повернуться лицом к предателю Рогозифу... Нет, конунг подойдет и ударит раньше, он ближе, надо собраться с силами, встать с колен и попытаться поднять меч... Но даже, если смогу парировать первый удар конунга, Рогозиф тут же с разбегу мечом просадит спину насквозь...

Ноги задрожали, но я сумел подняться и выпрямиться во весь рост. За спиной Рогозифа я видел злобно-радостный взгляд бегущего в нашу сторону Элькрефа, мчится, как бык, наклонив голову, в одной руке блистает заточенная сталь меча, другой вытаскивает из-за пояса нож.

Я отвернулся от них к конунгу, тот остановился передо мной и занес над головой широкий клинок.

— Ну вот, — крикнул он с наслаждением, — отправляйся...

Я пытался вскинуть меч навстречу, но мышцы стонут, сумел поднять эту тяжелую полосу металла только на уровень груди. Глаза конунга блестят, как высушенная на солнце рыба чешуя, лицо горит в сладострастном предвкушении счастья. Он набрал в грудь воздуха, чтобы не просто разрубить, а рассечь пополам...

...в этот миг сзади, задев мое ухо, пронеслось нечто вроде бешено хлопающего крыльями воробья. Чавкнуло, словно в болото бросили камень. Конунг вздрогнул всем телом, левый глаз расширился до предела, а правую глазницу закрыла резная рукоять ножа. Мощный и точный бросок вогнал нож с такой силой, что острие наверняка уперлось в затылочную кость.

Я тупо смотрел, как великий вождь и стратег опускается

на колени, рот распахнут в безмерном удивлении. За спиной топот перешел в быстрый шаг.

Элькреф перепрыгнул через тело Рогозифа, тот в быстро расширяющейся луже крови лежит лицом вниз с раскрытым затылком, на предплечье ярла кровоточит небольшая рана, еще один мелкий порез на левом боку, кровь слегка испачкала блестящий золотом пояс. Он коротко взглянул на расprostертое тело конунга, лицо каменное, нижняя челюсть злобно выдвинута.

— Лекарь нужен? — спросил он с холодной враждебностью. Наклонился, выдернул из раны нож, вытер об одежду конунга и сунул в ножны. — Нужен, спрашиваю?

— Ему... нет, — пробормотал я.

— Тебе, — процедил он сквозь зубы. — Из тебя хлещет, как из недорезанной свиньи...

Я пробормотал:

— ...кем я и являюсь, понятно.

— Тебе виднее, — сказал он, — но если надо, полечат. Вон болты торчат.

— Уже нет, — проговорил я стонущим голосом, ухватился и, пока не успел испугаться такому безумству, мужественно выдрал один за другим. Боль стегнула с такой острой мощью, что я вскрикнул, как раненый заяц. — Э-э... хороший бросок. Ты мне чуть ухо не отстриг...

— Загораживал, — буркнул он.

— Вообще-то я думал, — проговорил я честно, — это ты меня...

Он вскинул брови.

— Из арбалета? Никогда не возьму в руки оружие детей и женщин. Оружие мужчины — лук!

Боль быстро уходит из моего измученного тела, но в черепе все еще вялая тупость, я пробормотал глупо:

— Тогда кто?

— Ты его убил, — ответил он сухо. — Это Раберс. Из окна стрелял он.

К нам подбежал Ланаян в багровых от крови доспехах, волосы слиплись, на бровях красные капли.

— Уцелевших взяли, — отпарентовал он. — Почти всех разбойники побили стрелами, но парочку я велел оставить для виселицы.

— Хорошо, — сказал я.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Господин Рич... нас ждут перемены?

Я кивнул.

— Комета сулит добро.

Элькреф скривился, повернулся, намереваясь уходить, я ухватил его за непривычно голый локоть.

— Нет-нет, погоди. Ты куда собрался такой красивый?

Он досадливо повел плечом, но я держал крепко. Со ступеней сбежала Элеонора, в руке длинный кинжал с узким лезвием, лицо раскрасневшееся, волосы растрепались, глаза горят, как звезды. Никогда она не казалась такой гордой и красивой.

— Это Раберс пытался убить Рича! — прокричала она. — Я думала, это ты, Элькреф!

Элькреф поморщился.

— С какой стати все так думают? Ты сказала, будешь счастлива только с... этим человеком. Я помог ему уцелеть для тебя.

Подошли Кrogан, Барсук и Ухорез со своими людьми, держатся скованно. Элеонора посмотрела на меня, на ярла. Внезапно ее темные как ночь глаза наполнились светлой блестящей влагой.

— Элькреф!.. Прости!.. Рич прав, я все-таки дура. И не понимала... Ты сделал то, чего не сумел бы никто из мужчин. Ты и сейчас готов отказаться от самого для тебя ценного! Ты отдаешь больше, чем жизнь... Ты хотел вернуться в степь? Я тебя не отпущу. Прости! Я знаю, только ты мне нужен.

Лицо Элькрефа вспыхнуло, словно внутри черепа зажглось солнце.

Я пытался сделать вид, что мне очень жаль, такая женщина меня променяла на этого красавчика, но вдруг ощутил с изумлением, что жаль в самом деле. Еще вчера представлял, как красиво уйду в загадочную даль, а она будет вспоминать обо мне, мрачном и таинственном, а тут на тебе: иди-иди, я была душой, теперь нашла получше.

— Ты сделала верный выбор, — сказал я то, что нужно говорить вне зависимости от того, что чувствуешь и даже думаешь. — Желаю вам счастья, успеха и кучи здоровых счастливых детей.

Элькреф схватил мою руку и крепко сжал.

— Спасибо.

— Не за что, — ответил я. — Мужчины понимают друг друга.

Глаза Элеоноры растроганно блестели. Она крепко взяла ярла за руку, их пальцы переплелись. Он обнял ее за плечи, сияющий и счастливый.

Я держал на лице улыбку, не давая ей превратиться в гримасу. Единственное, что все-таки утешает, сэра Сатана получил крепкий щелчок по носу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	57
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	84
Глава 10	95
Глава 11	102
Глава 12	111
Глава 13	122
Глава 14	133
Глава 15	140

ЧАСТЬ 2

Глава 1	147
Глава 2	158
Глава 3	168
Глава 4	178
Глава 5	186
Глава 6	193
Глава 7	203
Глава 8	210
Глава 9	220

Глава 10.	231
Глава 11.	240
Глава 12.	251
Глава 13.	261
Глава 14.	268
Глава 15.	281

ЧАСТЬ 3

Глава 1	293
Глава 2	301
Глава 3	310
Глава 4	318
Глава 5	327
Глава 6	336
Глава 7	342
Глава 8	353
Глава 9	361
Глава 10.	378
Глава 11.	387
Глава 12.	399
Глава 13.	410
Глава 14.	417
Глава 15.	427
Глава 16.	436

Литературно-художественное издание
БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ВИЛЬДГРАФ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Литературный редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Павлова*
Корректор *Э. Казанцева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 19.10.2009
Формат 84 108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 55 100 экз. Заказ № 7974

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-38906-3

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**

International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-38906-3

9 785699 389063 >

Риц@рд

Длинные Руки —
вильдраф

